ЭРИХ ХОНЕККЕР

Из моей жизни

DR 30

ЭРИХ ХОНЕККЕР

Из моей жизни

ЭРИХ ХОНЕККЕР

Из моей жизни

Москва
Издательство
политической
литературы
1982

Хонеккер Э.

Х77 Из моей жизни: Пер. с нем.— М.: Политиздат, 1982.— 367 с., 1 л. портр.

В воспоминаниях Генерального секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета ГДР товарища Эриха Хонеккера рассказывается о его жизненном пути, о том, как он стал коммунистом, о годах борьбы в рядах партии Тельмана, образовании и развитии ГДР, о работе на посту партийного и государственного руководителя, о братском сотрудничестве между СЕПГ и КПСС, ГДР и СССР.

Книга рассчитана на массового читателя.

Х $\frac{0900000000-382}{079(02)-82}$ КБ—30—8—82

66.61 (4Ге)
3КИ1 (092)

Предисловие

Издание моей автобиографии на русском языке я рассматриваю как новую возможность отдать должное отношениям тесной дружбы, существующим между Социалистической единой партией Германии и Коммунистической партией Советского Союза, Германской Демократической Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик, между народами наших стран.

В августе 1930 г. я, в то время член партии Эрнста Тельмана — Коммунистической партии Германии, совершил свою первую поездку в страну победоносного Красного Октября. Тогда я глубоко почувствовал огромную силу вызванных им революционных преобразований. То было время развернутого наступления социализма по всему фронту. С глубоким волнением знакомились мы, немецкие коммунисты, с историческими достижениями советского народа, которых он добился в тяжелых для страны внутренних и внешних условиях под руководством своей большевистской партии и ее Центрального Комитета.

Это пребывание в Москве и участие затем, летом 1931 г., в строительстве металлургического комбината им. В. И. Ленина в Магнитогорске произвели на меня незабываемое впечатление и решающим образом повлияли на всю мою дальнейшую жизнь. Я еще больше полюбил страну Ленина и ее людей, еще большее восхищение вызвал у меня героизм их труда и борьбы за новый мир.

Полтора десятилетия спустя, в 1947 г., мне посчастливилось вновь побывать в Советском Союзе уже в качестве члена Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии и председателя Союза свободной немецкой молодежи. Это был официальный визит в Москву делегации нашего союза молодежи по приглашению Антифашистского комитета советской молодежи, который стал вдохновляющей манифестацией дружбы и общего стремления обеспечить прочный мир.

С тех пор я часто бывал в Советском Союзе и неоднократно встречался с руководителями КПСС и Советского государства, с трудовыми коллективами на предприятиях, в колхозах и совхозах, с деятелями науки и культуры, с воинами славных вооруженных сил. Это были братские встречи соратников по борьбе, друзей и интернационалистов, которые могут положиться друг на друга в любой обстановке.

За три десятилетия существования Германской Демократической Республики полностью подтвердилось, что дружба с Советским Союзом является основой всех успехов, достигнутых нашим народом на пути строительства социализма. Этот тесный союз является нашим величайшим завоеванием, он глубоко укоренился в сознании людей, определяет их мысли и поступки. Он нерушим.

Пусть эта книга поможет читателям еще ближе познакомиться с социалистической Германской Демократической Республикой, с ее возникновением, ставшим возможным в результате победы Советской Армии в Великой Отечественной войне над гитлеровским фашизмом, с ее становлением и развитием, с ее нынешним обликом. Это будет новым вкладом в дело дружбы и сотрудничества наших народов в духе великих идеалов Маркса, Энгельса и Ленина, нашей общей борьбы за социализм и коммунизм, за мир.

ЭРИХ ХОНЕККЕР

1.
Из рабочей семьи

Радоваться ли нужно или сетовать на то, что человеку не дано помнить, как он родился? Вероятно, так лучше. Несмотря на прогресс в медицине, матери, как и прежде, рожают детей в мучениях, которые к тому же усугубляются душевными переживаниями. В особенности тогда, когда радость, вызванная появлением новорожденного, омрачается заботами: каким образом обеспечить для него сносные условия, как этого хотят родители? А времена стоят трудные, жилье холодное и слишком тесное. В доме голодно. Доходов родителей при всем их трудолюбии и бережливости не хватает, а кормилец может в любой день потерять работу.

Каково было на душе у моей матери в то памятное воскресенье, 25 августа 1912 г., когда она в Нойнкирхене в доме № 26 по Карлштрассе (сейчас Макс-Браунштрассе, 26) в нашей небольшой квартире-мансарде произвела меня на свет? А каково было моему отцу, Вильгельму Хонеккеру, родившемуся 8 марта 1881 г. в Вибельскирхене (в 1912 г. ему был, следовательно, 31 год), шахтеру по профессии? Моей матери было 29 лет. Она, урожденная Каролина Вайденхоф, родилась 2 июня 1883 г. в Нойнкирхене. 9 декабря 1905 г. мои родители заключили друг с другом жизненный союз. Они были счастливы, любили детей. Отец и мать всегда делали для детей и внуков все, что было в их силах.

Конечно, было много поздравлений от родственников и знакомых по случаю рождения мальчика, появившегося на свет в воскресенье. Однако это воскресенье принесло Каролине Хонеккер и ее мужу не только радость, им теперь предстояло заботиться о четырех детях: о Катарине (ее мы звали Кетэ), родившейся 19 февраля 1906 г., о Вильгельме (его мы звали Вилли), он родился 22 сентября 1907 г., о Фриде, появившейся на свет 11 мая 1909 г., и о родившемся в воскресный день «баловне судьбы». Позднее появились еще двое детей: Гертруда, которая родилась 8 марта 1917 г., и Карл-Роберт, родившийся 12 февраля 1923 г. Шестеро детей в семье в то время были не редкостью. Однако вырастить их моей матери было нелегко. Я сохранил о ней память как о стойкой и трудолюбивой женщине из народа.

Нойнкирхен, согласно «Малому энциклопедическому словарю» Брокгауза издания 1914 г., являлся «населенным пунктом в прусском правительственном округе Трир на реке Блис, насчитывал 34 539 жителей (по состоянию на 1910 г.), имел суд низшей инстанции, две горные инспекции, реальную гимназию, металлургический завод (братьев Штумм), угольные шахты, цементную фабрику». Это был прокопченный рабочий поселок, где не хватало ни солнца, ни кислорода. В душных жилищах со спертым воздухом свирепствовал туберкулез — болезнь пролетариев, жертвой

которой стала и моя старшая сестра, наша Кетэ, скончавшаяся 29 августа 1925 г. в возрасте 19 лет. Почти за полгода до моего рождения умер мой дед Андреас Хонеккер, проживавший в деревне Вибельскирхен (8719 жителей по состоянию на 1910 г.), лежащей близ Нойнкирхена. Всю свою жизнь он проработал шахтером; в 1869 г. он построил там себе домик. В этот небольшой и уже не новый, унаследованный от деда шахтерский дом по Вильгельмштрассе, 64, мы переехали 1 декабря 1913 г. Наше новое жилище состояло из четырех комнат на втором этаже и двух комнат на чердаке. Двухкомнатная квартира на первом этаже сдавалась. К дому прилегал сад, также принадлежавший деду. Мои родители были счастливы, отмечая 8-ю годовщину своей свадьбы в стенах собственного дома.

Перемена места и обстановки потребовала от Хонеккеров, конечно, усилий, но кое-что и несколько облегчила. Саарские шахтеры подвергались в то время жесточайшей эксплуатации. За смену под землей, продолжавшуюся до 10 часов, саарский шахтер получал в 1912 г. на казенной шахте (рудники, находившиеся во владении прусского государства) в лучшем случае 4,83 марки, тогда как оплата труда за смену на горных предприятиях в Рурской области составляла все же 6,02 марки. В то же самое время с 1909 по 1912 г. резко возросли средние розничные цены на основные продукты питания рабочих семей.

Заработная плата в Сааре была явно ниже прожиточного минимума. Шахтовладельцы, конечно, учитывали, что не менее одной трети саарских шахтеров являлись полупролетариями — помимо шахтерского труда они со своими семьями обрабатывали небольшой участок земли и содержали корову, свинью или хотя бы козу, чтобы обеспечить таким путем воспроизводство своей рабочей силы, которую они продавали промышленным магнатам. Кто в таких условиях намеревался накопить денег на содержание пусть даже самого скромного домика, должен был ежедневно работать по полторы смены, а также заставлять подрабатывать жену и детей — и это в то время, когда не существовало ни общественного питания на предприятиях, ни общедоступных детских садов или хотя бы детских яслей.

Годы, предшествовавшие 1914 г., позднее часто называли «добрым старым временем». В действительности же это были годы растущей капиталистической эксплуатации и политического угнетения. В Пруссии до 1918 г. существовало трехклассное избирательное право — в зависимости от уровня доходов. Рабочие фактически были бесправными. Стоимость жизни в германском рейхе выросла с 1900 по 1912 г. в среднем на 30%, в то время как реальная заработная плата в 1912 г. составляла в среднем всего лишь 97% заработной платы 1900 г. В то же время пресловутые «десять тысяч избранных» получали невероятно высокие прибыли. Только в Пруссии доходы узкого круга богачей подскочили в целом с

2,35 млрд. марок в 1900 г. до 3,81 млрд. в 1912 г. Однако «доброе старое время» до 1914 г. было отмечено не только усилением эксплуатации. Его характеризовала также растущая военная опасность. Германский империализм, который опоздал к разделу мира и считал себя обделенным, неудержимо стремился к экономической, военной и политической экспансии. Поэтому для классово сознательных пролетариев это были годы повседневной упорной борьбы за свои экономические, социальные и политические права, трудные годы сопротивления милитаризму и шовинистической травле, годы сложной борьбы против многообразных реакционных махинаций, связанных с переходом капитализма к его империалистической стадии развития. В Нойнкирхене шахтерам и рабочим металлургической промышленности пришлось непосредственно столкнуться с человеком, который поистине олицетворял германский империализм,— с промышленным магнатом Карлом Фердинандом фон Штумм-Гальбергом, владельцем концерна Штумм, головное предприятие которого, металлургический завод в Нойнкирхене, находилось недалеко от моего родного дома.

Карла Штумма, получившего в 1888 г. дворянский титул, в нашей семье иронически называли «королем Штуммом» или «королем Саарской Аравии», имея в виду деспотизм, с которым этот могущественный саарский владелец концерна и личный друг германского кайзера Вильгельма II управлял своей промышленной империей. Карл Штумм, опытный промышленник, уже давно наживавшийся на военных поставках, после франко-прусской войны 1870—1871 гг. и аннексии Эльзаса и Лотарингии стал хозяином нескольких находившихся там крупных горно-металлургических заводов, объединив их с унаследованными им саарскими владениями в крупное монополистическое предприятие. В 90-е годы прошлого столетия он выступил как рьяный поборник нового исключительного закона против социалистов для подавления революционной социал-демократии. Этот период был назван его именем — «эра Штумма»; то было время социально-политического регресса, затмившего даже эру Бисмарка.

На своих предприятиях Штумм держал себя покровительственно, разыгрывал роль патриарха, но запрещал любую профсоюзную деятельность и преследовал социалистов запретами на профессии. Таким образом, не удивительно что классовая борьба против династии Штуммов стала семейной традицией Вайденхофов — мой дед со стороны матери был сталепрокатчиком на металлургическом заводе в Нойнкирхене и революционным социал-демократом,— а также и традицией семьи Хонеккеров. В этой «наследственной вражде» с «королем Штуммом» наша семья находилась в хорошем, скажем прямо, в самом хорошем обществе. Реакционные порядки, установленные Штуммом, были так ненавистны пролетариям, которым приходилось терпеть от него столько бед, что многие из них теперь стали голосовать за социал-демократов.

На выборах в рейхстаг в год моего рождения, в 1912 г., кандидат от социал-демократов в Вибельскирхене получил большинство голосов. С тех пор наш поселок стали называть «красной деревней».

Однако недовольство «королем Штуммом» росло не только в Саарской области, его произвол был осужден всеми видными представителями немецкого революционного рабочего движения: Фридрихом Энгельсом, лучшим другом Маркса и одним из основателей научного коммунизма, Вильгельмом Либкнехтом, Августом Бебелем, Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и Кларой Цеткин.

В письме Бебелю от 19 февраля 1892 г. Фридрих Энгельс указывал на два течения, возникшие внутри германской буржуазии и определявшиеся различным отношением к монархической и юнкерской касте. «Сейчас в Германии,— писал Энгельс из Лондона,— как будто побеждает второе течение, причем промышленные короли à la Штумм и акционеры промышленных обществ в большинстве стоят, конечно, на стороне отжившей реакции». Энгельс с большим интересом следил за выступлениями Бебеля против Штумма в германском рейхстаге.

Мой дед, Георг Вайденхоф, которому всегда было присуще свойственное многим саарцам чувство юмора, в годы кануна первой мировой войны являлся большим любителем сатирического журнала «Дер варэ Якоб», часто публиковавшего карикатуры на «короля Штумма». Жадность разбогатевшего, получившего дворянский титул сына торговца скобяными изделиями, его вечно напыщенные тирады в защиту нравственности — он особенно любил упрекать социалистов в вероломстве, в стремлении ввести «свободную любовь» и отказаться от «священных уз семьи»,— а также его производившие комический эффект неуклюжие попытки возводить преграды быстро набиравшему силы «красному потоку» — все это делало промышленного магната из Нойнкирхена и владельца замка излюбленной мишенью для насмешек сатириков и карикатуристов.

Когда 8 марта 1901 г., в день двадцатилетия моего отца, барон скончался в замке Гальберг под Саарбрюккеном, «Дер варэ Якоб» посвятил ему прощальную поэму «Король-молотобоец», а также «некролог», в котором оплакивал потерю такого хорошего объекта для своей сатиры. Саарские шахтеры еще долго помнили такие строки из «Короля-молотобойца»:

Искры гнева сыплет кру́гом,
Колотит нас друг за другом
Свирепо и жестоко
Король-молотобоец.
Но от ударов крепнет сталь.
И хоть дрожит от них наш дом,
Мы не сдались.
И смело в грядущее идем.

К тому времени в Нойнкирхене уже ни для кого не являлось секретом, что «король Штумм» и его сыновья поставляли броневые плиты и броневые башни для безрассудной программы строительства военно-морского флота кайзера Вильгельма и зарабатывали на этом, как и пушечный король Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, дополнительные миллионы прибыли. Было также ясно, что сооружение военного флота и провозглашенный кайзером лозунг «Наше будущее — на воде» не могли не восприниматься в Англии как открытый вызов.

18 апреля 1913 г. Карл Либкнехт произнес в рейхстаге свою знаменитую речь о «международной солидарности капитала». Он остановился также на династии Штуммов, разоблачив ее опасное лицемерие. С одной стороны, утратив всякое чувство меры в демонстрации своего показного патриотизма, Штуммы при помощи находившейся на их содержании газеты «Пост» развернули кампанию безудержной травли против «заклятого врага» — Франции. С другой стороны, концерн Штумма, в который был вложен французский капитал, поставлял выпускаемое им оружие также и «заклятому врагу». «Мы никогда не сомневались в том,— заявил Либкнехт,— что капитал не признает отечества и при этом он тем менее патриотичен, чем больше заявляет о своем патриотизме».

Теперь мы знаем, как прав был Карл Либкнехт, говоря об абсолютной бессовестности, «свойственной капиталу при удовлетворении его потребности в прибылях». В «доброе старое время» международный альянс фабрикантов оружия и реакционеров-милитаристов не гнушался ничем, чтобы любыми средствами вести дело к прибыльной для них войне, к войне, от которой в октябре 1891 г. предостерегал Фридрих Энгельс, предсказывавший, что в ней «от пятнадцати до двадцати миллионов вооруженных людей стали бы истреблять друг друга и опустошили бы Европу так, как она еще никогда не была опустошена...».

Спустя четыре года, в апреле 1917 г., фамилия нажившегося на войне Штумма вновь появилась в четвертом выпуске «Писем Спартака». Нелегальный орган немецких левых полемизировал с правыми лидерами профсоюзов, выступившими в августе 1914 г. за войну, которые и в третью военную зиму не переставали призывать доведенных до нищеты рабочих военных предприятий к увеличению выработки. «Поистине,— говорилось в «Письмах Спартака»,— даже покойный ныне барон фон Штумм, безжалостно эксплуатировавший рабочих, деспот Саарской Аравии, не относился с таким равнодушием и презрением к массам, как мелкие выскочки, стоящие во главе свободных профсоюзов».

Эта полная сарказма констатация факта дает представление о возмущении, с которым классово сознательные рабочие реагировали тогда на предательство правых лидеров социал-демократии и профсоюзов. Предательство, совершенное в августе 1914 г., было

также главной причиной того, что множество шахтеров в Вибельскирхене и в других местах отвернулось от Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Разочаровавшись в социал-демократии, многие рабочие, среди которых был и мой отец, стали позднее членами Коммунистической партии Германии (КПГ), созданной на рубеже 1918—1919 гг. И с тех пор большинство трудящихся «красного Вибельскирхена» не раз отдавало свои голоса коммунистам.

Когда началась первая мировая война, мне исполнилось всего лишь два года. Я был еще слишком мал, чтобы сознательно воспринимать события начала войны, хотя ее последствия не могли не омрачить мое детство, оказав значительное влияние на мой дальнейший жизненный путь. Мои самые первые собственные воспоминания связаны с войной: отец — «на поле брани», мать — в длинной очереди в булочную, хлебные карточки, молока нет, с картошкой туго, угля не хватает, поношенные одежда и обувь, доставшиеся мне от старших брата и сестер, и все время — чувство голода.

В самый разгар войны появилась фотография, на которой запечатлены моя мать, старшие брат, сестры и я. «Семья без отца» — так можно было бы назвать эту фотографию, которая пробуждает прежде всего воспоминания о самоотверженности моей матери, отдававшей все свои силы детям. В то время еще не существовало финансовой помощи рабочим семьям, кормильцы которых «ушли на войну». Женщины должны были сами думать о том, как прокормить детей. Как часто матери приходилось голодать, чтобы утолить наш голод! Как настоящая мастерица, она строчила на своей швейной машине или суетилась у кухонной плиты. Из старых вещей она могла сшить новое платье, а из самых скудных запасов — сварить вкусный суп. Усердие, любовь к порядку и бережливость были ее добродетелями.

Часто мы, дети, тайком лакомились сиропом из кухонного шкафа или принимались за картофельный суп, сготовленный на завтра. Шлепков за это не бывало, одни только увещевания. Телесные наказания в нашей семье отвергались. Отец и мать и без наказаний сумели воспитать нас порядочными людьми. Правда, один раз — это произошло, помнится, вскоре после окончания войны — отец все же дал мне взбучку. Так как это был исключительный случай, я его не позабыл: из копилки у матери я взял несколько пфеннигов, чтобы купить шарики и поиграть с другими детьми. Но один раз не считается, говорили у нас.

Когда в апреле 1918 г. меня приняли в первый класс народной школы, мировая война уже бушевала четвертый год. Позади была тяжелая военная зима 1917/18 гг. Империалистическая война со всеми ее бедствиями стала тяжелым испытанием моего детства. И еще одно событие запечатлелось в моем сознании: известие о Красном Октябре в России и надежды, связанные с этим изве-

стием. Еще не закончился мой первый учебный год, как в Германии произошла Ноябрьская революция 1918/19 гг.

Вскоре после начала войны отцу пришлось оставить нас. Он служил матросом на кайзеровском военно-морском флоте в Киле, Вильгельмсхафене и некоторое время морским пехотинцем во Фландрии. Из Остенде и других бельгийских городов он присылал матери открытки. Солдаты-ополченцы пели тогда:

Фландрия — красивая земля,
Тра-ла-ли, тра-ля-ля-ля.
В ней живет девчоночка
Тра-ла-ли, тра-ля-ля-ля...

Однако война — это было не только «тра-ла-ли, тра-ля-ля-ля». Она приняла другой оборот, чем это представлялось «Его Величеству Кайзеру» и его ура-патриотам. «Его Величество» были высланы в Голландию. Мой отец живым и невредимым возвратился с полей сражений. В революции он принимал участие в Киле.

Когда отец, будучи уже членом Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ), вернулся в Вибельскирхен, там действовал Совет рабочих и солдат. В революционные дни в начале ноября 1918 г. флаг с кайзеровским орлом на здании военного склада в Вибельскирхене был спущен и поднят красный флаг. Он развевался там до конца ноября 1918 г., пока не пришли французские оккупационные войска. Революция в Сааре закончилась.

Однако мы, Хонеккеры, не забывали красное знамя. Мы всегда шли за ним. Никто не изменил ему, хотя, когда возник «тысячелетний рейх» Адольфа Гитлера, Роберта, моего младшего брата, родившегося в 1923 г., заставили вступить в молодежную организацию «гитлерюгенд». Именно потому, что наш отец, уже давно ставший коммунистом, которого знал весь город, представлял интересы шахтеров и был одновременно членом общинного представительства в Вибельскирхене, фашисты, вошедшие в 1935 г. в Саарскую область, вознамерились сделать из Роберта Хонеккера «маленького фюрера». Это закончилось трагически: во время второй мировой войны мой брат попал в территориальных водах Греции в плен к англичанам и затем оказался в Египте, где ему пришлось жить в тяжелейших условиях, днем на жаре и ночью на холоде, под открытым небом в песках пустыни. Там он тяжело заболел и скончался в Вибельскирхене 30 октября 1947 г., через несколько недель после своего возвращения.

Мой старший брат Вилли, который был и остался коммунистом, оказался вынужденным, несмотря на хроническую болезнь желудка, почти в самом конце второй мировой войны служить в гитлеровской армии в качестве водителя. 21 апреля 1944 г. он погиб в Венгрии. Его могилу не удалось разыскать и по сей день. Как уже говорилось, моя сестра Кетэ умерла 29 августа 1925 г. от туберкулеза. Мать прожила до 22 апреля 1963 г., отец — до 4 декабря

1969 г. Они окончили свой трудовой и исполненный борьбы жизненный путь коммунистами в Саарской области. Так как моя сестра Фрида скончалась 29 ноября 1974 г., то от семьи Хонеккеров остались в живых моя сестра Гертруда, живущая в родительском доме, и я.

Вспоминая теперь родительский дом в Вибельскирхене, хочу сказать: это было трудное, но все же хорошее детство. Нам повезло, что Ноябрьская революция вернула нам отца. Он хотел, чтобы его дети сделали должные выводы из уроков тех лет, когда произошла первая мировая бойня, в которой погибли миллионы людей. Тогда еще не было ни радио, ни телевидения. Свое чрезвычайно ограниченное свободное время родители использовали для политического воспитания детей, для бесед с ними. Я хорошо помню, как терпеливо и доходчиво отвечал отец на интересовавшие меня вопросы. Он говорил о том, что семья должна быть дружной и сплоченной, он давал мне первые уроки классовой солидарности. Мы, Хонеккеры, не поддались яду национализма. Мы воспитывались как пролетарские интернационалисты и смотрели на вещи с точки зрения рабочего класса.

Тогда кое-кто приписывал революционным рабочим, что ими, якобы, руководят зависть и недовольство. Это чепуха. Мы были против капиталистической системы эксплуатации, а не против «благородных людей». К некоторым из них мы питали искреннее уважение: например, к прелату католической церкви Иоганну Шютцу (хотя мы были евангелистами и в 14 лет вышли из церкви), к монахиням из находившегося напротив родительского дома монастыря Иоганнеса, которые с любовью ухаживали за моей сестрой Кетэ в период ее болезни и часто приносили что-нибудь поесть мне, моим братьям и сестрам, или к Петеру Рёзеру, директору евангелической школы в Вибельскирхене, в которую я ходил с третьего по восьмой класс. Как потом мне рассказывали, он еще долго вспоминал меня, даже в период моего заключения в тюрьме Бранденбург-Гёрден, куда он мне передавал приветы.

В нашем доме в Вибельскирхене с конца 1918 г. регулярно встречались коллеги и товарищи моего отца. Он не проявлял недовольства, когда, несмотря на его просьбы не мешать, я забирался к нему в комнату, в которой велись дискуссии по самым различным политическим вопросам, и прежде всего о положении в горной промышленности, на металлургическом заводе и на шахте Дешен, где мой отец десятки лет, вплоть до своего увольнения в 1935 г., был доверенным лицом шахтеров и следил за обеспечением безопасности труда.

Иногда вечерами собравшиеся слушали моего отца, который читал им вслух труды Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Конечно, я в то время почти ничего не понимал. Однако атмосфера таких встреч, настойчивые поиски ответов на волновавшие вопросы, взаимное доверие со-

бравшихся, их стремление к революционному изменению жизни, а также имена великих революционеров, чьи слова я слышал из уст своего отца,— все это захватывало воображение, оставляло неизгладимое впечатление.

В те годы я впервые услышал также имя Владимира Ильича Ленина. «Мы должны действовать, как Ленин»,— говорилось на собраниях. Действовать, как Ленин,— к этому всегда стремились немецкие коммунисты, и тогда и в последующие годы. Почему эти усилия десятилетиями не давали желаемого результата, подробно изложено в произведении «Эрнст Тельман. Биография», увидевшем свет в Берлине в 1979 г. Перелом наступил после второй мировой войны на территории Германской Демократической Республики, которая была образована в 1949 г. и с развитием которой, как это будет показано дальше, тесно связаны лучшие годы моей жизни.

Тогда, в дни Ноябрьской революции и в годы послевоенного революционного кризиса, отец простыми словами объяснял мне, отчего богачи богаты, а бедняки бедны, почему происходят войны, кто обогащается на войнах и кто от них страдает. Многое для меня стало понятнее. Я получил четкое представление о том, что происходит в мире, и решил посвятить свою жизнь борьбе за мир во всем мире и социализм. Это стало целью всей моей жизни.

Я не могу припомнить ни одного момента в своей жизни, когда бы я усомнился в правоте нашего дела — ни в детстве, ни в юности, ни в годы политической работы в Коммунистическом союзе молодежи Германии и в рядах Коммунистической партии Германии, ни в антифашистском движении Сопротивления в 1933—1935 гг., ни в фашистских застенках в 1937—1945 гг., ни в штаб-квартире государственной тайной полиции (гестапо) на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине в декабре 1935 г., ни перед «народным судом» в июне 1937 г., ни в казарме охранного полка «Адольф Гитлер», отряда фашистской охранки (СС) в конце 1935 г., ни перед лицом палачей, которые в течение полутора лет предварительного заключения постоянно маячили по соседству со мной.

2.
В рядах юных спартаковцев

Летом 1977 г., в связи с моим 65-летием, радио- и телевизионные компании Федеративной Республики Германии сочли необходимым опросить некоторых из моих бывших школьных товарищей в Вибельскирхене о том, что они помнят обо мне. Репортеры, которые обычно пишут о ГДР только плохое, сообщили, что получили отовсюду ответы с весьма положительными отзывами. Он был, мол, «добрый парень» и «умел хорошо считать в школе». Опрошенные вспоминали также, что «Эрих уже рано, очень рано начал заниматься политической деятельностью». И это действительно так. Незадолго до того как мне исполнилось 10 лет, летом 1922 г., я вступил в коммунистическую детскую группу в Вибельскирхене. Я как раз тогда перешел в пятый класс народной школы. В школе с неприязнью относились к тому, что я был членом детской коммунистической организации. Но мне там нравилось, и она мне многое дала.

Коммунистическая детская группа в Вибельскирхене, в которую вскоре входили уже около 50 девочек и мальчиков школьного возраста, имела многообразную интересную программу. Мы вместе совершали экскурсии (разумеется, с песнями), любовались красотами природы и ближе знакомились с нашей родиной, Сааром. Мы занимались спортом, ставили пьесы, например «Спартак — освободитель рабов», разучивали песни для собраний и митингов партии, проводили занимательные и познавательные встречи, собираясь для этого иной раз в мансарде моего родительского дома.

О магнитофонной музыке тогда никто и не помышлял. И пели мы сами, например, популярную и по сей день молодежную песню:

Когда мы шагаем
Плечом к плечу
И песни распеваем,
А лес их повторяет,
Мы чувствуем, мы знаем:
С нами новое идет!
С нами новое грядет!

Для нас, детей пролетариев, было совершенно естественным идти «плечом к плечу». Индивидуализм элиты, оторванность от коллектива, нередко свойственные сынкам крупной буржуазии, были нам чужды. В коммунистической детской группе мы ощущали силу общности, силу, которая берет свое начало в политической организованности рабочего класса. Эта общность предвосхищала лучшее будущее, вселяла надежду на новые времена, за которые мы боролись, будучи еще детьми.

Да, мы распространяли партийные листовки, продавали партийные газеты, прежде всего газету «Арбайтер-цайтунг», орган КПГ в Саарской области, издававшийся со 2 января 1922 г., собирали пожертвования в фонд солидарности с бастующими рабочими и с Советской Россией, участвовали в политических митингах. На демонстрациях, например по случаю 1 Мая, мы часто шли в первых рядах, когда нужно было прорвать полицейские кордоны. Уже в ранней юности мы ощущали себя подлинными соратниками в великом пролетарском движении, юными спартаковцами, как позднее, с 1924 г., стали называть себя официально, после того как коммунистические детские группы были объединены в рамках Союза юных спартаковцев, детской организации КПГ.

Оглядываясь назад, могу сказать, что коммунистическая детская группа в Вибельскирхене работала активно и находчиво, в соответствии с «Тезисами по созданию коммунистических детских групп», которые были приняты в декабре 1920 г. в Берлине на всегерманском съезде коммунистической молодежи Германии и опубликованы в январе 1921 г. в «Ди юнге гарде». Тезисы заклеймили позором «духовное и физическое уродование», которому в капиталистическом обществе подвергались миллионы детей пролетариев. «Эти факты,— отмечалось в тезисах,— вынуждают пролетариат активнее, чем раньше, взять в свои руки защиту и воспитание своего подрастающего поколения». Основными задачами, стоявшими перед коммунистическими детскими группами, были: «объединение детей пролетариев», «пробуждение классового сознания», «воспитание в духе пролетарской солидарности и борьбы против эксплуататоров», «публикация статистического материала о нищете среди детей», а также агитация и действия, направленные на «улучшение материального положения детей».

Конечно, и другие партии в то время тем или иным способом также пытались организовать детей, привлечь их на свою сторону. Но ни одна партия не уделяла с самого начала столь много внимания работе с детьми и подростками, как коммунистическая. Это объяснялось прежде всего революционной сутью деятельности коммунистов. Они боролись за лучшее будущее, которое должно было обеспечить трудовому народу и прежде всего детям лучшую жизнь. Дети были олицетворением светлого будущего, как представляли его себе революционеры.

В классовых боях тех лет, с их многочисленными жертвами, в обиходе появились горькие слова, что коммунисты, мол, «в отпуске у смерти». «А будем ли мы живы или нет,— пророчески писал Карл Либкнехт в «Ди роте фане», вышедшей 15 января 1919 г., в день его убийства,— когда удастся достигнуть цели, все равно — жить будет наша программа; она станет господствующей в мире освобожденного человечества. Вопреки всему!» Пролетариат, который постоянно обновляется, продолжит борьбу и дове-

дет ее до окончательной победы, и народ будет пожинать плоды этой победы. Ради этого стоит идти на любые жертвы, терпеть любые лишения. Уверенность в будущем является важной характерной чертой мирового коммунистического движения, она включает в себя также и любовь к детям.

К тому же партия немецких коммунистов была тогда относительно молодой в двойном, так сказать, смысле. В противоположность закоснелому оппортунистическому, соглашательскому курсу, проводившемуся правыми лидерами «социалистов большинства» и «независимой социал-демократии», КПГ имела революционную программу, проникнутую вечно молодой идеей изменения мира. И среди сил, которые постепенно объединялись в рядах КПГ, созданной на рубеже 1918—1919 гг., преобладало, естественно, более молодое поколение, возмужавшее среди ужасов войны и в бурной революционной действительности послевоенных лет. Многие из них вышли из революционного молодежного движения и привнесли его традиции в молодую партию коммунистов.

В пролетарском молодежном движении эта традиционная революционная линия, восходящая к основанному в 1847 г. Союзу коммунистов и определявшая деятельность революционной немецкой социал-демократии до возникновения Коммунистической партии Германии, почти не нарушалась. В разгар первой мировой войны на знаменитой нелегальной весенней конференции оппозиционной социалистической молодежи Германии, состоявшейся в апреле 1916 г. в Йене, делегаты после доклада Карла Либкнехта решительно высказались против войны, против «политики классового мира» правых лидеров немецкой социал-демократии и против их предательской «молодежной политики».

Весной 1916 г. был создан Центр оппозиционной рабочей молодежи, деятельность которого еще перед Ноябрьской революцией привела к созданию организации Свободная социалистическая молодежь Германии. К моменту созыва ее первой всегерманской конференции, состоявшейся в октябре 1918 г., она насчитывала в своих рядах около 4 тыс. человек. В работе второй всегерманской конференции (февраль 1919 г.) 51 делегат от 73 местных групп представлял уже 12 тыс. членов этой организации. В октябре 1919 г., когда состоялась третья всегерманская конференция организации Свободная социалистическая молодежь Германии, в ее рядах насчитывалось уже около 35 тыс. молодых коммунистов. А год спустя, в сентябре 1920 г., эта молодая гвардия пролетариата настолько окрепла, что по праву могла называть себя Коммунистической молодежью Германии. С 1925 г. она уже носила название Коммунистический союз молодежи Германии, и позднее, особенно в годы антифашистской борьбы против гитлеровской диктатуры, она с честью оправдала свое имя.

Молодежное рабочее движение в Германии также без сколько-нибудь существенных отступлений следовало идеям пролетарского

интернационализма, выдвинутым Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Оно хранило верность решениям международных конференций социалистических молодежных организаций в Штутгарте (1907 г.), в Копенгагене (1910 г.) и в Берне (1915 г.). Эти решения требовали вести борьбу против империалистической войны и против ее подлинной причины — капиталистической общественной системы.

Когда в ноябре 1919 г. на нелегальном конгрессе в Берлине был создан Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ), который считал себя частью Коммунистического Интернационала (Коминтерна), основанного в Москве в марте 1919 г., то он помимо Российского Коммунистического Союза Молодежи мог опираться прежде всего на пролетарское молодежное движение в Германии. Из рядов этого движения в Исполком Коммунистического Интернационала Молодежи, насчитывавший 5 человек, были избраны Лео Флиг и Вилли Мюнценберг.

То, что Мюнценберг сыграл активную роль в деле создания Коммунистического Интернационала Молодежи, в деле организации Международной рабочей помощи (Межрабпом) и в становлении популярной газеты «Арбайтер-иллюстрирте-цайтунг», известно так же хорошо, как и его трагическое падение в эмиграции во Франции. Зато слишком мало известно о достойной похвалы заботе Мюнценберга о пролетарских детях. Он многое сделал как для их духовного здоровья, так и для их материального благополучия.

Вскоре в рамках КИМ был образован отдел, который занимался вопросами коммунистических детских групп во всем мире. С января 1921 г. Исполком КИМ начал также регулярно издавать газету «Дер юнге геноссе — международная газета для детей рабочих», которую мы с интересом читали в нашей детской группе в Вибельскирхене. И Межрабпом снискал во многих странах мира большие заслуги перед самыми юными, помогая организовывать сбор пожертвований в пользу детей бастующих рабочих, горячее питание для детей, поездки на отдых детей трудящихся, летние лагеря и детские дома как в стране, так и за рубежом.

Перелистывая сегодня подшивки газеты «Арбайтер-иллюстрирте-цайтунг» 20-х и начала 30-х годов, нельзя не удивляться многообразию и размаху работы, проводившейся уже в то время коммунистами на благо детей. Регулярное проведение спортивных мероприятий, детских и юношеских спартакиад с участием живших в нездоровых условиях пролетарских детей имело для подрастающего поколения неоценимое значение. Эта многосторонняя помощь, оказывавшаяся коммунистами детям задолго до принятия в 1959 г. Организацией Объединенных Наций Декларации прав ребенка, уже тогда определила известные критерии общества, в котором забота о детях стоит на переднем плане. И тот факт, что ГДР известна во всем мире как страна, в которой проявляется

большая забота о детях, является, на мой взгляд, добрым продолжением и развитием этих традиций.

С 1900 г. буржуазные гуманисты призывали к тому, чтобы XX век стал «столетием ребенка». Однако только власть рабочих и крестьян в Советской России произвела настоящий переворот и в этом отношении. У меня еще свежи в памяти сообщения из страны Красного Октября, которые я слышал в детстве: Советская власть передала детям дворцы бывшей летней царской резиденции в Царском Селе, которое было переименовано в Детское Село. О столь убедительном проявлении заботы государства о своих юных гражданах мы, дети саарских рабочих, могли тогда только мечтать.

В 1922 г., когда я вступил в коммунистическую детскую группу в Вибельскирхене, в Мюнхене вышло в свет новое издание книги «Пролетарский ребенок». Ее автором был Отто Рюле, который в первую мировую войну вместе с Карлом Либкнехтом голосовал против военных кредитов и являлся одним из основателей КПГ, от которой он позднее, к сожалению, отошел. На основании официальных статистических данных Рюле показал, чем «одарил» капитализм детей пролетариев: высокой смертностью новорожденных, недостатком жилья, золотухой и туберкулезом, истощением и худобой, рахитом, тяжелым детским трудом, телесными наказаниями, убогой начальной школой и множеством путей, ведущих к пороку и преступлению.

В то время государство тратило на гимназиста, т. е. на сына состоятельных родителей, в 6 раз больше того, что тратилось на ученика начальной народной школы. Соответственно ниже была оплата учителей народных школ. Намного хуже были здания, где размещались народные школы, а также их снабжение учебными пособиями. Не предоставлялось бесплатных учебных пособий и школьного питания, хотя именно дети рабочих остро нуждались в такой поддержке.

Кто хотел бы знать, как мы жили в те трудные в экономическом отношении послевоенные годы, пусть ознакомится с приведенными в книге Рюле данными: в Нюрнберге в мае 1921 г. 16,8% из 46 638 учащихся народных школ не имели обуви. В Мюнхене зимой 1919/20 гг. около 35% учащихся народных школ ходили в школу даже в метель босыми или в худой обуви. В феврале 1920 г. свыше 200 тыс. из 3,3 млн. школьников в крупных городах Германии были больны туберкулезом и более 830 тыс. сильно истощены. Таково было положение вещей, которое и сегодня можно обнаружить в бывших колониях капитализма и в трущобах промышленно развитых капиталистических стран.

Деятельность коммунистических детских групп и позднее Союза юных спартаковцев была направлена на противодействие духовному уродованию пролетарских детей в школах. Конечно, в народных школах было немало учителей, любивших свою про-

фессию и детей. Я вспоминаю кое-кого из учителей, кто относился к нам с пониманием и искренней симпатией, будил в нас духовные интересы. То обстоятельство, что я с особым удовольствием занимался немецким языком и историей, объяснялось не только соответствующими импульсами, исходившими от родителей и Союза юных спартаковцев, но и тем, что эти предметы преподавали хорошие учителя.

Однако таковыми являлись не все учителя. Нас воспитывали и такие нетерпимые наставники, которые прямо говорили, что они совсем не одобряют мое членство в организации юных спартаковцев. Были даже оставшиеся еще со времен кайзера Вильгельма самые настоящие солдафоны, прежде всего вдалбливавшие нам в головы свои представления о «прусско-германской дисциплине и порядке». Юные спартаковцы сознательно противодействовали таким «методам воспитания». С апреля 1921 г. в газете «Дер юнге геноссе» постоянно велась рубрика «Наша борьба в школе». В таких карикатурах, как «Козел-драчун», едко высмеивались учителя, считавшие телесные наказания главным воспитательным средством. Издававшаяся с 1924 г. газета «Юный спартаковец» уделяла постоянное внимание борьбе учащихся против телесных наказаний.

Сегодня я с улыбкой вспоминаю о нашей борьбе против «палочных аргументов» учителя пения, который в футляре для скрипки всегда носил бамбуковую палку для телесных наказаний. И если он забывал принести этот футляр с собой в школу, что время от времени случалось, то он отправлял за ним кого-нибудь из учеников. Когда однажды это было поручено мне, я по дороге, не долго думая, раскрыл футляр, вынул палку, переломил это орудие воспитания чувств верноподданничества и выбросил его в реку Блис. Конечно, наш любитель экзекуций приобрел новую палку. Но сигнал прозвучал, наше самосознание росло.

На собственном опыте я убедился в том, как важно, чтобы родители и воспитатели со всей серьезностью относились к духовным запросам детей и их стремлению к справедливости. Еще и сейчас, спустя более пяти десятилетий, я вспоминаю об одной из первых прочитанных мною детских книг. Это была веселая и в то же время поучительная история, сочиненная Герминией цур Мюлен, писательницей и переводчицей, которая, несмотря на свое дворянское происхождение, еще в юности встала на сторону революционного рабочего движения. Ее книги для детей были тогда очень популярны. История, которая мне особо запомнилась, называлась «Воробей» и, как я хорошо помню, была издана в 1922 г. в Берлине в Объединении международных издательств. В книжке с цветными иллюстрациями воробьи были изображены как пролетарии птичьего мира. Один маленький воробушек отправился на поиски страны, где нет холода и голода. Повсюду он встречал бедных и богатых, познал солидарность бедня-

ков и познакомился с одним мальчиком, который хотел изменить этот мир.

Другим событием, надолго оставшимся в памяти, были в те годы встречи детей из организации юных спартаковцев с группами детей коммунистов из Франции. Мы встречались в Форбахе и Людвейлере, на границе Саарской области и Франции, а также на полях сражений мировой войны под Верденом. Преподавание истории в нашей школе тогда, несмотря на старания одного добросовестного учителя, все еще велось главным образом как хроника коронаций и войн. И увидеть настоящее поле сражения с тянувшимися на километры рядами окопов было, конечно, намного поучительнее, чем зубрежка дат «великих битв». Юные спартаковцы противопоставляли дух пролетарского интернационализма тлетворному духу шовинизма и милитаризма. В Саарской области это было в то время особенно важно.

Как уже упоминалось, с конца 1919 г. наша область была аннексирована французскими оккупационными войсками. Во исполнение Версальского договора, подписанного 28 июня 1919 г. возглавлявшимся социал-демократами германским имперским правительством и вступившего в силу 10 января 1920 г., Саар на 15 лет перешел под управление Лиги наций. Лига наций создала комиссию по управлению, которая предоставила французским концернам возможность активно участвовать в эксплуатации природных богатств и рабочих Саара. «Земля, которую заставили служить двум господам» — эта появившаяся в то время поговорка метко характеризовала двойную эксплуатацию на берегах Саара.

Бывшие прусские государственные шахты официально перешли в качестве репараций за разрушенные во время войны германскими войсками угольные шахты в Лотарингии в государственную собственность Франции и тем самым под финансовый контроль промышленных магнатов Франции. Преемникам Штумма пришлось отдать часть своей металлургической империи в собственность французским монополиям, однако правительство рейха щедро возместило им убытки, и они вложили этот капитал в промышленность Рейнско-Вестфальского и некоторых других районов. В 1923 г. около 60% саарской тяжелой промышленности находилось во французских руках. Некоторым немецким крупным промышленникам, прежде всего Герману Рёхлингу, который позднее скандально прославился как кредитор профашистского «Германского фронта» в Сааре, удалось договориться с «французским заклятым врагом». Рёхлинг, который поначалу был осужден французским военным судом в Амьене за «воровство и грабеж», приветствовал французские войска в Фёльклингене как «избавителей от Совета рабочих и солдат». Отныне он поставлял свою «продукцию военного назначения» только во Францию, и ему было разрешено сохранить свои предприятия. Прибыли чужд патриотизм.

Для нас, Хонеккеров, национальный вопрос был подчинен социальному. Конечно, мы с безраздельным, большим интересом следили за развитием событий в рейхе, в провозглашенной в Веймаре буржуазной Германской республике. Мы говорили по-немецки и всегда ощущали себя немцами. Мой отец являлся членом Коммунистической партии Германии. Я был членом Союза юных спартаковцев, детской организации этой немецкой партии. Мы читали рабочую прессу на немецком языке. Впрочем, в то время существовало издание «Юманите» на немецком языке для Эльзаса и Лотарингии, которое иной раз попадало и к нам, в Саарскую область. Мы не сомневались, что в один прекрасный день Саарская область вновь отойдет к Германии. Вопрос состоял в том, будет ли это капиталистическая или социалистическая Германия, Германия с господством монополий или Германия, где власть будет принадлежать рабочим и крестьянам. Мы выступали за социалистическую Германию, за «Германию Советов», или «Советскую Германию», как тогда говорили.

Конечно, мы выступали против французской оккупации, которая в начале 1923 г. распространилась, достигнув Рурской области. Однако мы отнюдь не были из-за этого «заклятыми врагами Франции». Напротив, мы ценили французскую культуру, вошедшее в поговорку французское обаяние, прекрасную французскую кухню. Мы чтили революционные традиции Франции, героев Парижской коммуны 1871 г. Мы чувствовали себя братьями по классу с французскими рабочими, особенно французскими коммунистами, с которыми КПГ уже давно проводила в Саарской области совместные боевые акции против общего классового врага, крупных монополий.

Конечно, Версальский мирный договор надо было считать грабительским договором, империалистическим разбойничьим миром, как его охарактеризовал Ленин. Версальский договор можно было сравнить с мирным договором, подписанным в Брест-Литовске, который был навязан германскими империалистами в марте 1918 г. молодому Советскому государству. Советская Россия была вынуждена тогда пойти на него, чтобы получить мирную передышку.

Если германский империализм, разумеется, сразу же использовал Версальский договор для лицемерной националистической пропаганды, то мы отвергали этот договор прежде всего по социальным причинам: Версальский диктат был тяжелым бременем для немецких рабочих, крестьян и среднего сословия. Колоссальные репарации лежали грузом на плечах трудящихся, маленьких людей. Они лишились своих сбережений, страдали от голода, часто оставались без работы и средств к существованию, в то время как монополии сумели сохранить свои военные прибыли.

В Саарской области рабочие подвергались нещадной эксплуатации, которая поддерживалась штыками оккупационных войск.

Я еще хорошо помню ожесточенную забастовочную борьбу саарских шахтеров весной 1919 г. и особенно весной 1923 г. В марте 1919 г. речь шла о восьмичасовом рабочем дне, который был завоеван немецкими рабочими в ходе Ноябрьской революции. Французские шахтовладельцы не хотели санкционировать это право в Сааре, как и во Франции. Шахтеры прекратили работу. В ответ на этот «направленный против Франции враждебный акт» владельцы шахт объявили локаут и вызвали солдат. 21 шахтер предстал перед военным судом, и некоторые из них были осуждены на длительные каторжные работы; около 400 шахтеров были выдворены в Германию, т. е. стали безработными. Забастовочный фронт, которому недоставало единого целенаправленного руководства, под таким давлением распался.

Иначе обстояло дело в 1923 г., когда 72 тыс. трудящихся, занятых в горной промышленности в Сааре,— а это составляло 99% всех занятых там рабочих и служащих — в течение 100 дней бастовали против резкого снижения заработной платы и за восьмичасовой рабочий день. Несмотря на возобновившийся террор шахтовладельцев и оккупационных войск, забастовочный фронт выстоял и ему удалось добиться важных, хотя и частичных, успехов. Так как горняки бастовали и во Франции, то снабжение углем французской тяжелой промышленности оказалось под серьезной угрозой, что вынудило господствующие круги пойти на уступки.

Мне потому запомнились огромные лишения, которые терпели бастовавшие горняки, что эта стодневная забастовка совпала по времени с одним нашим семейным событием. Забастовка началась 5 февраля 1923 г. А 12 февраля родился мой младший брат Роберт. Трудно было жить с младенцем в доме на грошовое пособие профсоюза и на пожертвования некоторых сердобольных коммерсантов. По собственному опыту могу подтвердить то, что писал Люитвин Бис в своей содержательной книге «Классовая борьба в Сааре в 1919—1935 гг. КПГ в Саарской области в борьбе за социальное и национальное освобождение народа», изданной во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) в 1978 г.

Коммунисты Саарской области мужественно держались в забастовочной борьбе, завоевывая растущее признание среди рабочих и членов профсоюза-христиан и социал-демократов. Это также отразилось на итогах выборов в так называемый земельный совет, парламентский орган, который должен был служить в качестве демократического фигового листка для комиссии по управлению Лиги наций в Сааре, но все больше и больше использовался коммунистами как парламентская трибуна для политической борьбы.

В июне 1922 г., когда я вступил в коммунистическую детскую группу, КПГ имела в земельном совете всего лишь 2 мандата (партия Центра — 16, СДПГ — 5). В январе 1924 г. наша партия получила 5 мандатов (партия Центра — 14, СДПГ — 6).

В марте 1928 г. КПГ сохранила свои 5 мандатов (партия Центра получила 14, СДПГ — 5 мандатов). И в феврале 1932 г. наша партия завоевала 8 мандатов (партия Центра — 14, СДПГ — 3).

Постоянно также росло число голосов, поданных за КПГ на выборах в районные собрания депутатов и в советы общин, так что наша партия в конце концов оказалась сильнейшей рабочей партией на берегах Саара. В Вибельскирхене, в Дудвейлере и других горняцких поселках большинство уже давно голосовало за коммунистов.

В эти политические успехи внесла свою лепту также коммунистическая детская группа в Вибельскирхене. Мы радовались каждой победе в забастовках, на выборах. Мы воспринимали эти победы и как собственный успех, как результат наших выступлений с песнями, результат распространения листовок, продажи газет, наших шествий со знаменами и транспарантами, наших митингов. И это действительно было так!

Годы, проведенные в рядах юных спартаковцев, явились для моих братьев, сестер и для меня годами богатого событиями и впечатлениями, исполненного глубокого смысла детства. Но это были также и годы тяжелых утрат. В январе 1924 г. до нас дошло известие о смерти Владимира Ильича Ленина. Я помню слова, переданные Московским радио: «Ленин умер, но его дело будет вечно жить». В Вибельскирхене были прерваны занятия. Один из учителей, отдавая должное памяти Ленина, сказал, что дело Ленина — это дело великого государственного деятеля. В Нойнкирхене состоялся траурный митинг. С тех пор мы каждый год стали проводить в январе митинг памяти Ленина и погибших 15 января 1919 г. от рук реакции вождей немецкого рабочего класса Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Весной 1925 г. мы провожали в последний путь молодого товарища Фрица Вайнека, трубача в музыкальном взводе Союза красных фронтовиков — созданной летом 1924 г. по решению руководства КПГ организации в защиту революционного рабочего класса. Молодой, жизнерадостный трубач без всякой на то причины был 13 марта 1925 г. застрелен полицейскими Веймарской республики в Народном парке в Галле на митинге с участием Эрнста Тельмана, кандидата в президенты от КПГ. Еще 9 убитых, 25 тяжелораненых и более 100 человек легкораненых стали жертвами этого вероломного нападения полиции. В честь Фрица Вайнека была написана «Песня о маленьком трубаче», которую мы часто пели, потому что она выражала не только нашу скорбь, но и уверенность в победе революции.

3.
В партии Эрнста Тельмана

В начале декабря 1979 г. в моей парторганизации мне были вручены, как это принято в таких случаях в Социалистической единой партии Германии, почетная грамота и памятный знак в связи с исполнившимся пятидесятилетием моего членства в рядах партии рабочего класса. Оглядываясь назад, мне кажется, что эти полвека пролетели невероятно быстро. Обстановка, в которой я вступил в ряды партии Эрнста Тельмана, так свежа в моей памяти, будто это было вчера.

Мое вступление в партию в 1929 г. произошло в период обострения социальной напряженности и политических противоречий. Появились первые признаки великого мирового экономического кризиса капиталистической системы. Он разразился в «черную пятницу» 29 октября 1929 г., когда резко упали акции на бирже в Нью-Йорке, что имело катастрофические последствия. Международный капитал пережил коллапс. Начался стремительный рост безработицы. Миллионы людей оказались на грани голода и нужды. А определенные империалистические круги все более открыто призывали к новой военной интервенции против Советского Союза, где первая пятилетка возвестила о превосходстве социалистической плановой экономики над капиталистической экономикой наживы и конкуренции.

Обострение классовой борьбы во всем мире укрепило мое желание вступить в партию коммунистов. КПГ, которая в марте 1930 г. насчитывала более 135 тыс. членов, представляла собой единственную партию, последовательно боровшуюся за мир, труд, хлеб. По сути дела вступление в КПГ и связанный с этим для меня путь политического функционера были естественным следствием моего происхождения и условий, в которых протекали мои детство и юношество. Мой отец являлся, как уже говорилось, активным членом этой партии. Его лучшие товарищи по работе также принадлежали к партии немецких коммунистов. Мой первый политический опыт был накоплен в рядах коммунистической детской группы и Союза юных спартаковцев. И работа в Коммунистическом союзе молодежи Германии после окончания школы весной 1926 г. стала скоро главным содержанием моей жизни.

В то время в Вибельскирхене существовала сильная местная организация Коммунистического союза молодежи Германии. Моя родная деревня была оплотом не только КПГ, но и ее молодой гвардии, КСМГ. После того как я сначала поработал казначеем в местной организации союза молодежи, в 1928 г. мне было поручено политическое руководство этой группой. Я тогда принимал также участие в заседаниях окружного подкомитета КСМГ в Нойнкирхене, выполнял функции политического инструктора этого органа.

Уже на следующий год мои молодые товарищи избрали меня в окружной комитет КСМГ Саарской области, где мне довелось заниматься политической работой до лета 1933 г.

Кто близко не знаком с условиями того времени, тот может подумать, что мой «быстрый взлет» как политического работника был обусловлен каким-то особым личным честолюбием. В действительности это вытекало из самой политической работы. Я уже давно был предан ей умом и сердцем, имел ясные политические цели и активно боролся за наше дело — за дело освобождения рабочего класса и всего трудового народа. Сюда следует, очевидно, также добавить определенные способности к политической работе, готовность учиться, целеустремленность, дисциплинированность и умение легко находить контакт с другими молодыми людьми. Мне эта работа просто доставляла удовольствие, несмотря на предъявлявшиеся ею высокие требования или, скорее, именно благодаря этим требованиям.

В этой связи, пожалуй, позволю себе с целью объективной характеристики отметить, каким сохранился функционер КСМГ тех лет Эрих Хонеккер в памяти двух саарцев. Один из них — Артур Маннбар, коммунист, соратник по борьбе и уже много лет мой личный друг. Во время фашистской диктатуры он, как и я, был брошен в тюрьму Бранденбург-Гёрден, а ныне живет в ГДР. Другой — Эрих Фольтмер, он не является коммунистом и до недавнего времени работал заместителем главного редактора буржуазной газеты «Саарбрюккер цайтунг» в ФРГ. В начале 1977 г., спустя десятилетия, я вновь встретился с Фольтмером в связи с моим интервью для его газеты.

«Уже тогда он был хорошим товарищем,— пишет Артур Маннбар о функционере КСМГ Хонеккере.— Молодежь в его организации доверяла ему. Вечерами после работы мы обычно собирались у него в маленьком, бедном, но всегда чистом домике его родителей. И пока молодые горячие головы со страстью обсуждали вопросы работы своего союза, мать Хонеккера готовила для всех нас бутерброды и варила кофе. Отец Хонеккера чаще всего был где-то занят. Он был горняком и пользовался большим доверием у всех своих коллег по работе на шахте».

Эрих Фольтмер в ответ на вопросы репортера западноберлинской радиостанции вспоминал, сидя под липой в Вибельскирхене: «Вот это и есть то место, где мы часто спорили более сорока лет тому назад — коммунисты, социал-демократы, молодые католики. Хонеккер был как раз одним из тех, кто с наибольшей убежденностью выражал мнение коммунистов. Иногда эти споры продолжались ночь напролет. Тогда политические дискуссии велись обычно на улице. И Хонеккер всегда был уверен в себе, он являлся авторитетным выразителем мнения коммунистов». «Политические дискуссии,— вспоминает Фольтмер,— велись чаще всего очень громко, но Хонеккер составлял при этом исключение. Он

не кричал, не шумел, он пытался, понимаете, убеждать аргументами». Затем репортер, сотрудник радиостанции, начавшей действовать в период «холодной войны» против ГДР, задал журналисту из Саарбрюккена вопрос: «Говорят, что Хонеккер не пил и не курил, действительно ли он так солидно себя держал?» Фольтмер ответил: «Да, он был абсолютно таким».

Ну, я бы о себе так не сказал. Я не был что называется святым, не проявлял склонности к печали и унынию. Я и тогда любил выпить кружку пива, хотя с деньгами было туго. В то же время я знал, что алкоголь может быть опасным врагом пролетариев. Я также и курил, но позднее; а затем, уже в пожилом возрасте, прекратил курение по совету врачей. Моему здоровому образу жизни способствовали занятия в рабочем спортивно-гимнастическом обществе «Фихте» в Вибельскирхене, где я занимался спортивной гимнастикой и играл в ручной мяч. Я был тесно связан с молодежью из общества «Друзья природы».

Коммунистический союз молодежи Германии был единой молодежной организацией, куда входили и девушки и юноши. И в политическом и в личном плане мы представляли собой дружный коллектив с высокими моральными принципами, устремленными в будущее. Девушки являлись равноправными боевыми товарищами. Они пользовались уважением. К их слову прислушивались. На них можно было положиться. И во время демонстраций они шли вместе с нами в первых рядах. Такое равноправие может показаться сегодня, особенно в социалистических странах, чем-то само собой разумеющимся. Но тогда это означало явный, решительный разрыв с господствовавшими буржуазными традициями.

Конечно, в большинстве рабочих семей жены и дочери традиционно играли более активную роль, чем в семьях буржуазии с их «браками по расчету». Таким образом, и здесь КСМГ опирался на прогрессивные черты пролетарского образа жизни. Кстати, насколько радикально отличался образ жизни пролетарской семьи от нравов и обычаев, которых придерживались другие семьи, я имел возможность убедиться в середине 20-х годов в одном крестьянском хозяйстве в Померании. Первое дальнее путешествие в моей жизни не только позволило мне познакомиться со страной, проехав с юго-запада на северо-восток, но и обогатило меня также новым жизненным опытом и наблюдениями, иногда неожиданными и курьезными: в Восточной Померании в деревне жены обращались к своим мужьям еще на «Вы».

Что я делал в Померании? На это можно ответить коротко. Стодневная забастовка привлекла внимание международной общественности к бедственному социальному положению саарских шахтеров. Комиссия по управлению Лиги наций оказалась вынужденной проводить определенные социальные мероприятия, направленные против самых явных признаков нужды. Были предоставлены средства для обследования состояния здоровья

школьников. Появилась возможность отправлять в деревню подверженных заболеваниям школьников. Моя сестра Кетэ была серьезно больна туберкулезом, и меня на большие каникулы в двух последних классах школы посылали в деревню. Так я попал в Нойдорф, в Померании, в хозяйство крестьянина-середняка по фамилии Штрайх. Нойдорф, район Бублиц, находился в 25 *км* к северу от тогдашнего Нойштеттина и приблизительно в 30 *км* к западу от тогдашней германо-польской границы.

У крестьянина Штрайха было 6 дочерей и ни одного сына. Четверо его дочерей обрели свое счастье, побывав «под венцом». Так как сам он из-за своего ранения на войне был калекой, его жена, обе незамужние дочери, работник и я выполняли всю хозяйственную работу. На уборку урожая приезжали жнецы из Польши. Работы велись косами и цепами. Мне там нравилось, хотя спал я вместе с работником в чулане рядом с конюшней. Когда весной 1926 г. после окончания школы ввиду тяжелого экономического положения я не смог найти в Вибельскирхене подходящего места для дальнейшего обучения, мои родители сочли наилучшим опять отправить меня в Померанию на работу в деревню, с чем я охотно согласился. Почти два года я пробыл у крестьянина Штрайха, который на летние каникулы приглашал к себе в деревню также мою сестру Гертруду. Вернувшись в Вибельскирхен, я некоторое время работал у своего дяди Людвига Вайденхофа помощником кровельщика, а затем приступил к учебе у мастера кровельного дела Мюллера.

Надо думать, доброе отношение Штрайха ко мне объяснялось тем, что он, видимо, прочил меня в свои зятья, тем более что от него ушел работник, а в сельском хозяйстве возникал кризис. Во всяком случае, крестьянин терпимо относился к тому, что я — кстати, единственный представитель Нойдорфа — участвовал в майских демонстрациях в Бублице и сотрудничал с коммунистами, которые приезжали в деревню в целях агитации за поддержку политики КПГ. Однако он никоим образом не разделял моих политических взглядов. И даже работник, собственно говоря, такой же сельскохозяйственный рабочий, как и я, имел против коммунистов такие предубеждения, что его невозможно было разубедить. Он был уверен, что КПГ «определенно хорошо оплачивает» своих агитаторов за воскресную политработу на селе.

В действительности КПГ была тогда не в состоянии в достаточной мере оплачивать своих штатных работников, не говоря уже об агитаторах. Когда я несколько лет спустя уже фактически стал штатным сотрудником окружного комитета КСМГ в Саарбрюккене, Коммунистический союз молодежи Германии не мог выделить мне какое-то постоянное жалованье. Я жил на те немногие франки (в Саарской области с июня 1923 г. по февраль 1935 г. они находились в обращении как официальная валюта), которые я получал от возглавлявшегося Вилли Мюнценбергом филиала «Ново-

го немецкого издательства», занимавшегося газетной рекламой и распространением литературы в Саарбрюккене. Агитаторы КПГ на селе, как правило, выезжали туда на велосипеде, ибо денег на проезд не было. Они действовали по призыву партии, исходя из своих политических убеждений.

В конце осени 1925 г. Эрнст Тельман был избран Председателем КПГ. Под его руководством партия преодолела левосектантские и правооппортунистические течения, которые в начале 20-х годов нередко мешали ее развитию. Тельмановский стиль руководства, ориентирующийся на ленинские принципы и опыт ВКП(б), в значительной мере способствовал превращению КПГ в марксистско-ленинскую боевую партию, тесно связанную с массами. Ее влияние на рабочий класс, на других трудящихся, на часть интеллигенции возрастало из года в год. Призыв «Повернуться лицом к деревне!», прозвучавший в феврале 1926 г., относится к первым важным документам марксистско-ленинской политики союзов тельмановского Центрального Комитета КПГ.

«Коммунистическая партия видит одну из своих главных задач в объединении трудового крестьянства и промышленных рабочих»,— говорилось в призыве КПГ. Партия обращалась прежде всего к батракам и крестьянам-беднякам. Она предлагала бороться на стороне рабочего класса за программу срочной помощи (гарантированный минимум зарплаты, 8-часовой в среднем рабочий день, социальное страхование, свое жилье батракам и др.), а также — в долгосрочном плане — за экспроприацию крупных землевладельцев в пользу батраков, крестьян-бедняков и арендаторов. В последующие годы принципы аграрной политики КПГ развивались гибко и реалистично вплоть до Программы помощи крестьянам, принятой в мае 1931 г. Ее осуществление обеспечило бы условия существования массе немецких крестьян и дало бы им перспективу в соответствии с ходом истории.

Прозорливость призыва КПГ от февраля 1926 г. стала очевидна зимой 1927/28 гг.; я тогда был еще в Нойдорфе. В январе 1928 г. начались большие крестьянские волнения, особенно в Шлезвиг-Гольштейне. Десятки тысяч крестьян участвовали в демонстрациях, однако не под красными, а под траурными флагами, за аграрную политику, которая должна была противодействовать участившимся случаям описи и продажи с молотка крестьянской недвижимости. Уже в 1928 г. общая задолженность немецкого сельского хозяйства составляла 10,8 млрд. марок. Многие бедняки и середняки на этом этапе обострившегося аграрного кризиса настолько задолжали, что для уплаты очередной арендной платы и задолженности по налогам весь их урожай нередко описывался прямо на корню.

С января по сентябрь 1928 г. с молотка пошли 1185 хозяйств площадью менее 20 *га*. За тот же период следующего года их число уже составило 1709. Однако находившееся с 28 июня 1928 г. у

власти имперское правительство «большой коалиции» под руководством правого социал-демократа Германа Мюллера ничего не сделало для отмены несправедливого налогообложения, в соответствии с которым с малоземельных крестьян взыскивались самые высокие налоги с гектара пашни. Вместо этого 16 мая 1929 г. был принят еще один «Закон о помощи восточным районам», по которому землевладельцам за Эльбой были предоставлены миллионные суммы из государственной казны.

Как это ни парадоксально, такая реакционная аграрная политика конца 20-х и начала 30-х годов толкнула кое-кого из отчаявшихся крестьян в объятия махровой реакции, немецких фашистов. Лицемерный лозунг о необходимости «покончить с кабалой арендной платы» был рассчитан именно на крестьян, ремесленников и мелких предпринимателей, существование которых находилось под угрозой. Как и следовало ожидать, гитлеровские фашисты после своего прихода к власти 30 января 1933 г. никоим образом не «покончили с кабалой арендной платы», а начали проводить беспощадную экономическую и аграрную политику в интересах крупного капитала, милитаристского крупного землевладения и подготовки к войне.

После 1933 г. продажа с торгов недвижимого крестьянского имущества, разорение ремесленников и мелких предпринимателей не прекратились, а продолжались полным ходом, чему в определенной мере способствовали расистские законы. Число распродаж крестьянских хозяйств с площадью менее 20 *га* достигло в 1932 г., в момент кульминации аграрного кризиса, рекордной цифры — было пущено с молотка 5820 крестьянских дворов, в 1933 г. это число снизилось до 1394 дворов, но уже в 1935 г. опять подскочило до 2125 и вплоть до второй мировой войны из года в год оставалось на уровне, превышавшем уровень 1928 г. Аналогичная картина наблюдалась в области ремесла и розничной торговли.

Коммунисты предсказывали, что гитлеровский фашизм не будет помогать крестьянам и средним слоям населения, а, наоборот, ввергнет их в пучину кровопролитной войны. Об этом предупреждали и агитаторы на селе, которые тогда приезжали в Нойдорф, в Померанию, для разъяснения аграрной политики КПГ. Эта работа требовала не только терпения, выдержки, но также осторожности и порядочной доли мужества. Большинство юнкеров и немало зажиточных крестьян были ярыми антикоммунистами со свойственной им по традиции склонностью к насилию. В Веймарской республике имения юнкеров, расположенные по восточному берегу Эльбы, служили излюбленным прибежищем и оперативными базами «добровольческого корпуса», «черного рейхсвера» и других контрреволюционных союзов. Крупное землевладение являлось главной социально-экономической основой прусско-германского милитаризма, которая продолжала существовать в неприкосновенном виде в Веймарской республике. Поместья служили рас-

садником путчизма против республики и терроризма против рабочего движения.

К сожалению, мне не известно, что стало с крестьянином Штрайхом и его большим семейством. После моего возвращения в Саарскую область связь с ним прекратилась. Позднее я ничего не слышал о нем. Так как фашистская агрессивная война против народов Европы в конце концов лишила основ существования, если не самой жизни, также миллионы немецких крестьян, мне остается только надеяться, что крестьянин Штрайх из Нойдорфа вместе с его милыми дочерьми остался невредим, пережил эту войну и обрел новую родину. Хочу верить, что из трагических событий прошлого они извлекли правильный исторический урок.

Мой путь из Вибельскирхена и обратно проходил тогда через Берлин. Хотя я не имел возможности задерживаться там надолго, а, будучи транзитным пассажиром, только переезжал с одного вокзала на другой, столица рейха и «вольного государства Пруссии», насчитывавшая в то время 2,6 млн. жителей, произвела на меня ослепляющее впечатление. Берлин был — и это становилось понятно с первого взгляда — городом труда, городом рабочих. В репортаже Эгона Эрвина Киша, опубликованном газетой «Арбайтер-иллюстрирте-цайтунг», я прочел, что среди европейских столиц нет ни одной, которая в такой мере пользовалась бы славой рабочего города. В то время я не мог судить об этом. Позднее, после моего знакомства с такими столицами капиталистических стран, как Париж, Амстердам, Брюссель, Вена и Прага, я убедился, что Киш был прав.

Характер Берлина как административного центра и промышленного города отражался в его политическом климате. Берлин большинством голосов традиционно голосовал за левых. Спустя несколько лет, на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г., КПГ получила здесь большинство голосов. Таким образом, впервые в столице капиталистической страны коммунистическая партия стала партией, получившей наибольшее число голосов избирателей. Молодому человеку из красного Вибельскирхена не мог не понравиться огромный красный город.

Однако город мирового значения на Шпрее в конце 20-х годов имел еще много других привлекательных сторон. В городе работали известные всему миру ученые, такие, как Альберт Эйнштейн и Макс Планк. Берлин считался международным центром театральной жизни. Здесь в 1928 г. имела сенсационный успех постановка «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта. В 1929 г. здесь состоялась премьера «Цианистого калия», пьесы Фридриха Вольфа, в которой он с присущей ему страстностью выступил против пресловутого параграфа 218, лишавшего женщин права самим решать вопрос о числе детей в семье и времени их появления на свет. Под Берлином был расположен крупнейший после Голливу-

да киноцентр мира. В Берлине также жило много известных прогрессивных поэтов и писателей, например Генрих Манн, Эрих Вайнерт, с которым я много лет спустя познакомился в Сааре, Людвиг Ренн, с которым спустя десятилетия у меня установились тесные дружеские отношения, или Альфред Дёблин, опубликовавший в те годы свой знаменитый роман «Берлин, Александерплац».

В Берлине тогда имелся особый квартал, где издавались газеты, часть из них пользовалась известностью во всем мире. Были и блестящие журналисты, лучшие из них придерживались левых взглядов или даже являлись коммунистами, как Эгон Эрвин Киш. В Берлине, где находились пользовавшиеся мировой известностью электрические концерны, такие, как «Сименс и Гальске» или «Всеобщая электрическая компания», имелись мощные радиостанции, в которые, разумеется, был закрыт доступ прогрессивным публицистам. В то время в Берлине уже велись работы по развитию телевидения. И это был город с богатыми историческими традициями.

Сравнительно короткий путь от тогдашнего Штеттинского до Потсдамского, или Ангальтского, вокзала проходил мимо многочисленных мест революционных событий 1848 г. и 1918—1919 гг. Нужно было пройти через площадь Потсдамерплац, выступая на которой 1 мая 1916 г. Карл Либкнехт призывал: «Долой войну! Долой правительство!» Стоило немного отойти в сторону, и ты уже был на площади Бюловплац, где находился Дом им. Карла Либкнехта, в котором с ноября 1926 г. размещался Центральный Комитет КПГ, возглавлявшийся тогда Эрнстом Тельманом. С Председателем нашей партии, которого рабочие называли Тедди, я, правда, смог встретиться только два года спустя, весной 1930 г., в Лейпциге на всегерманском съезде Коммунистического союза молодежи Германии.

В тот раз, возвращаясь из Померании в Саарскую область, я проехал также мимо вокзала Берлин-Лихтерфельде, на котором Йозеф Геббельс, бывший с конца 1926 г. «гаулейтером» гитлеровской партии в Берлине, в воскресенье 20 марта 1927 г. продемонстрировал методы террора, с помощью которых нацисты намеревались прийти к власти. В то мартовское воскресенье Геббельс стянул к вокзалу более 500 фашистских громил, чтобы встретить пассажирский поезд, в котором в город с экскурсии возвращались 23 участника музыкального взвода Союза красных фронтовиков. Когда поезд подошел к перрону, Геббельс отдал приказ обстрелять из револьверов вагон, в котором находились товарищи из Союза красных фронтовиков. Потом его террористические группы с ножами и кастетами перешли к рукопашной, и до того, пока наконец вмешалась возглавлявшаяся социал-демократами полиция, успели ранить многих товарищей настолько тяжело, что их пришлось отправить в больницу.

Это нападение, о котором в свое время подробно писала рабочая печать, запомнилось мне потому, что в Вибельскирхене в 1925—1926 гг. тоже существовал музыкальный взвод Союза красных фронтовиков, в котором мой отец играл на большом барабане и в котором участвовали мой брат Вилли и я. Это был духовой оркестр, своеобразное звучание которого, создаваемое голосистыми дудками и свирелями, особенно хорошо подходило к массовым торжественным выступлениям пролетариата и который поэтому был очень популярен среди рабочих. Мы носили серую форму Союза красных фронтовиков. В Саарской области тогда не было вооруженных отрядов нацистов, которые осмелились бы напасть на наш музыкальный взвод.

Между прочим, в Вибельскирхене сегодня опять существует духовой оркестр с дудками и свирелями, который продолжает традиции нашего музыкального взвода. Этот оркестр, принимавший участие во Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине в 1973 г., избрал меня своим почетным членом.

Мой дядя, кровельщик Людвиг Вайденхоф, по своим политическим взглядам был на нашей стороне. Таким образом, у меня не возникало трудностей, когда требовалось куда-нибудь поехать или принять участие в каких-либо акциях КСМГ. Мой мастер-наставник, кровельщик Мюллер, тоже не был мелочным в этом отношении. Несмотря на свою политическую деятельность, я хорошо овладел профессией кровельщика. Я полюбил ее, потому что с ней была связана определенная свобода передвижения. Приходилось много разъезжать, смотреть на мир сверху, всегда можно было забраться повыше и ощутить возбуждение от небезопасной профессии, требовавшей постоянного внимания, осторожности, точности и сноровки. Позднее, в годы моего заключения в каторжной тюрьме Бранденбург-Гёрден, мои профессиональные навыки пригодились мне особым образом.

Будучи кровельщиком, я, конечно, стал членом профсоюза — союза работников деревообрабатывающей промышленности. Однако вся моя активная политическая деятельность была связана с Коммунистическим союзом молодежи Германии. Кульминационными событиями в работе КСМГ были ежегодно проводившиеся им всегерманские встречи молодежи. Уже сами поездки оставляли неизгладимое впечатление у пролетарской молодежи. Путешествия были для нее тогда редкостью. Нам приходилось копить по сантиму или по пфеннигу на дорожные расходы. И тем большую радость доставляли как сама поездка вместе с другими членами союза, так и встречи с многими тысячами молодых товарищей и друзей, прибывшими из всех уголков страны, чтобы продемонстрировать приверженность своим высоким целям.

В 5-й всегерманской встрече КСМГ, состоявшейся в апреле 1930 г. в Лейпциге, участвовали десятки тысяч молодых коммунистов и многочисленные группы Социалистической рабочей моло-

дежи и молодых верующих. Коммунистический союз молодежи Германии в Сааре придавал особое значение участию в лейпцигской встрече молодых верующих горняков. Вместе со многими другими молодыми коммунистами Саарской области я тоже очень хотел принять участие в упомянутой встрече. Это предъявляло особые требования к «нашим кошелькам». Для меня это означало продажу полученного в подарок от родителей велосипеда, чтобы иметь возможность присутствовать в Лейпциге. Я поступил так скрепя сердце, но не жалел об этом. В массовом митинге во время молодежной встречи приняло участие около 100 тыс. человек. На митинге выступил с речью Эрнст Тельман. Я впервые так близко увидел его, испытал силу воздействия слов этого уже тогда ставшего почти легендарным рабочего трибуна.

Тельман, широкоплечий портовый рабочий из Гамбурга, по собственному опыту знал не только тяжелые условия жизни немецкого пролетариата, но и его волю к борьбе. Как ни один другой вождь рабочего класса Германии, он пользовался его безграничным доверием. Его язык был языком рабочих, простым, четким и ясным. В руке Тельман держал несколько листков с тезисами. Хотя он говорил без микрофона и усилителя, его голос гремел над просторной площадью Августусплац (сегодня Карл-Марксплац). Выразительными жестами, сжав руку в кулак, он подчеркивал главное. Веские и убедительные, его слова звучали как предостережение и предупреждение перед лицом серьезной обстановки разразившегося кризиса. Мне особенно запомнились его слова о том, что в борьбе против эксплуатации и угнетения КПГ неразрывно связана с молодежью.

Руководимая правыми социал-демократами, полиция применила против собравшейся в Лейпциге пролетарской молодежи грубую силу. При стычках она даже стреляла в толпу. В то время как мы, коммунисты, конструктивно выступали за создание единого антифашистского фронта, правые лидеры СДПГ, как, например, прусский министр внутренних дел Карл Зеверинг или начальник полиции Берлина Карл Фридрих Цёргибель, приказывали стрелять в коммунистов. Своей политикой «умиротворения» они по меньшей мере объективно содействовали гитлеровскому фашизму. Зеверинг запретил Союз красных фронтовиков, а Цёргибель нес ответственность за кровавый май 1929 г., когда полиция убила 31 рабочего.

И если некоторые буржуазные идеологи в ФРГ ныне всерьез пытаются утверждать, будто КПГ повинна в том, что Гитлеру удалось прийти к власти, то я должен со всей прямотой указать на историческую правду: КПГ была самым решительным противником гитлеровского фашизма. В борьбе против фашизма коммунисты всегда являли собой яркий пример, их не сломил нацистский террор, они оставались верны своим убеждениям до самого смертного часа.

В 1930 г. в Лейпциге все наши усилия были направлены на создание единого пролетарского фронта, на обеспечение единства действий молодых коммунистов, социалистов, социал-демократов и христиан в борьбе против надвигавшейся фашистской опасности. Эта цель и твердая решимость активно защищать Советский Союз от новой военной интервенции империалистических сил определили содержание всей работы всегерманского съезда молодежи в Лейпциге. Коммунистический союз молодежи Германии в Сааре активно действовал в этом духе в последующие годы. Мне же лично вскоре после встречи в Лейпциге предстояло большое событие: моя первая поездка в Страну Советов.

4.
Встреча со страной Ленина

Большое значение для моей дальнейшей жизни имело мое первое пребывание с августа 1930 г. по август 1931 г. в Союзе Советских Социалистических Республик, в стране Ленина. Партия и союз молодежи предложили мою кандидатуру для учебы на курсах Коммунистического Интернационала в Москве в Международной Ленинской школе Коминтерна. Мои родители одобрили эту поездку на учебу. Таким образом, незадолго до своего восемнадцатилетия, полный ожиданий, я отправился в далекое путешествие из Саара через Берлин, Варшаву, Брест, Минск и Смоленск в Москву.

Конечно, я имел представление о Советском Союзе и до этой большой поездки. Меня, молодого коммуниста, всегда живо интересовала страна Красного Октября. Я знал ее по рассказам товарищей, из сообщений нашей печати, а также из книг и волнующих советских фильмов.

Таким образом, первая социалистическая страна мира была мне известна уже давно. Следуя ее примеру, мы, молодая гвардия пролетарской революции и партии Эрнста Тельмана, также стремились к изменению революционным путем общественных отношений в Германии на благо рабочих и всего трудового народа. Но увидеть теперь страну Ленина собственными глазами — это было, разумеется, совсем другое, чем самые лучшие репортажи, захватывающие книги и самые прекрасные фильмы.

Я и сегодня хорошо помню тот день, когда, освещенный лучами восходящего солнца, поезд медленно пересек между Барановичами и Минском польско-советскую границу. Польские солдаты с примкнутыми штыками соскочили со ступенек вагонов, а их место заняли красноармейцы. Для меня это событие имело огромное символическое значение. Мы пересекли государственную границу совсем особого рода, не обычную границу между двумя какими-либо странами, не просто границу, как, например, между Сааром и Францией или между Саарской областью и рейхом. Нет, это была совершенно другая граница, пограничная линия между двумя мирами, граница, на которой кончалась власть капитала и начиналась власть рабочих и крестьян, граница, которую, пожалуй, можно сравнить с нынешней государственной границей между ФРГ и ГДР.

В «Манифесте Коммунистической партии», появившемся в начале 1848 г., Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали, что в условиях капитализма рабочие не имеют отечества. После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России возникло новое положение. Теперь революционеры, подвергавшиеся у себя на родине преследованиям и гонениям, находившиеся под

угрозой тюрьмы и гибели, обрели в лице Советского Союза своего надежного защитника, готового оказать им помощь и предоставить убежище. Страна Ленина стала буквально отечеством всех трудящихся. Сюда приезжали коммунисты из всех стран мира, чтобы получить совет, обрести новые силы и уверенность для революционной борьбы.

Страна Ленина стала и для меня отечеством, а ее партия и комсомол — родными для меня. В красноармейцах, поднявшихся на ступеньки вагонов, я видел своих братьев и товарищей, хотя и не был с ними лично знаком. Мне хотелось обнять их и по русскому обычаю расцеловать, потому что они представляли страну рабочих и крестьян, потому что на их буденовках были красные звездочки, так похожие на партийный значок КПГ. Эту звезду я любил уже в детстве и был верен ей. Она озаряла будущее.

Да, приехать в эту страну, жить здесь длительное время и учиться в школе, носившей имя Ленина,— являлось большим событием. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — было написано на транспаранте, возвышавшемся как триумфальная арка над железнодорожными путями часто упоминавшейся тогда в газетах пограничной станции Негорелое. Традиционный боевой призыв из «Манифеста Коммунистической партии» как официальное приветствие великой страны — это произвело на меня неизгладимое впечатление. Я находился в стране своей мечты. После небольшой остановки поезд двинулся дальше по направлению к Москве.

Мы прибыли на Белорусский вокзал советской столицы. Все там было для меня новым. Оказавшись в толпе людей на перроне, в вестибюле вокзала и на привокзальной площади, я получил первое живое представление о многонациональном государстве СССР. Я не понимал еще ни слова по-русски и должен был сам добраться до гостиницы «Люкс», однако совсем не чувствовал себя одиноким и потерянным. Нынешняя улица Горького, которая ведет от Белорусского вокзала к Красной площади, тогда еще называлась Тверской. Я пошел по ней, чтобы сначала немного оглядеться в этом легендарном городе, где билось сердце мировой революции.

Тверская показалась мне широкой улицей. Но она имела старую булыжную мостовую. Текущий сегодня по ней поток автомобилей тогда был просто немыслим. Правда, в Советском Союзе уже в 20-е годы начали выпускать автомобили. Однако крупнейшие автомобильные заводы в 1930 г. еще только строились — в Москве и Нижнем Новгороде на Волге, родине Максима Горького, который позднее был переименован в его честь в город Горький. Из газет мне было известно, что в феврале 1930 г. в СССР сошли с конвейера первые грузовые автомашины советской конструкции и производства. Таким образом, не удивительно, что летом 1930 г. извозчики все еще во многом определяли облик московских улиц.

На Тверской имелось много магазинов, но витрины не ломились от товаров. Повсюду были вывешены плакаты, призывавшие к досрочному выполнению первого пятилетнего плана, принятого в 1929 г. Я знал, что опять были введены карточки на некоторые продукты питания и товары повседневного спроса с целью распределения по труду. Однако это не произвело на меня никакого впечатления. В Саарской области в свое время было то же самое. И у меня никогда не было достаточно денег, чтобы позволить себе купить какую-либо из дорогих вещей, разложенных в богатых витринах магазинов Вибельскирхена. Самым главным для меня тогда являлось то, что я находился в стране Красного Октября, где после смерти Ленина в 1924 г. под руководством большевистской партии во главе с И. В. Сталиным осуществлялось хотя ценой больших лишений, но с тем бо́льшим энтузиазмом целеустремленное строительство социализма.

На Красной площади, куда меня привела моя первая прогулка по городу, завершалось строительство Мавзолея В. И. Ленина, каким мы его знаем сегодня. Открытие нового здания из красного украинского гранита и карельского порфира должно было состояться некоторое время спустя, в ноябре 1930 г., в связи с годовщиной Октябрьской революции. До этого на том же самом месте находился деревянный Мавзолей, который я знал по фотографиям. Фотоснимки демонстраций и парадов на Красной площади, а также изображение Мавзолея с руководителями Советской страны на его трибунах обошли тогда весь мир.

Хотя гостиница Коминтерна «Люкс» находилась на Тверской, я, прогуливаясь по этой улице пешком, не нашел ее. Мне пришлось вернуться на вокзал, чтобы нанять извозчика или такси. Там стояло несколько такси. Водитель быстро понял, куда мне нужно. Он знал, где находился «Люкс», посмеялся над коротким маршрутом поездки и высадил меня у нужного подъезда. В «Люксе», который еще по указанию Ленина был переоборудован для гостиницы Коминтерна, уже было известно, кто я и к кому мне следовало обратиться. Мне объяснили дорогу к зданию Коминтерна, которое находилось вблизи Кремля.

Прибыв по указанному мне адресу, я, к счастью, сразу же встретил молодую немецкую коммунистку, с которой мне вновь довелось увидеться несколько лет спустя, на нелегальных явках в Берлине. Сейчас она живет в ГДР и борется за наше дело: это Леа Лихтер, ставшая впоследствии женой Фрица Гроссе, опытного функционера КСМГ, который в марте 1936 г. был приговорен фашистами к пожизненному заключению и после освобождения от фашизма долгие годы активно работал на внешнеполитическом поприще. Леа Лихтер позаботилась, чтобы машина Коминтерна доставила меня в Международную Ленинскую школу, которая тогда находилась на улице Воровского.

Улица Воровского была названа в честь В. В. Воровского, представителя старой гвардии большевиков, близкого друга и соратника Ленина. Находясь в Швейцарии в качестве члена советской делегации на Лозаннской конференции, Воровский погиб от руки белогвардейца. При перевозе его останков из Лозанны в Москву собравшиеся на Силезском вокзале (ныне Восточный вокзал в столице ГДР) берлинские коммунисты отдали последний долг мужественному революционеру. На импровизированном траурном митинге, состоявшемся ночью при факелах и развернутых красных знаменах, организаторы убийства были заклеймены позором.

В Ленинской школе я сразу почувствовал себя как дома. Выполнив необходимые формальности в приемной, я с чувством гордости за то, что являюсь теперь в подлинном смысле слова учеником Ленина, отправился в отведенную мне комнату, в которой разместился вместе с Антоном Аккерманом, в будущем — кандидатом в члены Политбюро Центрального Комитета СЕПГ.

Наряду со многими другими профессорами, а также несколькими генералами, которые знакомили нас с теорией и практикой ленинизма в самых различных аспектах, в Ленинской школе в качестве красных профессоров работали также Фред Эльснер и Эрих Волленберг. Фреда Эльснера мне довелось встретить после 1945 г. в Берлине, он был тогда также членом Политбюро и секретарем Центрального Комитета СЕПГ по пропаганде и агитации. Эриха Волленберга, читавшего в Ленинской школе лекции по истории и актуальным вопросам международного рабочего движения, я знал по его книге «В качестве красного бойца на подступах к Мюнхену — репортаж из Республики Советов в Мюнхене», вышедшей в свет в 1929 г. в Международном рабочем издательстве в Берлине. Позднее Волленберг входил в состав троцкистских группировок и после 1945 г. активно участвовал во враждебной пропагандистской кампании, организованной США и ФРГ против Советского Союза и ГДР. Но тогда он мне помог вникнуть в революционное учение Ленина и лучше понять жизнь в стране Ленина. Во всяком случае, тогда в течение более десяти лет он занимал в классовой борьбе правильные позиции.

В Москве в то время царила особая атмосфера. Это был период развернутого наступления социализма по всему фронту. Состоявшийся незадолго до моего приезда XVI съезд ВКП(б) четко разъяснил содержание этого лозунга. Съезд партии проходил с 26 июня по 13 июля 1930 г. в Большом театре в Москве. Около 2 тыс. делегатов, представлявших почти 2 млн. членов и кандидатов в члены ленинской партии, подвели итоги и наметили новые цели: ускорить индустриализацию страны и выполнить пятилетку за четыре года; осуществить сплошную коллективизацию сельского хозяйства и ликвидировать кулачество как класс; улучшить техническое оснащение вооруженных сил в соответствии с совре-

менными требованиями и создать необходимые для этого предприятия.

ВКП(б) проводила последовательный курс на индустриализацию страны. Под руководством партии Советский Союз превращался в индустриальную державу. Создавалась современная тяжелая промышленность, которая могла производить новые станки и оборудование, необходимые для технической реконструкции всех отраслей экономики. В 1930 г. производство средств производства превзошло уровень 1913 г. уже в 2,8 раза. Ускоренный промышленный рост и сплошная коллективизация являлись объективной необходимостью и закономерностью для нового общественного строя. Съезд партии осудил тезисы правой оппозиции, выступавшей за снижение темпов развития. Он призвал народ к героическому труду и поручил Центральному Комитету обеспечить и в дальнейшем «*боевые большевистские темпы* социалистического строительства...».

С тех пор прошло полвека. Исходя из исторического опыта этих пяти десятилетий, прежде всего из опыта второй мировой войны, следует с полной уверенностью сказать, что достигнутые в то время темпы развития СССР являлись объективной необходимостью. Более легкого пути не существовало. Ведь речь шла о том, быть или не быть социализму. В те полные лишений годы ускоренной индустриализации и сплошной коллективизации, когда работы было много, а продуктов питания мало, благодаря беспримерному героизму трудящихся была заложена основа победы советского народа над фашистскими захватчиками и освобождения, в том числе и нашего народа, от коричневой чумы.

Чтобы оценить значение исторических успехов, достигнутых советским народом в те годы, необходимо мысленно представить себе внутренние и внешние условия, в которых осуществлялось развернутое наступление социализма. В начале 20-х годов еще имелись достаточные основания рассчитывать, что пролетарская революция сможет также победить в Германии или какой-либо другой промышленно развитой стране, и это облегчило бы советским народам их трудный подъем, ликвидацию доставшейся им в наследство отсталости и послевоенной разрухи. Относительная стабилизация капитализма в середине 20-х годов указывала, однако, уже на то, что Советский Союз, вероятно, еще длительное время будет оставаться единственной страной, строящей социализм, и должен будет вести социалистическое строительство, рассчитывая только на собственные силы. В конце 20-х годов, когда надвигался кризис мировой капиталистической экономики, над страной Ленина, где только что был осуществлен поворот к социалистической реконструкции народного хозяйства и где лишь к 1930 г. впервые ожидалось превышение промышленного производства над сельскохозяйственным, вновь нависла угроза империалистической военной интервенции.

Одновременно с новой угрозой империалистической агрессии обострилась классовая борьба внутри Советского Союза, где все еще имелся относительно сильный класс эксплуататоров — кулачество, которое стремилось к реставрации капиталистических порядков и на которое возлагала свои надежды мировая контрреволюция. В 1928 г. кулаки предприняли в стране широкую, заранее подготовленную акцию, попытавшись уклониться от сдачи Советскому государству зерна. Путем шантажа они намеревались вырвать у него экономические и политические уступки. Советское государство не уступило, и кулаки перешли к открытой враждебной деятельности. Они поджигали амбары с зерном, травили скот. Они не останавливались даже перед убийствами и террором.

Ответом на эти контрреволюционные происки стало ускорение создания коллективных хозяйств из крестьян бедняков и середняков. Для их защиты и укрепления необходимо было раскулачить кулаков, которые в большинстве своем владели лучшими землями. Темпы развития событий определялись самим характером этих событий — то был революционный перелом. В начале 1930 г. в колхозах было объединено более половины всех крестьянских хозяйств. Десятки тысяч коммунистов и комсомольцев вступали в колхозы, чтобы поддержать их развитие. Однако этого было недостаточно. Для обработки огромных полей требовалась техника, прежде всего тракторы. Нужно было ускорить строительство Сталинградского тракторного завода. То, что многие специалисты считали невозможным, сделали ударные бригады: летом 1930 г. тракторный завод был введен в строй. Для обеспечения производства им продукции надлежало ускорить создание новой металлургической базы на Урале; ведь импорт стали в большом объеме из капиталистических стран был невозможен. Много стали требовалось также для модернизации обороны страны.

Короче говоря, одно было связано с другим. Чтобы вырваться из этого заколдованного круга, практически предстояло делать все одновременно и в ускоренном темпе. Что это означало конкретно для трудящихся, я мог видеть в то время собственными глазами в Магнитогорске, где трудился в течение нескольких недель в составе интернациональной бригады. К этому я еще вернусь. Во всяком случае, уже тогда у меня не существовало ни малейшего сомнения в правильности и необходимости развернутого наступления социализма по всему фронту под руководством партии большевиков, ее Центрального Комитета во главе со Сталиным. В результате этого были созданы решающие предпосылки для победы Советского Союза во второй мировой войне и для дальнейшего успешного развития Советской страны.

Сталина во время моего пребывания в Москве я видел близко дважды. На IX съезде Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, состоявшемся с 16 по 26 января 1931 г. в Москве, я сидел в Большом театре на четыре ряда сзади него в

президиуме; я видел его и на заседании ЦИК СССР в Большом Кремлевском дворце. Меня привел туда Эрих Волленберг. У входа в Большой Кремлевский дворец нам встретился легендарный командир Конной армии Буденный, о военной находчивости которого в борьбе с белогвардейцами я незадолго до этого прочел увлекательный репортаж в «Арбайтер-иллюстрирте-цайтунг». Волленберг, лично знавший Буденного, представил меня ему. Я и по сей день благодарен Волленбергу за это, хотя он, как уже говорилось, позднее переметнулся на сторону противника. Хочется упомянуть еще об одной встрече — с Максом Гёльцем, легендарной фигурой многих классовых боев в Средней Германии после Ноябрьской революции. С ним, проведшим многие годы в тюрьмах Веймарской республики, мы отпраздновали в гостинице «Люкс» новогоднюю ночь 1931 г.

Самым важным делом для меня тогда были, разумеется, учеба в Ленинской школе и участие в общественной жизни в Москве, контакты с московскими трудящимися. Учился я прилежно и дисциплинированно, как и подобает представителю рабочей молодежи. Спустя много лет советские товарищи передали мне копии документов обо мне, сохранившихся в архивах Ленинской школы. Среди документов была также и последняя характеристика. «Проявил в процессе учебы интерес и способности, зарекомендовал себя как сильный и самостоятельный товарищ,— говорится в ней.— Рекомендуется для экзамена». Письменные работы имели хорошие оценки, так же как и устные ответы. В характеристике далее говорится: «Очень способный и прилежный товарищ. Активно участвовал в конференциях и консультациях. Хорошо усвоил материал курса. Умеет очень хорошо увязывать теорию с классовой борьбой в Германии. Учебные задания выполнял добросовестно; усвоенные знания оцениваются на «отлично».

Я мог быть доволен своей пятеркой, самой высокой оценкой по русской пятибалльной системе, так как наряду с учебой мы еще занимались общественной работой. Я стал членом комсомола. Мы участвовали в выборах в Московский городской совет и направляли даже своих представителей в комиссию по уборке города. Мы также регулярно участвовали в субботниках на предприятиях. Так как нам не удалось получить билеты на демонстрацию и парад по случаю годовщины Октябрьской революции и 1 Мая, мы все смотрели с крыш — «любимый вид спорта» московской молодежи в те годы, в чем я, профессиональный кровельщик, естественно, охотно участвовал. Другой вид спорта — конный — был тесно связан с нашей учебой. Я никогда не забуду последний выезд нашего эскадрона по улицам Москвы 2 мая 1931 г.

Общественная работа не только обогатила наши знания русского языка, но и позволила нам вникнуть в некоторые социальные проблемы. Ускоренная индустриализация требовала колоссальных капиталовложений. На жилищное строительство остава-

лись лишь незначительные средства. Еще не были залечены раны гражданской войны. Целые городские кварталы состояли из деревянных домов, построенных еще до революции. На улицах можно было встретить спекулянтов-нэпманов, предлагавших дефицитные товары по ценам черного рынка. Были еще и беспризорники, лишенные родителей и отчего дома дети и подростки,— наследие гражданской войны. Несмотря на существование многочисленных детских домов и детских колоний, они жили на улицах, а зимой грелись у костров на улицах и площадях.

Ускоренная индустриализация помогла решить и эти проблемы. В Советском Союзе уже не было безработных и потребность в рабочей силе росла изо дня в день. Училась вся страна. За школьную парту садились последние неграмотные. Нехватка квалифицированной рабочей силы была огромной. Во многих местах можно было встретить иностранных специалистов и среди них также прогрессивно настроенных архитекторов из Германии, представителей Строительной школы, которые, заразившись энтузиазмом советских строителей, с увлечением и хорошими результатами трудились в тяжелых условиях. Много молодежи усердно училось, готовясь стать советскими специалистами. Возросла трудовая дисциплина на предприятиях, что явилось немаловажным фактором, если учесть, что в процессе индустриализации на заводы пришли сотни тысяч неквалифицированных рабочих. Я видел это собственными глазами на Электрозаводе, крупнейшем предприятии электропромышленности Москвы, где во время учебы мне довелось работать сварщиком на субботниках.

Мы часто бывали в гостях в домах-коммунах. Некоторые молодые пары рассматривали жизнь в коммунах как новую форму своей жизни. При тогдашних жизненных условиях она представлялась по меньшей мере практичной. Можно было помогать друг другу и лучше использовать жилое помещение. При этом брачный союз таких пар не ослабевал, а, скорее, был даже прочнее по сравнению с союзом пар, ведущих традиционный образ жизни. Так как на субботниках на Электрозаводе у меня завязалось знакомство со многими комсомольцами, то я получил представление и об этой стороне жизни.

В условиях обострившейся международной классовой борьбы и в интересах безопасности коммунистов из капиталистических стран курсы в Международной Ленинской школе Коминтерна были подчинены определенным правилам конспирации. Так, у меня в Москве было конспиративное имя Фриц Мольтер. Это имя значится также в анкете, которую я заполнил в школе и копию которой я ныне имею. Имя Эрих Хонеккер там вообще не упоминается, в то время как все другие данные (дата и место рождения, социальное происхождение, профессиональное и политическое образование, должности, которые я занимал, и т. д.) являются подлинно моими.

На вопрос, заданный на нескольких языках: «Участвовал ли ты активно в гражданской войне, забастовках и т. д., когда, где и в чем выразилось это участие?», я правдиво ответил в анкете: «Забастовки — нелегальное распространение листовок на металлургическом заводе в Нойнкирхене в феврале 1930 г.» Это было у так называемого Немого памятника, памятника чугуно-сталелитейному промышленнику «королю Штумму», который и по сей день стоит в Нойнкирхене перед входом на металлургический завод. Я часто раздавал листовки у этого памятника. А свою трудовую вахту в течение нескольких недель летом 1931 г. в Магнитогорске на строительстве металлургического комбината им. В. И. Ленина я считал частью классовой борьбы против воротил военной промышленности типа Штумма.

В составе насчитывавшей 28 молодых коммунистов интернациональной ударной бригады я выехал на Южный Урал, чтобы помочь в строительстве одного из главных объектов первой пятилетки. Трудно себе представить, сколь тяжелыми являлись условия труда. Там, где сегодня высятся многоэтажные, комфортабельные жилые дома и современные общественные здания, образуя социалистический город, насчитывающий несколько сотен тысяч жителей, простиралась бескрайняя и суровая степь, люди жили в палатках и землянках. Питание, случалось, было неважным. Многие строители, большинство которых составляли только что завербованные крестьяне, были обуты в лапти. По ночам, когда стихал шум трудового дня, в степи звучали русские народные и революционные песни.

Там, где до 1929 г. не было ничего, кроме практически нетронутой горы из железной руды, в феврале 1932 г. пошел первый чугун. Затем в июле 1933 г. там была выплавлена первая сталь. Во время второй мировой войны Магнитогорск являлся становым хребтом оборонной промышленности Советской страны. Каждый третий снаряд и каждый второй танк выпускались из магнитогорской стали. С их помощью были нанесены уничтожающие удары по фашистским агрессорам, явившиеся уроком для всех любителей прибылей, наживающихся на вооружении, и империалистических «завоевателей мира»!

Когда началось развернутое наступление социализма по всему фронту, буржуазная пресса в Западной Европе и США издевательски предсказывала, что задачи пятилетнего плана будут выполнены в лучшем случае лет через 50. В 1931 г., когда дали свою продукцию первые новые предприятия, такие «прогнозы» стали делаться с большей осторожностью. Среди буржуазных специалистов можно было услышать и о признании достижений советского народа. Крупнейший в то время металлургический комбинат в мире, «Гарри-верк» в США, сооружался в течение 10—12 лет. Металлургический комбинат в Магнитогорске был построен почти в 3 раза быстрее. А Электрозавод в Москве выполнил плановые

задания первой пятилетки уже 31 марта 1931 г., за два с половиной года.

Успехи советского народа окрыляли коммунистов в капиталистических странах в их борьбе. Коммунистическая печать публиковала репортажи о великих преобразованиях в стране Красного Октября. Часто не хватало слов, чтобы отразить масштабы революционных свершений. Журнал «Югенд-интернационале» публиковал в то время материалы об ударном труде интернациональных бригад молодых коммунистов. Редактором «Югенд-интернационале» являлся в те годы Отто Винцер, занимавший позднее в течение многих лет пост министра иностранных дел ГДР.

Бурное строительство тех лет давало обильный материал для значительных литературных произведений не только советским писателям — достаточно вспомнить хотя бы «Поднятую целину» Михаила Шолохова или «Как закалялась сталь» Николая Островского,— но и некоторым прогрессивным деятелям литературы капиталистических стран. Эгон Эрвин Киш, опубликовавший уже в 1927 г. свою первую книгу о Советском Союзе «Цари, попы, большевики», в 1930 и 1931 гг. вновь побывал в стране Красного Октября. Вместе с Анной Зегерс, Гансом Мархвицей и Иоганнесом Р. Бехером он участвовал в международной конференции пролетарских писателей в Харькове и собрал в республиках Средней Азии богатый материал для своей книги «Изменившаяся Азия», изданной в 1932 г.

Особенно впечатляющим свидетельством борьбы тех лет я считаю книгу «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем», написанную Юлиусом Фучиком, чешским писателем-коммунистом, казненным фашистами в 1943 г. Это книга о его поездке в Советский Союз в 1930 г. Рассказывают, что кое-кто из друзей Фучика советовал ему отказаться от такого заголовка книги, который нелегко понять, и остроумно предлагали назвать ее «Жизнь по неправильному календарю». Однако Фучик остановился на своем, на первый взгляд парадоксальном названии, которое для свидетелей того бурного времени не только понятно, но и является очень метким.

И действительно, Москва, которую я оставил летом 1931 г., была уже заметно иной Москвой, чем та, что я увидел год назад, когда приехал. Она стала мне близка. Я являлся свидетелем того, как здесь каждодневно делалась история. Это гениально предвидел Ленин, но действительность превзошла все его самые смелые мечты. Я убеждался в этом также после 1945 г. каждый раз во время своих визитов в Советский Союз — во время поездок в Москву и на Байкал и Амур, где сооружается великая Байкало-Амурская магистраль, в Москву и на Каму, в Москву и Ленинград, Киев, Одессу, Ташкент или Иркутск, где повсюду произошли разительные изменения, где каждый день творится история.

5.
В борьбе за единый фронт

В конце 1978 г. по случаю 60-й годовщины со дня основания КПГ партийная школа им. Карла Маркса при Центральном Комитете СЕПГ опубликовала в Берлине сборник под названием «Борьба за единый фронт». В нем содержатся документы о борьбе КПГ в Сааре в 1931—1934 гг. Почти пять десятилетий спустя я смог вновь прочесть некоторые газетные статьи из саарбрюккенской газеты «Арбайтер-цайтунг», органа КПГ в округе Саар, написанные мною летом и осенью 1931 г. вскоре после возвращения из Советского Союза. Мне было тогда 19 лет, и я являлся функционером партии и союза молодежи. В сборнике есть также репортажи о политических событиях, в которых упоминается мое имя. Так ожили воспоминания о боевом времени, когда события разворачивались стремительно, что, кстати, соответствовало и моему собственному характеру в те годы, сформировавшемуся под влиянием «бури и натиска».

В течение года, пока я отсутствовал, социальное положение рабочих в Саарской области, как и в рейхе, катастрофически ухудшилось. Число безработных в Германии росло день ото дня, увеличившись с более чем 4,9 млн. в феврале 1931 г. до более чем 5,6 млн. человек к концу того же года. Возросло также число безработных, не получавших пособий по безработице и вынужденных довольствоваться грошами «благотворительности»: согласно официальной статистике, к концу 1931 г. их насчитывался почти миллион! Постоянно росло с 1928 г. число безработных в Саарской области. За 1931 г. оно резко подскочило: с 5,24% от числа всех занятых к концу 1930 г. до 13,11% к концу 1931 г. На следующий год оно увеличилось еще в 2 раза — до 30,17% всех занятых! Согласно сообщениям Статистического ведомства Саарской области, к концу 1932 г. каждый третий работоспособный был без работы и доходов. В действительности же во многих местах каждый второй рабочий оказался выброшенным на улицу.

Безработные были, однако, не единственными, кто пострадал от последствий мирового капиталистического экономического кризиса. Широкое распространение получил неполный рабочий день, который уменьшал доходы тех, кто еще не потерял свое рабочее место. Кроме того, предприниматели использовали ситуацию, сложившуюся на рынке рабочей силы, чтобы жестко урезать заработную плату. О «мировом рекорде сокращения заработной платы» писал североамериканский журналист Г. Р. Никкербоккер в своей книге «Поднимется ли Европа вновь на ноги?», изданной в 1932 г. Заметно ухудшилось также положение средних слоев населения. Возросшее число банкротств давало представление о проблемах существования ремесленников и коммерсантов. Все больше

служащих, а также ученых, артистов и художников теряли работу, и их социальное положение резко ухудшалось, истинная причина чего часто оставалась ими не понятой.

Больше всех кризис затронул пролетарскую молодежь. Множество юношей и девушек из рабочих семей не могли найти после окончания школы ни места для дальнейшего обучения, ни работы. Они не получали пособий, если кто-либо из других членов семьи имел работу. В лучшем случае их привлекали на общественные работы, где платой за труд был обед. Заниматься политической деятельностью им категорически запрещали власти Саара со ссылкой на закон об обществах от 1908 г., принятый еще во времена кайзера Вильгельма. Что же оставалось делать молодым людям? Без работы, бесправная, лишенная перспектив и полуголодная, разве не должна была молодежь искать альтернативу своему прозябанию при капитализме? Разве не следовало будить у нее интерес к революционному выходу из создавшегося положения, на который указывали коммунисты?

После моего возвращения из Советского Союза Центральный Комитет КСМГ возложил на меня функции секретаря по агитации и пропаганде в саарском окружном комитете союза молодежи. Несколько месяцев спустя, в конце 1931 г., я был назначен политическим руководителем окружного комитета КСМГ. Одновременно я также стал членом секретариата окружного комитета КПГ и окружным руководителем молодежного Ротфронта — молодежной организации Союза красных фронтовиков. Из Саарбрюккена, где на Гербертштрассе (ныне Доктор-Мауэрштрассе) помимо редакции и типографии газеты «Арбайтер-цайтунг» находились также окружные комитеты партии и союза молодежи, я часто выезжал в различные районы Саарской области, вновь и вновь воочию убеждаясь в бедственном социальном положении рабочей молодежи.

Весной 1931 г. в рейхе возродилась особая форма рабочих демонстраций: голодные походы. Те, кто был постарше, помнили голодные походы последних лет первой мировой войны. Такие демонстрации проводились также в Великобритании и США. В апреле 1931 г. КПГ провела в Эссене конгресс безработных и призвала к массовой демонстрации против нужды и бедствий. Более 20 тыс. безработных Рурской области приняли участие в голодном марше, пройдя через город с символическим названием «Эссен» (это слово имеет несколько значений: «заводские трубы», а также — «еда» и, как глагол, «есть, принимать пищу»). Несколько лет спустя мне пришлось вести в этом городе подпольную антифашистскую работу, о чем будет рассказано ниже.

В 1931—1932 гг. голодные походы прошли во всех рабочих городах рейха. Саар также не явился исключением. Продовольственное положение безработных напоминало годы мировой войны. Однако, в отличие от голодной зимы 1916—1917 гг., в 1931—

1932 гг. запасов продовольствия имелось достаточно. На глазах у мировой общественности, особенно в США, зерно и кофе сжигались в топках паровозов, молоко выливалось в море, чтобы, несмотря на «кризис перепроизводства», сохранять высокие цены. В погоне за прибылями владельцы концернов уничтожали «избыточные» продукты питания, вместо того чтобы раздать их голодающим безработным.

К счастью, в это голодное время — как только мне позволяла политическая работа — я мог ездить в Вибельскирхен к матери, которая всегда старалась меня подкормить. Как и в прежние годы, у нее имелись небольшой огород, куры, кролики и свиньи, которых она кормила отходами, остававшимися от большой семьи. Бутербродами, которые мать давала мне с собой в Саарбрюккен, я делился с безработными товарищами. Мы помогали друг другу как только могли. Мы ведь являлись соратниками в борьбе за лучшую жизнь. И у нас всегда стоял перед глазами пример СССР.

В бесчисленных беседах мне приходилось рассказывать о том, что я увидел в стране Ленина. Ведь ни для кого не было тайной, что я год находился в Советском Союзе. Многим товарищам и знакомым я посылал открытки с приветом из Москвы, среди них был и парикмахер из Вибельскирхена, который в 1977 г. в беседе перед телекамерой телевидения ФРГ с удовольствием вспоминал об этом. Однако о моей учебе в Международной Ленинской школе знали лишь немногие. Гитлеровское гестапо и фашистские судьи об этом так и не узнали.

Сразу же по возвращении из Москвы мне пришлось написать большую статью для газеты «Арбайтер-цайтунг», которая была опубликована в номере от 19—20 июля 1931 г. и посвящалась итогам «Боевого конгресса трудящейся молодежи Саара», состоявшегося 11—12 июля 1931 г. Моя первая статья после учебы в Международной Ленинской школе и сегодня дает достаточно полное представление о характере конгресса и о тогдашней политической активности КСМГ. Исходя из анализа положения рабочей молодежи, статья ориентировала на создание единого революционного фронта молодежи в борьбе против бремени кризиса и фашизма.

В нынешней обстановке, писал я в начале статьи, когда буржуазия пытается переложить бремя капиталистического кризиса на плечи трудящихся, «все слои трудящихся должны сплотиться в единый революционный фронт борьбы против грабителей народа». В статье указывалось, что половина делегатов конгресса, созванного КСМГ, состояла из представителей других молодежных организаций или из неорганизованных молодых рабочих, и дальше подчеркивалось: «На конгрессе выступали молодые шахтеры, молодые рабочие и работницы с предприятий, с биржи труда, конторские служащие. Простым языком эксплуатируемых они ярко и убедительно говорили о нужде и бедствиях, которые им

приходится терпеть. Ничто не удержало их от объединения в едином революционном фронте, будь то члены Социалистической рабочей молодежи, члены «гитлерюгенд» или молодые верующие рабочие. Все одинаково хорошо знали, что такое нужда и голод».

Конгресс показал, говорилось в статье, что создание единого революционного фронта всех слоев трудящихся возможно. Но молодым коммунистам следовало значительно усилить свою активность на предприятиях и особенно среди молодых верующих рабочих, чтобы привлечь большинство молодых трудящихся к общей революционной освободительной борьбе, к борьбе за народную революцию для ликвидации потрясаемой кризисами капиталистической системы.

В статье я выступил также против так называемых доминальных школ. Эти школы были открыты французской администрацией шахт в Саарской области, чтобы надолго обеспечить там влияние французского капитала. Различными привилегиями, например карманными деньгами, бесплатными учебными пособиями и одеждой, рождественскими подарками, эти школы заманивали к себе немецких детей, чтобы превратить их в послушных помощников французских шахтовладельцев. Я требовал: «Вон из этих школ! Пусть дети учатся в немецких школах... где следует вести революционное воспитание...»

В этой связи в статье делалась ссылка на один из важнейших документов КПГ до 1933 г. Я писал: «Мы ведем борьбу против двойного гнета германо-французской эксплуатации. Программное заявление коммунистической партии по вопросам национального и социального освобождения еще в недостаточной степени проникло в сознание масс молодых трудящихся». «Задача состоит в том,— подчеркивалось далее,— чтобы, используя этот важный документ КПГ, разоблачать националистическую и шовинистическую травлю, ведущуюся под лозунгом «возвращения в лоно германского отечества», и вместо этого выступить под лозунгом «плечом к плечу с немецким рабочим классом бороться за осуществление народной революции — вот наша задача».

«Программное заявление по вопросам национального и социального освобождения немецкого народа» было опубликовано накануне моего восемнадцатилетия, 24 августа 1930 г., в центральном органе КПГ «Ди роте фане». Но не поэтому данный документ так живо сохранился в моей памяти, а вследствие того, что он имел важное политическое содержание. Опубликованное в связи с предстоявшими 14 сентября 1930 г. выборами в рейхстаг, это заявление отнюдь не было документом, служившим лишь краткосрочным целям предвыборной пропаганды. Напротив, оно носило характер программного принципиального заявления о долгосрочных принципах политики КПГ. В нем была определена генеральная линия партии, дальновидность и историческая перспективность которой все более подтверждались в последующие годы.

Выработанное по инициативе Эрнста Тельмана Программное заявление КПГ опиралось на опыт ленинской политики союза с различными слоями трудящихся и на марксистско-ленинские принципы по национальному вопросу. Партия напоминала, что с момента своего образования она последовательно выступала против грабительского Версальского договора. Она заявила о том, что в случае победы на выборах объявит утратившими силу «все вытекающие из Версальского договора обязательства». Но для освобождения немецкого народа, подчеркивалось в заявлении, недостаточно сбросить оковы Версаля, необходимо также свергнуть господство крупного капитала в самой Германии.

КПГ выдвигала четкие и ясные требования: передача крупных предприятий, банков и оптовой торговли в народную собственность, раздел крупных помещичьих угодий среди безземельных крестьян, заключение экономического союза с СССР, ликвидация безработицы путем организации работ на самых необходимых государственных объектах с оплатой по тарифным ставкам, повышение зарплаты, расширение социального страхования, справедливая налоговая политика, отмена удорожающих пошлин, снижение цен на газ, воду, электричество и общественный транспорт, принятие мер по уменьшению жилищной нужды и, не в последнюю очередь, обеспечение равноправия женщин и молодежи.

Программное заявление указывало путь к более широкому взаимопониманию между коммунистами, с одной стороны, и рабочими-социал-демократами и верующими рабочими — с другой, к более широкой политике союза с крестьянством и средними слоями, а также к созданию единого антифашистского фронта всех противников Гитлера. На выборах 14 сентября 1930 г. КПГ получила на 1,33 млн. голосов больше, чем в 1928 г. СДПГ осталась самой сильной партией по числу полученных голосов, хотя и потеряла почти 600 тыс. голосов. Но гитлеровским фашистам удалось повысить долю поданных за них голосов с 2,6% в 1928 г. до 18,3% в 1930 г. Своей шовинистической истерией нацистская партия превзошла все другие реакционные буржуазные партии, переманив часть их избирателей. Все происшедшее подтверждало правильность выдвинутых в Программном заявлении КПГ принципов национального *и социального* освобождения.

Сам я основательно изучил Программное заявление КПГ еще в Ленинской школе в Москве. По возвращении в Саарскую область я положил его в основу своей практической работы среди пролетарской молодежи. Оно определило содержание не только конгресса трудящейся молодежи в Сааре летом 1931 г., но и всех наших митингов и демонстраций, например в связи с Международным юношеским днем в сентябре 1931 г.

То было бурное воскресенье — 6 сентября 1931 г. Оно и сегодня свежо в моей памяти, будто это было вчера. Благодаря хорошей политической и организационной подготовке нам удалось пе-

рехитрить наряд полиции числом не менее 200 человек. Уже в августе мы развернули в «Арбайтер-цайтунг» широкую кампанию в связи с предстоявшим Международным юношеским днем. Мы сообщили в газете о намеченных демонстрациях в Нойнкирхене и Саарлуи, а сами, после того как полиция запретила все молодежные демонстрации, втайне подготовили марш через Санкт-Ингберт. На свои митинги мы пригласили всех членов Социалистической рабочей молодежи и молодых верующих рабочих.

В воскресенье поутру мы сначала заманили деревенскую полицию в Нойнкирхен, а сами после короткого митинга отправились кратчайшим путем, по проселочной дороге, в расположенный в 7 *км* Санкт-Ингберт, чтобы провести там без помех массовую демонстрацию.

«Арбайтер-цайтунг» 8 сентября сообщила об этом на первой странице под заголовком: «В 17-й Международный юношеский день по улицам Нойнкирхена, Саарлуи и Санкт-Ингберта, несмотря на запрет, маршем прошли батальоны свободы». Газета писала: «Несмотря на сильный наряд полиции, 200 юношей и девушек прошли маршем по пролетарским кварталам Нойнкирхена. В двух местах перед собравшимися выступили молодые коммунисты. После демонстрации, продолжавшейся час с четвертью, колонна рассеялась. Блюстители порядка остались с носом. Свою ярость в связи с неудачей они выместили на детях. Неожиданно для полиции молодежь Санкт-Ингберта прошла колонной по городу и провела митинг. Вызванная в Санкт-Ингберт из Нойнкирхена, Гомбурга и других близлежащих пунктов полиция прибыла слишком поздно».

На митинге в Саарлуи, писала дальше «Арбайтер-цайтунг», выступил также один из членов Социалистической рабочей молодежи, заявивший о своем переходе в Коммунистический союз молодежи Германии. Его примеру под бурные аплодисменты участников митинга последовали еще три члена Социалистической рабочей молодежи. В этом определенную роль сыграли, несомненно, грубые и бесцеремонные действия полиции, которой, однако, так и не удалось разогнать участников митинга, хотя многие дети и подростки были ранены.

Буржуазные и социал-демократические историки имеют обыкновение упрекать сегодня КПГ в том, что ее тогдашняя тактика создания единого фронта «снизу» была, якобы, ошибочной и привела к тяжелым политическим последствиям. Вместо этого, утверждают они, коммунистам следовало бы стремиться к созданию единого фронта «сверху». В «академических» трактатах такие утверждения могут кое-кому показаться разумными. Но для того, кто был сознательным участником тогдашней борьбы, подобные упреки представляются неисторичными и далекими от реальности.

Разве коммунисты не предпочли бы более простой — теоретически — путь к единому фронту «сверху» более трудному пути к нему «снизу», если бы это было возможно! Будто они в политиче-

ской работе мыслили так же недиалектично, схематично и псевдоальтернативно, как вышеназванные историки: или «сверху», или «снизу»! В действительности же мы всегда стремились идти как первым, так и вторым путем. Но, к сожалению, наши усилия наталкивались на противодействие ослепленных антикоммунизмом влиятельных лидеров социал-демократии и профсоюзов.

В Сааре наибольшее число голосов на выборах избиратели обычно отдавали не СДПГ, как это было долгое время в рейхе, а партии Центра. Поэтому в борьбе за единый пролетарский фронт для нас было важно вести работу прежде всего среди религиозных рабочих. Мы сознательно оставляли в стороне спорные вопросы мировоззрения, чтобы найти общий язык в политических вопросах. И мы вели дружеские дискуссии не только с верующей рабочей молодежью, но и с католическими и протестантскими священнослужителями. Позднее, после прихода к власти в рейхе Гитлера, немало из этих контактов привело к возникновению надежных антифашистских групп, в которых действовали люди самых различных мировоззрений.

Конечно, тогда мы были готовы — разумеется, теоретически — говорить о едином антифашистском фронте также с католическими епископами или даже с самим папой римским, но практически это было невозможно и бесперспективно. Папа Пий XI издал 15 мая 1931 г. энциклику «Quadragesimo anno», в которой резко осудил и проклял отнюдь не фашистов, а коммунистов. Не намного иначе уже давно вели себя по отношению к коммунистам правые лидеры СДПГ и профсоюзов. Лишь 30 июня 1934 г., через полтора года после захвата власти в рейхе фашистами, перед лицом фашистской угрозы для Саарской области, в саарском городе Бурбахе состоялся исторически важный совместный митинг КПГ и СДПГ, на котором руководители обеих партий в Сааре наконец-то заявили во всеуслышание о своем единстве действий против фашизма.

До этого лидеры СДПГ публично отвергали или игнорировали все предложения КПГ о едином фронте. Правые лидеры, отягощенные своим предательством в августе 1914 г. и соучастием в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург в январе 1919 г., неизменно предавали Советскую страну и коммунистов анафеме. Коммунистам практически оставался лишь путь единства действий со своими товарищами по классу — социал-демократами на предприятиях, в жилых кварталах или на бирже труда. Этот путь был правилен и исторически необходим. Единство действий, единый антифашистский фронт отвечали интересам рабочих и всего трудового народа.

Настойчивая борьба коммунистов за единый фронт получила признание трудящихся Саара. Их доверие к КПГ росло. На земельных выборах в Сааре 16 февраля 1932 г. КПГ получила почти в 2 раза больше голосов, чем в 1928 г. (84 112 по сравнению с

46 541). СДПГ потеряла в Сааре более 7500 голосов. КПГ впервые стала в Саарской области рабочей партией, получившей наибольшее число голосов.

В упоминавшейся выше книге «Классовая борьба в Сааре в 1919—1935 гг. КПГ в Саарской области в борьбе за социальное и национальное освобождение народа» Люнтвиц Бис отмечал тот вклад, который внес КСМГ в победу КПГ на выборах 16 февраля 1932 г. Этому успеху, писал он, содействовала также настойчивая работа КПГ с молодежью, в которой она могла опереться «на растущую организацию КСМГ». Люнтвиц Бис отмечает далее мою тогдашнюю деятельность и упоминает написанную мной статью для сборника «Путь к свободе», изданного саарской организацией КПГ в 1931 г. в Саарбрюккене. В этой статье «развертывание широкого движения за единый фронт против фашизма и ограбления трудящихся» характеризовалось как «веление времени».

На основе «Программного заявления по вопросам национального и социального освобождения немецкого народа» от 24 августа 1930 г. окружной комитет КПГ в Сааре разработал год спустя «Программное заявление о национальном и социальном освобождении немецкого народа Саара», которое было опубликовано в саарбрюккенской «Арбайтер-цайтунг» 20—21 сентября 1931 г. Я участвовал в выработке этого заявления. Приведу несколько положений Программного заявления саарского окружного комитета КПГ, которые дают представление об особенностях классовой борьбы в Сааре.

«В Саарской области Рёхлинг, Отто Вольф (Штумм) самым тесным образом сотрудничают со Шнейдер-Крезо и де Ванделем, германский крупный капитал — с французским, чтобы и здесь усиливать эксплуатацию и поддерживать свою загнивающую экономику за счет трудящихся масс. Учитывая это и опираясь на Программное заявление ЦК КПГ по вопросам национального и социального освобождения немецкого народа, организация КПГ Саарской области заявляет: только коммунистическая партия действительно борется против грабительского Версальского договора — исходного пункта германо-французской эксплуатации саарского пролетариата».

После требования вновь присоединить Саарскую область к Германии разъяснялось: «Национальное и социальное освобождение трудящихся Саарской области может быть достигнуто не с помощью лживой демагогической и националистической фразеологии национал-социалистов... а только в жесточайшей борьбе плечом к плечу со всем революционным пролетариатом Германии против своих и чужеземных эксплуататоров и угнетателей вплоть до свержения капиталистов и создания Советской Германии». Воздавалось должное героическим усилиям советского народа в социалистическом строительстве, на успехи которого могла опереться КПГ.

Далее выражалась солидарность с товарищами по классу во Франции: «Французский пролетариат также стонет под гнетом капиталистической эксплуатации и угнетения. Под руководством Французской коммунистической партии он готовится к свержению господства эксплуататоров и установлению власти Советов во Франции».

О своих целях организация КПГ Саара заявляла: «Победивший пролетариат Германии и Саарской области безвозмездно экспроприирует не только саарские шахты, которыми владеет французское государство, но и металлургические заводы и фабрики, находящиеся в руках германских предпринимателей, а также в собственности международных акционеров, и передаст их законному владельцу — трудящимся массам... Введением 7-часового рабочего дня, 5-дневной рабочей недели, увеличением производства для удовлетворения всех потребностей мы уничтожим безработицу. Мы повысим заработную плату, ликвидировав предпринимательскую прибыль, непроизводительные расходы капиталистического способа производства, и немедленно прекратим выплату обязательных платежей и процентов по всем империалистическим грабительским договорам и соглашениям, а также выплаты в счет репараций».

На основе этого ясного Программного заявления мною была разработана боевая программа трудящейся молодежи в Сааре, которая была опубликована в сборнике «Путь к свободе», а также в книге Люитвина Биса, благодаря чему спустя много лет она вновь стала доступной для широкого круга читателей. Примечательными в этой программе борьбы молодежи являются девять совершенно конкретных, вытекающих из повседневных проблем требований, например 6-часового рабочего дня для подростков, равной оплаты за равный труд, выплаты пособий безработной молодежи, снижения возрастного избирательного ценза до 18 лет, отмены реакционных законов, ограничивавших или запрещавших участие молодежи в политической деятельности.

Программные документы КПГ и КСМГ были с воодушевлением восприняты на I конгрессе за свободу, против национального и социального угнетения в Сааре, состоявшемся 15 ноября 1931 г. в Саарбрюккене. Конгресс направил приветствие трудящимся страны Ленина в связи с 14-й годовщиной Красного Октября, подчеркнув, что социалистическое строительство в Советском Союзе является ярким примером обеспечения свободы трудящихся.

Участники конгресса были единого мнения о сущности гитлеровского фашизма. Правда, нацистская партия еще не играла тогда в Саарской области сколько-нибудь заметной роли; избиратели, неизменно голосовавшие за КПГ и партию Центра, не оставляли для гитлеровской партии никаких шансов на выборах. Но мы, конечно, сознавали опасность, исходившую от этого национал-

социалистского движения в рейхе. В Программном заявлении организации КПГ Саарской области указывалось, что крупная буржуазия создает наряду со своими традиционными партиями и организациями «новые националистические организации убийц», роль которых в Германии играет национал-социалистская партия. Прикрываясь лживой националистической и социальной фразеологией, она пытается привлечь на сторону монополистического капитала недовольных господствующими в стране порядками трудящихся. Организация КПГ в Сааре предсказывала, что фашистский «третий рейх» «будет выглядеть еще хуже», чем «нынешние нужда и бедствия».

Некоторые буржуазные авторы стремятся ныне создать впечатление, будто коммунисты осознали суть и опасность гитлеровского фашизма лишь на VII всемирном конгрессе Коминтерна, проходившем с 25 июля по 20 августа 1935 г. в Москве. Это — историческая ложь. Еще 20 июня 1923 г. Клара Цеткин на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна говорила о «борьбе против фашизма» и, ссылаясь на господствовавший уже в Италии фашизм, заявила: «Пролетариат имеет в лице фашизма чрезвычайно опасного и жестокого врага. Фашизм — самое сильное, самое концентрированное, классическое выражение генерального наступления мировой буржуазии в данный момент. Победить его — элементарная необходимость».

В упомянутой мною биографии Тельмана можно прочесть, как в течение всех лет, предшествовавших 1933 г., Председатель КПГ клеймил фашизм как смертельного врага рабочего движения и Советского Союза и предостерегал от исходившей от него опасности войны — вплоть до знаменитого лозунга в предвыборной борьбе на выборах президента Германии в начале 1932 г.: «Кто голосует за Гинденбурга, тот голосует за Гитлера, кто голосует за Гитлера — голосует за войну!» История в трагических масштабах подтвердила правильность этого предостережения.

10 ноября 1931 г. Центральный Комитет КПГ принял решение, призывавшее коммунистов не давать спровоцировать себя на индивидуальный террор в ответ на ширившийся террор гитлеровских убийц. В решении указывалось, что единственно правильным ответом на коварные и жестокие террористические методы нацистов является дальнейшее развертывание массовой антифашистской борьбы. Центральный Комитет напоминал, что индивидуальный террор не имеет «ничего общего с коммунизмом» и что такие тенденции находятся в «резком противоречии с прочным фундаментом», на котором построили стратегию и тактику революционного рабочего движения Маркс и Энгельс. Такие тенденции, подчеркивал ЦК КПГ, противоречили бы также Программе Коммунистического Интернационала.

Это решение было опубликовано 15—16 ноября в саарбрюккенской «Арбайтер-цайтунг» вместе с передовой статьей, в подготов-

ке которой участвовал также и я. В ней говорилось: «Вооруженные нападения, убийства, бесчисленные преступления национал-социалистов могут привести к мысли о мести и индивидуальном терроре. Но коммунист не должен поддаваться эмоциям». И далее: «Выстрелы одиночек не остановят нападений фашистов; здесь помогут только борьба масс, организованное сопротивление, подлинная самозащита масс на основе пролетарского единого фронта».

Я напоминаю об этой четкой позиции КПГ потому, что многие буржуазные и социал-демократические историки и по сей день утверждают, будто Веймарская республика погибла от «террора слева и справа». Так изображалось дело уже тогда в буржуазных и социал-реформистских газетах. И мы в нашей передовой статье не без оснований указывали, что любой индивидуальный террор со стороны коммунистов пошел бы на пользу только реакции и дал бы ей желанный повод для усиления подстрекательств к убийству коммунистов.

Нет, не коммунисты изобрели террор и не они прибегали к нему. Напротив, с 1919 г., со времени убийства Карла Либкнехта, Розы Люксембург и их соратников, они сами были постоянным объектом непрекращавшегося террора «справа» — террора отрядов Носке, контрреволюционных «добровольческих корпусов», рейхсвера, полиции, которую в течение долгого времени возглавляли социал-демократы, и, наконец и прежде всего,— гитлеровских фашистов.

Союз красных фронтовиков, уже с мая 1929 г. запрещенный в рейхе по инициативе имперского министра внутренних дел Зеверинга (СДПГ), смог действовать в Саарской области почти легально до 1935 г. Его члены учились дисциплинированным действиям, занимались военно-спортивной подготовкой. Они охраняли помещения, где проводились массовые мероприятия, обеспечивали порядок на демонстрациях, несли курьерскую службу, требовавшую четкого выполнения поручений. Я не помню ни одного случая, когда бы банды гитлеровских штурмовиков (СА), оплаченные и экипированные на миллионные пожертвования магнатов военной промышленности, осмелились помешать дисциплинированному маршу отрядов Союза красных фронтовиков. Не было таких случаев и во время наших предвыборных выступлений в рейхе в 1928 и в 1932 гг. Коричневые громилы СА, как и все наемники, были по натуре трусливыми. Они отваживались на террористические акты только из засады, когда знали о своем численном превосходстве или рассчитывали на поддержку полиции.

14 и 15 ноября 1932 г. я участвовал в заседании ЦК КСМГ в Прироссе под Берлином. Тогда в последний раз я видел нашего незабвенного Эрнста Тельмана, это была единственная встреча, когда мне довелось говорить с ним.

Сначала новый председатель КСМГ Фриц Гроссе сделал доклад о положении и борьбе немецкой рабочей молодежи. Затем вы-

ступили представители большинства округов. На второй день мне также представилась возможность доложить об опыте окружной организации КСМГ Саара в борьбе за антифашистский единый фронт молодежи. Я упомянул также о нашем успешном сотрудничестве с французскими товарищами и заверил, что фашисты в Сааре и в дальнейшем будут получать отпор.

Потом взял слово Эрнст Тельман. Мы сердечно приветствовали его, когда он перед этим выходил из коляски остановившегося у дома мотоцикла. И вот он стоял перед нами. Тельман дал ценные советы по методике политической работы, призвав нас постоянно учиться, овладевать теоретическими знаниями и настойчиво искать более эффективные, учитывающие специфику молодежи формы политического руководства. Он советовал нам говорить с молодежью понятным ей языком, воспитывать в ней чувство революционной романтики, всячески развивать товарищеские взаимоотношения, не забывать о работе с крестьянской молодежью, школьниками и студентами. Перед лицом лишенной здравого смысла, мистической и лицемерной нацистской пропаганды, говорил он, КСМГ должен отстаивать правильную политическую генеральную линию коммунистов, используя при этом также психологически правильные методы.

Эти слова Эрнста Тельмана я не забывал никогда. Я помнил о них в мрачные годы фашизма, в годы заключения в фашистской тюрьме. Тогда я не предполагал, что больше никогда не увижу Эрнста Тельмана. И он не мог знать, что случится в ближайшие месяцы. Он сказал: «Не только вы, молодежь, но и мы, старики, доживем до победы социализма в Германии!» Но погибая 18 августа 1944 г. в концентрационном лагере Бухенвальд от рук палачей, Эрнст Тельман был убежден, что Красная Армия окончательно разгромит гитлеровский фашизм и откроет, таким образом, путь к строительству социализма в Германии.

6.
Нелегальная работа в Рурской области

В пятницу 10 февраля 1933 г. около 18 часов в Нойнкирхене взлетел на воздух крупнейший газгольдер Германии. Грохот мощного взрыва был слышен даже в Саарбрюккене, на расстоянии 22 *км*, где я тогда находился. Сразу же после катастрофы Нойнкирхен был оцеплен. Известие о случившемся распространилось с быстротой молнии. Свыше ста погибших, более тысячи раненых, многие из них — тяжело. Жилые дома рабочих на Саарбрюккерштрассе у металлургического завода, принадлежавшего прежде братьям Штумм, полностью разрушены. Опрокинутые трамваи с людьми. Рухнуло здание кинотеатра, под его развалинами — кинозрители. Сооруженные после взрыва 1931 г. газгольдеры металлургического завода создавали угрозу взрыва хранилищ бензола...

Причина катастрофы так и не была установлена. Предположительно она была вызвана технической ошибкой. Однако этот несчастный случай имел странную особенность. Катастрофа в Нойнкирхене произошла как раз в тот момент, когда назначенный 30 января 1933 г. на пост рейхсканцлера фашистский фюрер Адольф Гитлер собирался выступить в Берлине с первой большой речью, которая должна была передаваться по радио по всей стране. Издания нацистских газет от 11—12 февраля 1933 г. вышли под броскими заголовками: «Большая речь фюрера во Дворце спорта в Берлине.— Объявлена жесточайшая борьба против марксизма.— Взрыв в Нойнкирхене».

Если, анализируя события прошлого, поразмыслить над случайным совпадением во времени объявления Гитлером «борьбы против марксизма» перед 20 млн. радиослушателей со взрывом в Нойнкирхене, то огромный язык пламени, вырвавшийся вечером 10 февраля из газгольдера металлургического завода в Нойнкирхене, может представиться зловещим историческим предзнаменованием, подобно таинственной надписи, вспыхнувшей на стене во время известного пира Валтасара и предвещавшей ужасный конец. Будучи сторонником научного мировоззрения, диалектического и исторического материализма, я не придаю значения таинственным предостережениям перед грозящей катастрофой. Однако хотелось бы напомнить о том факте, что 12 лет спустя, в конце второй мировой войны, бесчисленные улицы городов между Сталинградом и Лондоном лежали в развалинах, как и Саарбрюккерштрассе в Нойнкирхене в феврале 1933 г., и что объявленная Гитлером «жесточайшая борьба против марксизма» в конечном итоге унесла почти 50 млн. человеческих жизней.

Но вряд ли требовалось в начале февраля 1933 г. роковое огненное предупреждение «Исчислено, взвешено, признано плохим»,

чтобы предвидеть катастрофические последствия прихода Гитлера к власти для дальнейшей судьбы немецкого народа, а также других народов Европы, для мира во всем мире. Тот, кто на рубеже 1932—1933 гг. мог здраво исчислить и взвесить определенные политические факторы, мог предвидеть, куда заведет антикоммунистическая и националистическая истерия гитлеровской клики, находившейся на содержании наиболее агрессивных групп германского крупного капитала и крупного землевладения: в хаос второй мировой войны! Эрнст Тельман достаточно ясно и не один раз предупреждал: «Кто голосует за Гитлера, тот голосует за войну!»

Исчислено — уже летом 1932 г., на выборах в рейхстаг 31 июля, нацистская партия не смогла больше добиться сколько-нибудь существенного прироста голосов. А на выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 г. она уже потеряла 2 млн. голосов! КПГ же завоевала на свою сторону еще 600 тыс. избирателей. Число голосов, поданных за КПГ и СДПГ, снова явно превышало число голосов сторонников гитлеровской партии. На коммунальных выборах 13 ноября и 4 декабря усиление позиций КПГ и потери фашистов продолжались. Политические настроения изменялись. Определенные мелкобуржуазные слои начали отворачиваться от национал-социалистского движения. Тем активнее действовали закулисные покровители Гитлера.

Исчислено — из касс миллионеров в карманы нацистов потекли новые миллионы взяток (по неполным данным, с конца 1932 г. до начала 1945 г.— минимум 700 млн. марок). Перед международным трибуналом в Нюрнберге банкир Курт фон Шрёдер признал: «Когда НСДАП потерпела 6 ноября 1932 г. свою первую неудачу и, таким образом, ее взлет прекратился, поддержка со стороны германской экономики стала ей особенно необходимой». Вопреки ясно выраженной воле избирателей группа промышленных магнатов, банкиров и юнкеров обратилась 19 ноября 1932 г. к президенту Гинденбургу с петицией, содержавшей требование назначить Гитлера рейхсканцлером. Это требование подкреплялось соответствующей запиской, поданной командованием рейхсвера. 4 января 1933 г. Гитлер и Франц фон Папен встретились в доме банкира фон Шрёдера в Кёльне, чтобы непосредственно подготовить захват власти обманным путем. 30 января 1933 г. Гинденбург назначил Гитлера канцлером «германского рейха».

Взвешено — программа, провозглашенная гитлеровской партией, и проводившаяся ею политика не оставляли, в сущности, никакого сомнения, что эта партия не только состояла на службе самых агрессивных военных промышленников, но и была готова всеми средствами добиваться осуществления их классовых интересов. Несмотря на всю националистическую и социальную демагогию, применявшуюся с небывалой дотоле интенсивностью,

беззастенчивостью и искусством обмана, было ясно видно, что эта «рабочая» партия не представляла ни национальных, ни социальных интересов трудового народа, а стремилась к двум целям: к диктаторскому «искоренению марксистского рабочего движения» и к военной экспансии ради «приобретения нового жизненного пространства» для германского империализма.

Взвешено — в книге откровений Гитлера «Майн кампф», неоднократно переиздававшейся с 1925 г., т. е. доступной для всех, были открыто провозглашены планы немецких фашистов, стремившихся к установлению диктатуры и к агрессии. Тем не менее как внутри страны, так и за ее пределами имелось немало политических сил, которые поддерживали гитлеровский фашизм либо прямо, либо косвенным путем — своей политикой терпимости и умиротворения. Так, например, задолжавшим США немецким банкирам вряд ли удалось бы привести Гитлера к власти без согласия определенных кругов североамериканской финансовой олигархии. Не случайно крупный германский промышленник Карл Фридрих фон Сименс, выступая еще в октябре 1931 г. перед американскими промышленниками в Нью-Йорке, превозносил нацистскую партию как «оплот борьбы против коммунизма». Многие буржуазные и социал-демократические политические деятели в Германии, ставшие сами позднее жертвами фашизма, как и ряд буржуазных правительств, страны которых в дальнейшем подверглись фашистской агрессии, поддерживали тогда гитлеровский фашизм или проявляли к нему терпимость, потому что он являлся крайне антикоммунистическим и антисоветским.

История свидетельствует: именно партия Эрнста Тельмана была той единственной немецкой партией, которая без промедления и бескомпромиссно выступила против гитлеровского правительства. Уже 30 января КПГ призвала ко всеобщей политической забастовке против кабинета крупных предпринимателей и милитаристов, который она охарактеризовала как «неприкрытую фашистскую диктатуру», как «открытое объявление жесточайшей войны трудящимся, немецкому рабочему классу». В тот же день Центральный Комитет КПГ предложил правлению СДПГ совместно провести всеобщую забастовку против Гитлера, подобную той, что была с успехом проведена в марте 1920 г. в защиту республики против капповского путча. Однако правление СДПГ отклонило это предложение и 31 января 1933 г. заявило, что гитлеровское правительство пришло к власти «конституционным путем», а СДПГ ведет свою борьбу «на основе конституции» и предпримет внепарламентские акции, лишь если Гитлер нарушит конституцию.

В те решавшие судьбу Германии дни и часы мы в Саарбрюккене с лихорадочным волнением встречали каждую новую весть из рейха. Любое сообщение о митингах, других акциях протеста и забастовках пробуждало новые надежды. Каждая новая инфор-

мация об отказе правых лидеров СДПГ и профсоюзов бороться против Гитлера вместе с коммунистами удручала. И каждое сообщение из нараставшего подобно лавине потока новых сообщений о фашистских актах насилия против коммунистов и готовых к действиям вместе с ними социал-демократов вызывало у нас гнев и растущее возмущение. Находясь за пределами рейха, мы с тревогой наблюдали, как объединенный аппарат власти — штурмовики, полиция и рейхсвер — с беспримерной жестокостью обрушился прежде всего на коммунистов, захватывал их партийные учреждения, громил их квартиры, угрожал их жизням. Итогом истребительного похода Гитлера явились разрушение половины Европы, Освенцим и Майданек, но началом этого шабаша послужил 1933 год — год чудовищных преследований немецких коммунистов.

2 февраля 1933 г., когда стало ясно, что руководство СДПГ отказывается поддержать всеобщую забастовку против Гитлера, фашистские властители захватили Дом им. Карла Либкнехта в Берлине. 4 февраля было издано «Распоряжение рейхспрезидента о защите немецкого народа», которое под угрозой наказания запрещало любую критику нацистского правительства и предоставляло «законную» основу для преследования коммунистических функционеров, фактически вынудив КПГ уйти в подполье. Но коммунисты защищались. 7 февраля в Доме спорта в Цигенхальсе под Берлином состоялось нелегальное заседание Центрального Комитета КПГ с участием партийных руководителей из окружных организаций, на котором Эрнст Тельман подтвердил политику демократического антифашистского фронта и наметил меры по обеспечению безопасности партии, нацелив ее на продолжение борьбы в нелегальных условиях.

Поскольку стремление к единому антифашистскому фронту с каждым днем нарастало и среди рабочих и среди функционеров-социал-демократов, что усиливало опасения гитлеровских фашистов потерпеть сокрушительное поражение на назначенных на 5 марта выборах в рейхстаг, они вечером 27 февраля прибегли к провокации — подожгли рейхстаг. Абсурдно утверждая, будто рейхстаг подожгли коммунисты, они на следующий день издали пресловутый чрезвычайный указ «О защите народа и государства», который практически отменил все гарантированные веймарской конституцией права и свободы и «узаконил» безудержный террор, развязанный против антифашистов с ведома и при участии государственных органов. Было приказано арестовать руководителей КПГ. Нацистские банды захватили также и здание редакции газеты социал-демократов «Форвертс». 3 марта на нелегальной квартире был арестован по доносу Эрнст Тельман. И все же 5 марта почти 5 млн. немцев проголосовали за КПГ, мандаты которой, однако, в нарушение веймарской конституции были сразу же признаны недействительными.

Кто перед лицом этих фактов осмелится утверждать, что Гитлер пришел к власти легальным путем?

С конца февраля 1933 г. мы в Саарской области узнавали от наших товарищей, нелегально перебиравшихся к нам из рейха, все новые и новые ужасающие подробности о разгуле террора против немецкого рабочего движения. Мы не ждали от фашистов ничего хорошего и опасались самого худшего. Но то, что нам пришлось услышать об арестах, пытках, концентрационных лагерях, преднамеренных убийствах, о запугивании, шантаже и слежке, о жестоком обращении с детьми и женщинами, оказалось по своему размаху и циничной систематичности столь чудовищным, что этого не мог бы себе представить даже человек с самой буйной фантазией.

Позднее было много философских рассуждений о том, как это народ, давший миру великих поэтов и мыслителей, смог допустить ставшее массовым явлением презрение к человеку и истребление людей. Большинство элементов фашистского террора появилось, правда, гораздо раньше: линчевание в США людей с другим цветом кожи, еврейские погромы в царской России, концентрационные лагеря для буров в захваченной англичанами Южной Африке, пресловутое «убит при попытке к бегству» в период разгула контрреволюции в послевоенной Германии, массовые убийства в большинстве колоний империализма, а также пытки, высылка из страны и вынесение смертных приговоров невиновным коммунистам и социалистам практически во всех капиталистических странах. В царской России, Германии, Венгрии, Польше и Китае реакция отвечала на революционные события кровавыми расправами.

Новым в нацистской Германии являлось то, что все эти формы политического преследования и уничтожения людей гитлеровский фашизм использовал с абсолютной беспощадностью, с применением самых изощренных технических приемов и с «немецкой основательностью». При этом в антикоммунистической травле впервые открыто были использованы поставленные на службу фашизму все средства массовой информации (включая радио и кино).

Только за первые два месяца после прихода нацистов к власти были заключены в тюрьмы и подвергнуты зверским пыткам не менее 18 тыс. коммунистов из почти 360 тыс. членов КПГ, состоявших в партии в декабре 1932 г. Десятки тысяч людей нацисты бросили в концентрационные лагеря. Только лишь концлагерь Дахау, сооруженный в марте 1933 г., был рассчитан на 5 тыс. антифашистов. По неполным данным «Красной помощи», в первой половине 1935 г. было убито почти 5 тыс. антифашистов, прежде всего коммунистов, 21 тыс. предана суду, 19 тыс. приговорены к смерти или к длительному тюремному заключению. Число зарегистрированных имперским министерством юстиции казней по политическим мотивам возросло с 86 в 1937 г. до 5764 в 1944 г.

Но антифашистское сопротивление нельзя было сломить, потому что коммунисты, его душа и основа, не сдавались и, несмотря на террор и смерть, оставались верны своему делу. Мы в Саарской области также усилили антифашистскую борьбу. 1 мая 1933 г., когда Гитлер в рейхе широко замахнулся на профсоюзы, я организовал в Саарбрюккене массовую демонстрацию. Хотя публичные митинги были запрещены властями, рабочая молодежь под руководством КСМГ вышла на улицу. В этой демонстрации участвовали члены организации Социалистическая рабочая молодежь во главе с председателем окружной организации союза Эрнстом Брауном, который позднее участвовал в освободительной борьбе испанского народа и сегодня живет в Гере. Начал формироваться антифашистский единый фронт.

Весной и летом 1933 г. я неоднократно выезжал на нелегальные встречи руководителей КСМГ в «третий рейх», как официально называли свое государство одержимые манией исторического величия нацисты. Эти встречи проводились, в частности, в Мангейме, Майнце и Франкфурте-на-Майне. Мы обменивались опытом антифашистской борьбы и обсуждали меры в поддержку нелегальной работы КСМГ в гитлеровской Германии. В мае 1933 г. из Франкфурта-на-Майне в Саарскую область прибыл товарищ Вилли Ром, который взял на себя функции организационного руководителя (фактически второго секретаря) окружкома КСМГ, чтобы несколько разгрузить меня, поскольку значительно возрос объем нелегальной работы. Тогда я являлся политическим руководителем (фактически первым секретарем окружкома). В наших многочисленных беседах с руководством Социалистической рабочей молодежи и руководителями Католического союза молодежи Саарской области участвовал и Вилли Ром, который сегодня живет в Берлине, в районе Марцан.

Летом 1933 г. в различных небольших селениях Саарской области, в Вибельскирхене, Нойнкирхене, Зульцбахе и в других местах КСМГ установил определенные политические связи с Католическим союзом молодежи, Социалистической рабочей молодежью, Обществом молодых друзей природы и евангелическими молодежными группами. Устраивались совместные туристические походы, которые мы использовали для политических бесед и обсуждения вопросов антифашистской борьбы. Официальные соглашения и договоренности о совместных действиях достигались с большим трудом; некоторые представители Католического союза молодежи считали, например, что открытое сотрудничество с коммунистами затруднит деятельность союза.

Большой поддержкой для нашей борьбы явился Европейский антифашистский рабочий конгресс, проходивший с 4 по 6 июня 1933 г. в Париже. Помню, как мы, небольшая делегация рабочей молодежи Саара под моим руководством, отправились в Париж на старом «мерседесе» — это показалось нам дешевле и надежнее,

чем поездка по железной дороге. В перерывах между заседаниями конгресса мы знакомились с французской столицей, которая произвела на меня большое впечатление. В те годы я побывал в Париже минимум три раза, хотя это были непродолжительные поездки: на конгресс в июне 1933 г., затем на всемирный конгресс молодежи против войны и фашизма 22—25 сентября 1933 г. и, наконец, в начале марта 1935 г., после того как мне пришлось навсегда покинуть Саарскую область.

Если мне не изменяет память, в июне 1933 г. мы осмотрели некоторые достопримечательности Парижа, в частности знаменитую Стену коммунаров, у которой в 1871 г. были расстреляны бесстрашные герои Парижской коммуны, а также Компьенский лес, где в 1918 г. в железнодорожном вагоне было «достигнуто соглашение» о перемирии. 22 июня 1940 г. гитлеровские фашисты взяли на том же самом месте реванш, продиктовав Франции унизительные условия перемирия.

Оба конгресса в Париже способствовали мобилизации международной общественности на борьбу против военной опасности, исходившей от гитлеровского фашизма. В руководстве работой конгрессов участвовали такие известные деятели, как Анри Барбюс, Андре Жид и Ромен Роллан. На конгрессе в июне я выступил в качестве представителя немецкой молодежи и напомнил о предостережении Эрнста Тельмана: «Кто голосует за Гитлера, тот голосует за войну!» Шесть лет спустя эта война стала мрачной действительностью. В 1933 г. конгрессы помогли пробудить интернациональную солидарность с жертвами фашизма. Так, на сентябрьском конгрессе в зале в первом ряду было оставлено свободное место, украшенное цветами в честь погибшего под топором палача двадцатилетнего рабочего из Гамбурга, члена КСМГ Бруно Теша, ставшего одной из первых жертв кровавой нацистской юстиции.

Летом 1933 г. я наряду с работой среди молодежи занимался расширением нелегальных связей с окружными организациями КСМГ в Мангейме и Франкфурте-на-Майне и участвовал в подготовке расширенного заседания Центрального Комитета КСМГ, запланированного на начало августа 1933 г. в Амстердаме. В Мангейме я познакомился с Хайнцем Гофманом, слесарем по ремонту машин и активным молодым коммунистом, который позднее участвовал в освободительной борьбе испанского народа, а ныне является членом Политбюро Центрального Комитета СЕПГ, генералом армии и министром национальной обороны ГДР. В то время там работал также Кучи, Курт Мюллер, после войны он был активным членом КПГ Западной Германии, теперь он член СДПГ. В 1933 г. он хорошо проявил себя в юго-западной Германии; будучи социал-демократом, он выступал за единый антифашистский фронт, против линии руководства СДПГ. Я познакомился и с Вильгельмом Флорином. Тогда он какое-то время защищал

тезис об «обанкротившейся СДПГ» — это не содействовало борьбе за единство действий.

Обстановку расширенного пленума Центрального Комитета КСМГ, состоявшегося в начале августа 1933 г. в Амстердаме, позднее образно обрисовал Фриц Гроссе, с которым я лично познакомился на заседании в Прирoсе в ноябре 1932 г. Пленум проходил на борту моторного катера, на котором мы, чтобы уберечься от шпиков, под видом группы туристов вышли по городскому каналу Амстердама в Североморский канал. Мы, в частности, обсудили вопросы сотрудничества с католической молодежью, опытом работы с которой я мог поделиться. В Амстердаме было решено, что я как можно скорее должен отправиться в Рурскую область для нелегальной работы в качестве инструктора Центрального Комитета КСМГ и политического руководителя окружной организации союза.

Летом 1933 г. в Эссене было арестовано руководство КСМГ. Окружного комитета практически больше не существовало. С Коммунистическим союзом молодежи Германии происходило то же, что и с партией: в начале июня 1933 г. почти полностью были разгромлены 17 из 22 окружных комитетов КПГ. Но потому что о прочности ее рядов заботились новые борцы, заменявшие арестованных товарищей, партия продолжала существовать. Несмотря на преследования, в Эссене, как и по всей Рурской области, активно действовали многочисленные нелегальные группы молодых коммунистов. Одну из них возглавлял Альберт Вайхерт, который еще в 1930 г. отвечал в окружном комитете КСМГ Рурской области за политическое руководство агитационно-пропагандистскими группами (их можно сравнить с нынешними группами политической песни). Я установил с ним связь в августе 1933 г. в Эссене. При этом я должен был назвать ему пароль и предъявить половину определенной картинки, которые в то время вкладывались в пачки сигарет. Моими подпольными кличками были тогда Герберт и Герберт Юнг, хотя я по-прежнему должен был разъезжать с саарским удостоверением личности, в котором указывалась моя настоящая фамилия.

Эссен, тогда еще типичный заводской город с копрами и домнами, напоминал мне родной город Нойнкирхен, только он был намного больше, насчитывая около 650 тыс. жителей. Роман Ганса Мархвицы «Штурм Эссена», опубликованный в 1930 г. и запрещенный в 1931 г., воссоздает правдивую, живую картину города, днем окутанного пеленой испарений и дыма, а ночью освещенного заревом огня вечно грохочущих заводов и фабрик. Для меня Эссен был городом не Круппов, а борющегося рабочего класса.

Альберт Вайхерт смог подыскать мне несколько безопасных квартир в западных кварталах Эссена и в пригородном дачном поселке. Встретившись, мы с ним произвели «инвентаризацию» нелегальной работы. Через два-три дня мы довольно точно знали, кто действует активно, кого следовало подбодрить, как можно наи-

лучшим образом использовать имевшихся в нашем распоряжении товарищей. Наметили политическую линию и организационные принципы. Теперь можно было действовать.

«Прежде всего,— говорится в воспоминаниях Альберта Вайхерта,— мы отказались от принципа больших групп. Мы создали «пятерки», позднее — «тройки». Это хорошо оправдало себя в подпольной работе. Поэтому в 1933—1934 гг. гестапо не удалось арестовать членов подпольного союза молодежи в Эссене. Под руководством Эриха Хонеккера мы так перестроили свою организационную работу, что могли сказать: теперь мы добились довольно надежной безопасности». Особенно важным Альберт Вайхерт считает тот факт, «что Эрих Хонеккер прибыл с новой политической линией: отказаться от сектантского мышления, перейти к объединению всех антифашистских сил!» В этом отношении в Рурской области тогда имелись большие, еще не полностью использованные возможности. Однако для мобилизации всех сил прежде всего необходимо было политически и организационно укрепить организацию КСМГ.

В сентябре — октябре 1933 г. мы во всех городских районах Эссена восстановили нелегальные организации молодежного союза. Была установлена прочная связь с подпольной организацией партии. В нашем распоряжении имелся множительный аппарат, который находился в квартире одного из членов нашего союза на Бургхардтштрассе в западной части города. На нем мы печатали свои листовки. Я тогда написал — чаще всего это приходилось делать по ночам — немало листовок. Нам даже удалось наладить выпуск на гектографе газеты «Юнге ругарде». Большое участие в этом деле принимал Вилли Ром, прибывший в Рур из Саарской области примерно в октябре, чтобы оказать мне организационную помощь в создании окружного комитета КСМГ. Нам также помогал Отто Визнер. Он являлся руководителем организации Красных юных пионеров Рурской области, а затем инструктором окружного комитета КСМГ. Отто Визнер, ныне живущий в ГДР, раздобыл пишущую машинку и стеклограф и установил их в котельной католической больницы в Оберхаузене. Там мы тоже размножали листовки.

Нелегальным путем с помощью товарищей из Рейнско-Рурского пароходства мы получали много листовок, газет и брошюр из Голландии. Знаменитую «Коричневую книгу о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре», изданную летом 1933 г., и другие информационные материалы о процессе по делу о поджоге рейхстага, начавшемся 21 сентября 1933 г. в Лейпциге, мы получали в маскировочных обложках с безобидными названиями. Я помню еще одну из таких книжек, изданную в виде поваренной книги фирмы Мондамин, а внутри содержавшую материалы об убийстве нашего товарища Иона Шеера 1 февраля 1934 г. в застенке гестапо на берлинской Принц-Альбрехтштрассе. Представители

акционерного общества Мондамин разъезжали по всей стране и предостерегали от приобретения этой книги, что лишь повышало интерес к ней. Хотя мы, подпольщики, постоянно подвергались величайшей опасности, мы не теряли бодрости духа. При любой возможности мы зло высмеивали наших врагов. Один такой случай произошел летом 1933 г. на спортивном стадионе в Дортмунде. Тогда всем было известно, что начальник штаба нацистских штурмовых отрядов СА Эрнст Рем, как и некоторые другие высокопоставленные руководители СА, имел склонность к гомосексуализму. В ночь накануне запланированного в Дортмунде большого парада частей СА, который должен был принимать сам капитан Рем, молодежь из КСМГ прикрепила к стене стадиона во всю его ширину плакат: «Внимание СА, штаны долой, Рем идет!»

Год спустя, 30 июня 1934 г., во время жуткой «ночи длинных ножей» этот главарь штурмовиков, а вместе с ним около тысячи человек из ближайшего политического окружения нацистского руководства были убиты своими же единомышленниками. При этом насильственном «разрешении» внутренних противоречий гитлеровского фашизма оказался также убитым секретарь фон Папена. Сам же Папен, который еще лично приезжал в Саарскую область на похороны жертв взрыва в Нойнкирхене, где нагло представлял гитлеровцев, потерял свой пост вице-канцлера и был отправлен посланником за границу. Расправа с Ремом и его приспешниками служила консолидации фашистской системы, которая в то время отнюдь не являлась столь прочной, как кое-кто думает сегодня.

До 1934 г. КПГ и СДПГ в Рурской области были еще внушительной силой. Только на одной-единственной улице Дортмунда, Райнишенштрассе, на выборах 12 ноября 1933 г. свыше 2 тыс. человек сказали свое «нет» нацистам. Гитлер увязал эти «выборы в рейхстаг» с «голосованием» о выходе Германии из Лиги наций. Каждый, кто приходил в «избирательный участок», получал значок со словом «да». Так оказывалось психологическое давление на «избирателей». Тем не менее свыше 2 млн. немцев уклонились от «голосования», а более 3 млн. сказали решительное «нет».

Я и сегодня еще хорошо помню об этом, потому что присутствовал при «подсчете» голосов на некоторых избирательных участках в Дортмунде. Остановился я в тот день у товарищей из городской организации КСМГ Дортмунда. Одним из них являлся Эрнст Вабра, бывший тогда ответственным представителем Центрального Комитета КСМГ в округах Средний Рейн, Нижний Рейн и Рурской области. Моей соседкой по квартире оказалась проживающая сегодня в ФРГ отважная молодая коммунистка Берта Карг, которая вплоть до ее ареста в начале 1934 г. осмотрительно вела политическую работу в округе Нижний Рейн. Рола, как обычно называли Берту Карг, сумела вовлечь в единый фронт против Гитлера широкие круги молодежи вплоть до католической молодежи. При содействии капеллана Йозефа Россена она

выступила в монастыре св. Анны в Дюссельдорфе перед 40—50 членами организации молодых католиков, стремясь привлечь их к совместным акциям против фашизма.

Берта Карг, прибывшая для подпольной работы из Ленинской школы в Москве, поддерживала до конца января 1934 г. связь с Россеном и Францем Штебером, руководителем католических групп, насчитывавших до 1936 г. по всей стране еще почти 40 тыс. членов. Центр упомянутых групп находился в Доме молодежи в Дюссельдорфе. Этот Дом молодежи нацисты закрыли сразу же после своего прихода к власти, но позднее после заключения так называемого имперского конкордата Ватикана с гитлеровским правительством 20 июля 1933 г. были вынуждены вновь открыть его. А в декабре 1936 г., приняв «закон об организации гитлерюгенд», запрещавший все другие молодежные организации, окончательно закрыли его.

Россен и Штебер, как и их молодежь, были чудесными людьми. Они мужественно боролись против фашизма даже тогда, когда и одеяние священнослужителей уже не защищало их от преследований. В январе 1936 г. Россен и Штебер вместе с более чем 60 функционерами католической молодежи были арестованы и в апреле 1937 г. предстали перед гитлеровским так называемым «народным судом». Россена приговорили к 11, а Штебера к 5 годам тюремного заключения. Все это я узнал в тюрьме Бранденбург-Гёрден от Фрица Гроссе, лично знавшего Россена и приговоренного в марте 1936 г. к пожизненному заключению.

После 1945 г. Йозеф Россен явился одним из основателей Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ) в земле Северный Рейн-Вестфалия. Сегодня он, несмотря на свой преклонный возраст (он родился в 1902 г.), занимает в ФРГ пост председателя Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме. Там же живет и Франц Штебер.

В 1933—1934 гг. возросла готовность к сотрудничеству с КСМГ среди ориентировавшейся на социал-демократов молодежи и верующей молодежи. Устраивались совместные турпоходы. Члены КСМГ принимали участие в мероприятиях христианских союзов молодежи, прежде всего Католического союза молодежи. В издававшихся еще легально церковных журналах публиковались статьи коммунистов. И даже проводились совместные нелегальные акции по распространению листовок.

Альберт Вайхерт поддерживал связь с членами общества Друзей природы в Эссене, которые иногда по ночам — с соблюдением мер безопасности, например правила работать в перчатках,— распространяли наши листовки, журналы и брошюры в маскировочных обложках, опуская их в почтовые ящики заранее намеченных по плану домов. Вилли Ром установил связи с другими церковными кругами, например с капелланом в Гельзенкирхене, с помощью которого весной 1934 г. была проведена конференция

представителей КСМГ и Католического союза молодежи. Несмотря на конспиративный характер моей деятельности, исключавший личные контакты с большими группами лиц, я также принял участие в этой конференции.

В конце 1933 г. я, невзирая на зимнюю погоду, все еще жил в домике одного товарища в дачном поселке Солнечное Сияние в Эссене-Хаарцопфе на юго-западной окраине города. Там с наступлением темноты я мог незаметно встречаться с товарищами из всех уголков Рурской области. И там же в тесном кругу находившихся на нелегальном положении молодых коммунистов была отпразднована новогодняя ночь. Несмотря на суровый опыт уходившего 1933 г. и неопределенность наступавшего 1934 г., это был радостный праздник, о котором я охотно вспоминаю. После 1945 г. я часто рассказывал о нем, празднуя встречи Нового года, как и о встрече Нового, 1931 г. в Москве вместе с Максом Гёльцем, которого в конце 1933 г. уже не стало: 15 сентября 1933 г. он погиб в Советском Союзе в результате несчастного случая.

Удаче скромного веселого праздника в канун 1934 г. в немалой степени способствовала дерзкая идея Альберта Вайхерта. Утром 31 декабря ему удалось устроить несколько молодежных функционеров, находившихся на нелегальном положении, в том числе и меня, подсобными рабочими к надежным водителям, работавшим в тогда еще не приобщенном к «господствующей идеологии» потребительском кооперативе «Айнтрахт» («Согласие»). Весь тот день на складе было большое оживление, связанное с доставкой продуктов и напитков. Никто не спрашивал у нас ни фамилий, ни адреса. Мы просто работали, целый день таскали ящики с сосисками, карпами и тяжелыми бутылками. При этом кое-что доставалось и нам. Дочь одного из наших товарищей работала заведующей потребительского кооператива, и она снабдила нас едой к встрече Нового года. Нас, тогда совсем молодых людей, не имевших постоянных доходов, особенно тронуло это скромное проявление солидарности.

В начале 1934 г. мы решили открыто напомнить о себе. Участники пленума в Амстердаме рассказывали об успешных акциях по распространению листовок в Берлине в июле 1933 г. Участвовавшие в этих акциях берлинские товарищи наделали много шума: они разбрасывали листовки с верхних этажей многолюдных универмагов в центре Берлина. Нечто подобное, решил я, можно было сделать и в Эссене; там на площади Лимбеккерплац, оживленном перекрестке вблизи городского центра, находился универмаг Альтхоф (теперь этот универмаг, который горел во время войны, принадлежит концерну Карштадт). Над фасадом здания универмага, выходившего на площадь Лимбеккерплац, возвышалась башня. В ней находилось кафе с туалетами. Осмотр башни, проведенный вместе с Альбертом Вайхертом, показал: это самое подходящее место.

Я набросал зажигательный текст. На нашем стеклографе мы отпечатали штук 250 листовок. Дождавшись ветреного дня, выбрали момент, когда у магазина скопилась публика, и, сдерживая волнение, отправились на место действия. Охранявший меня Альберт незаметно держался поблизости. Закрыв за собой дверь с табличкой «занято», я распаковал листовки и, хорошо прицелившись, несколькими пачками выбросил их из окна, ветер сразу подхватывал листовки. Они еще весело порхали к земле, а я уже быстро покинул универмаг, Альберт следовал за мной.

Несколько минут спустя — мы уже успели вскочить в шедший к Фихоферплац трамвай № 9 — к универмагу примчалось несколько машин с штурмовиками и полицией, которые оцепили территорию вокруг здания. Чтобы наблюдать за происходившим из безопасного места, мы, как это и было задумано, пересели на Фихоферплац в трамвай, шедший в обратном направлении, к заводам Круппа в западной части города, и таким образом еще раз проехали мимо Лимбеккерплац. Там множество военных и штатских лихорадочно собирали остатки листовок и искали виновников происшествия. Хотя многочисленные прохожие были очевидцами этой акции и в городе еще несколько дней говорили о ней, нацистская пресса не обмолвилась об инциденте ни словом. Не могло же гестапо публично признать, что коммунистам из КСМГ снова удалось ускользнуть от него.

Вспоминая теперь о моей длившейся почти год подпольной работе в Рурской области, я до сих пор удивляюсь, как это огромный нацистский аппарат столь долго не мог напасть на мой след. Правда, относительно широкая сеть нелегальных связей со многими товарищами в многочисленных городах Рурской области была налажена таким образом, что нацистские ищейки, если им не приходил на помощь случай, запутывались в этой сети, не добравшись до центра, о существовании которого они, несомненно, догадывались. Однако еще до наступления лета 1934 г. мне пришлось прекратить свою деятельность в Руре. Некоторые случившиеся той весной события показали, что положение мое небезопасно,— фашистская система слежки становилась все более совершенной.

Насколько помнится, это произошло в феврале 1934 г., когда я вместе с Альбертом Вайхертом отправился в Дюссельдорф, где должна была состояться важная встреча с другими функционерами КСМГ. Когда мы собрались выйти из вагона на центральном вокзале Дюссельдорфа, шедший впереди меня Альберт увидел, что на перроне происходила проверка документов и двое наших товарищей уже попали в нее. Как вспоминает Альберт Вайхерт, их арестовали. Нам с Альбертом необходимо было избежать контроля. Мы остались в вагоне и, как пишет в своих воспоминаниях Альберт Вайхерт, проехали до Бенрата, а там пересели в поезд на Эссен, где я из предосторожности переменил квартиру.

За этим неприятным случаем вскоре последовал второй: однажды вечером, после встречи с двумя товарищами из молодежной организации, меня у эссенского кинотеатра «Лихтбург» остановил сотрудник криминальной полиции и велел пройти с ним «для выяснения личности». После проверки меня отпустили. Что это, слежка? Может быть, они знали или догадывались о моей политической работе? Или я уже числюсь в их розыскных списках как функционер КСМГ из Саарбрюккена? Может быть, меня отпустили, чтобы выявить мои связи? А может, они посчитались с моим статусом жителя Саарской области? С Сааром фашисты заигрывали, некоторое время спустя это выразилось в том, что 19 мая 1934 г. делегация саарских рабочих была в порядке исключения допущена к находившемуся в тюрьме Эрнсту Тельману. Или же криминальная полиция в Эссене действительно считала, что я — заподозренный в воровстве молодой бродяга, как это заявили мне в обоснование моего задержания?

Твердого ответа на все эти вопросы у меня тогда не имелось. Я должен был предположить наихудшее. Несомненно, полиции было документально известно, что некий Эрих Хонеккер из Саарской области находится или находился в Эссене. Ведь в криминальной полиции я пытался создать впечатление (и думаю, мне это удалось), что приехал в Эссен лишь на несколько дней, чтобы узнать, можно ли устроиться там на работу. А когда меня отпустили, я сделал все, чтобы криминальная полиция поверила, что я сразу же уехал в Саарбрюккен.

Три года спустя, в июне 1937 г., на моем процессе в «народном суде» выяснилось, что полиция была хорошо осведомлена. В обвинительном заключении говорилось: «15 февраля 1937 г. (имелся в виду, разумеется, 1934 г.— *Э. Х.*) окружной секретарь криминальной полиции Шрёдер наблюдал обвиняемого Хонеккера, когда тот встречался в Эссене с разыскивавшимися в то время функционерами КСМГ Вайнандом и Марком. Чтобы ознакомиться с его документами, Шрёдер задержал его тогда у кинотеатра «Лихтбург» под предлогом, что тот подозревается в воровстве. Поскольку Хонеккер предполагал, что это задержание связано с его политической деятельностью, он в тот же день возвратился в Саарскую область».

В ходе слушания дела в «народном суде» разбирался вопрос: не есть ли «обвиняемый Хонеккер» тот самый Герберт, который в 1933—1934 гг. руководил деятельностью КСМГ в Рурской области? Поскольку все товарищи, вызванные в суд в качестве свидетелей, отрицали это (подробнее об этом будет рассказано ниже), то все свелось к свидетельским показаниям окружного секретаря криминальной полиции Шрёдера. Рекламируя усердие криминальной полиции, он утверждал, что с момента моего прибытия из Саарской области в феврале 1934 г. до самого возвращения сразу же после проверки документов у «Лихтбурга» я находился под на-

блюдением! Это хвастовство сняло с меня — разумеется, невольно — подозрение, что я и Герберт — одно и то же лицо. Данное обстоятельство имело немаловажное значение при определении мне меры наказания.

Но 15 февраля мне и в голову не могло прийти, что инцидент у «Лихтбурга» когда-нибудь пойдет мне на пользу. Напротив: стоило гестапо навести обо мне справки в Саарской области, и оно узнало бы, какую роль я играл в КСМГ. Как мне стало известно после 1945 г. из обнаруженных документов, весной и летом в Берлин все же были направлены два донесения обо мне: первое, поступившее в начале марта от гестапо Дюссельдорфа, уведомляло о пребывании в Эссене функционера КСМГ Эриха Хонеккера из Саарской области. Вторая информация, датированная июлем 1934 г., была почерпнута из обвинительного акта против группы товарищей, которые были схвачены при нелегальной переброске литературы из Саарской области в Германию и один из которых, разумеется считая, что я нахожусь в полной безопасности в Саарской области, назвал мое имя. После этого против меня также было выдвинуто обвинение и объявлен розыск.

Как уже говорилось, я об этом ничего не знал. Известно мне это стало позднее. Однако весной 1934 г. я узнал еще об одном настораживавшем случае. Гестапо в Эссене вызвало в марте на допрос 17 девушек и 12 юношей. Они были членами группы Друзей природы, которую давно знал Альберт Вайхерт. В январе 1934 г. он привлек ее к распространению листовок. Я знал об этом и однажды сам беседовал с руководителями указанной группы. Альберту удалось вовремя договориться с вызванными на допрос о даче ими безобидных и одинаковых показаний. Они должны были рассказать в гестапо, что вместе ходили в турпоходы, пели песни и разучивали народные танцы, а политикой совсем не занимались. Девушки и юноши так и поступили, и их скоро отпустили домой. Но легкомысленное отношение к этому с нашей стороны было бы неуместно. И вот весной 1934 г. к нам прибыл курьер из Берлина, сообщивший, что службе обеспечения безопасности нашей партии стало известно: гестапо знает подпольные клички руководителей КСМГ в Рурской области, и нам следует срочно перебраться в Голландию. Альберту пришлось еще на некоторое время задержаться в Эссене, так как его мать находилась при смерти. Это время он был намерен «вести себя спокойно», а затем последовать за нами в Голландию. Мы сердечно распрощались. Его арестовали в декабре 1934 г. в Эссене, судили и приговорили к 4 годам каторжной тюрьмы. Нам довелось свидеться только в 1937 г. (причем мы не имели даже возможности поздороваться друг с другом) в «народном суде» в Берлине, куда его доставили из тюрьмы Герфорд в качестве свидетеля на мой процесс. И в этой сложной ситуации он держался мужественно.

7.
Антифашистская борьба в Сааре и на Шпрее

Когда осенью 1934 г. я по решению Политбюро Центрального Комитета КПГ был в связи с предстоявшим плебисцитом о принадлежности Саара отозван в Саарскую область с подпольной работы в рейхе, которую в последнее время вел в округах Пфальц, Гессен, Баден и Вюртемберг, мы как-то в одной из поездок вместе с Гербертом Венером — тогда он был кандидатом в члены Политбюро Центрального Комитета КПГ, а ныне — председатель фракции СДПГ в бундестаге ФРГ — проезжали мимо Вибельскирхена. Венер, известный в свое время под партийной кличкой Курт Функ, спросил меня, сколько избирателей проголосует здесь против присоединения к рейху. Я ответил: «Максимум 30—35%!» Он не хотел верить. Но 13 января 1935 г. таких голосов оказалось даже еще меньше. Большинство проголосовало за присоединение к рейху, хотя с 1933 г. речь шла о «третьем рейхе» гитлеровских фашистов.

Большинство жителей Саара отнюдь не являлись сторонниками Гитлера и даже были против него, но поддались националистической пропаганде. 1 марта 1935 г. Гитлер «вернул» их «домой», а затем 1 сентября 1939 г. вверг в пучину второй мировой войны. Саарская область в составе «третьего рейха» прожила в условиях мира лишь четыре с половиной года. Это были годы подготовки к войне, самой кровопролитной из войн в истории человечества, принесшей смерть и бедствия также и населению Саара. История показала, что присоединение Саарской области к гитлеровской Германии оказалось гибельным решением, что тогда имелась лишь одна разумная альтернатива — сохранение статус-кво. О присоединении к Франции — третья возможность, предусматривавшаяся Версальским договором как результат референдума через 15 лет после отделения от Германии,— большинство населения Саара даже и не помышляло. За все 15 лет французской оккупации и пребывания под управлением Лиги наций за политические группы, требовавшие присоединения к Франции, никогда не голосовало более 2,7% населения Саара, насчитывавшего около 700 тыс. человек.

Я уже писал, что КПГ с 1918/1919 гг. неизменно выступала за возвращение Саарской области Германии. Правда, нам представлялось, что это будет присоединение «Красного Саара» к прогрессивной, миролюбивой, социалистической Германии, в которой рабочие и крестьяне обретут свои права, трудящиеся будут пожинать плоды своего труда, а милитаристы и военные промышленники будут лишены власти и экспроприированы, к Германии, стоящей на стороне Советского Союза. Таков был смысл лозунга, выдвигавшегося коммунистами в течение многих лет, которым я

еще в сентябре 1931 г. закончил свою уже упоминавшуюся статью в программной брошюре «Путь к свободе»: «Да здравствует борьба за красную Саарскую область в составе свободной социалистической Германии!»

Эта цель совсем не была нереальной, как ошибочно полагает Патрик фон цур Мюлен в своей книге «Бейте Гитлера в Сааре! Борьба на плебисците, эмиграция и сопротивление в Саарской области в 1933—1935 гг.». Эта изданная в 1979 г. в Бонне книга содержит немало фактов, свидетельствующих о большом и возраставшем влиянии КПГ в Сааре в те годы. И целью захвата власти в рейхе ставленником наиболее агрессивных групп военного капитала Гитлером было «положить конец» путем кровавой диктатуры растущему влиянию в массах партии Эрнста Тельмана и ее политике единого фронта всех трудящихся. До 1933 г. «свободная социалистическая Германия» являлась вполне реальной возможностью, а не просто лишь какой-то сокровенной мечтой. Но чем больше гитлеровский фашизм утверждался в Германии террором и демагогией и чем дольше отсутствовали широкие боевые действия всех объединенных в едином фронте антифашистов, тем меньше становились реальные шансы для достижения первоначальных целей. Началось переосмысление складывавшейся обстановки. В течение 1934 г. в ходе борьбы партия пришла к пониманию необходимости поддержки статус-кво в Сааре.

Люитвин Бис в своей упоминавшейся книге о классовой борьбе в Сааре в 1919—1935 гг. называет борьбу вокруг плебисцита «суровой и неравной борьбой». Это правильная оценка. Не следует думать, что мы считали тогда статус-кво особенно привлекательным! Непростым делом было даже разъяснение большинству избирателей смысла и значения этого латинского термина. В переводе на немецкий статус-кво означал: все должно остаться так, как есть. Но кто из саарцев хотел, чтобы все осталось так, как было! С экономической и социальной точек зрения ни рабочие, ни крестьяне не могли всерьез желать, чтобы все оставалось так, как было в 1934 г. Не иначе думало и подавляющее большинство ремесленников, торговцев и мелких предпринимателей.

В ожидании предстоящего плебисцита французские капиталисты изъяли из Саара практически все свои капиталы. Они отказывали даже в краткосрочных кредитах, с помощью которых саарские торговцы годами выгодно покупали французские товары. В то же время заправилы германской экономики ухитрились при помощи нацистских властей скупить в Саарской области большие партии товаров и заморозить вплоть до исхода референдума активы продавцов этих товаров в банках рейха. Организовав «утечку капиталов» из Саара, французские и германские финансовые круги в молчаливом согласии создали там искусственный финансовый кризис, что не могло не привести — перед самым плебисцитом —

к обострению и без того еще не миновавшего крупного экономического кризиса. В 1934 г. в Сааре насчитывалась 51 тыс. безработных,— такого высокого уровня безработицы там еще не бывало.

Металлургическая, сталелитейная промышленность Саарской области, финансировавшаяся еще в значительной степени французским и бельгийским акционерным капиталом, уже в 1931 г. была включена в торгово-сбытовой картель германской тяжелой индустрии. Благодаря этому саарские стальные короли уже с 1933 г. наживались на вооружении фашистской Германии. Это отнюдь не мешало им быть основными поставщиками орудийных башен и другого вооружения для французской линии Мажино. Но кто из немецких и французских солдат, стрелявших зимой 1939/40 г. друг в друга как в смертельных врагов, мог знать, что на сооружении и «западного вала», и линии Мажино, бессмысленных в военном отношении военных объектов, зарабатывали все те же саарские стальные короли!

Крупнейшим в то время стальным королем в Сааре был Герман Рёхлинг, которого называли «господом богом из Фёльклингена». 31 марта 1933 г. Рёхлинг посетил Гитлера и предложил свой план возвращения Саара в ходе намеченного на 1935 г. референдума, который был одобрен Гитлером. Рёхлинг, хорошо знавший, сколь малы шансы НСДАП в Сааре, предложил Гитлеру политический союз буржуазных партий в Сааре, включая самую влиятельную среди избирателей партию Центра, «самороспуском» которой в «третьем рейхе» уже занимался Гитлер. Он произошел спустя несколько недель. 3 мая 1933 г., на следующий день после штурма нацистами профсоюзных центров в Германии, Рёхлинг вновь посетил Гитлера. Люнтвин Бис в своей книге о классовой борьбе в Сааре подробно описал отдельные этапы сговора Рёхлинга с Гитлером. 15 июля 1933 г. у нас наконец было объявлено о создании «Германского фронта», в котором буржуазные партии «слились» с нацистами, в результате чего практически, как и в рейхе, сами распустили себя.

«Германский фронт» выдвинул лозунг: «Кто не за Гитлера — тот за Францию!» Эта националистическая демагогия не только оказалась более «привлекательной» для избирателя, чем латинский термин «статус-кво», но и подпиралась несравненно большими материальными средствами: капиталами Рёхлинга, финансовыми и пропагандистскими средствами всего «третьего рейха», особенно радиовещанием, проникшим тогда уже во многие дома и ловко использовавшимся нацистами для разжигания массовой политической истерии. Геббельс собственной персоной прибыл в Цвейбрюккен и через границу выкрикивал свои обещания: будет ликвидирована безработица; после возвращения Саара все проблемы будут «решаться с щедрым великодушием» и т. д.

Нам приходилось выступать против этого мощного потока денег, лжи, демагогии и шантажа, хотя мы, реально оценивая соотношение сил, не питали никаких иллюзий относительно исхода голосования. Но мы, коммунисты, знали, что́ за «щедрые и великодушные» решения ждали саарцев. Хотя среди нас и были такие, кто всерьез говорил: «Назад в Германию, пусть даже в концлагерь!» Вполне понятно, что этот лозунг не находил отклика, в первую очередь у коммунистов, которым уже пришлось вести подпольную работу в «третьем рейхе». Мы по собственному опыту знали фашистские будни. Мы сами видели, куда исчезли там безработные: на военные предприятия и в лагеря трудовой повинности. Мы знали материальное положение рабочих в «третьем рейхе», которое ни на йоту не улучшилось. На наших глазах арестовывали, пытали и убивали коммунистов, социалистов и профсоюзных работников. Поэтому, собрав все силы, мы приняли этот неравный бой.

Когда осенью 1934 г. я вернулся в Саар, позади остался год напряженной подпольной работы, тщательного соблюдения бдительности, постоянной смены квартир, год жизни впроголодь, год надежд, неудач и непрестанной опасности, но в то же время и год столь отрадных многообразных проявлений солидарности. Когда я слышу сегодня об акциях солидарности трудящихся ГДР, особенно молодежи, с подвергающимися преследованиям коммунистами и другими борцами за свободу, я часто с благодарностью думаю о той поддержке, которая в свое время была оказана мне, например, в Нидерландах, где я постоянно ощущал готовность людей прийти на помощь, после того, как мне пришлось покинуть Рурскую область, прежде чем снова включиться в подпольную работу в Юго-Западной Германии. Тогда в Амстердаме нашла прибежище и семья Анны Франк из Франкфурта-на-Майне, дневник которой позже потряс миллионы читателей.

В качестве старшего инструктора юго-западных округов КСМГ мне предстояло летом 1934 г. поехать в Москву на VII всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. У меня уже имелись и паспорт, и билет на самолет. Но Президиум Исполкома Коминтерна с целью более основательной подготовки принял решение перенести конгресс на первую половину 1935 г. Таким образом, моей работе в полную силу в Сааре ничто не препятствовало. Я был, как уже говорилось, старшим инструктором юго-западных округов — Пфальца, Гессена, Вюртемберга, Бадена и Саара. Герберт Венер, старший инструктор КПГ, отвечал за тот же участок по линии партии. Я многому тогда у него научился. После убийства Иона Шеера он написал для саарбрюккенской «Арбайтер-цайтунг» статью об этом мужественном коммунисте, глубоко взволновавшую меня.

Нередко высказывается предположение, что до возвращения Саарской области в состав Германии 1 марта 1935 г. там легально

находилось особенно много руководящих функционеров запрещенных в «третьем рейхе» партий. Это не так. Если я, урожденный саарец, мог тогда работать в Саарской области легально, а в «третьем рейхе» мне приходилось действовать в подполье, то товарищи из рейха могли заниматься политической деятельностью в Саарской области только нелегально. Тем не менее я тогда в Сааре встречался со многими известными товарищами.

Кроме Герберта Венера я ближе познакомился с Максом Мадденой — депутатом рейхстага от КПГ, пользовавшимся международной известностью и уважением как профсоюзный деятель. В 1937 г. он был осужден нацистами к пожизненному заключению и в 1943 г. скончался в тюрьме Бранденбург-Гёрден от последствий заключения. Я познакомился также с Францем Далемом — он являлся тогда членом Политбюро и Секретариата Центрального Комитета КПГ; после эмиграции и концентрационных лагерей он как один из руководителей участвовал в создании партии и государства в ГДР; в последние годы он, несмотря на свой преклонный возраст, активно занимался публицистикой. Встречался я и с Германом Шубертом — тогда членом Политбюро Центрального Комитета КПГ.

В эти месяцы борьбы в Сааре я лично познакомился также: с Александром Абушем — он был в то время партийным журналистом, ставшим затем в ГДР известным публицистом и писателем; с Леной Берг, которая известна в ГДР как видный ученый в области марксизма-ленинизма; с Эрихом Глюкауфом, участвовавшим позднее в освободительной борьбе испанского народа и до конца своих дней работавшим на руководящих партийных постах; с Гансом Киппенбергером, который еще в 1923 г. принимал участие в восстании в Гамбурге и занимался военно-политическими вопросами; с Альбертом Норденом, уже тогда известным партийным журналистом, с 1946 г. после своего возвращения из эмиграции в США он явился одним из основателей и руководителей социалистической прессы в ГДР, в течение многих лет был членом Политбюро и секретарем Центрального Комитета СЕПГ, автором многочисленных работ по истории; с Максом Рейманом — уже в 1920 г. он боролся в рядах Красной Армии Рура, после 1945 г. долгие годы возглавлял западногерманскую КПГ; с Гансом Шреккером, ныне сотрудником издаваемого в Берлине внешнеполитического еженедельника «Горизонт»; с Фриделем Штайном; с Антоном Свиталлой, хорошо проявившим себя в 1923 г. во время гамбургского восстания, с 1933 г. он участвовал в антифашистском движении Сопротивления, а с 1936 г.— в освободительной борьбе испанского народа, после 1945 г. много лет участвовал в строительстве вооруженных сил ГДР; и с Отто Винцером.

Из руководителей союза молодежи я ближе узнал Пауля Вернера, главного редактора органа КСМГ «Ди юнге гарде». Позднее он участвовал в освободительной борьбе испанского народа, а ны-

не — член Политбюро и секретарь Центрального Комитета СЕПГ. Почти ежедневно я работал вместе с Гансом Еннесом, который в 1934 г. приехал в Саарскую область из Голландии, чтобы по поручению Центрального Комитета КСМГ возглавить окружное руководство. Совместная работа с Гансом Еннесом, ныне работающим в ФРГ на посту генерального секретаря Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме, шла успешно, хотя Гансу, как приезжему, приходилось работать нелегально, в то время как мне, местному жителю, еще можно было выступать открыто. И получалось, что Ганс организовывал десятки собраний, на которых приходилось выступать мне, как правило, вместе с представителями Социалистической рабочей молодежи и христианской молодежи.

Нашу борьбу в Сааре также поддерживали различные прогрессивные писатели. Я помню личные встречи с Гансом Мархвицей, автором уже упомянутого романа «Штурм Эссена». Большой след в моей жизни оставила совместная борьба с Эрихом Вайнертом, мастерски владевшим словом политическим деятелем и поэтом, стихи которого я знал уже из рабочей печати; теперь я смог слышать его сам. Изгнанный из Германии, Вайнерт поселился в лесной гостинице в Форбахе на французской стороне у самой границы с Саарской областью и поддерживал оттуда своими стихами нашу борьбу в связи с плебисцитом. Вайнерт не был саарцем, поэтому он получил от саарских властей разрешение выступать только при условии, что не будет касаться политических вопросов. Обычно присутствовавший на собраниях полицейский следил, чтобы поэт соблюдал это условие. Вайнерт в свою очередь начинал свое выступление замечанием, что собирается читать только стихи, а лирика — это не политика. Так можно было проводить жандармов, но каждое новое боевое стихотворение приводило в неистовство нацистскую печать, которая требовала запретить выступления популярного поэта.

Многие стихотворения поэта под рубриками «Форбах 1934» и «Саарбрюккен 1934» увидели свет только после 1945 г. Под заголовком «Крики в ночи — стихи с чужбины 1933—1943 гг.» Вайнерт успел издать их еще сам в Берлине в 1947 г., снабдив сборник предисловием, где отметил мужество товарищей из Саара, которым довольно часто приходилось защищать его в 1934 г. от попыток помешать ему и от покушений забрасывавшихся из Германии групп фашистских громил.

Из тогдашних стихов Вайнерта мне запомнились написанная им в 1934 г. в Форбахе поэма «Ион Шеер и товарищи», поэтическое письмо «Молодому товарищу» (Саарбрюккен, 1934 г.) и призыв-предостережение «Одураченным немцам» (Саарбрюккен, 1934 г.). Когда Вайнерт своим звучным голосом читал «Ион Шеер и товарищи» и доходил до последнего четверостишия, предрекавшего убийцам отмщение за Иона Шеера и товарищей, аплодис-

менты долго не утихали. Затем Вайнерт обращался к нелегалам из союза молодежи в «третьем рейхе»:

Да! Остаетесь верными себе
Вы, молодежь Либкнехта! Вас немало.
Тень эшафота вас не испугала,—
Для каждого священным долгом стало
Строй палачей распатывать в борьбе.

Слушая его, я вспоминал тогда своих соратников по КСМГ в Рурской области, Гессене, Бадене, Вюртемберге и Пфальце. В призыве «Одураченным немцам» Вайнерт предостерегал от гитлеровской экспансии, показывая кровавый облик новой мировой войны, которая всего лишь через пять лет стала реальностью.

Я всегда радовался, когда мне приходилось выступать вместе с Эрихом Вайнертом на собраниях или митингах. А это случалось часто, особенно в ноябре и декабре 1934 г. в ходе последних крупных мероприятий перед плебисцитом. Так, газета «Арбайтер-цайтунг» призывала 20 ноября к участию в молодежном митинге в доме горняков в Энсдорфе; ораторы: Эрих Хонеккер, Вилли Мельвиг — руководитель Социалистической рабочей молодежи в Саарбрюккене, Петер Дома — молодой католик и член делегации саарских рабочих, посетивших Эрнста Тельмана в тюремном застенке, и Эрих Вайнерт со своими стихами. 23 ноября «Арбайтер-цайтунг» снова уведомляла о предстоявшем вечером «молодежном митинге единого фронта» в Саарлуи — те же ораторы и снова: «Эрих Вайнерт читает стихи». В те недели мы целыми днями находились в пути, а в иные вечера выступали подряд в нескольких расположенных рядом друг с другом поселках.

Имя Эриха Вайнерта стояло также под «Призывом подготовительного комитета конгресса саарской молодежи в Саарбрюккене», опубликованным 17 ноября 1934 г. В состав подготовительного комитета входили представители антифашистского единого фронта, сложившегося за это время в Сааре: адвокат Вальтер Зандер, Бруно фон Саломон, Фриц Пфордт — с июня 1934 г. политический руководитель КПГ в Сааре, Макс Браун — председатель СДПГ в Сааре, Эмиль Шулер — руководитель молодежи Всеобщего объединения немецких профсоюзов, молодой католик Петер Дома, Фриц Николаи из КСМГ, Вилли Мельвиг и Вальтер Кеннель от Социалистической рабочей молодежи, молодой крестьянин Райнгольд Бис, ранее привлекавшийся в Германии к трудовой повинности Николаус Шпельц и конечно же Эрих Вайнерт.

Конгресс саарской молодежи состоялся в воскресенье 16 декабря 1934 г. в «Немецком доме» в Бурбахе. 663 делегата от молодежи всех слоев, самой различной политической ориентации и мировоззрения, среди них даже начавшие задумываться члены организации «гитлерюгенд», устроили волнующую антифашистскую манифестацию. О конгрессе, историческое значение которого

сегодня неоспоримо, в свое время подробно сообщала «Арбайтер-цайтунг», и эти документы были вновь опубликованы в уже упоминавшейся книге «Борьба за единый фронт — документы к 60-й годовщине основания КПГ». О конгрессе также подробно информирует Люптвин Бис в своей книге «Классовая борьба в Сааре в 1919—1935 гг. ...». Поэтому ограничусь здесь тремя цитатами: двумя из моей речи на конгрессе и одной из его обращения к саарской молодежи.

«Сегодняшняя Германия,— сказал я,— это не Германия молодежи. Фашизм с циничной жестокостью военным сапогом растоптал все желания и стремления, все требования молодежи. Молодежь выбрасывают с предприятий. Она остается без работы. Не только на сегодня, не только на весь год, ее навсегда лишают будущего. Несколько дней тому назад здешний орган «гитлерюгенд» писал: «У того, кто клянется нашему знамени, не остается ничего, что принадлежало бы самому ему». (*Выкрики с места:* «Вот именно». *Оживление в зале.)* Да, это так. Кто поклялся знамени Гитлера, теряет все — он должен отдать свою юность, свой труд, последние гроши получаемой им помощи, свой разум, чтобы вместо этого получить «почетный кинжал» *(оживление, аплодисменты.)».*

Показав империалистический, классовый характер гитлеровского фашизма, я остановился на идеалах молодежи: «Да, говорят нам, молодежи ведь нужны идеалы, нельзя же все рассматривать только с материальной точки зрения. И я отвечаю: молодежи нужны не просто идеалы, свои идеалы она создает сама. И высший идеал молодежи всех времен — это борьба за свою свободу против тирании, борьба за претворение в жизнь своих требований, борьба за право на жизнь. Но то, что мы видим в гитлеровской Германии,— это растоптанные идеалы молодежи, это использование молодежи для преступления, против ее собственного будущего и будущего всего народа. Кто изображает идеалом войну, уничтожает молодежь».

В обращении к саарской молодежи конгресс призывал «без различия партий и вероисповеданий выступить 13 января, в день решения судьбы трудовой молодежи Саарской области, *за победу статус-кво*. Это явится сильнейшим ударом по коричневым варварам, это поможет нашим товарищам в рейхе разорвать свои цепи. Тот, кто за трудовой немецкий народ, кто не хочет стать свидетелем гибели немецкой молодежи, а хочет видеть ее счастливой, тот должен приложить все свои силы для победы статус-кво, в результате чего Саарская область станет плацдармом освободительной борьбы в Германии. Если мы нанесем поражение Гитлеру в Саарской области, то скоро сбросим его и в Берлине. Сразу же после падения Гитлера Саарская область на втором референдуме, который ей был обещан на последней сессии Лиги наций, выскажется за присоединение к свободной Германии».

Так говорилось в нашем обращении от 16 декабря 1934 г. Но 2 декабря, как об этом писал позднее Андре Симон в изданной в Париже в 1940 г. книге «Я обвиняю», французский министр иностранных дел Пьер Лаваль принял в Париже будущего гитлеровского министра иностранных дел Риббентропа и тайком выразил ему согласие на удовлетворявший Гитлера исход плебисцита в Сааре. В качестве «ответной услуги» Гитлер пообещал, что после решения саарского вопроса Германия не будет иметь к Франции больше никаких претензий. История по-своему покарала этот сговор: Лавалю, как коллаборационисту, был вынесен во Франции смертный приговор, и он был приведен в исполнение в 1945 г.; а Риббентроп был приговорен судом народов в Нюрнберге как военный преступник к смертной казни и казнен в 1946 г.

Центральный Комитет Французской коммунистической партии поддерживал в 1934—1935 гг. наш призыв к сохранению статус-кво. Он заявил, что в борьбе как против французского, так и германского финансового капитала партия твердо стоит на стороне трудящихся Саара и Германии. Однако католические епископы Трира и Шпейера нанесли верующим трудящимся в Сааре и многим священнослужителям своей церкви, выступавшим за сохранение статус-кво, удар в спину, велев зачитать со всех церковных кафедр пастырское послание, в котором поддерживалось присоединение Саара к гитлеровской Германии. Хотя традиционно сильнейшие политические силы в Сааре — КПГ, СДПГ, часть партии Центра и христианских профсоюзов — единодушно выступили за статус-кво, согласием Лаваля и пастырским посланием епископов «победа» Гитлера на плебисците была практически предрешена.

Мы боролись до последней минуты. В 1977 г. один из жителей Вибельскирхена вспоминал перед камерой телевидения ФРГ: «Это было незадолго до референдума 13 января, пожалуй, это был конец декабря или начало января 1935 г. У памятника Штумму, у главного входа на металлургический завод в Нойнкирхене, стоял Эрих Хонеккер с огромной пачкой листовок и раздавал их выходящим с завода рабочим — шла смена... Я был восхищен его мужеством и заговорил с ним. Он сказал, что делает это по убеждению и какого-то особого мужества тут не требуется...» Результат голосования оказался еще хуже, чем мы предполагали: согласно опубликованным данным, из почти 540 тыс. свыше 470 тыс. проголосовали за присоединение к гитлеровской Германии и только около 47 тыс.— за сохранение статус-кво. Тогда высказывалось немало предположений и даже обоснованное подозрение, что такие цифры появились в результате манипуляций. Отдельные подозрительные моменты были обобщены в статье «Плебисцит в Сааре в 1935 г.», опубликованной в 1946 г. в американском журнале «Саут Атлантик квортерли». Подобные манипуляции могли, конечно, явиться причиной необычайно большого числа голосов, поданных за присоединение. Но для самого исхода голосования, т. е. для решения

большинства в пользу присоединения, эти манипуляции, собственно, не были нужны. Ведь для разъяснения большинству саарского населения террористического и воинственного характера гитлеровского фашизма у нас имелось слишком мало времени — всего лишь несколько месяцев с лета 1934 г., когда КПГ и СДПГ согласовали общую линию на сохранение статус-кво, по 13 января 1935 г.

Гитлеровский террор начался сразу после референдума, хотя выдача Саара Гитлеру была назначена только на 1 марта 1935 г. 28 февраля 1935 г. мне пришлось навсегда покинуть Саарскую область. Я распрощался с родителями, братьями и сестрами, знакомыми, с Вибельскирхеном, Нойнкирхеном и Саарбрюккеном. Последний взгляд на металлургический завод и памятник «королю Штумму» в Нойнкирхене, который стоит там и по сей день... Лишь спустя целое десятилетие, в 1945 г., во время короткого посещения я вновь увидел места, где родился и вырос, где прошли мое детство и юность. В адресном столе 28 февраля 1935 г. напротив моей фамилии была сделана пометка: «Выбыл в неизвестном направлении».

Я выехал в Париж, где находилось Заграпбюро КПГ. На общегерманской конференции КСМГ, проходившей с 13 по 18 декабря 1934 г. в Москве, меня избрали членом Центрального Комитета КСМГ. Сам я в работе конференции участвовать не смог, так как 16 декабря выступал в Бурбахе с речью перед делегатами саарской молодежи. Но о своем избрании в состав ЦК я узнал еще в декабре, находясь в Саарской области. В Париже меня ожидало новое задание: руководство подпольной организацией КСМГ в Берлине, так сказать, в «логове тигра». Конечно, я уже не мог появиться там как «Эрих Хонеккер из Вибельскирхена». Мне предстояло постепенно перевоплотиться в моряка «Мартина Тьядена, родившегося 21 сентября 1911 г. в Амстердаме, место жительства — Амстердам». Фотография для паспорта была изготовлена в Париже. Голландский паспорт я получил в Швейцарии. Через Базель я прибыл в Цюрих и пробыл там около месяца. Потом отправился через Австрию и Чехословакию в Берлин.

Для ознакомления с новой политической обстановкой я изучил последние документы Коминтерна, особенно подготовительные материалы к VII всемирному конгрессу Коминтерна, состоявшемуся с 25 июля по 20 августа 1935 г. в Москве. На конгрессе был подробно обсужден и теоретически обобщен опыт немецкого и международного рабочего движения в борьбе против фашизма, за единый антифашистский фронт. Борьба против фашизма и империалистической войны выдвинулась на первый план в международном коммунистическом движении. Эта линия приобрела вскоре особую актуальность во Франции и в Испании.

Через неделю после окончания VII всемирного конгресса Коминтерна я купил в Праге билет на поезд в Нюрнберг и через

Эгер выехал в «третий рейх». Голландский паспорт не вызвал на границе никаких подозрений. Так я добрался до Берлина, прибыл на конспиративную квартиру, осмотрелся в столице рейха, установил контакты с подпольными группами и работниками КСМГ, в частности с Бруно Баумом, который тогда возглавлял берлинскую организацию, а после освобождения в 1945 г. в течение многих лет был членом ЦК СЕПГ и занимал руководящие посты в окружных комитетах партии в Берлине и Потсдаме, и приступил к работе.

Летом 1935 г. Берлин внешне еще производил впечатление одного из мировых центров, каким он и являлся до 1933 г. Оживленные улицы, огни рекламы, толпы людей, много туристов, всюду лихорадочная деловитость. Площадь Опернплац, где 10 мая 1933 г. по приказу Геббельса на огромном костре были сожжены произведения Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина, книги многих прогрессивных немецких поэтов и мыслителей, не сохранила заметных следов пожарища. Изгнание многих деятелей культуры и ученых еще не стало широкоизвестным явлением. Но стоило лишь присмотреться повнимательнее, почитать «приобщенную к господствующей идеологии» прессу Геббельса, послушать руководимое им радио, вглядеться в лица жителей рабочих кварталов, как сразу становилась заметной разница по сравнению с временами, предшествовавшими 1933 г. На улицах все чаще бросались в глаза люди в военной форме, но не только это говорило о том, что Берлин стал штаб-квартирой подготовки новой мировой войны.

В столице гитлеровского рейха уже осенью 1935 г. можно было увидеть очереди перед продовольственными магазинами. Нацисты открыто провозгласили лозунг: «Пушки вместо масла!» Девушки и юноши из КСМГ сфотографировали одну такую очередь и отпечатали множество фотографий с подписью: «Очереди перед лавками! Не в Москве, а в Берлине!» Один экземпляр этой фотолистовки был найден после ареста у меня на квартире и приобщен к судебному делу.

В марте 1935 г. Гитлер вновь ввел всеобщую воинскую повинность — вопреки Версальскому договору. В июне последовал «имперский закон о военизированной трудовой повинности», который обязывал всех лиц мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет к «трудовой повинности» полувоенного характера. Был издан «закон о противовоздушной обороне». На предприятиях росло производство оружия. В связи с осенними маневрами нацистского вермахта мы выпустили листовку и распространили ее с большими мерами предосторожности. Наряду с этим я предпринял шаги по укреплению КСМГ, расширению его рядов и координации антифашистской борьбы. Через курьеров я поддерживал связь с товарищами из Праги. В ноябре я сам выезжал в ЧСР для обмена мнениями. Там состоялись беседы со многими членами КСМГ,

например с Кетэ (Сабиной) Хагер — после 1946 г. она работала в Берлине в Международной демократической федерации женщин и в Демократическом женском союзе Германии — и с Максом Шпангенбергом — сейчас он научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ.

Занимаясь политической работой в Берлине, я поздней осенью 1935 г. встретился также с Куртом Хагером — он был тогда старшим инструктором КСМГ по нескольким средне- и северогерманским округам (Берлин, Нижняя Саксония, Померания, Саксония-Ангальт), а теперь вот уже много лет является членом Политбюро и секретарем ЦК СЕПГ. Как я узнал позднее, Курту Хагеру, который, как и я, проживал в Германии нелегально, на рубеже 1935—1936 гг. пришлось покинуть страну, поскольку гестапо дозналось, что он был инициатором наделавшей много шума акции сопротивления в Штутгарте 15 февраля 1933 г.: перерезав кабель, антифашисты сорвали передачу по всей стране речи Гитлера. Покинув Германию, Курт Хагер уехал в Испанию, где в рядах Интернациональных бригад участвовал в освободительной борьбе испанского народа.

Вспоминая сегодня осень 1935 г., я думаю, что меня в то время не столько заботили сложные условия конспиративной работы, сколько отсутствие достаточно тесных контактов с людьми, с которыми я был особенно близок до февраля 1935 г. Я не мог также быть спокойным, ничего не зная о моих родных, оставшихся в Саарской области. К тому времени управление шахты Дешен насильно отправило моего отца на пенсию. Чтобы хоть как-то прожить, моим родителям пришлось купить корову. Но обо всем этом я узнал намного позднее, когда моей сестре Гертруде наконец разрешили посетить меня в тюрьме Бранденбург-Гёрден.

8.
Годы заключения

В начале декабря 1935 г. гестапо удалось напасть на след Бруно Баума, выследить меня и других работников окружного комитета КСМГ в Берлине-Бранденбурге. 3 декабря 1935 г. мы ожидали прибытия курьера ЦК КСМГ из Праги. Так как отвечавший за его встречу товарищ по какой-то причине не явился, я сам отправился на явку на Золингерштрассе в Берлине. Курьер, чехословацкая коммунистка Зара Фодорова, передала мне багажную квитанцию на получение чемодана с газетами и брошюрами в маскировочных обложках, изданными КПГ и КСМГ. Этот чемодан я в тот же вечер забрал из камеры хранения Ангальтского вокзала. Получив чемодан, я заметил, что за мной ведется слежка. Я взял такси, у берлинского вокзала Цоо мне удалось оторваться от агентов гестапо. Однако утром следующего дня, когда я выходил из своей квартиры на Брюсселерштрассе в Веддинге, меня арестовали.

То, что я вытерпел в дни после 4 декабря 1935 г. в штаб-квартире гестапо на берлинской Принц-Альбрехтштрассе, а также в казармах охранного полка СС «Адольф Гитлер» в Темпельгофе, не повторилось, пожалуй, в течение всех 10 лет моего заключения. Такое не забывается. Для человека, у которого еще вся жизнь впереди — мне было тогда 23 года,— эти дни явились днями сурового испытания. Но ни физические, ни психические пытки гестаповцев, ни бесконечные допросы фашистских следователей во время моего полуторагодового предварительного заключения не заставили меня отречься от коммунистического мировоззрения.

Просматривая сегодня протокол заседаний «народного суда» от 7 и 8 июня 1937 г., я испытываю гордость за наш Коммунистический союз молодежи, за его функционеров и рядовых членов. При аресте в начале декабря 1935 г. нас было восемь членов окружного комитета КСМГ в Берлине-Бранденбурге, на слушании дела в «народном суде» — четыре, а при вынесении приговора уже только три: Бруно Баум, Эдвин Лаутенбах и я.

Чем это объясняется? Летом 1935 г. по поручению Центрального Комитета КПГ я из Франции через Швейцарию, Австрию и Чехословакию добрался до Германии, чтобы взять на себя руководство окружным комитетом КСМГ в Берлине-Бранденбурге. Курт Хагер и Бруно Баум постепенно передали мне все свои связи. Сам Бруно Баум должен был уехать в эмиграцию, чтобы оттуда поддерживать антифашистскую борьбу в стране.

Несмотря на все примененные к нам средства и методы, гестапо так и не дозналось, что фактически у него в руках находилось все руководящее ядро КСМГ в Берлине-Бранденбурге и один член ЦК КСМГ. Не удалось это и следователю «народного суда» Гансу Иоахиму Резе, который пользовался «более тонкими» методами,

как это видно из материалов следствия и обвинительного заключения. Он, кстати, после войны был приговорен к пяти годам тюремного заключения за пособничество в убийствах и другие нацистские преступления, и выпущен судебными властями ФРГ на свободу под залог в 200 тыс. марок! Так, во всяком случае, писал несколько лет тому назад гамбургский журнал «Штерн».

Ни гестапо, ни следователи не смогли сломить стойкость и мужество наших боевых соратников. Так, Эмилия Кнаппе, политический руководитель подокруга КСМГ в Мёрсе, активно участвовавшая в антифашистской борьбе нашего союза молодежи в Рурской области в 1933—1934 гг., опознала меня на одной из предъявленных ей на допросе фотографий, предполагая, что я нахожусь за границей. Когда же она узнала, что я арестован и ей предстоит выступить на моем процессе в качестве свидетеля обвинения, она отказалась от своих прежних показаний, решительно заявив судьям, что не знакома со мною, что мы никогда не работали вместе, а также отрицала мое сходство с предъявленной ей фотографией.

В этой связи хочу также назвать нашего мужественного и незабвенного товарища Грету Вальтер — политического руководителя подокруга КСМГ Берлин-Темпельгоф. 21 октября 1935 г. ей предстоял очередной допрос в штаб-квартире гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Чтобы избавиться от дальнейших мучений и уберечь своих товарищей от ареста, она бросилась с третьего этажа в пролет лестничной клетки.

Среди членов и функционеров КПГ и КСМГ таких отважных женщин и девушек тогда насчитывались тысячи. Без них, без их мужества и находчивости были бы немыслимы ни размах, ни многообразие и эффективность нашей борьбы против фашизма и войны. В годы нацистской диктатуры бесчисленное множество женщин-пролетарок продолжали беззаветно, самоотверженно и героически вести борьбу во имя революционного рабочего движения, стойко выдерживая самое тяжелое испытание, которому подвергла их история. К их числу принадлежат также девушки и молодые женщины из группы Сопротивления, возглавлявшейся членом союза молодежи Гербертом Баумом. В 1942—1943 гг. их перевели из женской тюрьмы в Берлине по Барнимштрассе в каторжную тюрьму Плётцензее, где они были казнены. Эти молодые люди, большинство из них — еврейской национальности, 18 мая 1942 г. подожгли антисоветскую провокационную выставку «Советский рай» в берлинском парке Люстгартен.

Но вернемся к разбору моего дела в «народном суде». Когда меня утром первого дня процесса доставили из следственной тюрьмы в Моабите в камеру на Беллевюштрассе, я увидел — это длилось мгновение — Альберта Вайхерта, моего соратника по борьбе в Рурской области в период с августа 1933 г. по июнь 1934 г. Его арестовали 28 декабря 1934 г., и в марте 1935 г. суд в Гамме

(Вестфалия) приговорил его к четырем годам тюремного заключения. Уже на предварительном следствии определенную роль сыграла моя тогдашняя кличка Герберт. После перевода Альберта Вайхерта в каторжную тюрьму Мюнстера его четыре раза допрашивал уже упоминавшийся следователь Резе из «народного суда» о моей деятельности в Рурской области в 1933—1934 гг. в качестве инструктора, курьера и руководителя учебы КСМГ, а также о моих связях в Амстердаме. Результат был равен нулю — чиновники фашистского суда не узнали от него ничего, даже моего настоящего имени.

В начале июня 1937 г. Альберта Вайхерта из тюрьмы в Герфорде, куда он был переведен из Мюнстера в конце 1936 г., доставили в Берлин, чтобы использовать в качестве свидетеля обвинения на моем процессе. В тюремном вагоне поезда, следовавшего из Миндена в Ганновер, он увиделся с Рихардом Титце. Как выяснилось, под пытками гестапо тот признался, что знает меня по антифашистской работе в Рурской области. Альберт Вайхерт беседовал с ним в вагоне поезда, потом в ганноверской тюрьме и, наконец, в тюрьме в Берлине — Плётцензее и побудил его отказаться от своих прежних показаний.

Когда мы с Альбертом Вайхертом столкнулись в тюремном коридоре «народного суда», мы не подали и виду, что знаем друг друга. На второй день слушания дела в «народном суде» он заявил, что видит меня впервые. И еще один товарищ из союза молодежи отрицал мою идентичность с предъявленными ему фотографиями.

После того как адвокатам и судьям в «народном суде» ничего не удалось добиться от «свидетелей обвинения», мой официальный защитник, эсэсовец, показал свое подлинное фашистское нутро: он перерыл все документы, пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь улики против меня. В конце концов он предъявил председателю второй судебной коллегии написанные мною листовки, адресованные солдатам фашистского вермахта; я, однако, категорически отрицал свое авторство. При этом мне пришлось очень кстати одно обстоятельство: защитник Зары Фодоровой ссылался на мое показание, что она не знала о содержимом чемодана; он заявил, что я до сих пор говорил только правду, а потому нет оснований сомневаться и в этом пункте моих показаний. А ведь эти листовки можно было расценить как попытку разложения вермахта, что уже тогда каралось смертной казнью.

8 июня 1937 г. «народный суд» вынес приговор: Бруно Баум получил 13 лет, я — 10 лет и Эдвин Лаутенбах — 2,5 года каторжной тюрьмы. Кроме того, мы были лишены гражданских прав. Последнее привело к тому, что в 1939 г. и даже в 1943 г., когда в армию забирали всех подчистую, меня признали «недостойным» служить в гитлеровском вермахте. Это было местью гестапо, которое лишь позднее поняло, кто угодил в его сети. Гестаповцы

многозначительно пообещали мне также «добрую встречу» после моего освобождения. Она состоялась бы 8 декабря 1945 г. в 15 часов 50 минут, ибо полтора года предварительного заключения были зачтены при определении общего срока наказания. Мое счастье, что за несколько месяцев до этого, 27 апреля 1945 г., пришла Красная Армия. Но от этого меня отделяли еще долгие, трудные годы.

В уже упоминавшихся документах судебного процесса фашистские судьи с явной неохотой зафиксировали мое заявление на суде, что я «не изменил и не собираюсь менять своих убеждений». В обосновании приговора говорилось: «Подсудимые Баум и Хонеккер, как это показали масштабы и интенсивность их подпольной работы для КСМГ, а также заявления, сделанные ими во время слушания дела, являются убежденными и неисправимыми приверженцами коммунизма. Они с исключительной готовностью посвятили себя выполнению поставленных перед ними задач, равнозначных государственной измене. Из того положения, которое они занимали в подпольной организации, явствует, сколь высоко ценили их компетентные инстанции».

В принципе мне нечего добавить к этой оценке фашистского суда, особенно к первой ее части. Здесь нацистские юристы, как исключение, точно определили суть дела. Что же касается второй части оценки, то считаю уместным заметить: если бы судьи в «народном суде» имели представление о действительных масштабах нашей антифашистской деятельности в рядах КПГ и КСМГ, то их приговоры Бруно Бауму и мне были бы совсем иными. А оказавшееся известным «народному суду» не давало ему достаточных оснований для передачи нас в руки палача.

Тот факт, что нацистская юстиция тогда едва ли знала обо мне больше, чем о моей антифашистской деятельности в Берлине, да и то лишь отрывочно, подтверждается документами гестапо, обнаруженными после освобождения. Отто Винцер пишет в своих воспоминаниях: «Когда в начале 50-х годов мне пришлось работать над лекциями, изданными позднее в виде книги «Двенадцать лет борьбы против фашизма и войны», я был вынужден заняться изучением документов из архивов гестапо. Среди них оказалось объявление о розыске Эриха Хонеккера. Это было необычное объявление,— оно относилось к тому времени, когда Эрих Хонеккер уже давно находился в каторжной тюрьме Бранденбург-Гёрден. Политическая работа и нелегальная борьба Эриха Хонеккера в различных округах Германии, очевидно, настолько вывели из себя гестапо, что оно разыскивало его даже тогда, когда он уже оказался в тюрьме. Подвергаться преследованиям, ведущимся с такой слепой ненавистью, злейшего врага рабочего класса и миролюбивого человечества, гитлеровского фашизма,— это, несомненно, высшее признание заслуг революционера и руководителя рабочего класса».

10 июня 1937 г. я был переведен из следственной тюрьмы Моабит в тюрьму Плётцензее, а оттуда 6 июля 1937 г. в каторжную тюрьму Бранденбург-Гёрден. Эту тюрьму выстроили в годы Веймарской республики по распоряжению социал-демократического правительства Пруссии. Хозяева данной стройки, видимо, и представить себе не могли, что придет время и они сами окажутся за ее решетками. Фашисты считали Бранденбург-Гёрден одной из самых надежных тюрем на свете. Отгороженная от внешнего мира высокими стенами, она выглядела как современный застенок. Один лишь ее вид должен был пугать и подавлять заключенных. Такова была и атмосфера, царившая там. Целью заключения в этой тюрьме являлось деморализовать и уничтожить заключенных, в первую очередь политических, которых насчитывалось там около 2200 из 3000 узников. Многие надзиратели обращались с политзаключенными крайне жестоко. Что касается питания, гигиены и здоровья, то условия были просто катастрофическими. Все эти годы нас не оставляло чувство голода. Многие товарищи погибли от туберкулеза и других болезней.

Но самым ужасным были казни в тюремном гараже. Большинство тех, кто погибал там, составляли наши товарищи, часто — хорошие знакомые или близкие друзья. Сначала казни являлись редкими, но вскоре участились. Их стали совершать дважды в неделю, и каждый раз гибло более 30 человек. И так из месяца в месяц, из года в год. Всего в этой тюрьме до апреля 1945 г. было убито свыше 2 тыс. антифашистов.

Несмотря на строжайшую изоляцию и надзор, а также бесчисленные придирки и козни, заключенные коммунисты создали подпольную партийную организацию. Она стала организатором решительного сопротивления, крепила солидарность, сплачивала политзаключенных. Находясь поначалу в строгой изоляции, я вскоре также почувствовал эту солидарность. Тайком мне передавали кусок хлеба, шепотом сообщали информацию о международной обстановке, о положении в стране или о происходящем в тюрьме. Это придавало силы и позволяло легче переносить одиночное заключение. Но главное — во мне крепла уверенность, что партия продолжала жить и бороться — даже за решеткой тюрьмы.

Огромной радостью для меня являлись свидания с моей сестрой Гертрудой и ее мужем Гансом Гоништедтером. Однако дирекция тюрьмы давала разрешения на такие свидания крайне редко,— если мне не изменяет память, их было всего два или три и они длились всего лишь полчаса. Мы говорили о многом, что нас волновало, не давая присутствовавшим при этом надзирателям повода вмешиваться в нашу беседу. Кроме упомянутых нескольких свиданий, которые с началом второй мировой войны были вообще запрещены, мы смогли еще написать друг другу только несколько писем, но они все пропали. И все-таки для меня было

большой радостью знать, что мои родители и братья с сестрами живы, здоровы и не сломлены.

Находясь в одиночном заключении и в последующие тюремные годы, я много читал, стремясь расширить свой кругозор. Это были прежде всего произведения Иоганна Вольфганга Гёте, Фридриха Шиллера и Уильяма Шекспира, а также книга писателя-историка Феликса Дана «Борьба за Рим». Не было, пожалуй, никакой области, которая не интересовала бы меня — от естественных наук до классической литературы. Книги, за исключением, разумеется, прогрессивных, мы могли брать в тюремной библиотеке. Наш товарищ Бруно Лёйшнер, помогавший тогда в библиотеке,— потом он многие годы являлся членом Политбюро ЦК СЕПГ, заместителем Председателя Совета Министров и председателем Государственной плановой комиссии ГДР — снабжал нас, политзаключенных, самыми лучшими и интересными книгами из того, что там было.

Большое значение для меня имело то, что после двух лет одиночного заключения, включая предварительное, я благодаря содействию Роберта Менцеля — он являлся функционером КСМГ, после освобождения в 1945 г. занимал руководящие должности в Союзе свободной немецкой молодежи, а затем был заместителем министра транспорта ГДР — оказался привлеченным к распределению работ для заключенных вне камеры. Тем самым я получил некоторую свободу передвижения, что позволило мне установить контакты с другими политзаключенными.

Постепенно партийной организации удалось добиться того, что почти все должности уборщиков и помощников были распределены между политическими заключенными. Я, Макс Юккер и Харри Гюттель помогали у врачей: Макс Юккер — у зубного врача, я — у тюремного врача Мюллера. В то время я вновь повстречался с председателем КСМГ Фрицем Гроссе, с Максом Маддаленой. Фрицем Геблером и другими товарищами.

Наша работа в качестве уборщиков и помощников у тюремных врачей имела неоценимое значение для подпольной партийной организации. Благодаря этому мы могли устанавливать и поддерживать контакты между коммунистами и другими политзаключенными, передавать информацию и оказывать помощь тем товарищам, которые особенно в ней нуждались. Врачи скоро предоставили нам свободу действий при направлении заключенных на обследование и лечение, и мы сообщали через наших уборщиков в тюремные камеры, кто из товарищей и когда должен записаться на прием к врачу. Мы запирали их в камере ожидания и вызывали к врачу в самый последний момент, что давало им возможность и время переговорить друг с другом. Вновь поступившие заключенные, как правило, должны были пройти осмотр у врача. Таким образом, мы могли сразу установить контакт с имевшимися среди них коммунистами и связать их с подпольной партийной организа-

цией. От этих товарищей мы также получали свежую информацию о политике КПГ и ее антифашистской борьбе, о международном положении и обстановке в «третьем рейхе».

Весьма скудные сведения из фашистских газет, которые временами попадали нам в руки, а также подслушанные разговоры между тюремщиками усиливали впечатление, что фашистский режим все более открыто ведет дело к агрессивной войне. Это подтверждалось многими фактами: после того как 1 марта 1935 г. Гитлер вернул в «лоно рейха» Саарскую область, 12—13 марта 1938 г. немецкие войска вошли в Австрию и аннексировали ее. 1 октября 1938 г. была «возвращена в лоно рейха» Судетская область Чехословацкой республики, с 12 по 16 марта 1939 г. оккупированы остальные чешские области и 23 марта 1939 г. была «присоединена к рейху» Клайпедская (Мемельская) область. В марте того же года в результате интервенции фашистских Германии и Италии и «политики невмешательства» других империалистических государств кровавым поражением демократических сил закончилась гражданская война в Испании. На их стороне сражались тысячи немецких коммунистов и антифашистов других стран, среди них Альфред Нойман, многие годы являющийся членом Политбюро ЦК СЕПГ, и всемирно известный певец и актер Эрнст Буш — во время войны они также были брошены в тюрьму Бранденбург-Гёрден. Многие из этих борцов отдали свою жизнь за свободу испанского народа.

Все эти фашистские акты агрессии стали возможны лишь вследствие политики умиротворения и попустительства, проводившейся Великобританией и Францией в отношении гитлеровской Германии. Наивысшей точкой данной политики явилось мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 г., по которому немецким фашистам была выдана Чехословакия. Представители этого курса делали вид, будто они выполнили политические и территориальные требования фашистских властителей ради «сохранения всеобщего мира». В действительности же они сорвали организацию коллективного отпора агрессии, неоднократно предлагавшегося Советским Союзом, и подстрекали фашистский германский империализм к новым аннексиям. Они стремились направить его экспансию на Восток, побудить его к военной интервенции против СССР. Но это явилось роковым просчетом и стоило народам Европы и всего мира огромных жертв.

Как известно, СССР до самого конца лета 1939 г. пытался организовать совместный с Великобританией и Францией отпор фашистской агрессии. После того как все эти усилия оказались безуспешными из-за политики правящих кругов Лондона и Парижа, Советский Союз был вынужден 23 августа 1939 г. заключить с Германией пакт о ненападении.

О переговорах между министрами иностранных дел обоих государств мы узнали из намеков тюремных служителей. Когда рано

утром 24 августа 1939 г. фашистские газеты сообщили о подписании договора, Макс Юккер и я рано утром встретились с Максом Маддаленой и Фрицем Гроссе в камере ожидания у зубного врача. Мы пришли к единому мнению, что заключение договора — дипломатический успех Советского Союза. Благодаря этому он устранял опасность противостоять в одиночку единому блоку империалистических государств. В то же время он сохранял свободу действий и выигрывал время для укрепления своей обороноспособности. Дальнейшее развитие событий подтвердило наши соображения, которые разделялись большинством политических заключенных.

Через несколько дней подтвердилось, насколько прав был Эрнст Тельман, предостерегавший еще в 1932 г. накануне президентских выборов: «Кто голосует за Гинденбурга, тот голосует за Гитлера; кто голосует за Гитлера — голосует за войну!» Все годы нацистского господства коммунисты вели борьбу против возраставшей военной угрозы. В 1939 г. эта угроза стала мрачной действительностью. А вскоре должно было стать и еще хуже.

Начало второй мировой войны, т. е. тот день, когда после задуманного нацистским руководством и инсценированного гиммлеровским СС «польского нападения» на радиостанцию в Глейвице был «открыт ответный огонь», застало меня в кабинете тюремного врача. Врачи и окружавшие их тюремщики, узнав о вторжении вермахта в Польшу, побледнели. Их охватило беспокойство, когда 3 сентября 1939 г. Великобритания и Франция вступили в войну против гитлеровской Германии, и в начале октября 1939 г. была впервые объявлена воздушная тревога. Но победы «великого германского вермахта» со временем вновь подбодрили их. Мы же, политзаключенные, несмотря на «молниеносные победы» вермахта, нисколько не сомневались, что война закончится тотальным поражением фашистского режима.

К концу 1939 г. меня сменили на посту помощника у врача — согласно внутреннему распорядку эту должность можно было занимать только два года. Временно я вместе с Бруно Лёйшнером и Робертом Менцелем стал заниматься веревками. Мы должны были разносить по камерам спутанные веревки из сизаля и пеньки, чтобы их распутывали. Эту работу мы также использовали для поддержания связей между коммунистами. Тут нам не мог помешать даже наш весьма строгий надзиратель.

Весной 1940 г. я стал подсобником у заводского мастера бранденбургской фабрики игрушек «Линеоль», которая с началом войны перенесла производство игрушечных солдатиков в каторжную тюрьму. Я должен был разносить по камерам ящики с сырьем и после обработки его заключенными уносить обратно. Таким образом я попадал в камеры, расположенные в многочисленных пристройках, в помещения мастерских и в кухонный блок тюрьмы. Мастер не был нацистом. Он молча терпел мои разговоры

с политическими заключенными. При этом я передавал новости и информацию, что, разумеется, приходилось делать только в зашифрованном виде, так сказать, на непонятном для охраны «языке», которым мы вскоре мастерски овладели. Так как мастер лишь изредка и довольно поверхностно проверял ящики с рабочим материалом для заключенных, мне иногда удавалось тайком подложить в ящик что-нибудь почитать или съестное для моих товарищей.

То, что это было постоянно связано с риском для жизни, понятно каждому, кто знает фашизм на собственном опыте. Ведь свою нелегальную деятельность в тюрьме мы вели, так сказать, под нависшим топором палача. Будь она обнаружена, нам грозил бы новый судебный процесс, который в условиях военного времени неизбежно кончился бы смертным приговором.

Какую роль, с другой стороны, играла такая политическая и моральная взаимная поддержка коммунистов, как помогала она сохранять им силы для борьбы, укреплять свой боевой дух и преодолевать трудности — об этом убедительно свидетельствуют воспоминания Курта Зайбта — он был приговорен фашистами к пожизненному заключению. Зайбт вот уже много лет является председателем Центральной ревизионной комиссии СЕПГ. Он пишет: «Я поступил в тюрьму Бранденбург-Гёрден на пожизненное заключение. В первые дни я находился вместе с несколькими моими товарищами в одной камере. Но вскоре меня перевели в строгое одиночное заключение. Это была узкая камера, выходившая на север, с маленьким зарешеченным окошком у потолка, через которое никогда не проникали лучи солнца. Откидная койка, маленький откидной столик и табурет, небольшой стенной шкаф, кувшин с водой и параша. Некоторым из моих товарищей... в таких одиночках пришлось провести долгие годы.

Вынести все это и сохранить стойкость помогала нам прежде всего солидарность товарищей, которая особенно чувствовалась именно в тюрьме. Такая солидарность еще более укрепляла нашу стойкость, питавшуюся марксистским мировоззрением, нашу твердую веру в победу пролетарского дела. Я с первого дня почувствовал эту силу сплоченности коммунистов. Одним из тех, чью помощь я чувствовал в своей изолированной от всего мира одиночке, был Эрих Хонеккер. Я знал, что он является функционером Коммунистического союза молодежи. Он многое сделал, чтобы облегчить мое одиночное заключение. Так, иногда в ящике или мешке, в котором находилась работа, он приносил мне в камеру... газету. Пусть это были нацистские газеты, но я имел возможность их читать и как марксист понимал, что, так сказать, стояло между строк. Кроме того, я иногда получал от него ломоть хлеба или кусок колбасы. Тот, кто знает, какова жизнь в каторжной тюрьме, поймет, что́ значило это для меня — не только для желудка, но и для сердца».

Выполняя разнообразные обязанности подсобного рабочего в тюрьме Бранденбург-Гёрден, я встречался со многими товарищами: с Эрнстом Альтенкирхом, Бернгардом Бенке, Игнацем Биаласом, Робертом Девейем, Германом Дюновом, Максом Френцелем, Эмануэлем Гомоллой, Фердинандом Грендорфом, Фрицем Гофманом, Фрицем Яминым, Эрвином Кербером, Фрицем Ланге, Альфредом Лемницем, Артуром Маннбаром, Фрицем Менцелем, Гансом Микином, Вальтером Микином, Гансом Микишем, Томасом Мрохеном, Эрихом Патерна, Максом Зенсом, Эрихом Винклером и Эрихом Циглером. Всех нас объединяли коммунистические убеждения, неукротимая воля и уверенность в конечной победе над фашизмом.

Весной 1941 г. меня перевели в одну камеру с Вильгельмом Тиле, с которым я познакомился, помогая врачу, и часто встречался позднее, выполняя различные тюремные работы. Это произошло в то время, когда фашистский вермахт оккупировал многие страны Европы и готовился к агрессии против Советского Союза.

Вероломное нападение 22 июня 1941 г. гитлеровской Германии на первое социалистическое государство мира и продвижение вермахта до подступов к Москве и Ленинграду взволновали нас до предела. В бесконечных беседах и спорах мы пытались разобраться в причинах сложившегося положения. С самого первого дня я твердо верил: социалистическое Советское государство наголову разобьет разбойничий германский фашистский империализм. Я был глубоко убежден, что советские люди никогда не покорятся агрессору. Ведь еще в 1930—1931 гг., побывав в Москве и Магнитогорске, я узнал их энтузиазм и творческую силу, их неукротимое стремление преодолеть любые, даже величайшие трудности. Все это и могучий индустриальный потенциал СССР укрепили мою убежденность в том, что советский народ выдержит тяжкое испытание войны, изгонит фашистов из своей страны.

Вскоре это подтвердилось. Безграничной была наша радость, когда в январе 1942 г. мы узнали о разгроме германских армий под Москвой. Вернувшиеся с Восточного фронта тюремные служители рассказывали, как доставалось фашистам в оккупированных областях от советских партизан.

Осенью 1942 г., когда имперский обер-прокурор «народного суда» наводил обо мне справки в различных фашистских инстанциях, мне пришлось вновь непосредственно соприкоснуться с гестапо. Молодой, стройный человек с хорошими манерами и выучкой, с соответствующим «гуманитарным» образованием — так сказать, представитель нового поколения эсэсовцев — получил задание из штаб-квартиры гестапо в Берлине побеседовать со мной «по-человечески». При этом я впервые побывал в служебном кабинете начальника тюрьмы оберрегирунгсрата, эсэсовца Тюммлера. Но эта «человеческая» беседа, как и состоявшиеся

в 1935—1936 гг. менее «человеческие» беседы, не привела к желаемым для гестапо результатам.

12 октября 1942 г. дирекция тюрьмы докладывала, что я «вел себя хорошо и прилежно работал», из чего следовал вывод, что я «образумился».

Однако в штаб-квартире гестапо в Берлине была дана совершенно другая оценка. В адресованном имперскому обер-прокурору письме от 13 ноября 1942 г. говорилось: «Политическое прошлое Хонеккера и его интенсивная работа в пользу нелегальной КПГ свидетельствуют о том, что речь идет об убежденном коммунистическом функционере. Даже находясь под следствием, он пытался продолжать свою направленную на подрыв устоев государства деятельность. Суд в своем приговоре также охарактеризовал его как неисправимого сторонника коммунизма. Поэтому я не убежден, что он изменил свои убеждения. Учитывая обстановку на фронтах, нельзя исключать того, что он вновь будет вовлечен в деятельность запрещенной КПГ, если за ним не будет установлен надлежащий надзор... Поэтому я не могу поддержать досрочное освобождение из заключения».

Зная, что я по профессии кровельщик, меня в марте 1943 г. включили в состав тюремной строительной бригады, поручив руководство сооружением крыши одного из цехов авиазавода Арадо. В тюрьме Бранденбург-Гёрден было только двое заключенных с профессией кровельщика. Так я стал мастером — раньше, чем предполагал. Теперь я пользовался большой свободой передвижения — ни один из надзирателей не осмеливался забраться вслед за мной на крыши завода Бреннабор, авиазавода Арадо или металлургического завода в Бранденбурге.

Осенью 1943 г. сооружение крыши цеха авиазавода Арадо было в основном завершено. Поэтому меня вместе с другими заключенными из строительной бригады направили работать на принадлежавшую тюрьме сельскохозяйственную ферму у озера Плауэр Зее, напротив Кирхмёзера, и разместили там на старой мельнице. На ферме находились советские военнопленные, большинство из них были крайне истощены. Чтобы спасти их от голодной смерти, мы иногда тайком передавали им хлеб. Из картофельных буртов, заложенных на территории этого подсобного хозяйства тюрьмы, мы украдкой выгребали картошку. Совсем рядом находились охранники. У нас имелась печь для варки смолы. На ней я варил картошку и переправлял ее советским товарищам. Так нам удавалось хоть что-нибудь сделать, чтобы спасти их от голода и истощения.

В конце 1943 — начале 1944 г. заметно усилились налеты английской и американской авиации. Соединения бомбардировщиков численностью до тысячи и больше самолетов почти ежедневно, нередко даже по нескольку раз в сутки, совершали налеты на Берлин и другие города. Без всякой военной необходимости они сбра-

сывали на жилые кварталы десятки тысяч фугасных и зажигательных авиабомб, а также тяжелые осколочно-фугасные бомбы. Гибли тысячи детей, женщин и стариков. А военные предприятия, как правило, оставались целыми и невредимыми.

Наша строительная бригада все чаще использовалась для откапывания неразорвавшихся бомб и снарядов. Иногда нам приходилось оттаскивать их неразряженными на своих плечах подальше в сторону. Мы откапывали засыпанные бомбоубежища, убитых и раненых, разбирали завалы на улицах. Если мы при этом попадали под бомбежку — а это случалось все чаще,— нас использовали для сбрасывания с крыш зажигательных бомб и канистр с зажигательной смесью. Таким образом я дослужился, так сказать, до «команды смертников». Вспоминая пережитое, можно сказать: чудо, что мы остались живы.

Весной 1944 г. меня включили в качестве кровельщика в рабочую команду для работ в Берлине. Там я снова встретился с Эрихом Ханке, вместе с которым работал в строительной бригаде тюрьмы Бранденбург-Гёрден. По профессии он был каменщиком, после освобождения работал сначала сотрудником Центрального секретариата Правления СЕПГ, затем директором рабфака Гумбольдтского университета в Берлине, позднее — профессором в различных вузах.

Сначала нас поместили в женской тюрьме на Магдалененштрассе, через некоторое время перевели в женскую тюрьму на Барнимштрассе. Мы должны были устранять возникавшие в результате бомбежек повреждения на стенах и крышах зданий, где размещались фашистские службы. Свобода моего передвижения возросла еще больше: ни начальник нашей команды эсэсовец Зерафин, ни кто-либо еще из охраны не отваживались контролировать нашу работу на сильно разрушенных крышах берлинского апелляционного суда на Эльсхольцштрассе, участкового суда в Шёнеберге, где позднее находилась резиденция союзного Контрольного совета, на здании итальянского посольства в Тиргартене, на так называемой Академии немецкого права, находившейся напротив нового здания рейхсканцелярии, которая 20 июля 1944 г. была оцеплена караульным батальоном майора Ремера, или на здании «народного суда» на Беллевюштрассе.

Так как мы, рабочая команда, были, пожалуй, при воздушных налетах единственными мужчинами в обеих женских тюрьмах — немногие тюремные служители мужского пола прятались в бомбоубежище,— то нас использовали как пожарную и спасательную команду. В женской тюрьме на Барнимштрассе я случайно познакомился с одной женщиной, отбывавшей там трудовую повинность в качестве надзирательницы. Из бесед с ней выяснилось, что она занималась спортом в рабочем спортивном обществе «Фихте», членом которого я тоже был многие годы. Данное обстоятельство способствовало тому, что она разрешала нам во время англо-аме-

рикапских бомбежек слушать иностранные радиопередачи — Би-би-си из Лондона и Московское радио. Благодаря этому мы в определенной степени были осведомлены о положении на фронтах.

Никогда не забуду крупный налет английских и американских бомбардировщиков на Берлин в конце февраля 1945 г., когда огромный район от площади Александерплац до Лихтенберга превратился в груду развалин. Мы как раз работали на крыше женской тюрьмы на Барнимштрассе и скоро стали похожи на шахтеров, поднявшихся из шахт. Солнце как бы померкло, и день, казалось, обратился в ночь, освещаемую пламенем пожаров. Все превратилось в кромешный ад. На крышу женской тюрьмы сыпались зажигательные бомбы, которые мы сбрасывали вниз. Это было связано с риском для жизни, ибо такие зажигательные бомбы снабжались взрывателями замедленного действия, и мы, естественно, не знали, когда они сработают.

Во время этого налета одна из бомб попала в крыло здания, где были расположены тюремные камеры, и разрушила его. Мне пришлось взять на себя организацию работ по спасению находившихся в этих камерах женщин. Мы раздобыли в бункере начальника тюрьмы лопаты, лампы, кирки и стали откапывать из-под обломков оставшихся в живых женщин; большинство из них находились в тяжелом состоянии. Для 23 женщин помощь пришла слишком поздно.

В конце января — начале февраля 1945 г. Красная Армия вышла к Одеру и стала создавать плацдармы на западном берегу реки (об этом мы узнали от упомянутой выше надзирательницы). Для нас было ясно, что дни нацистского режима сочтены. Однако, чем быстрее приближался неизбежный конец фашистского террора, тем безудержнее они неистовствовали. И для нас, политических заключенных, весьма реальной была угроза уничтожения.

В конце февраля 1945 г. мы с Эрихом Ханке стали всерьез подумывать о побеге из рабочей команды. Решение было принято, когда мы узнали, что генеральный прокурор в берлинском апелляционном суде, в подчинении которого находилась рабочая команда, в связи с намерением освободить нас потребовал от ее начальника эсэсовца Зерафина поручительство относительно нашей «политической благонадежности». Тот отказался дать его. Когда Эрих Ханке рассказал мне об этом, стало ясно: раздумывать больше нечего, нужно скорее выбираться отсюда!

Мы тщательно готовились к побегу, выжидая благоприятного момента. Было решено как можно дольше оставаться в рабочей команде и попытаться дождаться прихода Красной Армии в Берлин. Однако в начале марта стало появляться все больше признаков того, что начальник команды намеревается отправить нас «с транспортом», чтобы избавиться от свидетелей своего бесчеловечного обращения с заключенными. О маршруте этого «транспорта» мы могли лишь строить догадки. Я хорошо помнил, как гро-

зили мне гестаповцы сразу после окончания моего судебного процесса. Во что бы то ни стало нужно было избежать обещанной ими «встречи». Надлежало действовать. Тем более что другая тюремная надзирательница дала нам понять: гестапо готовит уничтожение политзаключенных. После освобождения я получил подтверждение этому. В феврале 1945 г. гестапо отдало приказ погрузить всех политических заключенных из берлинских тюрем на баржи и затопить эти баржи с живым грузом в озерах в окрестностях Берлина.

Мы вновь работали в женской тюрьме на Магдалененштрассе. За день до того лишь случай помешал нашему побегу через подвал. Днем 6 марта нам удалось с крыши тюрьмы, где я работал, спуститься по громоотводу на крышу соседнего жилого дома и через чердак выбраться на лестничную клетку. Опасность быть обнаруженными из тюремного двора или с улицы была велика. Но еще рискованнее оказалось добираться до Франкфуртер Аллее через Альфредштрассе и Вагнерплац — мы были в черной тюремной одежде с широкими желтыми полосами на брюках и на рукавах. Единственной нашей «маскировкой», если это вообще можно назвать таковою, являлись ведро, длинное долото, молоток каменщика и длинная веревка.

Свернув на Франкфуртер Аллее, мы увидели там сотни солдат и полицейских, расчищавших завалы после очередного воздушного налета. Поворачивать обратно было слишком поздно. Но на нас никто не обратил внимания. Вскоре мы оказались на Зигфридштрассе вблизи вокзала Берлин-Лихтенберг. Оттуда мы добрались до дяди Эриха Ханке на Вотанштрассе, но не застали его дома. Рядом находился разрушенный жилой дом, в поврежденном бомбоубежище которого мы поспешили спороть с нашей тюремной одежды бросавшиеся в глаза желтые полосы. Теперь мы были похожи на так называемых иностранных рабочих.

Мы продолжали поиски родственников или знакомых Эриха Ханке на соседних улицах — на нынешней Иозеф-Орлоппштрассе, Мёллендорфштрассе (сейчас Жак-Дюклоштрассе) и Гюртельштрассе в Фридрихсхайне. Но либо дома, где они жили раньше, были разрушены, либо мы никого не заставали. Первую ночь на свободе мы были вынуждены провести в подвале сгоревшего дотла дома на Белль-альянсплац в Нойкёльне.

Поиски убежища не дали результата и на следующее утро. Мы побывали по трем адресам на Фридрихштрассе, но снова безуспешно: дома эти были разбомблены. Наше положение осложнялось. Мы могли в любой момент попасть в облаву или случайно натолкнуться на патруль. Без документов и не имея денег, мы не могли воспользоваться ни метро, ни трамваем, ни автобусом или городской электричкой, которые подвергались особо строгому контролю. Кроме того, городской транспорт из-за постоянных бомбежек работал все более нерегулярно.

Берлин в марте 1945 г. был превращен в крепость. На всех важных перекрестках и на главных улицах были сооружены противотанковые заграждения и баррикады, вкопаны танки и орудия. Гитлер, Гиммлер, Борман и Геббельс приказали «до последней капли крови» защищать каждую улицу, каждый дом и каждую квартиру. В ожидании нового наступления Красной Армии они стянули к своему последнему убежищу — к имперской канцелярии отборные части вермахта и войск СС. Гестапо, СС и полевая жандармерия охотились за дезертирами, беглыми военнопленными и лицами, мобилизованными на «трудовой фронт».

Поэтому мы были несказанно рады, когда 7 марта после долгих мытарств наконец-то застали дома в Нойкёльне одну коммунистку, которую я знал прежде. Это была жена Альфреда Перля, о котором я еще расскажу. Хотя она и подвергала себя большой опасности, она помогла нам. Мы смогли переночевать у нее, и она поделилась с нами тем малым, что получала по карточкам, сварила нам суп — нашу первую горячую пищу за два дня. Мы не могли спуститься в бомбоубежище во время ночной воздушной тревоги, но на сей раз бомбы падали на другие районы Берлина.

Несмотря на все усилия, жена Альфреда Перля так и не сумела до наступления утра подыскать для нас надежное укрытие. Она смогла лишь дать мне более или менее подходивший мне по росту костюм. Эрих Ханке и я отправились в берлинский район Шёнеберг. Но и там мы никого не нашли, жилые дома были разрушены. Не оставалось ничего другого, как попытать счастье по нашему последнему адресу на тогдашней Бюловплац (сейчас Роза-Люксембургплац) в районе Митте. Пешком туда пришлось бы идти три-четыре часа, но мы слишком устали. Моя знакомая в Нойкёльне дала нам немного денег, и мы рискнули поехать на городской электричке от зоопарка до Александерплац.

Мы добрались туда без происшествий. Но моих знакомых дома не оказалось. Прождав напрасно несколько часов, мы решили отправиться к другому дяде Эриха Ханке на Одербергерштрассе. Он был дома. Чтобы провести под крышей хотя бы одну ночь, мы утаили от него и его жены всю правду. Утром мы решили порознь искать надежное убежище и попытаться установить связь с партией. Одновременно мы условились о встрече в один из ближайших дней. Однако бомбежка как раз в условленное время помешала нам встретиться, и наш контакт пока оборвался.

Как я узнал позже, Эриху Ханке повезло больше, чем мне, хотя мне и удалось найти временное прибежище у старушки Грунд на Ландсбергерштрассе, 37, всего в 100 метрах от женской тюрьмы на Барнимштрассе. Ее дочь отбывала военизированную трудовую повинность. Во время воздушных налетов я не мог спускаться в бомбоубежище в этом доме, чтобы не подвергать опасности ни себя, ни других. Поэтому я или отправлялся в метро на Александерплац, или оставался в квартире на первом этаже зад-

него корпуса. Хотя там часто вылетали оконные стекла, я чувствовал себя в относительной безопасности.

Положение стало угрожающим, когда во время последнего крупного налета английских и американских бомбардировщиков на Берлин 18 марта 1945 г. стоявший впереди дом превратился в груду развалин. Данный налет произвел наибольшие разрушения и вызвал наибольшие жертвы среди населения. Это крайне затруднило и мое пребывание на Ландсбергерштрассе. А в середине апреля 1945 г. для меня возникла прямая угроза в связи с одним непрошенным внезапным визитом к моим хозяевам. Сложилась весьма опасная ситуация как для них, так и для меня. Не оставалось ничего другого, как вернуться в рабочую команду женской тюрьмы на Барнимштрассе, чтобы в последний момент не угодить в лапы гестапо.

Мое возвращение в рабочую команду было организовано моими знакомыми столь ловко, что исполнявший обязанности генерального прокурора в берлинском апелляционном суде, который вызвал меня к себе и который несколько недель тому назад похвалил меня в связи со спасательными работами в женской тюрьме на Барнимштрассе, вступился за меня перед начальником команды Зерафином.

Нет худа без добра. Чем можно было объяснить, что я так дешево отделался — неразберихой среди фашистских властей, вызванной непрерывными бомбежками, постепенным разложением нацистского режима, стремлением фашистских чиновников не запятнать себя еще больше незадолго до конца или избежать неприятностей с гестапо из-за нашего удавшегося побега и их недостаточной бдительности либо уже отданным тогда распоряжением о моем освобождении из заключения? Конечно, этому способствовало все вместе, но больше всего, пожалуй, первое.

Лишь много лет спустя, читая документы об отбытии мною наказания, я узнал, что дирекция каторжной тюрьмы Бранденбург-Гёрден 14 марта 1945 г. известила имперского обер-прокурора «народного суда» о моем «исчезновении» из женской тюрьмы в Лихтенберге. Пока происшествие было 19 марта зарегистрировано и обработано в имперской прокуратуре, прошло еще несколько дней. 21 марта 1945 г. было написано от руки донесение о моем побеге 6 марта штаб-квартире гестапо на Принц-Альбрехтштрассе и начальнику полиции Берлина, а также просьба о розыске. Пока они подписывались и отправлялись, прошло еще два дня. Просьбы о розыске и включении меня в «Германские списки разыскиваемых лиц» достигли своих адресатов, таким образом, не ранее 7 апреля. Однако, как указано в записи от 9 апреля 1945 г., «Германские списки разыскиваемых лиц»... были уничтожены при террористическом налете 3 февраля 1945 г., а новые еще не представлены». Поэтому была выражена просьба о «повторной подаче документов» через четыре недели. Но четыре недели спустя, 9 мая

1945 г., ни о каких списках не могло быть и речи — нацистский рейх больше не существовал. Счастье, что фашистский сыскной аппарат в последние недели войны фактически уже развалился.

4 мая 1945 г. я снова оказался на Ландсбергерштрассе, 37, в том самом доме, где раньше нашел убежище, а вернее, как писала в своих воспоминаниях Вера Кюхенмайстер, «в том, что осталось от душной казармы для бедноты, у грозившей рухнуть стены, за грудой битого, покрытого копотью кирпича». Она вновь как бы видит меня перед собой: «Он сидит на подоконнике в кухне и ловкими ударами заколачивает разбитое окно. Лицо — остро очерченное, открытое и ясное. Глаза у него светлые, они приветливо, почти испытующе смотрят на шестнадцатилетнюю девушку, которая молча стоит перед ним и наблюдает за его работой... Только много лет спустя я поняла, сколь знаменательна была эта первая встреча».

В середине апреля 1945 г., находясь в рабочей команде в женской тюрьме на Барнимштрассе, я был непосредственным свидетелем агонии нацистского режима. 16 апреля 1945 г. Красная Армия с плацдармов на Одере начала штурм Берлина. Как следует из мемуаров советских военачальников, которые я перечитал, работая над этими воспоминаниями, 20 апреля, в день рождения Гитлера, первые залпы по Берлину дали дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии и 1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной бригады 47-й армии. Мне никогда не забыть полуденные часы этого последнего «дня рождения фюрера». Первый снаряд советской артиллерии разорвался как раз напротив женской тюрьмы на Барнимштрассе, второй — совсем рядом с тюрьмой, где мы находились. Следующие снаряды рвались уже в центре города. Очевидно, советские артиллеристы пристреливались к имперской канцелярии, последнему прибежищу нацистского руководства.

Когда 21 апреля 1945 г. первые танки Красной Армии вышли у Блумберга на северо-восточную городскую окраину Берлина, фашистские охранники женской тюрьмы на Барнимштрассе совсем потеряли голову. Несмотря на обстрел артиллерии и бомбежки, нас погнали к тюрьме Плётцензее. На этом марше я в первый раз увидел советские самолеты типа «ЯК», при виде которых радостно забилось сердце — это были вестники скорого освобождения.

В тюрьме Плётцензее нас погрузили на грузовики и повезли в направлении Бранденбурга. Однако последний отрезок пути нам пришлось проделать пешком. Мы прибыли в тюрьму прежде, чем Красная Армия 25 апреля 1945 г. сомкнула кольцо окружения вокруг Берлина.

9.
Дни и часы освобождения

В каторжной тюрьме Бранденбург-Гёрден я вновь встретился с рядом моих товарищей и соратников, в том числе с Куртом Зайбтом, представителем подпольного партийного комитета в нашем тюремном крыле, и Альфредом Перлем, представлявшим партийный комитет во II корпусе. Но многих уже не было в живых. В последние недели и дни фашистские палачи одних отправили на эшафот (последняя массовая казнь состоялась 20 апреля), другие товарищи скончались от болезней вследствие бесчеловечных условий заключения. Постоянный голод окончательно подорвал их силы. Среди них был и Макс Маддалена.

Но дни фашистского террора были сочтены, час нашего освобождения близился. Неудержимое наступление Красной Армии вселяло в нас, политических заключенных, чувство радости и надежду. В то же время мы напряженно и с тревогой следили за действиями тюремного начальства и охраны. Ведь нам постоянно приходилось считаться с тем, что наши палачи могут в последнюю минуту расправиться с политическими заключенными.

Охранники становились все нервознее, заметно теряя чувство уверенности; самые жестокие из них начали исчезать, другие сбавили тон по отношению к нам и стали более покладистыми; некоторые молча терпели то, что мы все больше игнорировали тюремный распорядок. Своим лояльным поведением они явно хотели заслужить снисхождение после неизбежного краха фашизма, «подстраховаться» на будущее. Мы помогали этому, без обиняков заявляя надзирателям: «Если с нами ничего не случится, то ничего не произойдет и с вами». В то же время партийная организация делала все, что было возможно в этих условиях, чтобы подготовиться к защите и освобождению политических заключенных. Так, ей удалось образовать комитет узников и назначить старост отдельных тюремных корпусов и флигелей. Дирекция тюрьмы вначале пыталась возражать против этого, но потом уступила. Она смирилась и с тем, что в последние дни апреля двери в камеры политзаключенных больше не запирались. И тем не менее следовало соблюдать предельную осторожность — ведь нам не один раз довелось испытать на себе коварство фашистов. А тут нас вдруг опять заперли в камерах.

В эти дни, когда бесчеловечный тюремный режим все более ослабевал, меня второй раз вызвали к начальнику тюрьмы эсэсовцу Тюммлеру. Гестаповец на этот раз отсутствовал. Сам же герр Тюммлер был занят другими делами и очень спешил. Под Гентином вермахт удерживал плацдарм для бегства через Эльбу на Запад. Город Бранденбург все еще был занят частями вермахта и войск СС. Тюммлер сказал мне, что считает необходимым отложить

на несколько дней выполнение распоряжения генерального прокурора берлинского апелляционного суда о выдаче мне документа о моем освобождении. Это-де в моих же собственных интересах, поскольку обстановка вокруг тюрьмы еще не ясна.

Несколько дней спустя обстановка прояснилась, однако совсем иным образом, нежели мог себе представить начальник тюрьмы. Он, видимо, рассчитывал на прорыв армии «стойкого» генерала Венка. А кроме того, он всячески добивался направления в Бранденбург-Гёрден эсэсовских подразделений для расправы с политическими заключенными. Однако это не удалось.

И вот наконец для моих товарищей и для меня настал долгожданный день освобождения. Утром 27 апреля 1945 г. Альфред Перль распахнул дверь моей камеры. Партийный комитет приступил к освобождению политзаключенных, после того как тюремное начальство и вместе с ним большинство надзирателей бежало в западном направлении. Кстати, через несколько лет Тюммлер стал начальником тюрьмы в Целле, что весьма красноречиво характеризует «преодоление» фашистского прошлого в Западной Германии.

Я бросился к главным воротам. Охранники были уже разоружены. Через некоторое время к воротам тюрьмы подошел первый советский танк. Никогда не забуду то волнение, с которым мы заключили в свои объятия советских солдат. Пожалуй, никто из нас, и я тоже, не стыдился слез радости, приветствуя красноармейцев, которые пришли как освободители, как братья по классу и друзья, прокладывающие путь новому, светлому будущему человечества. Навсегда останутся в памяти те огромные усилия и неизмеримые жертвы, которые советский народ во главе с партией Ленина принес во имя освобождения человечества от фашизма.

В тот памятный день я вновь встретился с Вильгельмом Тиле, моим товарищем по камере в 1941—1943 гг., и со многими другими боевыми товарищами. Вильгельм Тиле сыграл важную роль в нашем освобождении, 27 апреля 1945 г. он возглавил военную охрану тюрьмы до прихода Красной Армии.

Многое было что рассказать нам друг другу о пережитом за два последних года. Но наши помыслы и разговоры прежде всего были устремлены в будущее. Особенно волновал нас вопрос: что следует немедленно сделать для полного и окончательного уничтожения фашизма и его социально-экономических, политических и духовных корней, чтобы смести с пути оставленные фашизмом и войной материальные и духовные развалины и обеспечить существование нашего народа?

На это мог быть только один ответ: единство действий всех партий и организаций рабочего класса, широкий союз со всеми антифашистскими силами, со всеми, кто был готов извлечь урок из пагубного прошлого немецкого народа. Весь опыт нашей длительной, тяжкой, полной жертв борьбы против фашизма и войны взы-

вал к этому. Единство трудового народа, всех антифашистских и демократических сил не было для нас вопросом обусловленной партийными интересами тактики. Для нас было важно не обеспечение преимуществ в будущей классовой борьбе и на выборах ослабленной фашистским террором КПГ — как постоянно утверждают буржуазные историки и публицисты. Нет, мы считали это единство жизненной необходимостью для нашего народа, продиктованной самой историей. Ибо установление гитлеровской диктатуры и, как следствие ее, развязывание кровопролитных, захватнических и уничтожительных войн против почти всех народов Европы стало возможно — об этом мы тоже говорили в ту ночь — лишь потому, что немецкий рабочий класс и другие демократические силы нашего народа были расколоты, их раздирали внутренние распри. Различные прогрессивные политические течения и мировоззрения в нашей стране противостояли друг другу, вместо того чтобы совместными усилиями вести борьбу против фашизма и реакции. Забыть все это значило бы предать забвению огромные жертвы движения Сопротивления в борьбе против нацизма и войны — а моя партия, КПГ, принесла наибольшие жертвы,— предать забвению заветы павших борцов.

Нас воодушевляло стремление использовать для нашего народа исторический шанс, предоставленный ему освобождением от фашизма. С немецкой земли никогда больше не должна начаться война. Вероятно, как и узники всех освобожденных тюрем и концентрационных лагерей, мы в Бранденбурге поклялись сделать все, чтобы установить антифашистское единство нашего народа. Мы поклялись искоренить фашизм и милитаризм, построить новое, антифашистско-демократическое государство и направить общественное развитие по пути социализма.

Я горел желанием как можно скорее добраться до Берлина, разыскать там товарищей и друзей и включиться в борьбу партии. Я сообщил о своем уходе советскому офицеру, отвечавшему за безопасность освобожденных политических заключенных, и 28 апреля вместе с Альфредом Перлем отправился в путь. Перед этим я получил свои личные вещи и распрощался с Вильгельмом Тиле. «Когда мы расставались,— вспоминал Тиле позднее,— нам как раз выдали из камеры хранения наши мешки с одеждой. И тут я вспомнил, что был доставлен в тюрьму без пальто. Услышав об этом, Эрих достал из своего вещевого мешка прекрасное, почти новое коверкотовое пальто и с присущей ему готовностью прийти на помощь подарил мне его. К сожалению, мы сразу же должны были покинуть здание из-за угрозы обстрела фашистами и в этой неразберихе мой вещевой мешок с этим пальто куда-то пропал».

Попасть в последние дни апреля 1945 г. в Берлин, в центре которого все еще шли ожесточенные бои, было нелегко и совсем небезопасно. Мне и Альфреду Перлю предстоял длинный утомительный путь пешком, так как транспортная связь была полно-

стью нарушена. Добраться до цели прямиком было также невозможно — между Бранденбургом и Берлином бродили разрозненные части вермахта и войск СС, которые пробивались к Эльбе. Кроме того, части вермахта и войск СС — нередко это были подразделения «охранного конвоя» главарей нацистского режима — пытались прорвать кольцо окружения, замкнутое Красной Армией вокруг Берлина, и уйти на Запад под защиту армий США. Попасть в руки таким «оголтелым», «стойким до конца» фанатичным фашистам было бы для нас равносильно самоубийству. Они сразу бы расправились с нами. Поэтому нам постоянно приходилось менять направление. Наконец мы через Науэн добрались до окрестностей Ораниенбурга под Берлином.

Мы проходили через покинутые, полуразрушенные деревни и поселки, мимо взорванных мостов и железных дорог, разбомбленных и разрушенных артиллерийским огнем предприятий, нам попадался бесхозный скот, иногда встречались запуганные, недоверчивые и апатичные люди. Видя все это, я вновь и вновь спрашивал себя, сколько же потребуется времени и сил, чтобы ликвидировать опустошительные последствия войны, которая теперь вернулась туда, откуда началась. Но самое главное: с кем же мы все это сможем сделать?

В районах, через которые мы проходили в последние дни апреля 1945 г., части и соединения Красной Армии сломили последнее сопротивление групп вермахта и войск СС. При этом красноармейцы задерживали всех лиц мужского пола от 14 до 70 лет, независимо от того, были ли те в военной форме или в гражданской одежде. Они не могли по внешнему виду определить, враг это или друг, фашист или коммунист, освобожденный от военной службы или солдат, сытый по горло войной и думающий, как бы добраться до дому.

Поздним вечером 28 апреля Альфред Перль и я, потеряв всякую ориентацию, брели через лес вблизи Ораниенбурга. Вдруг мы услышали голоса, и я предположил, что это советские солдаты. Мне удалось объясниться с ними по-русски. Я сказал им, что мы — политзаключенные из тюрьмы Бранденбург-Гёрден и вчера нас освободили. Но мое свидетельство о том, что я «недостоин служить в армии» и об «исключении из рядов вермахта» — единственный письменный документ, которым я располагал, их не убедило. В те дни это было неудивительно. Ведь многие запятнавшие себя тяжкими преступлениями нацисты пытались скрыться любыми способами. Моя бумага, действительно, не могла быть достаточно убедительным документом для советских товарищей.

Ночь с 28 на 29 апреля мы с Альфредом Перлем провели в сарае вместе с другими задержанными лицами. Среди них были дезертировавшие солдаты вермахта, эсэсовцы, чиновники фашистского аппарата, а также насильно угнанные в Германию иностранные рабочие. На следующее утро с помощью советской переводчи-

цы удалось разъяснить, кто мы, откуда и куда идем. Это происходило около дома, в котором в то время находился Конрад Вольф — сын известного немецкого коммуниста, писателя и врача Фридриха Вольфа. Тогда Конрад был лейтенантом Красной Армии, а потом — Президентом Академии искусств ГДР. Но случилось так, что встретились мы с ним впервые лишь много лет спустя.

29 апреля 1945 г. я был придан в качестве советника секретарю комсомольской организации советской воинской части. Вместе с ним я прошел остальной путь до окрестностей Бернау. Оттуда 4 мая мне удалось пробраться в сильно разрушенный Берлин. До марта — апреля 1945 г. англо-американская авиация совершила свыше 400 налетов на город, в том числе более 40 массированных. Из каждой сотни квартир было разрушено 37 (по всей Германии — около 21 из 100). Из 400 млн. кубометров развалин по всей стране свыше 55 млн. кубометров приходились на Берлин. В результате англо-американских воздушных налетов погибло почти 500 тыс. человек гражданского населения, среди них свыше 100 тыс. детей.

Когда 4 мая я наконец через Панков и Вайсензее добрался до центра Берлина, я увидел повсюду ужасные разрушения. Из окон немногих уцелевших домов свисали сделанные из простыней белые флаги.

Через два дня советская городская комендатура издала приказ вывесить на улицах и домах флаги четырех союзных держав по случаю подписания 8 мая 1945 г. безоговорочной капитуляции гитлеровского режима. Это было сделано 6 и 7 мая.

Моих знакомых на Ландсбергерштрассе, 37, я, к своей радости, нашел живыми и невредимыми. На ближайшие недели и месяцы они снова приютили меня. С помощью товарищей я сразу же принялся разыскивать членов КПГ и КСМГ в городском районе Фридрихсхайн. С этой целью мы устроили в помещении одного кафе на Ландсбергерштрассе рабочее бюро, которым руководил я. Первые контакты с советской районной комендатурой во Фридрихсхайне привели меня примерно 9—10 мая в городскую советскую военную комендатуру Берлина, находившуюся в Альт-Фридрихсфельде. Там я встретил Рихарда Гюптнера и Ганса Мале, бывшего работника КСМГ, ныне — главного редактора газеты «Вархайт», центрального органа СЕП Западного Берлина. Оба они входили в состав группы уполномоченных ЦК КПГ. Они привели меня на Принценаллее, 80, теперь Айнбеккерштрассе, 41, где временно разместился Центральный Комитет КПГ.

Там меня вызвали к Вальтеру Ульбрихту, которому Секретариат ЦК партии поручил руководить первыми шагами по нормализации жизни в столице, по созданию антифашистско-демократических органов управления и подготовке партии к наконец-то ставшей вновь легальной деятельности. Это была наша первая встреча, и на меня произвела большое впечатление энергия, с которой он занимался этой огромной по своим масштабам работой. Проин-

формировав меня об обстановке и самых неотложных задачах, он поручил мне разработать главные направления работы КПГ среди молодежи на ближайшие недели и месяцы. Ему уже был представлен один проект, составленный Вольфгангом Леонхардом, который в то время входил в состав группы уполномоченных ЦК; позднее он изменил нашему делу и стал злостным клеветником на СЕПГ и ГДР. На этом проекте была лаконичная резолюция Вальтера Ульбрихта: «Не годится».

В эти дни я вновь встретился с Отто Винцером, с которым не виделся 11 лет. Он также был членом группы уполномоченных ЦК КПГ. 19 мая его назначили руководителем управления народного образования при демократическом магистрате Большого Берлина. В конце мая — начале июня я впервые повстречался с Эрихом Мильке, который в течение многих лет боролся против фашизма и войны в рядах КСМГ и КПГ, сражался в составе Интербригад в Испании, а ныне является членом Политбюро ЦК СЕПГ, генералом армии и министром государственной безопасности ГДР. Тогда же я познакомился с Лоттой Кюн, ставшей позднее женой Вальтера Ульбрихта, и Гретой Кейльсон. Обе были сотрудницами ЦК КПГ.

Я сразу же принялся за работу. При этом я мог опереться на свой опыт работы с молодежью в качестве члена ЦК КСМГ, политического руководителя КСМГ в Саарской и Рурской областях, в округе Берлин-Бранденбург, а также инструктора в округах Гессен, Пфальц, Баден, Вюртемберг. Однако масштабы и всю сложность задачи, поставленной передо мной в совершенно иной обстановке, я осознал только в последующие недели и месяцы.

Самым первым и важным делом было создать единое антифашистско-демократическое движение молодежи. Надо было разыскать бывших функционеров и членов КСМГ и привлечь их к работе. В то же время следовало установить контакты с бывшими функционерами и членами Социалистической рабочей молодежи, а также с молодыми католиками и протестантами, привлечь их к основанному на доверии сотрудничеству.

Необходимо было также собрать всю ту молодежь, которая сумела сделать должные выводы из горького опыта прошлого. Но сказать это было легче, чем сделать. Ведь речь шла о молодых людях в возрасте от 14 до 21 года, которые почти все в принудительном порядке были членами фашистских молодежных организаций «гитлерюгенд» и «союз немецких девушек». Они выросли и формировались при фашизме, были обмануты им и использованы для неправого дела, и они все еще находились под влиянием нацистской идеологии. Многие были в отчаянии и духовно опустошены — их мнимые идеалы рухнули, уступив место чувству безысходности и безнадежности. Все это крайне затрудняло вовлечение молодежи в строительство новой, демократической жизни. Голод, отсутствие

крова над головой, безработица, болезни и эпидемии довершали остальное. Большинство из них относилось к новому выжидающе, некоторые — отрицательно или даже враждебно.

Вместе с тем многие из этих юношей и девушек, которые в последние дни и часы фашистского режима воочию убедились в его бесчеловечности, были готовы сделать первый шаг, чтобы порвать с прошлым. В силу своей внутренней порядочности и искренней любви к своей родине они вступали в ряды тех, кто хотел строить новую жизнь. Они разбирали развалины, помогали старшим налаживать снабжение водой, электричеством и газом, восстанавливать транспорт — словом, участвовали во всех работах по оживлению своего истекавшего кровью родного города. Проворные мальчишки заменяли телефонную связь между возникавшими новыми, демократическими органами управления. Девчонки садились за пишущие машинки. Юноши и девушки создавали бригады для разгрузки прибывавших грузовиков Красной Армии с картофелем и мукой для населения Берлина.

Первые недели освобождения от фашизма принесли опыт, имевший принципиально важное значение. Прежде всего нужно было указать всей молодежи, независимо от ее социального происхождения, политических взглядов и мировоззрения, путь в будущее. Вовлекая молодежь в преодоление тяжкого наследия фашизма и милитаризма, нужно было вселить в нее уверенность, наполнить ее жизнь новым содержанием и смыслом. Думая о будущем, молодежь должна была осознать, что ее связывают общие интересы, что это общее сильнее того, что их разделяло. Чтобы добиться этого, необходимо было доверие к молодежи, необходимо было бороться и за ее доверие. Завоевать доверие молодежи — главную основу прочного сотрудничества — можно было только лишь собственным примером самоотверженности, пониманием, терпением и настойчивостью.

Именно этими мыслями руководствовался я, когда в мае 1945 г. вместе с моими товарищами приступил к созданию единого антифашистско-демократического молодежного движения. Оно охватывало молодежь всех классов и слоев, политических направлений и мировоззрений.

В начале июня 1945 г. я снова был вызван к Вальтеру Ульбрихту. Он познакомил меня с Гейнцем Кесслером, который теперь уже много лет является членом ЦК СЕПГ и заместителем министра национальной обороны ГДР; в конце мая 1945 г. он прибыл из Москвы в Берлин. Гейнц Кесслер, родом из рабочей семьи, вскоре после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз перешел на сторону Красной Армии. С 1943 г. он как член Национального Комитета «Свободная Германия» и его фронтовой уполномоченный участвовал в борьбе против фашистских агрессоров, за новое, миролюбивое, демократическое немецкое государство. С нашей первой встречи в июне 1945 г. нас связывает с ним сердечная

дружба, основой которой являются не только наши общие мировоззрение и политические убеждения, многолетняя совместная деятельность в союзе молодежи, но и его открытый, товарищеский характер.

Вальтер Ульбрихт поручил нам подготовить создание антифашистских молодежных комитетов. Гейнцу Кесслеру была поручена организация работы среди молодежи в Берлине, а я, как секретарь по вопросам молодежи при ЦК КПГ, должен был организовать работу среди молодежи по всей стране. В последующие дни мы разыскали еще несколько бывших функционеров КСМГ, установили контакты с бывшими функционерами и членами социал-демократических и социалистических союзов молодежи, такими, как Эдит Бауман и Тео Вихерт, а также с антифашистски настроенной верующей молодежью. Одновременно мы стали вовлекать в нашу работу молодежь, ранее состоявшую в рядах фашистских молодежных организаций. Мы хотели привлечь их на сторону единого антифашистского молодежного движения, которое тем самым должно было стать более широким.

Мы учли выводы, сделанные КПГ в годы фашистской диктатуры — особенно на партийных конференциях в 1935 и 1939 гг.: путем преодоления раскола в рядах немецкого рабочего движения мы должны были также преодолеть раскол движения рабочей молодежи и раздробленность всей немецкой молодежи на множество союзов, объединений и групп. КПГ ясно сознавала, что немецкий народ может быть выведен из катастрофы, в которую его ввергнул фашизм, только если рабочий класс будет действовать едино и выкует прочный союз со всеми антифашистскими и демократическими силами.

Гитлеровский режим оставил ужасное наследие. Шести миллионам немцев пришлось заплатить жизнью за его планы завоевания мирового господства. Миллионы немецких солдат находились в плену. Миллионы беженцев бродили по дорогам в поисках крова. Не было почти ни одной семьи, для которой бы нацистский террор и война прошли бесследно. Из каждых 100 человек 40 потеряли почти все свое имущество, 25 — какую-то его часть. Заводы и фабрики, предприятия энерго- и водоснабжения были разрушены или сильно повреждены, большинство средств транспорта и связи выведено из строя. В сельском хозяйстве последствия войны привели к резкому снижению урожайности и уменьшению поголовья скота. Материальные потери немецкого народа оценивались в 200 млрд. марок. По сравнению с 1936 г. народное достояние уменьшилось почти на треть, потенциал рабочей силы сократился на 15—20%. Многие научно-исследовательские учреждения лежали в развалинах. Немецкий народ и все человечество лишились невосполнимых сокровищ искусства и других культурно-исторических ценностей. Большинство людей жило только сегодняшним днем, думая о куске хлеба и крыше над головой.

В этой обстановке Советская Военная Администрация в Германии, главноначальствующим которой в то время был Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, 10 июня 1945 г. издала свой исторический приказ № 2. Он разрешал деятельность антифашистско-демократических партий и свободных профсоюзов. КПГ была первой партией, обратившейся к общественности. 11 июня 1945 г. ее Центральный Комитет обнародовал воззвание к трудовому народу города и деревни. Этим основополагающим марксистско-ленинским документом, как я ретроспективно писал в марте 1976 г. в статье «Верным курсом. К 30-летию образования СЕПГ» в центральном органе СЕПГ — газете «Нойес Дойчланд», «всем антифашистско-демократическим силам были указаны цель и путь к ликвидации господства монополистического капитала, который развязал две опустошительные мировые войны, посадил в седло фашизм и был главным виновником его злодеяний. В этом документе большой важности КПГ анализировала уроки истории и ориентировала на создание антиимпериалистическо-демократических условий, которые открывали немецкому народу путь к социализму».

Как коммунисты, мы исходили из того, что окончательное решение социальных и национальных проблем возможно лишь при социализме. Но мы учитывали также, что в тогдашней Германии не имелось предпосылок для непосредственного построения социализма. Поэтому свою ближайшую стратегическую цель КПГ видела в создании антифашистского, демократического строя, парламентской демократической республики со всеми демократическими правами и свободами для народа.

Решение самых неотложных задач, содержавшихся в воззвании, отвечало коренным интересам немецкой молодежи. Необходимо было полностью ликвидировать остатки гитлеровского режима, строго покарать нацистских и военных преступников, передать их собственность в руки народа. Воззвание предусматривало очищение всех общественных учреждений от активных нацистов и создание демократических административных органов. Это включало в себя демократическое обновление судопроизводства, а также антифашистское преобразование системы воспитания и образования, культурной и духовной жизни. Следовало гарантировать и обеспечить основные демократические права и свободы трудящихся. Провозглашалось стремление к мирному сотрудничеству со всеми народами.

Сначала антифашистской молодежи было мало. Воззвание от 11 июня 1945 г. дало четкую ориентировку для ее деятельности среди молодого поколения. На его основе мы добивались того, чтобы молодежные комитеты, которые уже были созданы или возникали по инициативе КПГ, СДПГ и других антифашистских сил в Берлине и других городах, вовлекали все больше юношей и девушек в строительство новой жизни.

По инициативе КПГ 12 июня 1945 г. около 200 антифашистских функционеров самых различных политических направлений и мировоззрений собрались в Берлине. Среди них находились Отто Брасс и Макс Фехнер от СДПГ, Герман Шлимме, Бернгард Гёринг, Роман Хвалек, Якоб Кайзер и Эрнст Леммер от различных бывших профсоюзных объединений, д-р Фоккель от бывшей партии Центра и религиозные деятели Петер Буххольц и Генрих Грюбер, Вальтер Ульбрихт, Оттомар Гешке, Иоганнес Р. Бехер, Ганс Ендрецкий и Отто Винцер представляли КПГ. В качестве представителей молодежи в этом совещании принимали участие Гейнц Кесслер и я. Вальтер Ульбрихт разъяснил воззвание ЦК КПГ и предложил по поручению ЦК создать антифашистско-демократический блок.

В нашей молодежной работе мы опирались на соглашение о совместных действиях, заключенное между Центральным Комитетом КПГ и Центральным правлением СДПГ 19 июня 1945 г. В этой связи обе партии также договорились об отказе от создания своих собственных молодежных организаций. Возникшие на основе единства действий КПГ и СДПГ комитеты действия обеих партий в землях, районах, городах и общинах советской оккупационной зоны значительно облегчили и подкрепили наши усилия, направленные на объединение молодежи. Возникшее единство действий рабочих партий приносило все более зримые плоды также и в этой области.

10. Символ восходящего солнца

26 февраля 1946 г. Тео Вихерт, Пауль Фернер, я и некоторые другие члены Центрального антифашистского молодежного комитета, в том числе Эдит Бауман, протестантский пастор Освальд Ханиш, Гейнц Кесслер, католический соборный викарий Роберт Ланге и Рудольф Миснер, подписали обращение в СВАГ с просьбой разрешить создание единой, демократической молодежной организации — Союз свободной немецкой молодежи. Ее символом должно было стать восходящее солнце на голубом фоне. Этим мы хотели символизировать, что для немецкой молодежи, объединяющейся и организующейся под таким знаком, после мрака фашизма начинается новый день. Это будущее никогда не должно омрачаться губительными тенями прошлого, его будут освещать яркие лучи восходящего солнца на безоблачном голубом небосводе. Это будущее должно быть прекрасным благодаря единым действиям уверенной в своих силах молодежи, решительно покончившей с пагубным прошлым.

Некоторое время спустя, 7 марта 1946 г., СВАГ дала согласие на создание Союза свободной немецкой молодежи. То был час рождения первой единой, демократической молодежной организации в немецкой истории. Это событие глубоко взволновало меня. Теперь — я был убежден в этом — осуществилось то, за что мы боролись в годы Веймарской республики и фашистского господства.

Этого дня я с нетерпением ждал все девять долгих лет тюремного заключения. Теперь в рядах Союза свободной немецкой молодежи объединились бывшие члены КСМГ, Социалистической рабочей молодежи, профсоюзной молодежи, а также бывших католического и протестантского союзов молодежи, короче говоря — молодежь из всех классов и слоев. Создание ССНМ явилось для меня высшей точкой всей моей предшествующей политической деятельности, одним из важнейших результатов в строительстве нового, демократического немецкого государства за 11 месяцев после нашего освобождения.

В моей жизни есть немало дней, которые я никогда не забуду. К ним относится и 2 июля 1945 г. В тот день я находился в доме на Айнбеккерштрассе, 41, в восточной части Берлина. Внешне он ничем не отличался — ни табличка, ни какой-либо другой признак не говорили о том, что здесь работают люди, воля которых к строительству новой жизни была больше, чем трудности на их пути.

Был полдень, и ничто не предвещало, что день сложится иначе, чем он запланирован. Вот уже несколько дней я с товарищами работал над тем, чтобы собрать воедино все те силы молодежи,

которые извлекли урок из прошлого. Это было нелегко, и я как раз обдумывал некоторые вопросы, которые следовало решить. Вдруг дверь открылась, и в комнату вошел человек, чье имя является олицетворением верности, доверия и прогресса,— Вильгельм Пик. На Брюссельской партийной конференции КПГ он на время заключения Эрнста Тельмана был избран Председателем партии, и вечером 1 июля 1945 г. после многолетней эмиграции он вернулся в Берлин. Широкоплечий, коренастый, с тронутыми сединой волосами, с умными и дружелюбно глядящими из-под кустистых бровей глазами, стоял он теперь передо мной.

О своих чувствах в тот момент я писал спустя несколько месяцев: «Меня охватило радостное возбуждение от сознания того, что я столь неожиданно оказался перед человеком, в котором воплотились лучшие традиции немецкого рабочего движения. Рукопожатие, и вот уже последовали вопросы и ответы. Правильно ли я отвечал? Не знаю. Я знаю только — и почувствовал это сразу,— что в груди этого человека бьется горячее, любящее Германию сердце, живет лишь одна забота — забота о настоящем и будущем немецкого народа и его молодежи. Еще одно рукопожатие и задание: сегодня в 15 часов обрисовать ему положение с немецкой молодежью. И вот я остаюсь наедине со своими мыслями и чувствами. Наедине с уверенностью, что в лице Вильгельма Пика немецкая молодежь имеет своего лучшего друга и помощника».

Вильгельм Пик отвечал в Секретариате ЦК КПГ также за работу с молодежью и возглавлял молодежную комиссию. С тех пор как в начале июля 1945 г. на меня были возложены функции секретаря ЦК КПГ по вопросам молодежи, я в последующие недели, месяцы и годы работал непосредственно вместе с ним. Он всегда был для меня старшим товарищем и примером. В эти дни я вновь встретился с Антоном Аккерманом и Францем Далемом, членами Секретариата ЦК КПГ, Бруно Лёйшнером, заведующим Отделом экономической политики, и Фредом Эльснером, заведующим Отделом агитации и пропаганды. Работая вместе с ними, я ближе узнал и оценил их.

На Валльштрассе, 76—79, в центре Берлина, куда в середине июля 1945 г. ЦК перенес свою штаб-квартиру и где теперь находится издательство «Дитц ферлаг», я вновь встретился с Хайнцем Гофманом. Нас с ним свела в 1934 г. в Мангейме совместная антифашистская работа в КСМГ. Позднее он как интербригадовец участвовал в национально-революционной войне испанского народа. Теперь он был сотрудником ЦК КПГ.

В середине июля 1945 г. я участвовал в первом крупном антифашистском митинге молодежи в Берлине. Открывая его, Гейнц Кесслер, председатель берлинского главного молодежного комитета, почтил память борцов Сопротивления, отдавших свою жизнь в борьбе против фашизма. Бережное отношение к памяти жертв

фашизма, выполнение их заветов всегда были и поныне остаются для меня, моих друзей и боевых соратников внутренней потребностью.

К тому времени в Берлине уже действовал 21 антифашистский молодежный комитет. Во многих других местах советской оккупационной зоны также появились подобные комитеты. Я писал 7 июля 1945 г. в центральном органе КПГ — газете «Дойче фольксцайтунг» об их работе, что единое и свободное немецкое молодежное движение должно стать стремлением и целью всех тех, кому дорого будущее нашего народа. Основой этого движения являются молодежные комитеты при органах коммунального самоуправления. В них для совместной работы молодые христиане, социалисты, демократы и коммунисты объединились с молодежью, порвавшей с «гитлерюгенд» и его пагубной идеологией. Нашу деятельность в молодежных комитетах поддерживала СВАГ, объявив 31 июля 1945 г. о том, что в крупных и средних городах советской оккупационной зоны разрешается создание антифашистских молодежных комитетов. Их задачи и цели разъяснялись в опубликованном день спустя газетой СВАГ «Тэглихе рундшау» сообщении:

«На молодежные комитеты возложена большая ответственность за воспитание немецкой молодежи. Их задача состоит в том, чтобы вновь пробудить в немецкой молодежи убитые нацистами чувства справедливости и несправедливости, истины и лжи, нравственности и преступления, избавить их от нацистской идеологии и воспитать юношей и девушек честно мыслящими людьми, чтобы они с молодым задором участвовали в решении великой задачи антифашистско-демократического обновления Германии». Это решение еще раз продемонстрировало отношение Советского Союза к деятельности антифашистских сил немецкого народа, оно соответствовало решениям антигитлеровской коалиции относительно будущего Германии и отвечало международно-правовым мерам, принятым летом 1945 г. на Потсдамской конференции представителей СССР, США и Великобритании по демилитаризации, денацификации и демократизации Германии.

После допуска в советской оккупационной зоне антифашистских молодежных комитетов и четкого определения содержания их деятельности мы активизировали свои усилия по созданию молодежных комитетов и оживлению работы существующих. В связи с этим в начале августа 1945 г. я познакомился с Германом Аксеном. За свою антифашистскую борьбу в рядах КСМГ он много лет провел в концентрационных лагерях. После освобождения он был сотрудником районного комитета КСМГ в Лейпциге, и вот уже много лет является членом Политбюро и секретарем ЦК СЕПГ. Как он позднее вспоминал, добраться до центра Берлина и разыскать в поврежденном зажигательными бомбами здании на Валльштрассе Отдел молодежи Центрального Комитета

было совсем не просто. Он находился на последнем этаже. Это было неудивительно и скорее даже традиция. В Доме им. Карла Либкнехта, на Бюловплац (сегодня Роза-Люксембургплац), где когда-то размещался ЦК КПГ, молодежный отдел до 1933 г. также находился под самой крышей. Но что это так высоко, под почти выгоревшими стропилами, как это было на Валльштрассе, Герман Аксен себе не представлял.

«После первых слов знакомства,— пишет он дальше,— Эрих сразу же перешел к делу. Он начал не с указаний, а с дюжины крупных и мелких вопросов: о партии, о молодежи, о деятельности только что созданного молодежного комитета нашего города. Эрих высказывал свое отношение к каждому вопросу и разъяснял самое важное в практических задачах. Он одобрил нашу инициативу по мобилизации молодых рабочих-добровольцев на буроугольный завод в Эспенхайне и поделился со мной опытом Берлина и других провинций советской оккупационной зоны... Потом Эрих спросил: «Ты умеешь писать? Садись за машинку и напиши для первого номера первого антифашистского молодежного журнала «Нойес лебен» небольшую статью о нашей работе в Лейпциге». Напечатанное двумя пальцами, мое творение было одобрено Эрихом».

Нашим усилиям по сплочению молодежи всех классов и слоев, политических направлений и мировоззрений, без сомнения, способствовал тот факт, что 14 июля 1945 г. Коммунистическая партия Германии, Социал-демократическая партия Германии, Христианско-демократический союз (ХДС) и Либерально-демократическая партия Германии (ЛДПГ) объединились в блок антифашистско-демократических партий. Они провозгласили своей общей целью полную ликвидацию фашизма, восстановление страны на антифашистско-демократической основе и установление дружественных отношений со всеми народами.

Члены молодежных комитетов принимали участие во всех мероприятиях по демократическому обновлению жизни. Они помогли собрать первый мирный урожай и пустить в ход предприятия, участвовали в создании демократических органов управления, в начатой в сентябре 1945 г. демократической земельной реформе и в проведении демократической школьной реформы.

Эта разносторонняя деятельность молодежных комитетов все более настойчиво требовала единого центрального руководства. Поэтому по предложению Центрального Комитета КПГ и Центрального правления СДПГ мы вместе с Тео Вихертом, отвечавшим за работу с молодежью в Центральном правлении СДПГ, и представителями созданного в августе 1945 г. Центрального управления народного образования, которое возглавил Пауль Вандель, ставший позднее секретарем ЦК СЕПГ (ныне вице-президент Лиги дружбы народов), подготовили совещание в Берлине. В нем

участвовали представители земель и провинций в советской оккупационной зоне и Берлина. На заседании 10 сентября 1945 г. я выступил с докладом об опыте проделанной работы молодежных комитетов и их задачах на будущее. На совещании было решено образовать Центральный антифашистский молодежный комитет, председателем которого избрали меня. Поначалу в комитет входили по пять представителей от КПГ и СДПГ, в октябре — ноябре добавились еще представители католической и протестантской молодежи. В тогдашних пяти землях и провинциях советской оккупационной зоны — Бранденбурге, Мекленбурге, Саксонии, Саксонии-Ангальт и Тюрингии — были созданы земельные молодежные комитеты.

Первые месяцы моей новой деятельности были наполнены беседами, встречами и дискуссиями по самым различным проблемам, волновавшим молодежь. При этом часто возникали споры о целях и направлениях, задачах и практической деятельности молодежных комитетов. При этом взгляды не всегда совпадали. Как в КПГ, так и в СДПГ существовало мнение, что целесообразнее были бы раздельные, связанные с соответствующими политическими партиями молодежные организации, и лишь позднее, как это было с обеими партиями, должно произойти их слияние. Только таким путем можно было якобы сохранить руководящую роль рабочей молодежи, чего нельзя, мол, обеспечить в рамках единой, охватывающей всю молодежь организации. Протестантские и католические круги стремились объединить молодежь в соответствии с их религиозными взглядами. Кое-кто считал, что единая организация не сможет представлять многосторонние интересы молодежи. Нередко нам приходилось выступать против мнения, будто нельзя вовлекать в молодежную работу бывших членов фашистских организаций, им сначала бы следовало заслужить доверие. В то время было широко распространено также мнение, что молодежь якобы еще не созрела для политической деятельности, или что заниматься политикой молодежи вредно.

Нетрудно догадаться, что все эти рассуждения сводились к тому, чтобы поставить под вопрос необходимость единства молодежного движения. Но мы не давали сбить себя с толку и, основываясь на собственном опыте, стремились доказать, что только единая молодежная организация отвечает историческому моменту и интересам всей молодежи. В ходе длительных и нелегких, порой бурных дискуссий нам удалось убедить большинство наших партнеров в необходимости создания единой антифашистской молодежной организации.

После 12 лет фашистской диктатуры и войны тогда также обсуждался вопрос, а можно ли молодежи в это тяжелое послевоенное время вообще танцевать и петь, заниматься искусством и спортом. Придерживаться этого мнения означало бы отрицать

право молодежи на общение и веселье. Я вспоминал, как мы в Союзе юных спартаковцев и в КСМГ всегда с удовольствием пели, танцевали, играли, ходили в турпоходы, занимались спортом. Молодежь нельзя лишать радости общения, как и всего, что имеет отношение к молодежи: турпоходов, танцев, песен и игр, музыки, литературы, театра и искусства. Ведь все это вселяет оптимизм и дарит радость жизни. Отказать в этом молодежи значило бы лишить ее молодости. Поэтому я выступал за создание таких условий, в которых молодежь могла бы еще шире пользоваться этим правом.

Вспоминая сегодня о деятельности молодежных комитетов, я могу без преувеличения сказать, что они стали важным фактором в борьбе за антифашистско-демократические преобразования. Решающее значение для этого имело единство действий КПГ и СДПГ. Укрепление единства действий рабочего класса в процессе революционных преобразований и первые шаги к объединению обеих рабочих партий, предпринятые поздней осенью 1945 г., явились решающим условием для развития единого демократического движения. Этому содействовало и формировавшееся тогда единство профсоюзов. Импульсы исходили также от совместной политики партий антифашистско-демократического блока.

Важные советы для нашей работы с молодежью мы получали также от руководящих сотрудников Советской Военной Администрации в Германии. С ее главноначальствующим маршалом Г. К. Жуковым я встретился впервые в июне 1945 г. в Карлсхорсте. С ним, а также с генерал-полковником, позднее ставшим Маршалом Советского Союза В. И. Чуйковым я впоследствии встречался часто. Они всегда с большим вниманием относились к проблемам молодежи и помогали, чем только могли. Мы тесно сотрудничали с полковником С. И. Тюльпановым, заведующим Отделом информации СВАГ, позднее — генерал-майором, теперь он профессор Ленинградского университета. Как он вспоминает, в то время мы говорили друг с другом «не только о трудностях работы, но и о том, как можно облегчить работу с молодежью... Я помню также,— пишет он,— что тов. Хонеккер считал важным обращаться к общим революционным и гуманистическим традициям рабочих и интеллигенции, считал необходимым будить у молодежи гордость этими традициями. Он искал и подчеркивал то общее, что могло объединить молодежь в создании антифашистско-демократического строя».

Многие советские коммунисты, среди них такие офицеры, как майор И. Бейдин, имеют большие заслуги в развитии нашего молодежного движения. Их знание дела, манера держаться, товарищеское отношение и дружеская помощь производили на меня большое впечатление. То же, что и я, ощущали многие другие работники антифашистских молодежных комитетов. Многие коммунисты и комсомольцы Советской Армии с большой чуткостью и

словом и делом помогали нашим молодым, еще неопытным друзьям. Благодаря непосредственным контактам с этими людьми немало юношей и девушек избавилось от антикоммунистических и антисоветских предрассудков.

Многое делали молодежные комитеты для преодоления нужды и лишений. Они помогали налаживать работу учебно-производственных мастерских, оборудовать молодежные общежития, ремонтировать учебные помещения и обеспечить бесперебойные занятия после начала учебного года 1 октября 1945 г. 10 тыс. юношей и девушек участвовали в субботниках в Берлине, ремонтировали поврежденные крыши и оборудовали около 200 молодежных общежитий и спортплощадок. В Дессау молодежь ремонтировала квартиры и школьные помещения, заготавливала дрова для населения. Молодежь Тюрингии собрала 400 *ц* яблок для берлинских детей. Молодежные комитеты помогли также подготовить для детей празднование первого мирного рождества 1945 г. Они участвовали в организации литературных чтений, культурных, общественных и спортивных мероприятий.

При всех этих успехах мы, однако, не упускали из виду, что нами была пока что охвачена лишь часть молодежи. Основная масса все еще оставалась в стороне и выжидала. О вытекающих из этого задачах я писал 23 октября 1945 г. в газете «Берлинер цайтунг». 1 ноября 1945 г., за четыре месяца до образования ССНМ, вышел в свет первый номер журнала для молодежи «Нойес лебен», издателем которого выступал я, как председатель Центрального молодежного комитета. Мы назвали его «Журнал Союза свободной немецкой молодежи», выразив таким образом наше твердое намерение создать союз молодежи. В этом духе в напутственном слове к первому номеру журнала я писал, что нашей целью является новая жизнь, содержанием которой должно стать все великое и прекрасное, созданное культурой и цивилизацией. Но чтобы жить такой жизнью, нам необходимо сначала покончить с нуждой и духовной нищетой, очистить улицы наших городов и сознание наших людей от видимого и невидимого хлама прошлого, нужно напрячь все свои силы, чтобы двинуть вперед восстановление городов и деревень. Этого мы сможем добиться, если будем идти в едином строю — юноши и девушки, молодые рабочие, школьники и студенты, объединенные в великом содружестве, основой которого является любовь к нашей многострадальной родине.

Незабываемым для меня останется 2 декабря 1945 г. В этот день впервые после краха нацистского господства самые активные берлинские юноши и девушки собрались на свою рабочую конференцию. Свыше 400 представителей берлинских молодежных комитетов, члены Центрального молодежного комитета и представители земельных молодежных комитетов из Саксонии, Саксонии-Ангальт, Тюрингии, Бранденбурга и Мекленбурга заполнили

празднично украшенный зал школы в Панкове. Среди них были школьники, ученики на производстве, молодые рабочие и торговые работники в возрасте от 14 до 21 года. Средний возраст присутствовавших составлял 18 лет — почти сплошь люди, выросшие и сформировавшиеся при диктатуре фашизма.

Семь месяцев против двенадцати лет! — говорили профессиональные скептики. Но в тот день, 2 декабря, все эти рассуждения были опровергнуты присутствовавшей молодежью. Это стало очевидным, когда Отто Гротеволь, Председатель Центрального правления СДПГ, обратился к ним, как он особо подчеркнул, также и от имени своего друга Вильгельма Пика. С юношеским подъемом и темпераментом они приветствовали его слова, что демократическое восстановление увенчается успехом благодаря силе единства.

Тем временем в переполненный зал вошел почти никем не замеченный человек и тихонько присел в одном из последних рядов. Но когда руководитель берлинского молодежного комитета Гейнц Кесслер сообщил, что среди них находится Председатель Коммунистической партии Германии Вильгельм Пик, поднялась такая буря оваций, какой еще никогда не слыхал старый актовый зал. Волна горячей симпатии поднялась навстречу этому человеку. А ведь личное знакомство молодежи с этим пользовавшимся глубоким уважением у рабочего класса человеком было совсем коротким. Немногие из восемнадцатилетних, плотно окруживших его, всего семь месяцев тому назад вообще знали что-либо о Вильгельме Пике. И вот теперь сотни берлинских юношей и девушек радовались от всей души, узнав, что он находится среди них.

Как же возникла эта дружба? Повсюду, где юноши и девушки, начиная с майских дней 1945 г., участвовали в антифашистско-демократическом строительстве новой жизни, они трудились плечом к плечу с сознающими свою ответственность активистами — с коммунистами. Молодежь вскоре прониклась доверием к этим людям.

На упомянутой конференции я говорил о задачах молодежи в строительстве новой жизни. Я напомнил о жертвах антифашистского Сопротивления и призвал к тому, чтобы эти жертвы не оказались напрасными. Они должны служить для нас не только примером в борьбе и труде, но и большим уроком. В этот момент я думал о том, что исполнилось почти 10 лет, как меня 4 декабря 1935 г. фашисты схватили в Берлине и до апреля 1945 г. держали в тюрьме. Но все это уже было в прошлом, главным теперь стало настоящее и будущее. В ходе демократической земельной реформы мы уже лишили власти юнкеров и крупных землевладельцев. Теперь следовало позаботиться о том, чтобы в антифашистско-демократическом государстве, которое мы все были полны решимости построить, больше никогда не имели бы ни власти, ни влияния владельцы концернов.

В развернувшейся оживленной дискуссии слово взял Вильгельм Пик. Кое-что в его речи было для большинства присутствовавшей молодежи, возможно, еще не понятно, в том числе и его слова, что за всей предстоявшей тогда напряженной работой стоит великий идеал социализма. Но юность ведь слышит и сердцем, и она почувствовала искренность, прямоту и убежденность этого человека. Особенно сильное впечатление произвели на слушателей спокойствие и деловитость его выступления. В весенние дни 1945 г., когда отовсюду грозили гибель и смерть, молодежь потеряла почву под ногами. Коренастый человек на трибуне — они сразу это почувствовали — давал их жизни новую, прочную основу и независимо от того, являлись ли они когда-то членами «гитлерюгенд» или «союза немецких девушек». Доверие рождает доверие. Перед нами стоял человек, от всего сердца стремившийся вселить в немецкую молодежь твердую веру в свои силы и в будущее. Из выступлений представителей молодежи он мог сделать вывод, что она полностью разделяет его убежденность в том, что Германию ожидает новое будущее.

На следующий день Центральный молодежный комитет, делегаты земельных молодежных комитетов и берлинский главный молодежный комитет приняли совместное воззвание «Жизнь зовет нашу молодежь». Это был первый основополагающий документ единого молодежного движения в советской оккупационной зоне. В нем мы заявляли: «Своим мирным трудом мы поднимем страну из развалин, завоюем доверие и уважение других народов. Мы видим перед собой общественный строй, где люди воспитываются в любви и уважении к своим согражданам, без расовых, национальных и религиозных различий, где великие культурные ценности и достижения науки и техники являются общим достоянием всего трудового народа. Эти идеалы должны вдохновлять наши умы и сердца на великое дело созидания».

Единая антифашистская молодежная организация возникла не «по приказу» и не под каким-то «давлением», а в борьбе за полное уничтожение фашизма, за преодоление последствий войны и создание антифашистско-демократического строя. Чем активнее в этой борьбе участвовала молодежь, тем больше она на собственном опыте убеждалась, что единая организация трудовой немецкой молодежи совершенно необходима для строительства ее мирного и счастливого будущего.

Если СВАГ и офицеры Красной Армии, ответственные за работу с молодежью в землях и провинциях, поддерживали все, что служило вовлечению молодого поколения в демократическое строительство новой жизни, то американские, британские и французские военные власти вскоре стали чинить препятствия деятельности антифашистов. Давлением и принуждением, запретами и арестами они сковывали деятельность коммунистов, классово сознательных социал-демократов и прогрессивных буржуазных

демократов. Таким образом, они не допустили полного искоренения фашизма и милитаризма в западных зонах и создания там антифашистско-демократического строя. Такие действия, несомненно, отвечали планам наиболее влиятельных тогда кругов в США, Великобритании и Франции дать германскому монополистическому капиталу оправиться от тяжелейшего во всей его истории поражения, переформировать свои силы и восстановить свою пошатнувшуюся власть. Скоро стало очевидным, что в планах «холодной войны» предусматривалось сохранение германского империализма — он был нужен как острие копья, направленного против Советского Союза.

Я своими глазами видел, как в трех западных оккупационных зонах уже в конце 1945 г. не соблюдались и нарушались Потсдамские соглашения и другие союзнические решения по Германии. По поручению Вильгельма Пика я в декабре отправился туда, чтобы пригласить руководящих функционеров КПГ на совещание, которое должно было состояться в Берлине в начале января 1946 г. Поездку из Берлина в Эйзенах через Эрфурт никак нельзя было назвать удобной. Люди теснились в до предела переполненных поездах. Кто не мог проникнуть в вагон через двери или окна и был достаточно отчаянным, устраивался на подножках, буферах или на крышах вагонов. Еще одно последствие войны. В последние месяцы и недели перед сокрушительным поражением фашисты в областях, которые теперь входили в советскую оккупационную зону, уничтожили или угнали на Запад две трети локомотивов и почти 60% пассажирских вагонов.

Переход зональной границы у Эйзенаха оказался для меня не таким уж простым, несмотря на подписанное маршалом Жуковым удостоверение. Если этот документ казался необычным даже советским солдатам, то как отнесутся к нему по ту сторону зональной границы? Только кружным путем удалось мне попасть в американскую оккупационную зону. Дальше я отправился в пустом пассажирском поезде, фактически нелегально, потому что там немцам пользоваться поездами еще запрещалось. Когда появилась опасность быть обнаруженным контролем, я пересел на товарный поезд. В Фульде я встретил товарищей из КПГ, которые на машине доставили меня во Франкфурт-на-Майне.

Проезжая через западные зоны, я видел и там разбомбленные дома и предприятия, взорванные мосты и дороги. Но теперь подтвердилось то, что я уже знал из сообщений: эти разрушения были далеко не столь опустошительными, как в крупных районах советской оккупационной зоны. Там фашистский вермахт и части СС «до последней минуты» оказывали наступавшей Красной Армии ожесточенное сопротивление, без разбора разрушая мосты, шоссейные и железные дороги, предприятия, электростанции, различные коммунально-бытовые сооружения. Красная Армия должна была найти здесь только «выжженную землю». К тому же США

и Великобритания в последний год войны концентрировали налеты своей авиации именно на тех районах, которые согласно союзническим соглашениям подлежали оккупации советскими войсками.

Повсюду, где бы я ни был в западных зонах, я ощущал готовность и стремление коммунистов и других антифашистов энергично приступить к демократическому строительству и в то же время видел постоянные помехи и препятствия со стороны военных властей.

Во время этой поездки мне удалось также повидаться со своими родителями, сестрами Гертрудой и Фридой (брат Роберт в это время еще находился в английском плену) и с многими друзьями в Вибельскирхене.

Когда я приехал туда, мать как раз испекла рождественский пирог. Невозможно описать радость нашей встречи после более 10 лет разлуки. Нам было что рассказать друг другу, но, к сожалению, не хватило времени. Уже через несколько дней мне пришлось тронуться в обратный путь.

Вернувшись из этой поездки, я в январе 1946 г. в здании ЦК встретил Пауля Фернера, который только что приехал из Швеции через Польшу в Берлин. Мы познакомились с ним в Саарбрюккене 12 лет назад, в 1934 г., на молодежной работе. Со дня нашей новой встречи в январе 1946 г. нас связывает длящееся три с половиной десятилетия сотрудничество, прежде всего в Политбюро и Секретариате ЦК нашей партии, в состав которых Пауль Фернер входит уже много лет.

Мы встретились тогда в нужный момент. Как вспоминает Пауль Фернер, я пошел к Вильгельму Пику и стал убеждать его, что Пауль обязательно должен заниматься молодежной работой. «В тот же день,— писал он,— с моим назначением было все решено, я стал сотрудником руководимого Эрихом отдела в ЦК КПГ по работе с молодежью и главным редактором молодежного журнала «Нойес лебен». Под его руководством и вместе со многими другими бывшими членами КСМГ и Социалистической рабочей молодежи, а также с рядом бывших беспартийных и христианских молодежных функционеров развернулась активная работа по созданию единой антифашистской и демократической молодежной организации нашего времени — Союза свободной немецкой молодежи».

До начала февраля 1946 г. в землях прошли конференции делегатов молодежных комитетов. Они все настойчивее требовали создания молодежной организации. Становилось все более очевидным, что молодежные комитеты, руководство которых было назначено коммунальными органами управления, не могли заменить самостоятельную, руководимую молодежью организацию. Это учли представители ЦК КПГ и Центрального правления СДПГ. 7 февраля 1946 г. они достигли договоренности о целях и

организационной структуре единой молодежной организации. В то же время они подтвердили, что будущая социалистическая единая партия, подготовка к созданию которой шла полным ходом, откажется от создания собственной молодежной организации и всеми силами поддержит создаваемый Союз свободной немецкой молодежи.

Несколько сложнее проходили переговоры с ответственными за молодежную работу в правлениях ХДС и ЛДПГ, а также с представителями протестантских и католических кругов. Но, несмотря на все политические расхождения и различия в мировоззрении, мы в конце концов договорились и с ними.

Как я уже упоминал, 26 февраля 1946 г. мы обратились к СВАГ с просьбой разрешить образование ССНМ. К ходатайству мы приложили документ о целях организации «Чего хочет Союз свободной немецкой молодежи?» и организационный устав. Свою главную задачу мы видели в том, чтобы юноши и девушки Союза свободной немецкой молодежи в труднейший для Германии момент выступили за восстановление своей родины на антифашистско-демократической основе. Их объединяло стремление совместными усилиями помочь ликвидировать бедственное положение своего народа, в котором он оказался по вине нацистов.

ССНМ должен был действовать во всех оккупационных зонах. 7 марта 1946 г. СВАГ удовлетворила нашу просьбу. Но вследствие сопротивления представителей США, Великобритании и Франции в союзном Контрольном совете ССНМ был официально разрешен в Берлине лишь в середине октября 1947 г. В трех западных оккупационных зонах его деятельность всячески затруднялась и через пять лет, 26 июня 1951 г., была запрещена.

В ССНМ могла вступать вся молодежь в возрасте от 14 до 25 лет, за исключением штатных функционеров «гитлерюгенд». Временное правление ССНМ приступило к своей работе в здании на Кроненштрассе, 30/31, где позднее разместилось издательство «Юнге вельт». По предложению представителей обеих рабочих партий я был назначен председателем Временного правления. В связи с этим руководство Отделом молодежи в ЦК КПГ было поручено Паулю Ферперу.

На состоявшейся 2 и 3 марта 1946 г. в Берлине 1-й всегерманской конференции КПГ были подведены итоги претворения в жизнь программы действий от 11 июня 1945 г. и определены дальнейшие шаги, направленные на объединение обеих рабочих партий. На этой конференции я был избран членом Центрального Комитета и с тех пор постоянно вхожу в его состав.

В землях, районах, городах и общинах советской оккупационной зоны стали быстро возникать первичные организации ССНМ. Уже через четыре недели в рядах нашей организации насчитывалось свыше 160 тыс. человек.

Созданием ССНМ был сделан исторический вывод из уроков прошлого и преодолен раскол молодого поколения. Впервые в истории немецкого народа возникла выступающая за общественный прогресс организация, объединившая в своих рядах молодых людей различного социального происхождения, с различным мировоззрением и профессиональной подготовкой. Это был подлинный перелом в истории немецкого молодежного движения.

Просматривая материалы для этих заметок, я натолкнулся на рукопись своей брошюры от марта 1946 г., в которой тогда писал: «Молодежь 1976 г., оглядываясь назад, не сможет сказать, что молодежь 1946 г. не выполнила свою историческую задачу». Выступая через 30 лет перед делегатами X парламента ССНМ уже как Генеральный секретарь ЦК СЕПГ и говоря об их задачах по претворению в жизнь решений IX съезда СЕПГ, я вспомнил эти слова. Действительно, молодежь ГДР может с гордостью оглянуться на пройденный ею путь. В 1945 г. и во все последующие годы она с честью выполняла свою историческую задачу.

11. Единство рабочего класса. Основные права молодого поколения

С 8 по 10 июня 1946 г. в г. Бранденбурге состоялся I парламент ССНМ. С этим городом у меня были связаны далеко не самые приятные воспоминания — на его окраине находилась каторжная тюрьма Бранденбург-Гёрден. Однако весной 1946 г. он показал себя с наилучшей стороны. Многие жители украсили свои дома красными флагами рабочего класса и голубыми знаменами ССНМ, гирляндами и транспарантами. Они поселили нас в своих домах и проявили себя гостеприимными хозяевами. Почти все время стояла солнечная и теплая погода. Одним словом, все соответствовало праздничному событию и нашему радостному настроению, для которого было много причин. Позади были дни большого исторического значения, окрылявшие нас и вдохновлявшие на новые дела.

Создание Союза свободной немецкой молодежи в марте 1946 г. свидетельствовало о том, как велика была притягательная сила идеи единства и взаимодействия всех прогрессивных сил, каким большим стимулом для единства молодежи было объединение КПГ и СДПГ. Будучи членами создававшейся объединенной революционной партии рабочего класса, мы, функционеры ССНМ, стремились пробуждать у молодого поколения энтузиазм и интерес ко всему новому, привлекать его к активному участию в созидании мирного будущего. В мартовском номере журнала «Айнхайт», который в то время вел подготовку к созданию Социалистической единой партии Германии, а ныне является теоретическим органом Центрального Комитета СЕПГ, я писал, что одна из важных задач партии заключается в воспитании молодежи социалистами, ни на мгновение не забывающими о том, что они — сыны и дочери трудового народа, носители величайших идей человечества.

Процесс объединения коммунистов и социал-демократов бурно развивался. Этот вопрос обсуждался на предприятиях, в общинах, городах, районах и землях сначала на раздельных, а затем на общих собраниях. Принимавшиеся членами обеих партий при активном участии всех трудящихся решения свидетельствовали о том, что в лице Социалистической единой партии Германии появилась партия с подлинно демократическими принципами и целями, партия, возникшая на основе подлинно демократического волеизъявления классово сознательных рабочих и других трудящихся. С этим до сих пор не могут смириться ее противники. Их непрекращающаяся болтовня о «насильственном объединении» — не что иное, как жалкая попытка отвлечь от того факта, что западные оккупационные власти самыми различными мето-

дами насилия противодействовали естественному стремлению рабочих к единству.

19—20 апреля 1946 г. КПГ на XV съезде подвела итоги своей работы за период после Брюссельской партийной конференции в октябре 1935 г. Делегаты съезда, в числе которых был и я, с гордостью говорили об упорной, стоившей тяжелых жертв борьбе партии Тельмана против империализма, фашизма и войны. В этой борьбе, как подчеркнул в своем докладе Вильгельм Пик, КПГ постоянно стремилась объединить рабочий класс под революционным руководством и привести его к власти, чтобы уничтожить капиталистическую эксплуатацию и угнетение и осуществить социализм. Делегаты единодушно одобрили решение объединиться с СДПГ и выдвинули 40 членов КПГ, в том числе и меня, в Правление партии, которое предстояло избрать объединительному съезду.

Объединительный съезд состоялся 21—22 апреля 1946 г. Я был счастлив и взволнован тем, что являюсь непосредственным участником этого важного события. Тысячи берлинцев приветствовали утром 21 апреля 1946 г. на Фридрихштрассе, у тогдашнего Адмиралтейского дворца (Немецкая опера, ныне театр «Метрополь»), делегатов и гостей объединительного съезда. В 10 часов Вильгельм Пик и Отто Гротеволь вышли с разных сторон на сцену и, остановившись посередине, протянули друг другу руки. Раздались немолкаемые аплодисменты. «Сбылась старая мечта: *единство* немецкого *рабочего класса»,*— сказал Отто Гротеволь, и Вильгельм Пик ответил: «Мы превратим нашу Социалистическую единую партию в миллионную партию немецкого трудового народа, чтобы разбить всех внутренних врагов и завершить великое дело, ставшее нашей целью: ***социализм***». Эти слова навсегда остались в моей памяти.

Своим рукопожатием председатели КПГ и СДПГ скрепили объединение. Члены партий, предложенные в состав Правления партии на обоих предшествовавших раздельных партсъездах КПГ и СДПГ, были избраны в президиум. Я сидел там вместе с такими опытными и известными руководителями немецкого рабочего движения, как Вильгельм Пик, Отто Гротеволь, Вальтер Ульбрихт, Макс Фехнер, Франц Далем и Отто Бухвиц. На второй день съезда выступили Вильгельм Пик и Отто Гротеволь, речи которых неоднократно прерывались аплодисментами. Делегаты единодушно приняли «Принципы и цели Социалистической единой партии Германии». Это была научная программа, указывавшая путь к социализму через последовательное осуществление антиимпериалистическо-демократических преобразований. Своей целью СЕПГ провозгласила *«ликвидацию всякой эксплуатации и угнетения, экономических кризисов, нищеты, безработицы и империалистической угрозы войны. Эта цель, означающая решение жизненно важных для нашего народа национальных и социальных вопросов, может быть достигнута только в результате победы социализма».*

«Принципы и цели» содержали четкое и сжатое определение существа социализма: ликвидация эксплуатации человека путем превращения капиталистической собственности на средства производства в общественную и путем создания социалистического планового хозяйства. Обязательной предпосылкой для создания социалистического общества мы объявили завоевание политической власти рабочим классом. Это отвечало общезначимому учению марксизма-ленинизма о социалистической революции и строительстве социализма.

Утвердив «Принципы и цели», Устав партии и Манифест к немецкому народу, мы единогласно приняли историческое решение об объединении КПГ и СДПГ в Социалистическую единую партию Германии. В едином порыве мы поднялись со своих мест и запели «Интернационал». Затем объединительный съезд избрал Вильгельма Пика и Отто Гротеволя председателями СЕПГ и Правление партии. В его состав вошли также в качестве представителей молодежи Эдит Бауман, Эрнст Гофман, Гейнц Кесслер и я. В адрес молодого поколения в Манифесте говорилось: «В ваших руках будущее отечества. Наше мировоззрение должно стать верой молодого поколения. В нем вы найдете высочайшие идеалы. Социалистическая единая партия Германии охраняет ваши интересы в школе, на производстве и в общественной жизни. Она хочет видеть вас за мирной созидательной работой, за учебой. Она хочет, однако, чтобы в свободное время вы могли путешествовать, танцевать и играть. Партия — представительница нового времени. Социалистическая единая партия — эта юная, тесно связанная с жизнью народа боевая партия — является поэтому и вашей партией, партией немецкой молодежи».

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что объединение рабочего класса на революционной основе явилось завоеванием огромной важности. Без него ликвидация последствий катастрофы второй мировой войны, подъем нашей страны из материальных и духовных руин, оставшихся в наследство от нацистского режима, были бы так же немыслимы, как и успехи в социалистическом строительстве. В лице СЕПГ рабочий класс, все трудящиеся массы имели теперь единый революционный авангард. Благодаря этому они могли успешно вести борьбу за социализм и выполнять свои обязательства по обеспечению мира и безопасности. Объединение рабочего класса является историческим событием, значение и влияние которого со временем раскрывается все полнее.

Через несколько дней после объединительного съезда я выступал на конференции ССНМ с докладом о наших очередных задачах, выступление Германа Аксена было посвящено организационным вопросам, Пауля Фернера — пропагандистской работе. Мы решили созвать I парламент ССНМ в Бранденбурге. Мы сознательно выбрали слово «парламент», которым хотели как можно точнее охарактеризовать демократический характер ССНМ, его

постоянную заботу о развитии антифашистской демократии и полном осуществлении демократических прав трудового народа и его молодежи. В то же время для нас было важно обеспечить демократический характер обсуждения всех интересовавших молодежь проблем и вовлекать, таким образом, в нашу организацию молодежь из самых различных классов и слоев.

На этом заседании также было положено начало публичному обсуждению проекта «Основных прав молодого поколения». Проект был выработан по предложению ЦК КПГ рабочей группой, которую я возглавлял, и подробно обсужден в молодежной комиссии ЦК.

Содержанием «Основных прав» были политические права молодежи — равноправное участие в политической жизни, активное избирательное право с 18 лет и пассивное — с 21 года, право занимать ответственные посты в управлении государством и экономикой. Далее для молодежи предусматривалось право на труд и отдых, на образование и содержательный досуг. Вырабатывая эти «Основные права», мы имели в виду сформулировать для молодежи понятные ей и отвечающие ее интересам требования, за осуществление которых она была бы готова выступать. Этим путем мы хотели познакомить ее с антифашистской демократией и научить ее отстаивать свои демократические права. Тем самым мы привлекли бы ее на сторону ССНМ, к участию в демократическом строительстве новой жизни.

Широкое обсуждение «Основных прав» помогло нам разъяснить многим молодым людям наши задачи. В то же время оно показало, насколько еще широко были распространены ошибочные взгляды, о чем я уже писал. Даже молодые функционеры ЛДПГ и ХДС считали, что эти права слишком всеобъемлющи. Но позднее они активно выступали в ССНМ за их осуществление.

Участие в обсуждении и претворении в жизнь основных демократических прав — впрочем, это практиковалось уже в течение многих десятилетий в революционном рабочем движении и вновь стало использоваться нами после 1945 г.— было, на мой взгляд, недостаточным для вовлечения всей молодежи в антифашистско-демократическое восстановление страны. Вопрос демократии — это всегда вопрос о власти. Чтобы использовать ее в интересах трудового народа, всегда необходимы солидные знания, глубокое понимание закономерностей общественного развития. Уже в Союзе юных спартаковцев и в Коммунистическом союзе молодежи нашей важнейшей задачей было овладение знаниями о природе и обществе, науке и культуре. Исходя из этого, я вскоре после образования ССНМ весной 1946 г. предложил организовать молодежные школы, в которых функционеры ССНМ должны были знакомиться с основными вопросами истории немецкого народа и немецкого рабочего движения, а также антифашистско-демократических преобразований.

За несколько дней до начала I парламента мы открыли на озере Богензее под Бернау высшую молодежную школу ССНМ, теперь это молодежная школа им. Вильгельма Пика. Мы с Гейнцем Кесслером неоднократно выезжали в окрестности Берлина на поиски подходящего для этой цели помещения. Выбранное нами здание отвечало нашим представлениям и стоящей перед нами задаче. Правление СЕПГ одобрило наш выбор и помогло в оборудовании школы. На Богензее в качестве лекторов регулярно приезжали Вильгельм Пик и другие товарищи.

На I парламенте в Бранденбурге я выступил с разъяснением «Основных прав молодого поколения». К тому времени в рядах нашей организации было объединено около 10% молодежи советской оккупационной зоны. В работе парламента участвовали также представители ССНМ из западных зон; они рассказывали о трудной борьбе, которую вела там молодежь за свои права. Делегаты одобрили «Основные права молодого поколения» и призвали всю немецкую молодежь идти по пути, ведущему от нужды и разрухи к строительству новой жизни на нашей родине. Они поставили перед собой задачу воспитывать всех немецких юношей и девушек в духе великих идеалов свободы, гуманизма, боевой демократии, мира и дружбы между народами, привлечь их к активному участию в восстановлении нашего отечества. Парламент избрал Центральный совет ССНМ и единогласно возложил на меня функции его председателя. Создание ССНМ завершилось.

ССНМ возник как единая молодежная организация в борьбе против реакционных сил, вновь собиравшихся расколоть молодежь на множество политических и религиозных союзов. Единство и антифашистско-демократический характер ССНМ приходилось защищать от многочисленных посягательств. Центральное место в этой борьбе заняли «Основные права молодого поколения», реализация которых была возможна только в условиях дальнейшего осуществления антифашистско-демократических преобразований.

Через несколько дней после завершения работы парламента нам пришлось выдержать настоящее боевое испытание. В земле Саксония, крупном промышленном центре советской оккупационной зоны, по предложению СЕПГ и по согласованию с партиями антифашистско-демократического блока 30 июня 1946 г. состоялся референдум по вопросу о безвозмездной экспроприации собственности военных и нацистских преступников. ССНМ также участвовал в его подготовке и проведении. Я еще хорошо помню ожесточенную борьбу с силами монополистического капитала и правыми оппортунистическими лидерами в западных зонах, а также с реакционными политическими деятелями у нас. Они использовали все средства, чтобы помешать проведению референдума или сорвать его. Опасаясь единодушного приговора народа империализму, фашизму и войне, они пустили в ход самые нелепые лозунги. Так,

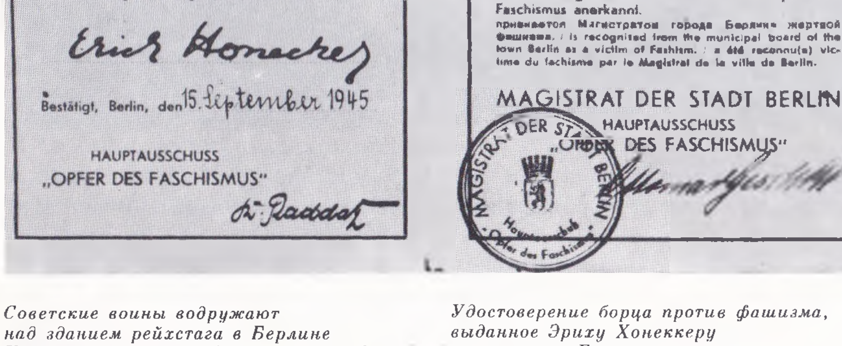

Эрих Хонеккер с матерью, братом и сестрами. Ок. 1915—1916 гг. Слева направо: Вилли, Эрих, Кетэ, Каролина и Фрида Хонеккер.

Эрих Хонеккер во время учебы в Ленинской школе Коммунистического Интернационала. Москва, 1930—1931 гг.

Эрих Хонеккер (во втором ряду слева) с группой членов Коммунистического союза молодежи Германии. Вибельскирхен, 1931 г.

MAGISTRAT DER STADT B…

Hauptausschuss

Opfer des Fa…

Eigenhändige Unterschrift:

Erich Honecker

Bestätigt, Berlin, den 15. September 1945

HAUPTAUSSCHUSS
„OPFER DES FASCHISMUS"

AUSWEIS № 71

Name: Honecker
Фамилия: · name: · nom:

Vorname: Erich
Имя: · prename: · prénom:

geboren: 25.8.1912 in Neunkirchen/Saar
родился: · born: · né(e): в · in: · à:

wohnhaft: Berlin C.2
проживает: · living: · demeurant:

Straße: Landsbergerstr. 37
улица: · street: · rue:

ist vom Magistrat der Stadt Berlin als Opfer des Faschismus anerkannt.
признается Магистратом города Берлина жертвой фашизма. / is recognited from the municipal board of the town Berlin as a victim of Fashism. / a été reconnu(e) victime du fachisme par le Magistrat de la ville de Berlin.

MAGISTRAT DER STADT BERLIN
HAUPTAUSSCHUSS
„OPFER DES FASCHISMUS"

MAGISTRAT DER STADT BERLIN
Hauptausschuss
Opfer des Faschismus

Советские воины водружают
над зданием рейхстага в Берлине
Красное знамя победы и освобождения.
30 апреля 1945 г.

Удостоверение борца против фашизма,
выданное Эриху Хонеккеру
магистратом Берлина
15 сентября 1945 г.

Президиум I-й конференции Коммунистической партии Германии, состоявшейся 2—3 марта 1946 г., на которой Эрих Хонеккер (первый слева в первом ряду) был избран членом ЦК КПГ.

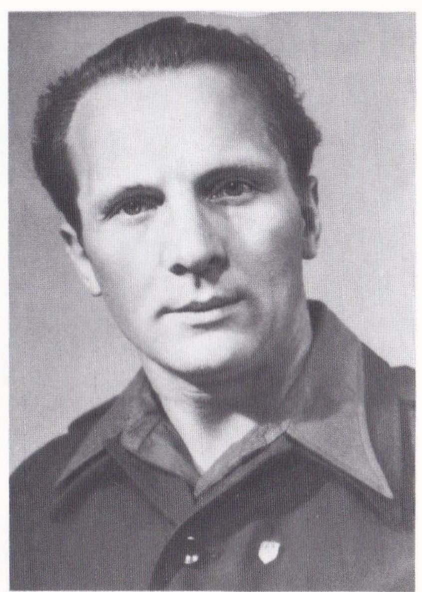
Эрих Хонеккер (второй слева в третьем ряду) в президиуме объединительного съезда Коммунистической партии Германии и Социал-демократической партии Германии, объединившихся в Социалистическую единую партию Германии. Берлин, 21—22 апреля 1946 г.

Во время всегерманской встречи молодежи. Берлин, 31 мая, 1950 г. Справа налево: Вильгельм Пик, Маргот Файст, Эрих Хонеккер.

Расчистка улиц Берлина от развалин.

Родители Эриха Хонеккера — Вильгельм и Каролина Хонеккер во время одного из последних приездов в Берлин.

Председатель Союза свободной немецкой молодежи. 1953 г.

Беседа с солдатами пограничных войск ГДР. 15 сентября 1961 г.

Делегация Социалистической единой партии Германии на международном Совещании коммунистических и рабочих партий. Москва, июнь 1969 г. Справа налево: Фридрих Эберт, Эрих Хонеккер, Вальтер Ульбрихт, Герман Матерн, Герман Аксен.

На митинге на Магнитогорском металлургическом комбинате им. В. И. Ленина 4 апреля 1971 г. Эриху Хонеккеру присваивается почетное звание «Ветеран Магнитогорска». Слева направо: Эрих Хонеккер, Вилли Штоф, Пауль Фернер.

*Эрих Хонеккер,
Леонид Ильич Брежнев
и Вилли Штоф
в президиуме VIII съезда
Социалистической
единой партии Германии.
Берлин, июнь 1971 г.*

*Прием председателей партий
Демократического блока
и президента Национального совета
Национального фронта ГДР.
4 ноября 1971 г. Слева направо:
Генрих Хоман (НДПГ),
Эрих Корренс (президент Национального
совета Национального фронта ГДР),
Манфред Герлах (ЛДПГ),
Эрнст Гольденбаум (ДКПГ),
Геральд Гёттинг (ХДС),
Эрих Хонеккер, Альберт Норден.*

Президент Академии наук Германской Демократической Республики профессор Герман Кларе передает Эриху Хонеккеру результаты научных исследований. 25 мая 1972 г. Справа Курт Хагер.

Леонид Ильич Брежнев вручает Эриху Хонеккеру орден Ленина. 13 мая 1973 г.

Эрих Хонеккер с Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Кубы, Премьер-министром Революционного правительства Республики Куба Фиделем Кастро во время визита на Кубу. Февраль 1974 г.

Эрих Хонеккер вручает Леониду Ильичу Брежневу орден Карла Маркса. 6 октября 1974 г.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки. Во время подписания Заключительного акта 1 августа 1975 г. Слева направо: федеральный канцлер Федеративной Республики Германии Гельмут Шмидт, Первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии Эрих Хонеккер, президент Соединенных Штатов Америки Джеральд Форд, федеральный канцлер Австрийской Республики Бруно Крайский.

Эрих Хонеккер и Леонид Ильич Брежнев обмениваются рукопожатием после подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Германской Демократической Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик. Москва, 7 октября 1975 г.

Во время беседы с шахтерами предприятия по добыче калийной соли «Верра» в Меркерсе. 16 января 1976 г.

Эрих Хонеккер выступает с приветственной речью на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29 июня 1976 г.

Беседа с писательницей Анной Зегерс. 17 сентября 1976 г.

На прогулке с женой Маргот, дочерью Соней и внуком Роберто. 1977 г.

Эрих Хонеккер с Генеральным секретарем Коммунистической партии Чили Луисом Корваланом во время митинга солидарности с антифашистской борьбой в Чили. Берлин, 29 января 1977 г.

Члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии, избранного IX съездом СЕПГ. Август 1977 г.

Сердечная беседа с боевыми соратниками по антифашистскому Сопротивлению.
25 августа 1977 г.
В первом ряду слева направо:
Артур Маннбар, Макс Френцель, Вильгельм Тиле, Эрих Хонеккер.

Эрих Хонеккер с космонавтами Зигмундом Йеном (второй слева) и Валерием Быковским (второй справа) у макета центра Берлина.
Берлин, 21 сентября 1978 г.

Эрих Хонеккер с бывшими активистами молодежного движения. Берлин, 25 мая 1979 г.

После вручения наград спортсменам Германской Демократической Республики, успешно выступавшим на зимних Олимпийских играх в Лейк-Плэсиде в 1980 г. 21 апреля 1980 г.

На торжественном заседании, посвященном 30-летию образования Германской Демократической Республики, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев объявил о новых крупных шагах Советского Союза в борьбе за мир и разоружение, в том числе об одностороннем сокращении численности советских войск в Центральной Европе. 6 октября 1979 г.

В гостях у рабочих химического комбината «Буна-верке». Март 1980 г.

они распространяли выдумки, будто существует угроза для любой частной собственности, что будет разрушена высокая организация экономики, уничтожены ремесло и промыслы, и все это приведет к неизбежному хаосу.

Конечно, все это не могло не коснуться и ССНМ. Поэтому необходимо было разъяснить всем юношам и девушкам подлинные цели референдума. Речь шла о лишении власти классовых сил, которые несли главную ответственность за фашистскую диктатуру, за акты империалистической агрессии и совершенные при этом преступления против мира и человечества. Именно в этом духе я заявил на I парламенте, что молодежь чрезвычайно заинтересована в создании в Германии условий, в которых военные преступники никогда больше не смогли бы использовать в своих преступных целях молодое поколение. Поэтому мы обратились к молодым избирателям в Саксонии с призывом мобилизовать все свои силы и добиться, чтобы главные виновники катастрофы понесли справедливое наказание.

Юноши и девушки, и прежде всего большинство трудовой молодежи, с большим подъемом и энтузиазмом приняли участие в референдуме. Они понимали, что речь шла о жизни без эксплуатации и войн, о будущем, в котором они сами решали бы свою судьбу. Самыми различными путями — проводя собрания и митинги, выступая с хоровой декламацией, организуя выступление культурных и спортивных групп, распространяя листовки и плакаты — десятки тысяч молодых людей содействовали тому, что свыше 77% участвовавших в голосовании высказались на референдуме за передачу предприятий нацистских и военных преступников в собственность народа.

На этой основе все земельные и провинциальные управления советской зоны оккупации издали в последующие месяцы соответствующие распоряжения об экспроприации предприятий военных и нацистских преступников. К 1948 г. в собственность народа перешли 9281 предприятие, среди них крупные заводы концернов Винтерсхалля, ИГ Фарбен, Маннесмана, Флика, Сименса и Круппа, концерна «Всеобщая электрическая компания». Такие крупные банки, как Немецкий банк, Дрезденский банк, Коммерческий банк, сберкассы и другие финансовые и кредитные учреждения также перешли в собственность народа.

Таким образом, в советской оккупационной зоне были окончательно уничтожены экономические основы власти империализма. Это явилось важной победой демократических сил в борьбе за антифашистско-демократическое немецкое государство. В то же время это отвечало духу и букве соглашений и решений союзников о лишении власти фашистских и милитаристских сил.

Передача предприятий монополистической буржуазии в собственность всего народа и управление возникшим в результате этого народным сектором народного хозяйства, осуществляемое новыми,

демократическими государственными органами, явилось значительным шагом вперед. Народные предприятия позволили планомерно восстановить экономику, ликвидировать тяжелое наследие войны, голод и нужду, увеличить производство и шаг за шагом улучшить материальное положение народа. Постепенно удалось добиться целесообразного распределения труда, специализации и концентрации производства в интересах народа. И наконец, без превращения собственности монополистического капитала на средства производства в общественную собственность нельзя было ликвидировать эксплуатацию человека человеком. Это было необходимо для создания социально-экономической и материально-технической базы построения социалистического общества и обеспечения нашему народу мира, демократии и социальной обеспеченности. Все последующее развитие полностью подтвердило правильность наших соображений. Об этом я еще скажу более подробно.

Для молодежи референдум стал жизненной школой политической борьбы. Ее антифашистско-демократическое сознание стало более зрелым. Это, а также итоги референдума облегчили претворение в жизнь «Основных прав молодого поколения», что проявилось уже при реализации принципа «равная оплата за равный труд». Я неоднократно высказывался в Правлении СЕПГ, в Центральном совете ССНМ и в беседах с Маршалом Советского Союза В. Д. Соколовским, тогдашним главноначальствующим СВАГ, за реализацию этого принципа. Когда 17 августа 1946 г. приказом № 253 СВАГ была введена единая оплата рабочих и служащих за равный труд, независимо от пола и возраста, этому радовалась, пожалуй, вся трудовая молодежь. В то же время рабочие и служащие преимущественно старшего поколения высказывали свои опасения, сомнения и даже возражения против подобного «великодушия». Было немало попыток нарушения этого принципа. Однако молодые работницы и рабочие добивались соблюдения предоставленных им прав. Я поддерживал их в многочисленных дискуссиях по этим вопросам на предприятиях и в учреждениях, на собраниях и в других молодежных мероприятиях.

Молодое поколение ответило ударной работой и высокими трудовыми показателями, ни в чем не уступавшими достижениям старших. Мне вспоминаются многие юноши и девушки, которые с мая 1945 г. расчищали развалины, помогали восстанавливать разрушенные предприятия, мосты, дороги и железнодорожные пути, а также жилье. Когда после проведения земельной реформы надо было строить для новых крестьян жилье, помещения для скота и амбары, на помощь пришли члены ССНМ и неорганизованная молодежь. Членами ССНМ были восстановлены почти полностью разрушенные деревни; самой известной является Адельсдорф в районе Гроссенхайн, которую стали называть «молодежной деревней». Многие тысячи юношей и девушек участвовали в уборке

урожая и в борьбе с короедом в лесах Тюрингии и Бранденбурга. Молодежные бригады ССНМ, отработав свою рабочую смену, помогали строить целлюлозный завод в Цербсте. Многие члены нашей организации участвовали в проведении акции «Лето для детей», чтобы создать условия для первого после войны летнего отдыха как можно большему числу школьников. Это всего лишь некоторые из множества подобных примеров.

Запомнился мне также 1-й Восточносаксонский слет молодежи в Баутцене 17—18 августа 1946 г. Перед 20 тыс. юношей и девушек из Лаузица, области на юго-востоке нынешней ГДР, где столетиями живет славянская народность сорбов, выступили с речами Вильгельм Пик и Отто Бухвиц от СЕПГ, а также другие ораторы. Я говорил о целях и задачах ССНМ. На слете присутствовали молодежные секретари земельных правлений всех трех партий в Саксонии, среди них в качестве представителя Либерально-демократической партии Германии в земле Саксония был секретарь по вопросам молодежи Вольфганг Мишник — в настоящее время он является председателем фракции Свободной демократической партии в бундестаге в ФРГ.

За месяц до этого была создана организация Сорбская молодежь, которая тесно сотрудничала с ССНМ и в конце 1948 — начале 1949 г. объединилась с ССНМ. Впервые был положен конец угнетению сорбов как национального меньшинства. Как и все граждане, они имели теперь равные права и обязанности. Им оказывалась помощь в развитии их культуры, сохранении их традиций. Сорбская молодежь относилась и относится к числу самых активных членов союза молодежи.

Слет молодежи в Баутцене проходил уже под знаком общинных выборов, назначенных в советской оккупационной зоне на первую половину сентября 1946 г., и запланированных на октябрь 1946 г. выборов в ландтаги. Центральный совет ССНМ обратился в воззвании ко всей молодежи выступить в предвыборной борьбе за «Основные права молодого поколения» и поддержать кандидатов, выступающих за осуществление этих прав. На совещании молодежных секретарей СЕПГ, проходившем с 30 июля по 1 августа 1946 г. в Кюлюнгсборне, где обсуждалась также подготовка к выборам, Вильгельм Пик подтвердил, что у партии рабочего класса ССНМ всегда найдет поддержку. Я внес предложение, чтобы кандидатами от ССНМ на общинных выборах были выдвинуты опытные функционеры союза.

Юноши и девушки приняли активное участие в избирательной кампании, хотя большинство из них еще не имело права голоса, поскольку возрастной ценз пока что составлял 21 год. Кандидатуры членов ССНМ фигурировали в избирательных списках трех партий — СЕПГ, ХДС и ЛДПГ. Политике СЕПГ отвечало включение в ее списки как можно большего числа кандидатов от молодежи. Избирательная программа СЕПГ содержала такие важные

требования молодежи, как подготовка хорошего пополнения кадров квалифицированных рабочих, бесплатное обучение юношей и девушек для работы в качестве «новых учителей», техников и агрономов, бесплатное медицинское обслуживание, устройство домов отдыха для молодежи, спортивных площадок, молодежных турбаз и расширение школ производственного обучения.

На выборах осенью 1946 г. СЕПГ получила наибольшее количество голосов. На общинных выборах в сентябре из 9 млн. действительных голосов она получила более 5 млн., на выборах в ландтаги в октябре из почти 9,9 млн. действительных голосов — около 4,7 млн. Членами СЕПГ были 100 886 из 132 356 общинных представителей, 3124 из 6045 депутатов районных органов самоуправления и 249 из 519 депутатов ландтагов. Это была убедительная демонстрация в поддержку антифашистско-демократических преобразований в советской зоне оккупации. Свыше 1500 юношей и девушек были избраны в общинные представительства, 250 — в районные органы самоуправления и 13 — в парламенты земель. Таким образом, в избирательной кампании ССНМ успешно выступил как единая антифашистско-демократическая молодежная организация.

Борьба, которую пришлось вести летом и осенью 1946 г. с реакционными силами в советской зоне оккупации и с монополистическим капиталом в западных зонах, который под защитой западных оккупационных держав начал восстанавливать свои позиции и готовил раскол Германии, показала: ССНМ, как и вся молодежь, должен быть лучше подготовлен для обострявшейся классовой борьбы. Это было тем более необходимо, поскольку западные империалистические круги делали все для того, чтобы посеять в рядах демократической молодежи раздор и распри. С этой целью они засылали в среду молодежи реакционных пропагандистов из буржуазных партий, а также использовали определенные силы в рядах ССНМ. Вновь начались нападки на «Основные права молодого поколения», и это было не случайно.

Поэтому на 4-м пленуме Центрального совета, проходившем 28—30 ноября 1946 г., я говорил прежде всего о роли ССНМ в идеологической борьбе на современном этапе. Речь шла о новых условиях, возникших в советской оккупационной зоне для свободного развития личности молодого человека и о возможностях использования этих условий. В своем выступлении я обращал внимание на то, сколь важным было вести упорную борьбу за сохранение единства молодежи.

Все предпринятые тогда попытки расколоть ССНМ изнутри или извне потерпели провал благодаря бдительности молодежи. Глубоко убежденные в том, что мы служим справедливому делу народа, мы выдержали все испытания и создали основу для превра-

щения Союза свободной немецкой молодежи в массовую организацию.

В суровую и долгую зиму 1946/47 г. многочисленные комитеты и группы ССНМ помогали облегчить крайне трудное положение населения. Так, члены ССНМ в землях Саксония и Мекленбург заготовили свыше 4 тыс. *куб. м* дров; молодые горняки работали в дополнительных сменах в угольных шахтах. В целях обеспечения весеннего сева 1947 г. в провинции Бранденбург земельный комитет организовал 21 ремонтную и 86 рабочих бригад. Особенно хорошо проявили себя члены ССНМ во время паводка, вызвавшего весной 1947 г. разлив в пойме среднего Одера, вследствие чего было затоплено 55 тыс. *га* полевых угодий, разрушено много крестьянских хозяйств и погибло немало скота. Земельный комитет ССНМ в Бранденбурге создал 169 добровольческих групп, активно включившихся в борьбу с последствиями этого бедствия. По всей стране члены ССНМ собирали деньги для пострадавших от разлива Одера крестьян. Все это повысило авторитет ССНМ среди общественности.

Центральный совет ССНМ принял решение издавать газету под названием «Юнге вельт». Первый номер газеты вышел 12 февраля 1947 г.— сначала она выходила раз в неделю, а с марта 1952 г.— ежедневно. Вскоре газета стала пользоваться большой популярностью среди молодежи. Ее задачей было, как писал я в напутствии первому номеру, со свойственным молодежи подъемом выражать интересы молодого поколения. В последующие годы «Юнге вельт» активно помогала ССНМ добиваться осуществления «Основных прав молодого поколения» и отстаивать единство молодежи.

На II парламенте ССНМ, состоявшемся в Мейсене 23—26 мая 1947 г., мы уже отмечали, что вопреки многочисленным пессимистическим предсказаниям самые широкие слои молодежи порвали с прошлым. Только лишь в советской зоне в рядах ССНМ к тому времени насчитывалось более 454 тыс. юношей и девушек, активно участвовавших в борьбе за единое, демократическое и миролюбивое немецкое государство.

Еще более важным было то, что благодаря последовательной политике СЕПГ, поддержке со стороны Объединения свободных немецких профсоюзов, других антифашистских партий и демократических органов управления удалось сделать большой шаг вперед в реализации «Основных прав молодого поколения». Стало явью то, о чем молодежь раньше могла лишь мечтать: она получала равную оплату за равный труд, для подростков от 14 до 16 лет рабочее время было сокращено до 42 часов, от 16 до 18 лет — до 45 часов в неделю. Значительно возросла доля детей рабочих и крестьян, обучавшихся в средних школах, вузах и университетах; весной 1947 г. уже 15% всех студентов были дети рабочих и крестьян. В земле Саксония ландтаг по предложению фракции СЕПГ

снизил возрастной ценз на право выбирать до 18 лет и быть избранным — до 21 года. Были сооружены и оборудованы многочисленные спортивные площадки, молодежные клубы и турбазы. Значительно улучшилось медицинское обслуживание и социальное обеспечение.

Предоставление молодежи широких демократических прав в политической, экономической и социальной областях превратило ее в активного строителя своей собственной новой жизни, позволило ей занять отвечающее ее общественной роли место в жизни нашего народа. Мы все тогда чувствовали, что стоило трудиться, и это вселяло в нас новые силы.

12. Миссия мира на Восток

Аэропорт Шёнефельд под Берлином, 5 августа 1947 г. Герман Аксен встречает нашу делегацию, находившуюся с 19 июля 1947 г. в Советском Союзе. Позади насыщенные событиями дни. После учебы в Международной Ленинской школе в 1930—1931 гг. это был мой второй визит в Страну Советов. Как возникла эта поездка, каковы были ее цель и результаты?

14 июля 1947 г. я от имени Центрального совета ССНМ обратился в СВАГ с просьбой предоставить делегации немецкой молодежи возможность принять участие в спортивном празднике советской молодежи в Москве. «В установлении дружественных отношений между советской и немецкой молодежью,— писал я тогда,— мы видим предпосылку обеспечения прочного мира. Участие наших представителей в празднике советской молодежи явилось бы ценной поддержкой в нашей борьбе против антисоветской пропаганды, активно ведущейся в настоящее время среди немецкой молодежи».

Через три дня нам сообщили, что Антифашистский комитет советской молодежи приглашает в Москву делегацию ССНМ. Когда я сообщил об этом секретариату Центрального совета, радость была неописуема. В этом приглашении мы видели доказательство того, что Антифашистский комитет советской молодежи и комсомол не только не питали к немецкой молодежи чувств ненависти и мести, но и были готовы помочь нам. В этом мы видели также первый и, пожалуй, самый значительный шаг к международному признанию нашего молодежного движения.

Советский самолет, который должен был доставить нас в Москву, вылетал утром 19 июля. Таким образом, на дорожные сборы времени почти не оставалось. В состав делегации входила заместитель председателя ССНМ Эдит Бауман. С 1925 г. она была членом Социалистической рабочей молодежи, с 1933 по 1936 г. находилась в тюремном заключении. После освобождения она участвовала в создании единого антифашистско-демократического молодежного движения. Членами делегации были также Гейнц Кесслер, Роберт Менцель и Герберт Гайслер, отвечавший в Центральном совете ССНМ за спортивную работу.

В московском аэропорту Внуково нас встречал вице-президент Антифашистского комитета советской молодежи. Во время таможенного досмотра некоторое удивление вызвали мои игральные карты — я с детских лет люблю играть в скат и поэтому раньше всегда брал с собой в поездки карты. В Советском Союзе игра в карты считалась тогда предосудительной, и мне стоило некоторых усилий уговорить таможенников не отбирать их.

После сердечной встречи, оказанной нам московскими друзьями, мы направились в центр города. Я хорошо помнил, как выглядела Москва в 1931 г., и теперь я ее не узнавал. Возникли целые жилые кварталы, широкие улицы, мосты и подземные переходы. Повсюду шла стройка.

20 июля 1947 г. мы приняли участие в большом спортивном параде. Это было впечатляющее событие. Затем состоялись первые беседы с ответственными сотрудниками Антифашистского комитета советской молодежи. 21 июля нас приняли в ЦК ВЛКСМ. Первый секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ Н. А. Михайлов интересовался всеми сторонами деятельности ССНМ. В конце нашего пребывания Эдит Бауман и я имели с ним еще одну, продолжавшуюся несколько часов беседу. Он поделился с нами важным опытом работы комсомола и заверил, что комсомол поддержит наши усилия, направленные на достижение международного признания ССНМ путем приема во Всемирную федерацию демократической молодежи.

Во время этих встреч мы чувствовали, что находимся среди друзей. Ощущать это и в то же время видеть на каждом шагу ужасные последствия оккупационной политики гитлеровского фашизма — от этого было тяжело на душе и стыдно. Люди трудились в неслыханно тяжелых условиях, чтобы залечить не поддающиеся никакому описанию раны, нанесенные войной народам Советского Союза,— разрушенные до основания города и деревни, лежавшие в развалинах фабрики, совхозы и колхозы, научные учреждения и бесценные памятники культуры. Бесчисленное множество раненых. Более 20 млн. советских граждан погибли в борьбе за свободу или были убиты нацистскими палачами. Мы воочию убедились в несгибаемой воле и твердой решимости советских людей вместе с освобожденными от империалистических угнетателей народами построить новый, лучший мир. Несмотря на огромные потери и разрушения, безмерные страдания, причиненные фашистскими агрессорами, нам был оказан сердечный прием как представителям новой, антифашистско-демократической Германии.

Эти впечатления так свежи в памяти, будто это было вчера, и не хватило бы места, чтобы рассказать обо всем. На пребывание в Москве было предусмотрено пять дней, но мы пробыли там 18 дней. Ограничусь лишь самым главным. В Москве мы, в частности, осмотрели Исторический музей, Библиотеку им. Ленина, университет, посетили Мавзолей В. И. Ленина. В одном из пионерских лагерей, где московские школьники весело проводили свои летние каникулы, мы ознакомились с работой пионерской организации им. В. И. Ленина.

По приглашению советских друзей мы побывали в санатории, где находились на излечении военнослужащие славной Советской Армии, тяжело раненые в борьбе против гитлеровской Германии. Гейнц Кесслер писал об этом: «Тяжело было у нас на сердце

во время этого визита. Ведь нам довелось встретиться с советскими людьми, которым по вине послушно следовавших за германским империализмом немцев пришлось пожертвовать самым дорогим, что имеет человек,— своим здоровьем...

Лето 1947 г. Можно было бы понять ненависть ко всему немецкому. Но если мысленно собрать воедино все сказанное советскими друзьями, то это сведется к следующему: «Да, было горько, ужасно, мы отдали многое, миллионы отдали все, что дорого советским людям. Мы сумели защитить свою социалистическую Родину от тех, кто с оружием в руках вероломно вторгся к нам. Мы отдавали за свободу народов свою жизнь, свою кровь и отвоевали эту свободу. Мы никогда не ставили на одну доску немецкий народ и немецкий империализм и его ужасное порождение — фашизм».

Нас очень ободрили: «Мы рады видеть у себя немцев, которые, как и мы, боролись, борются и будут бороться против империализма, которые, как и мы, полны решимости построить новый мир, который будет служить и принадлежать трудящимся».

С чувством глубокого волнения от имени всех членов нашей делегации я выразил нашу безграничную благодарность за все, что сделали советские люди, за их доверие к нам. Мы рассказали советским товарищам, как все больше и больше людей в нашей стране под руководством СЕПГ помогают вырвать с корнем империализм, милитаризм и фашизм и заложить фундамент немецкого государства, которое в тесной дружбе с Советским Союзом будет идти вперед во имя счастья людей. С глубоким уважением мы говорили об активной поддержке, которую оказывали нам коммунисты из Советской Армии. Я торжественно заверил лечившихся в санатории советских товарищей: «Мы были, есть и останемся друзьями, братьями по классу народов Советского Союза. Мы не пощадим сил, чтобы это стремление со временем овладело всеми на нашей родине, которая станет социалистической».

26 июля мы вылетели в Сталинград (Волгоград). Война оставила в этом городе особенно жестокие следы, его почти сровняли с землей. Мы посетили легендарный «Дом Павлова», который сержант Павлов и девять красноармейцев в течение 58 суток защищали от превосходивших сил фашистов.

И здесь нас принимали как друзей. Нас угощали такими блюдами и напитками, которых сами наши хозяева чаще всего были лишены. Здесь вновь проявилось уже вошедшее в пословицу русское гостеприимство, которое я узнал и оценил в 1930—1931 гг. Но то время отделяли четыре года войны — войны, которую вели немцы против страны, мирно строившей социализм, против страны, где всегда с уважением относились к немецкому языку, где высоко ценились достижения немецкой культуры и науки, не говоря уже о жизни и деятельности великих сынов немецкого народа Карла Маркса и Фридриха Энгельса и таких выдающихся

вождей рабочего класса, как Август Бебель, Вильгельм и Карл Либкнехт, Роза Люксембург и Эрнст Тельман.

Горком комсомола пригласил нас совершить поездку по Волге. Наши хозяева пели русские народные песни, а мы — немецкие народные песни. Потом мы вместе пели боевые песни рабочего класса. На металлургическом заводе Красный Октябрь мы убедились в твердой решимости сталинградцев преодолеть разруху. Полностью разрушенный во время войны, завод уже достиг почти 75% своей довоенной мощности.

Наше пребывание в Сталинграде завершила встреча с комсомольскими активистами. Мы не один раз поднимали бокалы за нашу дружбу. Я отнюдь не противник «веселящих» напитков, однако в тот вечер нам всем пришлось быть начеку, чтобы не хватить лишнего. На следующий день я выступал по радио. Когда мы 30 июля расставались с нашими сталинградскими друзьями, они просили нас по возвращении в Германию рассказать правду о Советском Союзе и представить все так, как мы видели. Мы обещали им это.

Вечером мы выехали поездом в Ленинград. Там нас ожидали новые впечатления. Но и в этом, подвергнувшемся окружению фашистскими армиями и 900-дневной блокаде, многострадальном и непокоренном городе Ленина и Октябрьской революции мы не услышали ни слова упрека. Мы посетили разрушенный Петергоф и почти невредимый Эрмитаж.

В заключение нашего пребывания в Советском Союзе мы осмотрели Московский Кремль. 5 августа 1947 г. мы вылетели на родину. На обратном пути у нас не было недостатка в темах для обсуждения. Одно впечатление оставило особенно глубокий след: мы повсюду чувствовали несгибаемую волю и стремление советских народов восстановить свою страну и сделать ее еще прекраснее, чем она была до войны. Мы убедились в их беспредельной любви к миру. В беседах с рабочими, молодежью и академиками нам ни разу не довелось услышать что-либо о необходимости или вероятности новой войны, но много говорилось о том, что следует сделать для сохранения и упрочения мира. Мы не слышали ничего, что было бы направлено против немецкого народа и немецкой молодежи, но мы вновь убедились в том, как глубоко ненавидят советские люди фашизм, злейшего врага прогресса, бич человечества.

Наша поездка стала известна как «миссия мира на Восток». Был сделан важнейший шаг для прорыва стены изоляции, в которой оказались наш народ и его молодежь в результате развязанной фашистами войны.

Сразу же по прибытии в берлинский аэропорт Шёнефельд нам пришлось отвечать на десятки вопросов журналистов. О нашем пребывании в Советском Союзе писали все крупные газеты советской оккупационной зоны. Нас повсюду просили рассказать о впе-

чатлениях и об итогах нашей поездки. Мы старались как можно полнее ответить на вопросы всех, кто интересовался поездкой, ибо считали это не только своим долгом в отношении нашей молодежи, но и формой благодарности за теплый прием в Советском Союзе.

В многочисленных докладах и статьях, написанных мною в тот период, я неизменно возвращался к одной мысли: каждый, кто хочет жить в дружбе с молодежью всех стран, ненавидит войну и стремится к миру, кто считает мир основой грядущего счастья немецкого народа и его молодого поколения, не может не видеть того, что поездка нашей делегации отвечала интересам нашего народа. Поэтому я все время повторял, что полет нашей делегации из Берлина в Москву и наше пребывание в Советском Союзе открыли новую страницу в истории мирных отношений между советской и немецкой молодежью.

Эти выводы, сделанные под непосредственным впечатлением от поездки, полностью подтвердились в последующие годы. Наша «миссия мира» сыграла важную роль не только в отношениях между ССНМ и ВЛКСМ. Она имела огромное значение для установления отношений с молодежными организациями других стран и для развития наших отношений с Всемирной федерацией демократической молодежи. Но об этом я еще расскажу более подробно.

В Центральном совете ССНМ был составлен план по подведению итогов поездки с конкретными задачами для каждого члена нашей делегации. Этот план был выполнен, кроме одного пункта — выступлений с докладами о нашей поездке в западных оккупационных зонах. Нам отказали в разрешении на въезд. Правда о Советском Союзе явно не пользовалась спросом у западных оккупационных держав, в кругах монополистического капитала и, к сожалению, также у определенных лидеров социал-демократии в этой части Германии. Она не вписывалась в их антикоммунистическую и антисоветскую концепцию «холодной войны», не говоря уже об амбициозных намерениях США, связанных с объявленным ими 5 июня 1947 г. «планом Маршалла». Эта замаскированная под «экономическую помощь в восстановлении Европы» программа была нацелена на установление экономического, политического и военного господства США в Европе. Она должна была создать предпосылки для образования военного блока, направленного против СССР и стран народной демократии.

США «великодушно» предложили помощь по «плану Маршалла» Советскому Союзу и странам народной демократии в Восточной и Юго-Восточной Европе. Но США связывали это с условиями, принятие которых означало бы в итоге утрату суверенитета, независимости и завоеваний этих стран и народов. Поэтому они отвергли эту помощь. Пусть те, кто стоит теперь у кормила власти в западноевропейских государствах, обратятся к истории

и скажут, каким «благом» стал для их стран «план Маршалла» и какой ценой зависимости, постоянного вмешательства в их внутренние и внешние дела пришлось им за это заплатить. Это совсем не пошло на пользу мира, безопасности, демократии и прогресса на нашем континенте, а явилось одной из причин обострения «холодной войны» и усиления конфронтации. На последствиях «плана Маршалла» для Германской Демократической Республики я еще остановлюсь в другой связи.

В советской оккупационной зоне мы могли правдиво рассказывать о Советском Союзе в газетах, журналах и радиопередачах, на собраниях и в публичных дискуссиях, как мы обещали это гостеприимно принимавшим нас советским товарищам. Таким образом мы содействовали утверждению среди нашей молодежи и народа нового отношения к советской молодежи и к народам Советского Союза. ССНМ всегда считал это своим долгом. За прошедшие годы из личных контактов, которые мы установили в Советском Союзе в июле — августе 1947 г., возникла братская дружба между ССНМ и ВЛКСМ.

В 1948 г. наши отношения укрепились еще больше. Берлин посетил В. И. Кочемасов, тогдашний председатель Антифашистского комитета советской молодежи, а затем — секретарь ЦК ВЛКСМ. Позднее он вспоминал о нашей первой встрече: «Мы очень долго беседовали друг с другом об уровне политической сознательности немецкой молодежи, о задачах и целях ССНМ и об опыте советского комсомола. Товарищ Хонеккер изложил при этом четкую, тесно связанную с современностью и нацеленную на будущее программу антифашистского и социалистического воспитания молодого поколения. Эти беседы, как и встречи с другими членами и функционерами ССНМ, вселили в нас уверенность, что подрастает новое поколение, которое внесет большой вклад в дело мира, демократии и социализма, в укрепление дружбы с Советским Союзом».

Прибыв полтора года спустя, в марте 1949 г., с Паулем Фернером в Москву на XI съезд комсомола, я мог сообщить нашему советскому другу о том, что молодежь на востоке Германии все лучше понимает и поддерживает проводимую Советским Союзом политику мира.

Отношения между ССНМ и комсомолом в значительной степени помогли прогрессивной немецкой молодежи установить с 1947 г. контакты с молодежью многих других стран и преодолеть международную изоляцию, в которой она оказалась по вине фашизма. 10 ноября 1945 г. на Всемирной конференции молодежи в Лондоне была создана Всемирная федерация демократической молодежи. Еще в ноябре 1945 г. наш Центральный антифашистский молодежный комитет получил приглашение направить в Совет ВФДМ своего представителя в качестве наблюдателя. Мы назначили Гейнца Кесслера. Затронув этот вопрос на заседании

молодежных комитетов 2—3 декабря 1945 г., я заявил, что своими действиями мы докажем, сколь серьезно мы относимся к борьбе за сохранение мира. В опубликованной 10 ноября 1946 г. в газете «Тэглихе рундшау» статье по случаю первой годовщины основания ВФДМ я подчеркнул общность интересов Всемирной федерации и прогрессивной немецкой молодежи. Одновременно я выступил против тех, кто фактически требовал от ССНМ, чтобы он «освободился от груза прошлого», прежде чем его допустят в ряды всемирной молодежи. Многие члены ССНМ были убежденными антифашистами. Поэтому само собой разумелось, что вступление прогрессивной немецкой молодежи во Всемирную федерацию демократической молодежи не могло рассматриваться как хождение в Каноссу,— мир, свобода, демократия и прогресс всегда были и остаются высшей заповедью также и для нее. Несмотря на тяжелые потери, она не прекратила свою борьбу. Поэтому мы также имели право на равноправное участие и равное уважение к себе в рядах организации всемирной молодежи.

Мы создали свой Союз свободной немецкой молодежи на прочной антифашистско-демократической основе — мы на себе испытали всю тяжесть преступлений немецких фашистов. И было бы ошибкой возлагать ответственность за эти преступления именно на молодежь. В феврале 1947 г. Центральный совет ССНМ обсудил вопрос о нашем отношении к ВФДМ. Установление дружественных отношений с демократической молодежью мира мы считали ценной поддержкой демократическому движению немецкой молодежи. Центральный совет охарактеризовал принципы Всемирной федерации демократической молодежи как неотъемлемую составную часть принципов и целей ССНМ.

Проведенные во время всемирных недель молодежи в марте 1946 г. и марте 1947 г. мероприятия ССНМ свидетельствовали о нашей твердой решимости осуществлять эти принципы и цели. Мы воспринимали их не только как призыв, обращенный к другим, но прежде всего и к нам самим. С 26 мая по 14 июня 1947 г. делегация ВФДМ посетила советскую оккупационную зону. В ее составе были представители молодежи из Польши, Франции, Норвегии, ЧСР, СССР и США. Во въезде в западные зоны ей было отказано. Делегация дала высокую оценку антифашистско-демократической деятельности ССНМ, отметив в то же время с тревогой крайне неудовлетворительное выполнение Потсдамского соглашения в западных зонах.

ССНМ не участвовал в I Всемирном фестивале молодежи и студентов в Праге в июле — августе 1947 г. На состоявшемся в Праге во второй половине августа 1947 г. заседании Совета ВФДМ мне первому было предоставлено слово для доклада о деятельности ССНМ. Я сделал этот доклад на немецком языке. Широкий отклик, который получили в рядах ССНМ акции солидарности ВФДМ с борющейся молодежью Греции, Испании, Вьетнама и

Китая, решительное выступление нашего союза молодежи за развитие Германии по пути мира и демократии в значительной мере способствовали тому, что Совет ВФДМ по предложению польской делегации единогласно принял 21 августа 1948 г. решение о приеме ССНМ в свои ряды. Это была достойная оценка наших усилий по воспитанию немецкой молодежи в духе пролетарского интернационализма и антиимпериалистической солидарности. В сентябре 1949 г. ССНМ был принят в Международный союз студентов. В том же месяце на II конгрессе Всемирной федерации демократической молодежи в Будапеште я был избран в Исполнительный комитет ВФДМ.

В состоявшемся незадолго до этой встречи II Всемирном фестивале молодежи и студентов впервые принимала участие делегация ССНМ. На ее проводах на берлинском Восточном вокзале присутствовал Вильгельм Пик. В этом празднике прогрессивной молодежи мира участвовало 750 лучших представителей нашего союза. Руководителем нашей делегации был Гейнц Кесслер, также избранный на Всемирном конгрессе молодежи в состав Совета ВФДМ. Наши делегаты достойно представляли на этой встрече свою молодежную организацию. Поэтому не было случайностью, что проведение III Всемирного фестиваля молодежи и студентов, намеченного на 1951 г., было поручено ССНМ.

13.
Рождение нашего государства

В жизни каждого народа есть события, историческое значение и величие которых со временем становятся все очевиднее. К ним, несомненно, относится образование Германской Демократической Республики 7 октября 1949 г. Создание первого на немецкой земле социалистического государства рабочих и крестьян — об этом свидетельствует историческое развитие в течение более чем трех десятилетий — было решающим поворотом в истории немецкого народа. Более того, оно явилось поворотным пунктом в истории Европы.

Этот факт, который признают сегодня многие политические деятели самых различных направлений за пределами нашей страны, 30 лет назад осознавали лишь немногие. Каждый из исторических дней октября 1949 г. определялся для меня и моих товарищей в Правлении СЕПГ — с лета 1946 г. оно размещалось на Пренцлауэр тор в Доме единства (теперь в этом здании находится Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ) — борьбой за осуществление стратегии, которая учитывала сложившуюся реальную обстановку в Германии и одновременно указывала нашему народу путь в социалистическое будущее. То были дни горячих дискуссий с рабочими, крестьянами, учеными и деятелями искусства и, естественно, особенно с молодежью. Ведь речь шла о создании государства, которое должно было стать государством трудящихся и их молодого поколения.

В то же время мы часто встречались с нашими союзниками из других партий демократического блока. В откровенных беседах мы вместе искали пути создания для этого нового государства широкого фундамента во всех классах и слоях, пути создания национального фронта всех демократических и патриотических сил нашего народа.

Ожесточенную полемику пришлось вести с реакционными политическими деятелями. Они сопротивлялись созданию первого в немецкой истории государства рабочих и крестьян и сотрудничали с силами, ориентировавшимися на прошлое и создавшими в сентябре 1949 г. империалистическое германское государство — Федеративную Республику Германии.

Со времени освобождения от фашизма в мае 1945 г. мы прошли путь глубоких преобразований. Это были годы напряженного труда, многих лишений и постоянной ожесточенной борьбы с реакционными силами.

В октябре 1949 г. мы создали первое немецкое государство, путь которого полностью определялся характером и закономерностями всемирно-исторической эпохи перехода от капитализма к социализму, начало которой было положено в 1917 г. Великой

Октябрьской социалистической революцией. Создание ГДР отражало изменения, происшедшие в соотношении сил на международной арене со времени исторической победы советского народа над гитлеровским фашизмом. Возникновение государства рабочих и крестьян на немецкой земле усилило влияние социализма в Европе, явилось крупным поражением мирового империализма. С появлением ГДР на мировой арене увеличились шансы превращения Европы в континент мира и безопасности.

Следует ли поэтому удивляться, что силы реакции, реставрации и реваншизма не желали допустить образования такого немецкого государства. Когда же это им не удалось, они стали делать все возможное, чтобы уничтожить его. Но сегодня каждому очевиден тот непреложный факт, что ГДР является политически стабильным социалистическим государством с динамично развивающейся экономикой и современной системой образования, где процветают наука и искусство,— государством, в котором осуществлены и надежно обеспечены права и свободы его граждан.

Возникновение ГДР стало исторически необходимым в силу ряда национальных и международных причин. С момента освобождения от нацистского господства в мае 1945 г. мы, антифашисты, всеми силами боролись за создание *единого* миролюбивого и демократического немецкого государства.

Наша борьба за создание такого государства на антифашистско-демократической основе полностью отвечала целям антигитлеровской коалиции и Потсдамскому соглашению. Я хотел бы напомнить об этих фактах особенно потому, что еще в годы второй мировой войны различные господствующие круги в США, Великобритании и Франции разрабатывали всевозможные планы раздробления Германии. В качестве примера назову лишь пресловутый план Моргентау. Какие бы намерения ни лежали в основе этого и других планов, например стремление избавиться от германского монополистического капитала как нежелательного конкурента на мировом рынке и в борьбе за мировое господство, всем им было присуще одно: они игнорировали жизненные интересы немецкого народа. То, что ни один из этих планов не вошел в соглашения союзников в 1945 г.,— исключительно заслуга Советского Союза, последовательно отстаивавшего мирное, демократическое будущее немецкого народа.

На востоке Германии в результате глубоких антифашистско-демократических преобразований был заложен фундамент немецкого государства мира, подлинной демократии и общественного прогресса. Советский Союз, верный Потсдамскому соглашению, оказывал при этом всестороннюю поддержку.

Когда империалистические державы и монополистические круги в западных зонах увидели, что революционные преобразования у нас, несмотря на все трудности, идут полным ходом вперед, им стало ясно, что создание единой империалистической Германии

уже невозможно. Поэтому они действовали по принципу: «Лучше половину Германии целиком, чем целую Германию наполовину». Западные оккупационные державы в союзе с представителями германского монополистического капитала приняли решение, чреватое тяжелыми последствиями для всего немецкого народа, для демократии и социального прогресса, мира и безопасности в Европе. Несмотря на протесты Советского Союза и в нарушение решений союзного Контрольного совета 1 января 1947 г. британская и американская зоны оккупации были объединены в Бизонию; затем был учрежден экономический совет Бизонии. То были первые шаги к созданию сепаратного западногерманского государства.

В западных зонах не были ликвидированы ни крупное землевладение, ни монополистический капитал, хотя на референдуме в Гессене 1 декабря 1946 г. почти 72% избирателей высказались за это и в большинстве западногерманских земель были приняты соответствующие законы и постановления. Реакционный государственный аппарат, буржуазная бюрократия и союзы предпринимателей сохранились в почти полной неприкосновенности, а реакционная идеология вновь получила массовое распространение. Эти факты уже тогда позволили распознать характер запланированного государственного образования.

В феврале 1948 г. по приказу глав американской и британской военных администраций управление Бизонией было преобразовано, став фактически сепаратным правительством. Несколько позднее, 1 марта 1948 г., военные власти США и Великобритании отдали распоряжение о полном прекращении торговли, железнодорожных перевозок и транзитного сообщения между западными и советской оккупационными зонами. 20 июня 1948 г. западные державы объявили о сепаратной денежной реформе в западных зонах, которая вскоре была распространена на западные секторы Берлина. После того как исторически сложившаяся экономическая общность была разрушена и фактически произведено социально-экономическое обособление западных зон, была ликвидирована и единая германская валюта.

Но это еще не все. В июле 1948 г. западные оккупационные державы отдали министрам западногерманских земель приказ создать из западных зон сепаратное государство. 1 августа 1948 г. произошло слияние французской оккупационной зоны с американо-британской территорией в Тризонию, и, наконец, 1 сентября 1948 г. ими был учрежден так называемый Парламентский совет. В мае 1949 г. он, вопреки голосам представителей КПГ, принял выработанный за спиной народа Основной закон. Он опирался на Оккупационный статут от 8 апреля 1949 г. и находился в вопиющем противоречии с Потсдамским соглашением. Конституирование бундестага 7 сентября 1949 г. в Бонне и образование коалиционного правительства во главе с Конрадом Аденауэром из

представителей Христианско-демократического союза (ХДС), Христианско-социального союза (ХСС), Свободной демократической партии и Немецкой партии завершили государственный раскол. Немалую долю ответственности за это несли также правые лидеры СДПГ. Ее председатель Курт Шумахер еще в октябре 1947 г. охарактеризовал раскол Германии как свершившийся факт и требовал создания сепаратного западногерманского государства.

В 1948 г. я снова — кстати, в последний раз — совершил поездку в западные зоны, где на митингах и собраниях говорил об угрозе раскола Германии и о необходимости отвратить эту угрозу путем широкого народного движения. В Дуйсбурге я выступал вместе с Максом Рейманом. Воспользовавшись случаем, я побывал у своих родителей, брата и сестер в Вибельскирхене. Саарская область в декабре 1946 г. была вновь передана под французское управление.

СЕПГ, другие демократические партии и массовые организации уже при первых признаках раскола Германии делали все, чтобы сохранить ее единство. По инициативе СЕПГ в конце 1947 г. возникло движение Народного конгресса за единство и справедливый мир. Оно объединило граждан всех слоев и пользовалось поддержкой многочисленных сторонников в западных зонах. Однако западные оккупационные власти запретили это движение и преследовали его участников.

Я был делегатом 1-го Немецкого народного конгресса, который состоялся 6—7 декабря 1947 г. в Берлине в здании тогдашней Немецкой оперы. Собралось 2215 представителей всех антифашистско-демократических партий, профсоюзов и других массовых организаций, производственных советов, представителей крестьянства, науки и искусства из всех частей Германии. Конгресс явился первым общегерманским представительством нашего народа после второй мировой войны. Он потребовал создания центрального германского правительства из представителей всех демократических партий и выборов в Национальное собрание. Было поддержано неоднократно выдвигавшееся СЕПГ предложение о проведении плебисцита по вопросу политического и экономического единства Германии. Избранная конгрессом делегация, в состав которой входил и я, должна была передать Совету министров иностранных дел, заседавшему с 25 ноября по 15 декабря 1947 г. в Лондоне, мнение немецкого народа о заключении мирного договора и о восстановлении государственного единства Германии. Однако ей было отказано в разрешении на въезд в Англию. Это проливало свет на позицию западных держав. Но еще более показательным был тот факт, что министры иностранных дел западных держав воспротивились предложению СССР заключить с Германией демократический мирный договор и немедленно создать германское правительство. Они потребовали пересмотра Потсдамских соглашений и в конце концов сорвали конференцию.

Когда весной 1948 г. стало еще более очевидным, что западные державы в союзе с реакционными кругами западных зон систематически разрушают единство Германии во всех общественных сферах, возникла острая необходимость призвать к национальной самопомощи. Эту задачу выполнил 2-й Народный конгресс, собравшийся 17—18 марта 1948 г. Я принадлежал к числу членов Немецкого народного совета, образованного этим Народным конгрессом, и входил в состав его президиума. Конгресс решил провести народный опрос о референдуме по вопросу единства Германии.

За период с 23 мая по 13 июня 1948 г. около 14,7 млн. избирателей поставили свои подписи в листах народного опроса. Это составило почти 38% избирателей по всем зонам. Несмотря на запрет американской, британской и французской военных администраций проводить народный опрос, около 1,5 млн. граждан из западных зон также поставили свои подписи. В результате этого были созданы законные предпосылки для проведения плебисцита. 7 июля 1948 г. мы в президиуме Немецкого народного совета всесторонне изучили итоги народного опроса и обратились к главнокомандующим оккупационными войсками четырех держав с просьбой разрешить проведение референдума. Показательно, что военные администрации западных зон даже не приняли эту просьбу к сведению. Ее поддержала только СВАГ.

В лице Советского Союза и стран народной демократии патриотические силы нашего народа обрели надежных союзников в борьбе за единство страны на демократической основе. На состоявшемся 23—24 июня 1948 г. в Варшаве совещании министров иностранных дел Советский Союз, Албания, Болгария, Югославия, Польша, Румыния, Чехословакия и Венгрия осудили проходившие в Лондоне с февраля по март и с апреля по июнь 1948 г. сепаратные переговоры западных держав и результаты этих переговоров как грубое нарушение соглашений государств антигитлеровской коалиции. Совещание потребовало от четырех оккупационных держав осуществления совместных мер с целью обеспечения полной демилитаризации Германии и недопущения восстановления военного потенциала германского империализма. Совещание поддержало движение Народного конгресса и его стремление создать демократическое правительство, выразив готовность заключить с таким правительством мирный договор на международно-правовой основе Потсдамского соглашения.

На открывшейся 23 мая 1949 г. Парижской сессии министров иностранных дел СССР, США, Франции и Великобритании советская делегация вновь решительно выступила против проводившейся западными державами политики раскола. Она потребовала вернуться к принципам Потсдамского соглашения, выработать мирный договор и вывести оккупационные войска. Далее она предложила принять делегацию Немецкого народного совета. Это

предложение встретило большой отклик в широких кругах немецкого населения. Правление ОСНП поддержало его от имени миллионов членов профсоюзов. Почти 2 тыс. делегатов III парламента ССНМ, состоявшегося 1—5 июня 1949 г. в Лейпциге, потребовали в адресованной сессии министров иностранных дел телеграмме принять делегацию Немецкого народного совета, уполномоченную говорить также от имени немецкой молодежи.

Каждый из нас чувствовал весной 1949 г., что борьба за единое демократическое германское государство вступила в решающую фазу. 15—16 мая 1949 г. в советской оккупационной зоне и в демократическом секторе Берлина состоялись всеобщие, прямые, при тайном голосовании выборы в 3-й Немецкий народный конгресс. Запреты и преследования сделали невозможным проведение демократических свободных выборов в западных зонах и западных секторах Берлина.

Из более чем 12,8 млн. избирателей, принявших участие в выборах, более 7,9 млн., т. е. почти две трети, проголосовали за общий список кандидатов, представленный всеми политическими партиями и массовыми организациями. В числе избранных находился и я.

29—30 мая 1949 г. в Берлине проходил 3-й Немецкий народный конгресс. Он избрал новый Народный совет и утвердил проект Конституции для Германской Демократической Республики. Этот проект, в разработке которого мне также довелось участвовать, был подготовлен в течение 1948 г. по инициативе СЕПГ и представлен на обсуждение населения во всех частях Германии.

В противоположность боннскому Основному закону, разработанному за закрытыми дверями и за спиной трудящихся, предложенный нами проект конституции обсуждался открыто, на широкой демократической основе. Население обсуждало его на более чем 9 тыс. собраний, в газетах и по радио. В Немецкий народный совет поступили 15 тыс. резолюций и 503 предложения с поправками и дополнениями. 1969 делегатов 3-го Народного конгресса из всех оккупационных зон обратились в последний час к немецкому народу с призывом организовать массовое движение с целью не допустить государственного отделения западных зон и их включения в систему империалистических пактов, направленную против Советского Союза и других социалистических государств.

В новый состав Народного совета вошло 330 человек, среди них 90 — от Социалистической единой партии Германии, 45 — от Христианско-демократического союза, 45 — от Либерально-демократической партии Германии, 15 — от Демократической крестьянской партии Германии (ДКПГ), 15 — от Национально-демократической партии Германии (НДПГ) и 5 человек — от СДП Берлина. Объединение свободных немецких профсоюзов имело 30 представителей, Союз свободной немецкой молодежи — 10, Демократический женский союз Германии — 10, Культурбунд по

демократическому обновлению Германии — также 10, Объединение крестьянской взаимопомощи — 5, Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме,— 10 и крестьянская торговая кооперация — 5 представителей. Кроме того, 35 мест получили беспартийные и другие.

Движение Народного конгресса расширило свои ряды и начинало превращаться во всеобщий национальный фронт. В нем объединились все слои населения — от рабочего класса до патриотически настроенных представителей буржуазии.

4 октября 1949 г. Правление СЕПГ приняло решение обсудить совместно с другими демократическими партиями и массовыми организациями вопрос об образовании Временного правительства Германской Демократической Республики. Был принят документ «Национальный фронт демократической Германии и Социалистическая единая партия Германии». Он стал общей платформой патриотических сил немецкого народа.

Президиум Немецкого народного совета и блок антифашистско-демократических партий на совместном заседании решили созвать 7 октября 1949 г. в Берлине Немецкий народный совет. Предстояло принять решение исторического значения.

На упомянутом выше пленуме Правления СЕПГ 4 октября 1949 г. председатель СЕПГ Вильгельм Пик заявил: «Мы долго обдумывали, следует ли нам выступить с предложением об образовании правительства Германской Демократической Республики... Положение столь серьезно, что этот шаг стал необходим». Миллионы трудящихся советской оккупационной зоны на митингах и демонстрациях, в резолюциях и письмах в адрес СЕПГ и Немецкого народного совета требовали немедленно создать Германскую Демократическую Республику. Партии и массовые организации не могли не считаться с этим требованием миллионов. В письме, направленном в Немецкий народный совет, я от имени ССНМ выразил надежду, что незамедлительно будут предприняты шаги к созданию общегерманского правительства.

Перед нами стоял тогда вопрос: или укреплять антифашистско-демократический строй и планомерно продолжать революционные преобразования на пути к социализму, или отказаться от антиимпериалистических, демократических завоеваний и допустить реставрацию монополистически-капиталистического строя. Вполне естественно, что мы решили этот вопрос в пользу первого и создали наше рабоче-крестьянское государство. Это отвечало требованиям эпохи широкого перехода от капитализма к социализму. В то же время это был единственно возможный ответ на раскол Германии стремившимися к реставрации контрреволюционными силами германского и международного монополистического капитала. Памятуя уроки нашего столетия, в течение которого германский империализм дважды развязывал опустошительные мировые войны, мы ставили целью создать такое государство,

в котором раз и навсегда будут уничтожены социально-экономические, политические и духовные корни империализма, милитаризма и фашизма. Власть должна находиться в руках трудового народа, а высшим внешнеполитическим принципом должны быть мир и дружба между народами.

7 октября 1949 г. в Берлине под председательством Вильгельма Пика собрался Немецкий народный совет. По предложению СЕПГ, других партий блока и массовых организаций Народный совет был преобразован во Временную народную палату Германской Демократической Республики. Депутаты объявили вступившей в силу утвержденную 3-м Немецким народным конгрессом конституцию. Она закрепила результаты антифашистско-демократических преобразований со времени освобождения от фашизма. Революционные завоевания стали конституционными принципами: осуществление государственной власти рабочим классом в союзе с трудовым крестьянством и другими трудящимися, лишение власти монополистического капитала и крупного землевладения, существование народного сектора в народном хозяйстве, роль профсоюзов как крупнейшей классовой организации трудящихся, право на труд и образование, равноправие женщин и сорбского национального меньшинства. Конституционными принципами стали и провозглашенные в 1946 г. «Основные права молодого поколения». Впервые в немецкой истории конституция гарантировала молодежи с 18 лет неограниченное право участия в государственной жизни, право на труд, на образование, на отдых и радость.

Как и для всех участников исторического акта провозглашения ГДР, он был для меня волнующим событием. Становилось действительностью то, за что издавна вели борьбу революционное немецкое рабочее движение, лучшие сыны нашего народа.

Согласно конституции кандидатуру на пост премьер-министра выдвинула самая крупная фракция Народной палаты. СЕПГ предложила на этот пост Отто Гротеволя, председателя СЕПГ. Ему было поручено сформировать правительство.

По поручению правительства СССР Главноначальствующий СВАГ генерал армии В. И. Чуйков передал 10 октября 1949 г. государственным органам ГДР функции управления, выполнявшиеся до сих пор Советской Военной Администрацией. Этот шаг КПСС и Советского правительства явился новым проявлением интернационалистской политики в отношении немецкого народа.

11 октября 1949 г.— один из незабываемых дней в моей жизни. Он ярко осветил огромные перемены, происшедшие на востоке Германии после победы Советской Армии и ее союзников над гитлеровским фашизмом.

Я помню все до мельчайших подробностей. День начался с совещания руководящих работников в Центральном совете ССНМ. Нас волновало множество вопросов. Ведь в Берлин, столицу на-

шей только что созданной республики, на общую манифестацию должны были приехать сотни тысяч юношей и девушек, отличившихся в ходе антифашистско-демократических преобразований и становления нашего единого союза молодежи. Прибудут ли они в Берлин вовремя, несмотря на все еще случавшиеся перебои в работе транспорта? Какое у них настроение?

Через несколько часов, направляясь на совместное заседание Временной народной палаты и Временной палаты земель, мы уже почувствовали атмосферу ожидания. В различных районах города нам встречались юноши и девушки в голубых блузах со стягами ССНМ, на которых сияло изображение восходящего солнца. Транспарантами и здравицами они приветствовали образование ГДР. Выступали группы самодеятельности, звучали новые молодежные песни, особенно часто: «Строй, строй! Свободная немецкая молодежь, строй! Мы строим родину, наше светлое будущее». Это укрепило во мне уверенность, что работа, которую мы осуществили в первые годы, дала хорошие плоды. Я подумал тогда: молодежь, которая так поет, чувствует — происходит что-то, имеющее решающее значение для ее будущего.

Вспоминая этот день, я вновь испытываю ту большую радость, которую ощутили мы все, когда Вильгельм Пик был единодушно избран президентом ГДР. Под бурные аплодисменты от имени всех членов высшего народного представительства самый молодой депутат Маргот Файст, член фракции ССНМ, поздравила Вильгельма Пика с избранием на высокий пост.

В речи по случаю вступления на этот пост первый президент ГДР заявил: «Сегодня мы стоим на поворотном пункте нашей истории. Благодаря неустанной работе прогрессивных сил немецкого народа и благородной помощи, оказанной нам Советским правительством, мы предпринимаем первые самостоятельные государственные шаги. Путем сознательного, лояльного и дружественного сотрудничества мы должны доказать, что мы в состоянии решать исторические задачи и со временем сможем предстать перед судом истории».

Когда день уже клонился к вечеру, мы отправились на площадь Август-Бебельплац. На том историческом месте на Унтер-ден-Линден, где в ноябрьские дни 1918 г. матросы народной морской дивизии и революционные рабочие, выступая на стороне Карла Либкнехта и Розы Люксембург, боролись за социалистическую германскую республику, 30 лет спустя собралось около миллиона берлинцев и трудящихся из всех частей республики. Вместе с 200 тыс. посланцев ССНМ они праздновали избрание бывшего столяра коммуниста Вильгельма Пика президентом республики и демонстрировали свою тесную связь с первым немецким государством рабочих и крестьян. Вечером в Берлине состоялись митинг и демонстрация, самые крупные после окончания войны. Лица людей выражали надежду и уверенность. Люди скандировали: «Да

здравствует Германская Демократическая Республика!», «Мы построим наше будущее!», «Благодарим Советский Союз!», «Рабочие защитят свою республику!»

Трибуна, на которую сопровождаемые овацией десятков тысяч участников митинга поднялись Вильгельм Пик и другие представители рабоче-крестьянского государства, была украшена красными и черно-красно-золотистыми флагами и цветами. Куда ни кинь взор, всюду пылали факелы, освещавшие вечернее небо. Прозвучал гимн демократической молодежи, и обер-бургомистр Берлина Фридрих Эберт открыл митинг. Его речь неоднократно прерывалась здравицами: «Да здравствует наш Вильгельм Пик!» Мне, как председателю ССНМ, было поручено принести в этот час Вильгельму Пику «Клятву молодежи», которая заканчивалась словами: «Мы, немецкая молодежь, клянемся в верности Германской Демократической Республике, которая несет молодежи мир и светлую жизнь... Мы хотим быть строителями нашего государства мирного труда и боевого гуманизма!»

Вильгельм Пик в короткой речи взволнованно поблагодарил всех собравшихся. Демонстрацию открыли представители ССНМ из Берлина и Саксонии. Они несли транспарант с надписью: «Да здравствует Германская Демократическая Республика!» Кульминационным моментом явилось прохождение торжественным маршем тысяч юных пионеров в синих галстуках. Аплодисментами были встречены тысячи членов ССНМ из различных земель ФРГ, которые шли в рядах демонстрантов под лозунгом: «Молодежь Западной Германии приветствует Германскую Демократическую Республику!»

Прошло почти три часа, и настроение вновь достигло кульминации. Республику приветствовали представители Немецкой народной полиции. В их рядах я увидел немало функционеров союза молодежи, которые сочли своим личным долгом защищать наше молодое государство с его первых дней от любых посягательств. В завершение демонстрации зазвучала старая рабочая песня «Смело, товарищи, в ногу!»

Помню, что на трибуне были и зарубежные гости. Среди них находились представители военных миссий, а также зарубежной прессы. То, что происходило перед их глазами, вызвало у некоторых крайнее удивление. Слышались вопросы: «Как стало возможным, что молодежь, которую так активно использовал в своих преступных целях и вводил в заблуждение фашизм, всего лишь через несколько лет, прошедших после 1945 г., стала с таким энтузиазмом поддерживать новую жизнь, Германскую Демократическую Республику?»

Для нас, кто со дня основания ССНМ по поручению СЕПГ постоянно работал среди молодежи, этот вопрос прежде всего подтверждал принципиальную позицию коммунистов: полностью доверять молодежи, активно вовлекать ее в процесс общественных

преобразований. Эта позиция оказалась жизнеспособной, более того, жизненно необходимой. В декабре 1945 г. Вильгельм Пик на упоминавшейся встрече с представителями антифашистских молодежных комитетов с полным правом разъяснял нам: коммунисты в своем отношении к молодежи всегда исходят из того, что ее необходимо привлечь на сторону марксизма-ленинизма, любви к людям и человеческого счастья, на сторону мира и свободы для людей. И если воспитанная в этом духе молодежь будет чувствовать свою ответственность, она в своем большинстве будет готова бороться за стоящие перед ней цели.

В годы антифашистско-демократических преобразований участвовавшие в этом факельном шествии юноши и девушки поняли новый смысл жизни. Они были живыми свидетелями того, как силами народа и с помощью Советского Союза шаг за шагом ликвидировались последствия войны и улучшались условия жизни трудящихся.

Отношение подавляющего большинства молодежи к ГДР определялось не в последнюю очередь тем, что она принимала непосредственное участие в подготовке создания этого государства. Со дня своего основания ССНМ вовлек в строительство новой жизни сотни тысяч юношей и девушек. К моменту образования ГДР союз молодежи объединял в своих рядах более 900 тыс. человек. С убежденностью и с молодым задором они боролись за укрепление антифашистско-демократического строя, за осуществление основных прав молодого поколения и за его воспитание в духе мира, гуманизма и дружбы между народами.

Важной предпосылкой для образования ГДР являлось создание прочной социально-экономической и материально-технической основы рабоче-крестьянского государства. Но это можно было осуществить только при условии роста производства и повышения производительности труда на народных предприятиях. И единственным путем здесь было воспитание у всех трудящихся, особенно у молодежи, нового отношения к труду. Поэтому я выступал в СЕПГ за то, чтобы все руководящие органы партии и партийные организации активно работали с молодежью, пробуждая у нее энтузиазм и интерес ко всему новому, развивали в ней готовность к труду, направляли ее на главные участки демократического строительства новой жизни.

Главное внимание Центральный совет ССНМ уделял активизации деятельности первичных организаций ССНМ на народных предприятиях. Нужно было довести до сознания всех рабочих, а также и молодежи, что, став хозяевами народных предприятий, они теперь кровно заинтересованы в увеличении производства, в росте производительности труда, в умножении народной собственности.

Противники антифашистско-демократических преобразований всеми средствами стремились содействовать широкому распростра-

нению бытовавшего тогда среди населения мнения: «Сначала больше есть, затем больше работать». Но из этого порочного круга имелся лишь один выход: сначала больше производить, а потом лучше жить. Это мы и поставили во главу угла. Чтобы привлечь на нашу сторону прежде всего молодых рабочих, я предложил создать группы молодых активистов и молодежные рабочие бригады сначала в промышленности, а затем и в сельском хозяйстве. Я также предложил, чтобы члены союза молодежи возглавили зародившееся в 1947 г. движение активистов и соревнование трудящихся. Многие группы активистов и бригады зажигали своим энтузиазмом других юношей и девушек, пробуждая в них стремление последовать их примеру. В начале 1948 г. мы насчитывали уже 450 групп молодых активистов и почти 4 тыс. молодых активистов.

В январе 1948 г. Центральный совет ССНМ по моему предложению принял решение созвать слет молодых рабочих народных предприятий с целью обобщения их опыта и расширения движения активистов. Он состоялся 10—11 апреля 1948 г. в Цайце и вошел в историю ССНМ и ГДР как первый слет молодых активистов. На этом слете выступили с речами председатель СЕПГ Отто Гротеволь и его заместитель Вальтер Ульбрихт. Я в своем выступлении призвал молодежь превратить движение активистов в массовое движение молодежи: «На обломках старого мира, где рабочий был низведен до положения нещадно эксплуатировавшегося раба, молодежь Восточной Германии начинает строительство новой жизни. Здесь перед нашей трудовой молодежью впервые в истории открылись широкие возможности стать активной, созидательной, творческой силой в политической и общественной жизни. Мы думаем, что если начатая нами работа будет продолжена с подъемом и энтузиазмом, то движение молодых активистов станет поистине массовым движением трудовой молодежи Германии».

Год спустя — не в последнюю очередь под влиянием трудового подвига Адольфа Хеннеке 13 октября 1948 г.— число молодых активистов возросло уже до 20 тыс. человек. Я беседовал со многими молодыми рабочими на предприятиях, подбадривая их и убеждая брать шефство над важными народнохозяйственными объектами. Мы хотели, чтобы молодежь быстрее обрела уверенность в своих силах, расправила крылья и на собственном опыте убедилась в преимуществах коллективного труда. Это было особенно важно в связи с переходом в советской оккупационной зоне к центральному планированию экономики и разработкой двухлетнего плана на 1949—1950 гг., а также ввиду все еще напряженного положения в экономике. Поэтому Центральный совет ССНМ призвал молодежь возглавить борьбу за выполнение плана и взять на себя дополнительные обязательства.

Можно было бы привести много примеров того, как росла тогда готовность молодежи участвовать в строительстве новой жизни.

Приведу лишь два-три таких примера. Многие молодые рабочие, учащиеся и студенты, преимущественно члены союза молодежи, последовали призыву Центрального совета ССНМ в конце 1948 г. и приняли добровольное участие в работах по сооружению водовода длиной 5 *км* от реки Заале и до «Максхютте» в Унтервелленборне, нашего единственного тогда металлургического комбината. Под лозунгом «Максу нужна вода» эта задача была решена молодежью за 90 дней напряженного труда. 1 апреля 1949 г. водовод был введен в строй, благодаря чему значительно увеличилось производство чугуна и стали.

В начале апреля 1949 г. тысячи членов ССНМ по призыву Центрального совета приняли участие в сооружении в Рудных горах водохранилища на реке Зоза, предназначавшегося для снабжения близлежащих городов и деревень питьевой водой. Члены союза молодежи с энтузиазмом подхватили мое предложение взять шефство над сооружением плотины и водохранилища на реке Зоза, объявив его первой центральной молодежной стройкой. С тех пор многие важные для народного хозяйства объекты объявлялись молодежными стройками. Работая на них, молодое поколение развивало инициативу, пробовало свои творческие силы. Но самое главное то, что работа на центральных молодежных стройках содействует накоплению молодежью опыта и знаний, позволяющих ей справляться с более ответственными задачами в государственном и хозяйственном строительстве, во всех областях общественной жизни. Из рядов строителей, работавших на подобных центральных молодежных стройках, вышли многие партийные, государственные и хозяйственные руководители.

В сельском хозяйстве инициаторами движения молодых активистов стали молодые трактористы; осенью 1948 г. мы создали народные машинопрокатные станции для поддержки бедняков и середняков. Центральный совет призвал: «Члены ССНМ — на тракторы!» Уже к середине мая 1949 г. около 4600 молодых людей приступили к работе на машинопрокатных станциях. 11 октября 1949 г., в дни, когда создавалось наше государство, Бруно Кислер — тогда он был членом ССНМ — положил начало движению активистов в сельском хозяйстве.

Молодежь шла в первых рядах строителей новой жизни. Своим творческим трудом она прокладывала путь к созданию ГДР.

Молодое поколение участвовало не только лишь в производстве. Мы понимали, насколько обогащают духовную жизнь культура, литература и искусство, сколь глубокое влияние они оказывают на формирование гуманистического, обращенного к прогрессу сознания, как облагораживают они чувства. Поэтому правление СЕПГ с самого начала уделяло значительное внимание этой стороне работы с молодежью. Нас поддерживали такие выдающиеся писатели и деятели культуры, как Иоганнес Р. Бехер, Бертольт Брехт, Вилли Бредель, Курт Бартель («Куба»), Ян Копловиц,

Вольфганг Лангхофф, Эрнст Легаль, Ганс Мархвица, Отто Нагель, Анна Зегерс, Густав фон Вангенхейм, Фридрих Вольф. Литературные произведения Максима Горького, Владимира Маяковского, Александра Пушкина, Михаила Шолохова, Льва Толстого, Алексея Толстого, Николая Чернышевского, Луи Арагона, Даниэля Дефо, Чарлза Диккенса, Говарда Фаста, Джона Голсуорси, Джозефа Редьярда Киплинга, Джека Лондона, Германа Мелвилла, Эптона Синклера, Уильяма Шекспира, Роберта Льюиса Бальфура Стивенсона, Джонатана Свифта, Марка Твена, Уолта Уитмена, Оскара Уайльда и других представителей мировой литературы помогли многим молодым людям вновь обрести смысл в жизни. Первые фильмы созданной в мае 1946 г. Германской акционерной кинокомпании (ДЕФА), такие, как «Убийцы среди нас» и «Брак в тени», помогали нам вести успешную борьбу с недавним прошлым. Большое влияние на сознание молодежи оказывали книги «Как закалялась сталь» Николая Островского и «Белеет парус одинокий» Валентина Катаева.

Чтобы еще более оживить культурно-воспитательную работу союза молодежи, Центральный совет ССНМ и издательство «Нойес лебен» провели в середине октября 1948 г. встречу писателей. В ней приняли участие 68 авторов и более 200 юношей и девушек, в том числе много молодых активистов. Я обратился к писателям с пожеланием, чтобы они шире освещали проблемы молодежи, отображали ее борьбу за новую жизнь. Это было необходимо, чтобы будить в молодежи стремление к активному труду, мобилизовать ее на выполнение экономических планов, чтобы вселять в нее здоровый оптимизм, основанный на реальностях жизни. Лучше всего этого можно было достигнуть через книгу, кинофильм, театральную постановку и газетный фельетон. Фридрих Вольф советовал писателям идти к молодежи на предприятия и в школы, чтобы увидеть своими глазами, как пробивает себе там путь новое.

По случаю 200-летия со дня рождения Иоганна Вольфганга Гёте ССНМ провел 21—22 марта 1949 г. в Национальном театре в Веймаре фестиваль немецкой молодежи. Характеризуя отношение нашего молодежного союза к наследию Гёте, я отметил, что наш Союз свободной немецкой молодежи не случайно стал организатором этого мероприятия — он первым предоставляет деятелям культуры возможность познакомить с Гёте подрастающее поколение. В борьбе за привлечение немецкой молодежи к идеалам демократии и мира, за ее приобщение к передовому немецкому и зарубежному культурному наследию Союз свободной немецкой молодежи, сказал я, хорошо понимает важность знания творчества Гёте.

Отто Гротеволь рассказал о жизни и творчестве великого немецкого гуманиста. В своем докладе, лейтмотивом которого он избрал слова поэта о «наковальне и молоте», он обратился к мо-

лодежи с призывом овладевать идеями гуманизма и последовательно претворять их в жизнь. «Немецкая молодежь,— призвал он,— ты должна подняться или погибнуть. Ты должна восторжествовать над темными силами прошлого, которые злоупотребляли твоим доверием и вели тебя от катастрофы к катастрофе. Ты должна обрести свою свободу, свое будущее, свою независимость и свой мир... Ты должна быть не наковальней, а молотом!»

Об этом выборе и шла речь в исторические дни октября 1949 г. Все прежние немецкие государства воспитывали и использовали молодежь для служения кучке эксплуататоров и угнетателей, для того, чтобы проливать кровь на полях войны ради их интересов. Молодежь страстно желала, чтобы наше новое государство проводило политику, отвечавшую ее интересам, чтобы оно не допустило новой войны, чтобы оно в корне изменило ее жизнь к лучшему и дало ей возможность взять свою судьбу в собственные руки.

То, о чем мечтали многие в нашей стране, среди них и представители молодого поколения, стало действительностью 12 октября 1949 г. Премьер-министр Отто Гротеволь изложил в Народной палате правительственную программу. Это была программа труда во имя восстановления экономики и социальной обеспеченности, демократии и общественного прогресса, программа борьбы за мир, дружбу и сотрудничество с Советским Союзом, странами народной демократии и всеми миролюбивыми народами. Более чем тридцатилетнее существование ГДР свидетельствует о том, что мы полностью осуществили наши принципы и цели. Прочной основой этого стало наше государство рабочих и крестьян.

Выступая 12 октября 1949 г. перед высшим органом народной власти, депутатом которого являюсь со дня основания ГДР, я от имени молодежи заявил о нашей поддержке правительственного заявления. Я выразил также убеждение в том, что принципы и цели политики правительства отвечают жизненным интересам нашего народа. В истории нашей страны не было еще примера такого единства интересов народа и правительства. Поэтому я уверенно заявил, что в лице правительства Гротеволя молодое поколение имеет надежного защитника своих интересов, что Союз свободной немецкой молодежи всегда будет на стороне этого правительства.

14 октября 1949 г. Центральный совет ССНМ обсудил новые задачи на период после образования ГДР. В начале нашего заседания я с большой радостью приветствовал приехавшего к нам Вильгельма Пика. Участники заседания восторженно приветствовали мое предложение избрать его почетным членом и почетным председателем ССНМ. «Мы убеждены,— сказал я,— что тот факт, что во главе государства стоит такой человек, как Вильгельм Пик, имеет огромное значение. Вильгельм Пик является для всех нас не только примером и наставником молодого поколения,

не только нашим другом и помощником, Вильгельм Пик воплощает в себе здоровые и положительные традиции немецкого народа».

Заметно взволнованный, Вильгельм Пик в ответ на избрание его почетным председателем ССНМ сказал: «Что значит Союз свободной немецкой молодежи в жизни нашего народа, неоднократно в полную меру проявлялось во время различных крупных событий... В памятный вечер 11 октября на Унтер-ден-Линден Союз свободной немецкой молодежи продемонстрировал свою причастность к тому, что происходило в те дни. Так должно быть и впредь. Мы хотим, чтобы Союз свободной немецкой молодежи стал для нас прочной опорой в решении стоящих перед нами задач, а это большие задачи».

Сегодня, под свежим еще впечатлением от празднования 30-й годовщины Германской Демократической Республики, могу с чистой совестью сказать, что образование ГДР знаменовало собой победное шествие социализма и мира на немецкой земле. Конечно, тогда многие в нашей стране и за ее пределами еще не полностью осознавали историческое значение этого события. Как охарактеризовал его Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин в телеграмме правительству ГДР от 13 октября 1949 г., «образование Германской демократической миролюбивой республики является поворотным пунктом в истории Европы». Это было подтверждено событиями трех истекших с того времени десятилетий. ГДР стала подлинной родиной для народа, важным фактором мира, безопасности и общественного прогресса в Европе.

Создав ГДР, мы успешно идем вперед по пути, проложенному поколениями лучших сынов и дочерей немецкого народа, революционеров, гуманистов и демократов, по пути, за который они вели мужественную, стоившую немалых жертв борьбу во имя счастливого будущего. Этот путь открылся нам в результате разгрома фашизма. Мы использовали исторический шанс, предоставившийся нам весной 1945 г. благодаря освобождению Германии Советским Союзом и другими державами антигитлеровской коалиции. В ГДР нашло свое воплощение то, за что боролись и отдали свою жизнь немецкие антифашисты в подполье, тюрьмах и концентрационных лагерях, в эмиграции и на других фронтах борьбы против нацистского варварства и войны. Завещанное ими дело находится в надежных руках.

14. Вместе с молодежью за социализм и мир

Со дня образования Германской Демократической Республики ее характеризовало тесное единение государства и молодежи, правительства и молодого поколения. Одним из первых законов Народной палаты был внесенный Вальтером Ульбрихтом 8 февраля 1950 г. закон о молодежи, или, как он назывался, Закон об участии молодежи в строительстве ГДР и о содействии молодежи в учебе и в труде, в спорте и на отдыхе. Как председатель молодежного комитета Народной палаты, я с легким сердцем и чистой совестью призвал депутатов одобрить его. Этот закон закреплял и расширял «Основные права молодого поколения», за которые боролся ССНМ.

Он отличался от небезызвестных в капиталистических государствах форм «поощрения молодежи» тем, что в нем предусматривались не единичные меры развития, а на молодое поколение возлагалась самая широкая ответственность за наше общее дело. Эта политика не только была в интересах молодежи. Она и осуществляться должна была при самом непосредственном участии молодежи. ССНМ получил право проявлять инициативу во всех областях общественной жизни. Большие права и обязанности означали также новые, более высокие требования к собственному труду.

Прошло уже три десятилетия, и я могу сказать, что линия на оказание доверия молодежи полностью себя оправдала. Эта линия была также положена в основу второго закона о молодежи, принятого Народной палатой по предложению СЕПГ в мае 1964 г. Теперь у нас действует уже третий закон о молодежи, в основу которого положен этот же принцип. Молодежь ГДР достойно проявила себя в сложнейших ситуациях и выдержала самые трудные испытания. Многим гражданам нашей страны, ведущим сегодня большую работу на постах государственных и хозяйственных руководителей, функционеров партии и массовых организаций, ставшим учеными и деятелями культуры, первый закон о молодежи открыл путь для полного раскрытия их талантов и способностей в соответствии с их личными наклонностями на пользу всему обществу.

Наша Народная палата проявила заботу и о правах женщин и охране материнства. Она позаботилась об улучшении социального положения сельскохозяйственных рабочих. Сегодня, когда почти во всех капиталистических странах свирепствует безработица, а их правящие круги и союзы предпринимателей приводят множество объяснений отсутствию там гарантированного права на труд, тем более значительным завоеванием представляется наш первый закон о труде. Принятый 19 апреля 1950 г., в первый год

существования ГДР, этот закон гарантировал всем трудящимся рабочее место в соответствии с его способностями и возможностями, равную оплату за равный труд. В то время, в отличие от сегодняшнего дня, мы не испытывали недостатка в рабочей силе, а должны были создавать рабочие места. Одна из важнейших забот нашего молодежного союза состояла в том, чтобы каждый юноша и девушка могли освоить специальность и получить солидную профессиональную подготовку.

С созданием Германской Демократической Республики и первыми шагами нашего государства общественное развитие все в большей мере определялось возникавшими уже тогда элементами социализма. Революционный процесс перерастал в свой социалистический этап развития. За антифашистско-демократическими преобразованиями следовала социалистическая революция.

Этот переход был бы невозможен без создания рабоче-крестьянской власти, без итогов антифашистско-демократических преобразований, без помощи и защиты со стороны Советского Союза, без солидарности всего социалистического лагеря. Нам удалось осуществить его шаг за шагом, причем нам не пришлось вести борьбу против вооруженного сопротивления реакции. В своих «Принципах и целях» (1946 г.) СЕПГ взяла курс на революционное преобразование общества мирными средствами и демократическим путем. Это также происходило в острой классовой борьбе. В экономике продолжал существовать значительный частный сектор, от которого исходила опасность реставрации капитализма. Действовали силы, стремившиеся к восстановлению господства монополистического капитала. Они имели свою агентуру даже в центральном государственном и хозяйственном аппарате. Наша партия была готова применить различные формы борьбы для продолжения революционных преобразований, в том числе и методы вооруженного насилия, если буржуазия пошла бы на нарушение принципов демократии.

В лице ФРГ нам противостояло государство, правящие круги которого считали, что развал ГДР или ее насильственное присоединение к Западной Германии в результате внутренних кризисов — всего лишь вопрос времени. Вначале ГДР не признавало ни одно государство кроме социалистических. Сильное давление на ГДР оказывали западные державы, прибегая к дипломатической блокаде, пытаясь ее изолировать, поставить под сомнение ее суверенитет и даже само существование. Конечно, мы с самого начала опирались на социалистические страны. Нас также поддерживали многие друзья во всем мире, прежде всего коммунистические и рабочие партии и другие прогрессивные силы. Но они не определяли правительственную политику своих государств. ГДР пошла по своему пути, располагая значительно менее благоприятными исходными экономическими позициями, чем ФРГ. Благодаря упорному труду ее граждан она заняла достойное место в

ряду наиболее развитых индустриальных государств мира и в сообществе миролюбивых народов.

III съезд СЕПГ, состоявшийся 20—24 июля 1950 г., дал всестороннюю оценку обстановки и определил курс нашей партии и страны на новом этапе развития. Он подчеркнул большую ответственность ГДР в борьбе за мир, указав на серьезную опасность планов ремилитаризации ФРГ. Этому следовало противопоставить демократическую борьбу всех патриотов за единое, миролюбивое, прогрессивное немецкое государство, как это предусматривалось в Потсдамском соглашении. На съезде партии был принят первый пятилетний план на 1951—1955 гг., определены направления и масштабы народнохозяйственного и всего общественного развития республики в первой половине 50-х годов. План исходил из необходимости создания основ социализма. Два года спустя, в июле 1952 г., на 2-й партийной конференции СЕПГ было заявлено, что построение основ социализма стало центральной задачей.

Для меня III съезд СЕПГ стал во многих отношениях значительным событием. На первом пленуме избранного на нем Центрального Комитета 25 июля 1950 г. я стал кандидатом в члены Политбюро. Мне было 38 лет, я был самым молодым в коллективе руководителей рабочего класса, куда входили председатели СЕПГ Вильгельм Пик и Отто Гротеволь, Генеральный секретарь ЦК Вальтер Ульбрихт, члены Политбюро, заслуженные деятели партии Франц Далем, Фридрих Эберт, Герман Матерн, Фред Эльснер, Генрих Рау, Вильгельм Цайсер, кандидаты в члены Политбюро Антон Аккерман, Ганс Ендрецкий, Эрих Мюккенбергер и Элли Шмидт. Со всеми этими товарищами меня связывали многие годы совместной политической деятельности. Мы вместе участвовали в борьбе против фашизма. В прошлом члены КПГ и СДПГ, после освобождения от фашизма мы все пошли по единому пути антифашистско-демократических преобразований, по пути, приведшему к созданию Германской Демократической Республики. В этой борьбе мы росли и обретали зрелость. Здесь, в этом коллективе, сливался воедино опыт, накопленный на самых различных участках борьбы, в разных сферах политической, экономической и культурной жизни.

Работа в Политбюро была для меня задачей, намного превышавшей ту меру ответственности, которую я нес до этого,— ведь здесь обсуждались и решались политические вопросы в их совокупности. Отныне я являлся членом руководящего коллективного органа, в обязанности которого в условиях социализма входят всесторонний анализ политической обстановки, оценка имеющихся возможностей, подготовка и принятие решений по принципиальным стратегическим и по многим другим актуальным вопросам.

Став кандидатом в члены Политбюро, я остался председателем ССНМ, функции которого по-прежнему были моей первооче-

редной задачей. С принятием первого пятилетнего плана экономические инициативы ССНМ стали приобретать в нашей деятельности все большее значение. Мы хотели привлечь всю молодежь к сознательному участию в строительстве социализма.

Самым эффективным вкладом ГДР в обеспечение мира в Европе было укрепление экономического фундамента республики. Экономическая слабость и политическая уязвимость государства рабочих и крестьян лишь подбодрили бы империалистических авантюристов, стремившихся как можно скорее стереть ГДР с политической карты мира. В то же время мы считали своим первостепенным долгом, чтобы после многих лет войны, голода и лишений постоянно улучшались условия труда и жизни, социальное обеспечение трудящихся нашей страны. Основой и залогом этого был напряженный труд.

Будучи в прошлом составной частью единого хозяйственного организма, экономика ГДР все еще была тесно связана с ФРГ и поэтому поначалу в значительной мере зависела от импорта из ФРГ сырья, машин, оборудования, полуфабрикатов и запасных частей. Произошло то, с чем пришлось столкнуться всем социалистическим государствам и что регулярно повторяется, когда страна вступает на путь социального прогресса. Империализм усилил экономическую блокаду ГДР, стремясь нанести ей максимальный экономический ущерб. Такие попытки шантажа в отношении ГДР исходили прежде всего от ФРГ. В первом полугодии 1951 г. она сократила объем торговли с ГДР до 200 млн. марок. Ко второму полугодию 1952 г. он составлял всего лишь 9 млн. Это была мизерная часть товарооборота, осуществлявшегося перед второй мировой войной между территориями, входящими ныне в состав ГДР и ФРГ. В прошлом этот товарооборот составлял 6—8 млрд. марок.

Большой ущерб был нанесен ГДР вследствие переманивания ученых, преподавателей высших и специальных учебных заведений, а также квалифицированных рабочих. Конечно, кое-кто из тех, кто покидал ГДР, имел на это свои политические причины. Нередко они крылись в фашистском прошлом, в стремлении к наживе, удовлетворение которого у нас исключено, в буржуазных взглядах на жизнь, в неприятии или непонимании наших социалистических целей. Имели место, правда, и некоторые промахи со стороны тех или иных государственных органов. Наши противники по ту сторону государственной границы не жалели средств, чтобы «обескровить» ГДР. Немало людей было попросту сбито с толку, а кое-кто из «беженцев» искал более легкий и более быстрый путь к материальному благосостоянию, считая, что сможет найти его на Западе. Это в определенной степени соответствовало действительности, поскольку ФРГ располагала бóльшим экономическим потенциалом, получая к тому же кредиты по «плану Маршалла».

ССНМ продолжал хорошо зарекомендовавшую себя практику брать шефство над важными плановыми объектами, объявляя их молодежными стройками. Я часто бывал в гостях у юношей и девушек, участвовавших в строительстве металлургического комбината «Ост», самого крупного и важного объекта первой пятилетки, у учеников производственного обучения, работавших на молодежной стройке — сооружении высотного жилого дома в Берлине на Вебервизе, у строителей электростанции Траттендорф, над которой шефствовал ССНМ. Они всегда откликались и словом и делом на наши призывы, когда речь шла о борьбе с трудностями, о преодолении всяческих бюрократических препон, об улучшении наряду с организацией труда возможностей для культурного досуга и занятий спортом. В результате таких встреч у нас возникало немало ценных идей и предложений, которыми я делился с другими работниками нашего союза молодежи.

Мы все лучше овладевали искусством будить инициативу молодежи. Именно в борьбе за экономическое укрепление ГДР рабочая молодежь выступала как сила, определяющая характер нашего молодежного союза. Этому в значительной мере содействовал объявленный в ноябре 1950 г. СЕПГ и ССНМ поход за овладение наукой и культурой. По моему предложению Центральный совет учредил «Знак за хорошие знания», к получению которого с 1950 г. каждый год готовились многие члены ССНМ. Пришло время призвать членов союза молодежи к изучению марксизма-ленинизма. Для работников ССНМ, которые, как и я, вышли из среды революционной рабочей молодежи, не представляло большой сложности убедить других в том, сколь ценными являются научное мировоззрение, знание законов, по которым развиваются природа и общество. Об этом свидетельствовал и опыт многих более молодых товарищей, стремившихся к углублению своих знаний, чтобы, опираясь на них, уверенно строить социализм в нашей стране, формировать собственную жизнь. В апреле 1957 г. Центральный совет уже мог заявить о том, что Союз свободной немецкой молодежи превратился в социалистический союз молодежи.

Так же успешно развивалась и созданная 13 декабря 1948 г. детская организация при Союзе свободной немецкой молодежи — Союз юных пионеров. Своей заинтересованностью и задором юные пионеры опровергли всех скептиков, полагавших, что детей следовало бы оберегать от политики. Уже в середине 1949 г. Союз юных пионеров насчитывал 550 тыс. членов. Председателем пионерской организации с 1949 по 1953 г. была Маргот Файст. Она родилась и выросла в рабочей семье, ее отец с молодых лет был коммунистом и участвовал в антифашистском движении Сопротивления. В 1945 г. она вступила в ряды КПГ и с 1946 г. была функционером ССНМ.

На первом пионерском слете, проходившем с 18 по 21 августа 1952 г. в Дрездене, Герман Матерн, к моей большой радости, по

поручению Политбюро ЦК СЕПГ и в присутствии премьер-министра Отто Гротеволя и Розы Тельман, жены незабвенного вождя рабочего класса, присвоил пионерской организации обязывающее ко многому имя Эрнста Тельмана. Революционная молодежная политика нашей партии, основы которой были заложены Карлом Либкнехтом и развиты Эрнстом Тельманом, политика, за которую я всегда активно боролся, принесла богатые плоды. В те волнующие часы в Дрездене я убедился, что десятки тысяч собравшихся на свой слет подростков выполнят заветы Тельмана.

Вспоминая годы своей работы на посту председателя ССНМ, я думаю о массовых встречах молодежи — манифестациях решимости молодого поколения крепить свое рабоче-крестьянское государство, защищать мир, развивать дружбу с Советским Союзом, другими социалистическими государствами и прогрессивной молодежью всего мира.

В конце мая 1950 г. в Берлине состоялась всегерманская встреча молодежи. Это были полные радости, волнующие дни. Сотни тысяч юношей и девушек собрались в столице ГДР. Они прибыли сюда с хорошим настроением, выполнив свои производственные обязательства и добившись немалых успехов в учебе. Ими были собраны миллионы подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия.

27 мая 1950 г. в Берлине в помещении Вернер-Зееленбиндерхалле состоялся конгресс молодых борцов за мир, в котором приняли участие более 7900 делегатов, в том числе около 2 тыс. из ФРГ. Среди них были видные общественные деятели ГДР и из-за рубежа: Вильгельм Пик, Отто Гротеволь, Фридрих Эберт, Вальтер Ульбрихт, Макс Рейман, Роза Тельман, Анна Зегерс, Арнольд Цвейг, Илья Эренбург, секретарь ЦК ВЛКСМ В. И. Кочемасов, президент ВФДМ Ги де Буассон, генеральный секретарь ВФДМ Жак Дени. Конгресс открыл Стефан Хермлин. Задача конгресса состоит в том, сказал он, чтобы возвестить всему миру, что ничто не вдохновляет немецкую молодежь больше, чем идеалы мира.

28 мая 1950 г. 700 тыс. молодых борцов за мир приняли участие в одной из самых впечатляющих демонстраций. От имени участников демонстрации я заявил, что молодежь нашей страны никогда больше не поднимет оружие в защиту интересов империализма, что она никогда не выступит против своего освободителя — социалистического Советского Союза. В телеграмме И. В. Сталину посланцы миллионов юношей и девушек выразили решимость сделать все для запрещения атомного оружия, не щадить сил, чтобы сорвать преступные замыслы агрессивных кругов Запада, не допустить вновь, чтобы немецкий народ и его молодежь были втянуты в войну против Советского Союза и других социалистических государств, против прогресса. В телеграмме Центральному совету ССНМ И. В. Сталин ответил: «Благодарю за приветствие молодых немецких борцов за мир, участников Обще-

германского слета молодежи. Желаю германской молодежи, активному строителю единой демократической и миролюбивой Германии, новых успехов в этом великом деле».

Год спустя, 5—19 августа 1951 г., в столице ГДР состоялся III Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Все еще не оправившийся от тяжелых ран, нанесенных войной, Берлин принимал около 26 тыс. юношей и девушек из 104 стран мира. Вместе с ними в фестивале молодежи участвовали почти 2 млн. членов ССНМ и 20 тыс. юных пионеров, а также 35 тыс. юношей и девушек из Западного Берлина и ФРГ, где за полтора месяца до этого ССНМ был запрещен.

Трудно описать чувство радости и удовлетворения, с которыми мы восприняли предложение Совета Всемирной федерации демократической молодежи о проведении этого всемирного фестиваля в Берлине. Прошло всего лишь около пяти лет с тех пор, как немецкая молодежь, загнанная в гитлеровскую агрессивную армию, противостояла другим народам как враг и оккупант. На заседании Исполкома ВФДМ, утвердившем в ноябре 1950 г. решение о проведении III Всемирного фестиваля, я заявил: «Для немецкой молодежи предложение о проведении III Всемирного фестиваля в Берлине является еще одним проявлением со стороны федерации все возрастающей помощи немецкой молодежи и солидарности в ее борьбе за мир и демократическое воссоединение ее отечества на демократической основе... В этот час мы хотим искренне поблагодарить великий социалистический Советский Союз, открывший нашему народу и его молодежи путь в новое, светлое будущее. Мы хотим сказать искреннее спасибо славному комсомолу и его представителям в Совете нашей федерации, ибо без помощи комсомола наш Союз свободной немецкой молодежи не смог бы стать такой массовой организацией молодых немецких борцов за мир, которой под силу взять на себя столь ответственное и почетное поручение».

Нужно было видеть, с каким энтузиазмом члены ССНМ готовились принять у себя молодежь мира и продемонстрировать перемены, происшедшие в нашей стране после освобождения от фашизма. В августовские дни 1951 г. впервые в немецкой истории состоялась массовая встреча немецкой молодежи с молодежью из стран всех континентов не на поле боя, а в условиях мира и взаимопонимания между народами. Состоявшаяся манифестация международной солидарности произвела на многих неизгладимое впечатление. Восторженный прием был оказан молодежи Кореи, защищавшей свою родину от агрессии США. Любовью и радушием окружила молодежь нашего гостя, председателя КПГ Макса Реймана, неоднократно подвергавшегося в ФРГ преследованиям и арестам. Когда 15 августа более 100 тыс. молодых борцов за мир устроили демонстрацию в Западном Берлине, где господствует политическая система капитализма, им был преподнесен горький

урок. В результате учиненной полицией жестокой расправы было ранено 976 человек. Это также характеризует обстановку тех дней.

С III Всемирного фестиваля молодежи берет свое начало мое знакомство с Энрико Берлингуэром, он был в то время президентом ВФДМ, а теперь — генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии, с Жаком Дени, который был генеральным секретарем ВФДМ, сегодня он — член ЦК Французской коммунистической партии, с Раймондой Дьен, которую мы глубоко уважали за ее мужество — она помешала отправке транспорта с оружием для грязной колониальной войны против вьетнамского народа, с Юпном Ангенфортом, который возглавлял тогда Союз свободной немецкой молодежи в ФРГ и дерзкий побег которого из западногерманской тюрьмы наделал позднее много шума. Во время фестиваля я познакомился со многими преданными делу мира и прогресса товарищами и друзьями.

ССНМ всегда считал себя организацией молодых борцов за мир. В 1950 г. он провел соревнование под лозунгом «Готов к труду и защите мира» и «Вахту мира молодежи». Кое-кому в то время казалось, что мир и борьба — это несовместимые понятия, да и сегодня подобные взгляды еще можно встретить среди сторонников мира в различных странах. Я неоднократно излагал свое мнение о вооруженном насилии, о войне и мире. Оно обусловлено моим мировоззрением, а также моим жизненным опытом.

Мы, коммунисты, никогда не хотели и не хотим, чтобы планета наша ощетинилась оружием, чтобы люди жили в постоянной тревоге, под угрозой войны. К нашим коммунистическим идеалам относится мир — мир на пользу и на благо всем народам. Но мы не пацифисты, нам известны суть и законы классовой борьбы, из которых следует, что мир может быть завоеван только в результате чрезвычайных усилий, в борьбе против ожесточенного сопротивления враждебных сил.

Для меня самого необходимость надежной защиты революционных завоеваний и строительства социализма вытекала не только из марксистско-ленинского учения, понимание этой необходимости явилось также и результатом собственного опыта, накопленного в классовых схватках 20-х и 30-х годов, а убежденность в этом окрепла во время моего почти десятилетнего заключения в фашистской тюрьме. Я на себе испытал, что значит оказаться безоружным перед вооруженными до зубов реакционерами. Многие из тех, с кем вместе я боролся,— коммунисты, социал-демократы, члены Союза красных фронтовиков и социал-демократического «Железного фронта» — пали от пуль классового врага. Революционный процесс в нашей стране имел опасных противников как внутри страны, так и за ее пределами; они только и ждали своего часа. Поэтому мы не могли обойтись без органов охраны и безопасности.

Как и все товарищи в ЦК СЕПГ и его Политбюро, я исходил из того, что военный вопрос, проблемы обороны страны — это главные вопросы социалистической революции. Своей важнейшей задачей в союзе молодежи я считал претворение в жизнь принятых нами решений. Этого все более настоятельно требовала обстановка, складывавшаяся в начале 50-х годов,— она становилась все более угрожающей в ФРГ.

В то время мне часто задавали вопрос, не преувеличиваем ли мы эту угрозу, может быть, это все не столь опасно. Но поскольку виновники двух опустошительных мировых войн в нарушение Потсдамского соглашения восстанавливали в ФРГ свои экономические позиции и политическое господство, этого, естественно, нельзя было недооценивать или легкомысленно закрывать на это глаза. В условиях серьезного обострения международной обстановки — в Корее еще бушевала война — канцлер и ведущие партии этого государства объявили о своих притязаниях на единоличное представительство «всех немцев». Они выдвинули неприкрытые претензии к ГДР и другим социалистическим государствам, стремясь к пересмотру итогов второй мировой войны и призывая к «освобождению братьев и сестер в восточных областях». Если поначалу в ФРГ остатки фашистской военной машины были законсервированы, то уже вскоре началась форсированная ремилитаризация страны. С 1950 г. под руководством бывших фашистских генералов, таких, как Шпейдель, Хойзингер, началась более или менее открытая подготовка к созданию армии. Сегодня она, как известно, представляет собой самую мощную военную силу НАТО в Западной Европе.

Нам, партийным и государственным руководителям, было ясно, что ввиду такого развития событий недостаточно лишь только желать мира. Необходимо было предпринимать шаги для его сохранения и в случае необходимости защищать его с оружием в руках. Еще в марте 1949 г. Политбюро Правления СЕПГ решительно выступило против военной пропаганды и подготовки агрессии против Советского Союза. «В случае агрессии,— заявило оно,— немецкий народ должен бороться против агрессоров и поддержать Советскую Армию в достижении мира».

ССНМ всячески содействовал обеспечению вооруженной защиты ГДР. Речь шла прежде всего о привлечении молодежи к добровольной службе в формированиях народной полиции, которая в 1952 г. была преобразована в военизированную народную полицию на казарменном положении, в пограничной и транспортной полиции, в органах государственной безопасности. До января 1962 г. в ГДР, как известно, не было всеобщей воинской обязанности. Подавая пример другим, первыми в этом были многие функционеры ССНМ, в том числе члены и секретари его Центрального совета: Герхард Хайденрайх, Гейнц Кесслер, Вольфганг Райнгольд.

В то время мне нередко приходилось участвовать в длившихся порой до поздней ночи дискуссиях в первичных организациях ССНМ, на совещаниях функционеров, на встречах с молодежью. Хорошо помню, что это были всегда чрезвычайно поучительные и интересные дискуссии. В то время еще широко были распространены пацифистские настроения. Это была понятная реакция на вторую мировую войну с ее чудовищными разрушениями и потерями, с преступлениями фашистской армии. Дважды в течение жизни одного поколения господствующие силы использовали людей в своих преступных целях. Мы терпеливо разъясняли молодежи, что оружие оружию рознь, что все зависит от того, у кого оно в руках, во имя какой политики оно используется и для каких целей. Так мы разъясняли марксистско-ленинский взгляд по вопросу о войне и армии, отношение рабочего класса к военному вопросу, характер справедливых и несправедливых войн. Мы указывали и на то, что немецкий народ и немецкий рабочий класс также имеют свои прогрессивные военные традиции.

1 мая 1952 г. Вильгельм Пик заявил, что если ФРГ и три западные державы подпишут, как это планировалось, так называемый генеральный договор, то возникнет необходимость организации вооруженной защиты нашей родины. Почва для этого у нас была подготовлена. В конце мая 1952 г. IV парламент ССНМ принял решение об укреплении связи союза молодежи с подразделениями Немецкой народной полиции. Он подчеркнул необходимость развертывания широкой агитационной и пропагандистской работы по разъяснению роли и значения Немецкой народной полиции в вооруженной защите нашей республики. Как указывалось в решении парламента, задача состояла в том, чтобы разъяснить всем молодым трудящимся, что служба в вооруженных силах является почетной обязанностью молодых граждан нашей республики. Поэтому в их ряды следовало направить лучших представителей ССНМ. В отчете Центрального совета я заявил о поддержке предложения делегатов о создании добровольных обществ военно-спортивного характера. Они стали основой созданного в августе 1952 г. Общества содействия спорту и технике.

После провала агрессии против Корейской Народно-Демократической Республики империализм вновь резко усилил в Европе свои попытки отбросить социализм. Обострилась «холодная война». Наши противники открыто вели систематическую подготовку к «дню икс» — к контрреволюционному перевороту в ГДР. Действовавший в ФРГ «Совет по исследованию проблем воссоединения Германии» разработал детальные планы аннексии ГДР и восстановления на ее территории капиталистического строя. Используя Западный Берлин и открытые границы, они намеревались создать в ГДР такую обстановку, которая позволила бы спровоцировать контрреволюционный путч. На территории Западного Берлина значительно активизировались разведывательные центры и под-

польные группы. Действовавшие там и в самой ФРГ радиостанции обрушивали на ГДР потоки лжи и клеветы. В республику в большом количестве забрасывались пропагандистские материалы с призывами к подрывной деятельности. Участились случаи саботажа.

Враги ГДР спекулировали на трудностях, которые нам приходилось преодолевать в ходе строительства основ социализма. Тяжелое наследие войны и раскол империалистами Германии, сложные проблемы, возникавшие в процессе построения нового общества и необходимость его защиты,— все это обусловливало крайнюю напряженность экономического положения в стране. Капиталистические силы в ГДР все еще надеялись на восстановление своей власти и прежних имущественных отношений. Чтобы привлечь большинство населения на сторону социализма и открыть для каждого ясную перспективу, требовалось время. В целях ускорения темпов развития народного хозяйства и увеличения доли накопления партия и правительство приняли ряд постановлений долгосрочного характера. Они шли в том же направлении, что и принятые меры в области цен и налогов, и все это привело к ухудшению материального положения трудящихся. Ошибкой было прежде всего повышение административным путем норм выработки. Возникло недовольство среди рабочих, что привело к ухудшению отношения рабочих к своей партии и правительству.

В начале июня 1953 г. ЦК СЕПГ и Совет Министров ГДР наметили ряд мер с целью исправления ошибочных решений, стабилизации экономики и улучшения материального положения трудящихся. Но прежде чем эти меры дали эффект, противник нанес удар. 17 июня 1953 г. в Берлине и некоторых других городах ГДР была прекращена работа и начались демонстрации. Враги социализма использовали недовольство трудящихся, чтобы начать контрреволюционный путч, исподволь готовившийся и направлявшийся империалистическими разведывательными службами. Однако им не удалось спровоцировать задуманную ими «всеобщую забастовку». Убедившись в фашистском характере действий контрреволюционных провокаторов, рабочие отказались следовать их призывам. На многих предприятиях они решительно выступили против подстрекателей. Вмешались вооруженные органы ГДР, которых поддержали размещенные в ГДР советские вооруженные силы. Это сыграло решающую роль в быстрой ликвидации попытки спровоцировать путч. Потенциальный очаг кризиса, чреватого возникновением военных конфликтов в центре Европы, был устранен.

В те дни наиболее сознательные рабочие и другие трудящиеся еще теснее сплотились вокруг СЕПГ. Возникли боевые рабочие дружины. Как и все руководящие работники, я был тогда среди трудящихся. Так, 24 июня я выступил перед рабочими паровозостроительного завода им. Карла Маркса в Потсдаме-Бабельсберге.

Рассказав о причинах и целях попытки контрреволюционного путча, я разъяснил им наши выводы и меры, направленные на решение возникших проблем и улучшение материального положения трудящихся. Перед этой встречей я два дня беседовал со многими рабочими в цехах завода. Они делились со мной своими мыслями, высказывали свои предложения и пожелания. Эти беседы помогли мне разобраться в причинах их недовольства.

Самым важным во всей нашей деятельности мы считали необходимость неизменно исходить из тщательного анализа обстановки и реального соотношения сил, надежно обеспечивать тесные отношения взаимного доверия между партией и рабочим классом и в любое время быть готовыми предпринять необходимые шаги для защиты строительства социализма. В ходе обсуждения в Центральном Комитете и Политбюро событий 17 июня и выводов из них для нашей работы особое внимание было обращено на развитие внутрипартийной демократии, обеспечение коллективности руководства и на необходимость настойчивой работы по укреплению единства и сплоченности нашей партии.

В последующие годы в строительстве социализма в ГДР были достигнуты значительные успехи. Став с 1950 г. членом Совета Экономической Взаимопомощи, ГДР развивала устойчивые и выгодные внешнеэкономические отношения с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Благодаря этому она смогла обеспечить постоянный подъем своей экономики. Промышленное производство выросло с 1950 по 1955 г. почти в два раза, а в период с 1950 по 1960 г. оно увеличилось в три раза. Успехи напряженной работы нашли свое отражение в улучшении условий жизни и труда трудящихся, в расширении системы образования и улучшении здравоохранения. Фрида Хокауф, ткачиха одного из наших народных предприятий, выдвинула лозунг: «Как мы трудимся сегодня, так будем жить завтра». В этой доступной для каждого форме была сформулирована принципиальная экономическая взаимосвязь, принцип хозяйствования, которым мы руководствуемся и по сей день.

В деревне в 50-е годы крестьяне стали объединяться в сельскохозяйственные производственные кооперативы. Ремесленникам, лицам, занимающимся промыслом, и частным предпринимателям также были определены их место и перспективы в социалистическом обществе. При этом важную роль играло объединение ремесленников в ремесленные производственные кооперативы. В ГДР также по-прежнему имеется немало самостоятельных ремесленников, которые вносят свой вклад в обслуживание и снабжение населения, и государство поддерживает их.

Был найден путь к вовлечению в строительство социализма частных предпринимателей, а в 1950 г. 23,5% промышленного производства ГДР приходилось на мелкие и средние частные предприятия. Мы решили тогда предложить владельцам таких предприятий

финансовое участие социалистического государства, в результате чего они смогли увеличить свой вклад в развитие народного хозяйства. Сегодня можно сказать, что благодаря этому дела у них шли совсем не так уж плохо. Возникли многочисленные предприятия с государственным участием. В 1960 г. они давали еще 6,5% промышленной продукции нашей страны. Этими предприятиями руководили бывшие частные предприниматели, и они существовали вплоть до 1972 г. Бывшим владельцам этих предприятий была предоставлена возможность получить знания, необходимые для руководства социалистическим производством. В этом кроется причина того, что в 1972 г. они продали государству свои долевые паи. Но главная причина все же заключается в том, что свои личные интересы они все больше подчиняли нашим общественным целям. Большинство бывших частных предпринимателей стали директорами новых народных предприятий, и многие из них, если еще не ушли на пенсию, продолжают занимать эти посты.

Первое десятилетие существования ГДР было периодом строительства основ социализма. К началу 60-х годов в основном были решены задачи переходного периода от капитализма к социализму. В промышленности и сельском хозяйстве утвердились социалистические производственные отношения, и была создана материально-техническая база социализма.

15. Время учебы

В середине 50-х годов начался новый этап в моей политической деятельности. В конце мая 1955 г. V парламент Союза свободной немецкой молодежи освободил меня от обязанностей председателя Центрального совета ССНМ. Конечно, я по-прежнему самым тесным образом был связан с молодежью нашей страны, но мне пришлось расстаться с работой, которая была мне столь дорога.

Партия вновь предоставила мне возможность расширить свои знания, и я был рад этому. В конце августа 1955 г. я вместе с другими товарищами из партийного и государственного аппарата, а также из союза молодежи отправился на год в Москву на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Таким образом, я во второй раз отправился в страну Ленина для продолжительной учебы. Но как изменился облик мира со времени моей учебы в Ленинской школе в 1930—1931 гг.! На этот раз я прибыл в Москву из страны, где строился социализм.

Учеба означала для нас еще более глубокое осмысление закономерностей общественного развития, обобщенного опыта социалистического строительства. Нам хотелось всесторонне разобраться в том, как социалистическая мировая система и объединенные усилия стран социалистического содружества влияли на международные события, какие новые возможности открывались для их продвижения вперед. Движущие силы и преимущества социализма интересовали нас не чисто теоретически, а в практическом плане решения стоявших перед нами задач. Мы вновь изучали основополагающие труды Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина. Хотя мы все были уже не новички в области научного коммунизма, мы открывали для себя все новые, интересные идеи наших классиков, требовавшие осмысления с позиций сегодняшнего дня и содержавшие ценные указания для наших политических действий. Под руководством советских преподавателей, в тесном контакте с товарищами из других партий мирового коммунистического движения мы обогащали наши знания и опыт. В результате о многом создалось более четкое представление. Учеба укрепила мое убеждение в том, что марксистско-ленинскую теорию нельзя усваивать как абстрактную формулу, ибо это — живая наука, предназначенная для не менее жизненного применения. Мы, коммунисты, видим, что взаимосвязь науки и политики имеет принципиальное значение для победы нового общества и успешной борьбы рабочего класса за достижение своих целей. Ее нужно осваивать также и для того, чтобы не допускать субъективистских искажений и ошибок.

Позволю себе привести здесь некоторые соображения, высказанные мною в декабре 1971 г. в статье «Вопросы науки и политики в социалистическом обществе и опыт ГДР» для журнала «Проблемы мира и социализма»: «Как известно, социализм впервые в истории позволяет сознательно и планомерно регулировать общественные процессы, и именно поэтому политическое руководство обществом со стороны партии должно исходить из научных основ. Если партия принимает в расчет решающие факторы развития и тщательно учитывает взаимосвязи между различными сторонами жизни, она в состоянии направить творческую инициативу рабочего класса и всех трудящихся по правильному пути и полностью развернуть ее на благо народа...

Руководящая деятельность партии носит по своей сути политический характер и поэтому не может осуществляться исключительно на основе той или иной из специальных наук. Политика — это единство идейно-теоретической и практически-организаторской деятельности партии в руководстве общественным развитием при социализме. Она требует обоснования основных целей на том или ином участке движения, необходимого для этого анализа всех предпосылок и условий и, наконец, определения четкой программы в качестве руководства к действию...

Чем точнее политика учитывает интересы трудящихся и эффективней им служит, чем лучше люди ее понимают, тем мощнее становится поток массовой инициативы».

Если общество развивается по социалистическому пути, то необходимо проявлять большое внимание к науке и культуре и постоянно развивать их. Это, пожалуй, одна из труднейших задач, требующих длительного времени. Социалистическая культурная революция не является какой-то специфической потребностью лишь отсталых стран, которые должны преодолеть тяжелое колониальное наследие — безграмотность. Напротив, при переходе к социализму всегда возникает необходимость коренного преобразования всей духовной и культурной надстройки. Бережно сохраняя прогрессивное культурное наследие, необходимо создать условия для полного расцвета определяемой социалистическими идеалами национальной культуры и поставить науку на службу народу. Поэтому перед рабочим классом стоит задача осуществить свою руководящую роль также и в области науки и культуры. Марксизм-ленинизм становится господствующим мировоззрением.

Построив в ГДР основы социализма, мы также добились немалых успехов и в области культуры и науки. В значительной мере была преодолена пропасть между искусством и народом, существующая повсюду в капиталистических странах, была ликвидирована привилегия имущих на образование. Отмечу лишь подъем нашего высшего образования. Если в 1951 г. в ГДР насчитывалось 22 университета и вуза, то в 1960 г. их было уже 44. Число

студентов в 1960 г. по сравнению с 1951 г. возросло в три раза, составив почти 99 900 человек.

Некоторые ученые старшего поколения в свое время полагали, что господство рабочего класса и неограниченный доступ детей трудового народа к высшему образованию снизят уровень научной работы. Действительность полностью опровергла подобные прогнозы. Среди студенчества все больше возрастало число выходцев из рабочего класса и трудового крестьянства, они с большой серьезностью относились к учебе и добивались высокой успеваемости. Постепенно возникла новая, социалистическая интеллигенция. Она плодотворно сотрудничала с представителями старой интеллигенции, которые стали ее органической составной частью.

Обогащенный новыми впечатлениями и знаниями, я в июле 1956 г. вернулся в Берлин. Свою работу в Центральном Комитете и его Политбюро я возобновил в то время, когда обсуждались принципиальные вопросы дальнейшего развития ГДР. Мы уже могли исходить из того, что республика преодолела трудности первых лет. Благодаря большим трудовым достижениям трудящихся первый пятилетний план был выполнен. Победили социалистические имущественные отношения как определяющая социально-экономическая основа ГДР. Успехи в улучшении материального положения трудящихся все больше убеждали граждан ГДР в том, что мы находимся на правильном пути. Укреплялось сотрудничество партий и массовых организаций в Национальном фронте, которое все в большей мере способствовало решению общественных задач.

Но внешние условия нашей борьбы отнюдь не стали проще. После заключения в октябре 1954 г. Парижских соглашений ФРГ в мае 1955 г. стала членом созданного в мае 1949 г. Североатлантического союза (НАТО). Она не только форсировала свое вооружение — усилился и реакционный характер ее развития во внутриполитической области. Конкретным выражением этого явился запрет Коммунистической партии Германии, объявленный 17 августа 1956 г. после многолетнего процесса федеральным конституционным судом в Карлсруэ.

В первой половине 50-х годов мы во взаимодействии с патриотическими силами в ФРГ неоднократно обращались к президенту, бундестагу и федеральному правительству ФРГ с предложениями, направленными на поиски путей к объединению Германии на демократической основе и созданию миролюбивого и прогрессивного германского государства. Теперь шансов на осуществление такого курса становилось все меньше: правительство Аденауэра, опираясь на НАТО и выступая в качестве младшего партнера США, поставило своей целью пересмотреть «с позиции силы» результаты второй мировой войны. Федеральный канцлер не случайно открыто заговорил о том, что речь должна идти не об объе-

динении, а об «освобождении восточной зоны». Этот курс был чреват серьезной опасностью для мира в Европе.

Заключение Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в мае 1955 г. явилось событием большого исторического значения. Это был ясный и решительный ответ на все планы пересмотра результатов второй мировой войны и угрозы «стереть» социализм с лица земли. Этот договор укрепил также и безопасность Германской Демократической Республики, которая, являясь одним из основателей этого оборонительного пакта, обрела бо́льшую безопасность. Заметно улучшились условия для ее международной деятельности. В то же время ГДР приняла на себя обязательство: выступая вместе с Советским Союзом и другими государствами — участниками Варшавского Договора, вносить еще больший вклад в вооруженную защиту социализма.

Осенью 1956 г. я вновь приступил к своей деятельности в Центральном Комитете СЕПГ. Политическая обстановка была напряженной — в Венгрии подняла голову международная контрреволюция. Горечь и отвращение вызывали сообщения о зверствах и жестоких расправах, чинимых реакцией с венгерскими коммунистами и братьями по классу,— ведь мне пришлось на себе испытать жестокость фашизма. С тем большей радостью приветствовали мы образование Революционного рабоче-крестьянского правительства во главе с Яношем Кадаром. Объединив вокруг себя все прогрессивные силы, оно при поддержке советских войск защитило социалистические завоевания в Венгрии и вновь повело венгерский народ по пути строительства социализма.

В то время мы с большой энергией работали над укреплением ГДР. Многие признаки указывали на то, что у нас предпринимались попытки подбить на выступления колеблющиеся элементы, инспирировать беспорядки, провоцировать вооруженные столкновения. Когда классовый враг в октябре 1956 г. попытался вывести на улицы Берлина студентов Гумбольдтского университета, то достаточно было появления боевых рабочих дружин, чтобы все успокоилось. Даже лондонская «Таймс» была вынуждена тогда отметить, что твердость Германской Демократической Республики практически спасла мир.

В этой сложной обстановке в результате массированного давления противника и определенной растерянности, возникшей в рядах мирового революционного движения, заколебались даже некоторые члены руководства нашей партии. Хотя 3-я партийная конференция в марте 1956 г. четко ориентировала на последовательное продолжение строительства социализма в нашей республике, ставшей неотъемлемой составной частью мировой социалистической системы, эти люди считали, что нам следовало отступить в некоторых областях политики, экономики и идеологии.

На 30-м пленуме Центрального Комитета, состоявшемся 30 января — 1 февраля 1957 г., я выступил с отчетом Политбюро. Вместе с Вильгельмом Пиком, Отто Гротеволем, Вальтером Ульбрихтом, Фридрихом Эбертом, Герхардом Грюнебергом, Куртом Хагером, Бруно Лёйшнером, Германом Матерном, Эрихом Мюккенбергером, Альфредом Нойманом, Альбертом Норденом, Генрихом Рау, Вилли Штофом, Паулем Фернером, Гербертом Варнке и многими другими членами Центрального Комитета я отстаивал генеральную линию нашей партии на победу социалистической революции. Убежденный в том, что успех нашей социалистической политики зависел в сложившихся условиях прежде всего от марксистско-ленинского единства нашей партии, я призвал к тому, чтобы до конца разобраться во всех возникших тогда проблемах. В этом духе и велась ставшая неизбежной дискуссия с некоторыми членами партии, сгруппировавшимися вокруг Карла Ширдевана и Эрнста Вольвебера, вплоть до снятия их с партийных постов.

Когда возникала сложная обстановка и к нашей партии и государству предъявлялись высокие требования, я особенно часто встречался с трудящимися, чтобы побеседовать с ними о политических проблемах и задачах. Помню, например, что в апреле 1957 г. я побывал у строителей комбината «Шварце пумпе». Этому комбинату дал свое имя небольшой кабачок, находившийся поблизости от территории, предусматривавшейся для строительства крупнейшего объекта нашей второй пятилетки. Здесь строился колоссальный завод для превращения бурого угля в брикеты, в кокс, газ, смолу и другие химические вещества. Так как ГДР почти не располагает другими энергоносителями, кроме бурого угля, то этот комбинат имел и имеет важнейшее значение для обеспечения сырьевого и энергетического баланса нашей страны.

В то время я часто бывал у трудящихся в округе Зуль, расположенном на юге ГДР и очень живописном благодаря своим горам и лесам. В 1958 г. я был выдвинут в этом округе кандидатом в Народную палату ГДР.

В феврале 1958 г. Центральный Комитет нашей партии назначил меня членом своего секретариата. Несколько месяцев спустя, на V съезде СЕПГ, я вновь был избран в состав ЦК. При конституировании руководящих органов 16 июля 1958 г. меня избрали членом Политбюро и секретарем Центрального Комитета. Работая на этих постах, я занимался прежде всего вопросами военной политики и безопасности, ведал вопросами работы с молодежью, профсоюзами, с женщинами, а также вопросами развития физкультуры и спорта.

В работе V съезда партии принял участие — в последний раз — наш уважаемый товарищ Вильгельм Пик. Будучи в преклонном возрасте и уже больной, он все же присутствовал на открытии V съезда партии. В сентябре 1960 г. Вильгельма Пика не стало.

Тяжелая утрата постигла страну. Глубоко переживал эту утрату и я. В статье для журнала нашей партии «Нойер вег» я рассказал о славном жизненном пути этого выдающегося вождя рабочего класса, тесно связанного с трудовым народом, о его заветах, оставленных нам. В моей памяти навсегда сохранились его выдающиеся человеческие качества. Я писал: «Отношение товарища Вильгельма Пика к партии, страстность, с которой он боролся за дело рабочего класса, и всегда отличавшая его скромность свидетельствуют о благородстве этого человека».

16.
13 августа 1961 г.

После возвращения с учебы из Москвы главными в моей деятельности стали вопросы военной политики и обороны страны. Осенью 1956 г. я стал секретарем возглавлявшейся Первым секретарем ЦК СЕПГ Вальтером Ульбрихтом комиссии по вопросам безопасности, созданной в Центральном Комитете нашей партии. В 1960 г., когда был образован Совет национальной обороны ГДР, во главе которого также стоял Вальтер Ульбрихт как Председатель Государственного совета, Народная палата ГДР назначила меня секретарем этого высшего государственного органа, задача которого состоит в координации обороны страны. Занимаясь этими вопросами, я часто встречался с тогдашним министром национальной обороны Вилли Штофом, являющимся теперь Председателем Совета Министров ГДР, и его заместителями — Фридрихом Дикселем, который стал министром внутренних дел ГДР, Хайнцем Гофманом, нынешним министром национальной обороны, и Гейнцем Кесслером (теперь он заместитель министра национальной обороны и начальник Главного политуправления Национальной народной армии ГДР), а также с Маршалом Советского Союза А. А. Гречко, который с 1953 г. до конца 1957 г. командовал Группой советских войск в Германии. Я часто с ним встречался и в последующие годы, когда он стал главнокомандующим Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора, а затем министром обороны СССР.

18 января 1956 г. Народная палата ГДР приняла Закон о создании Национальной народной армии и Министерства национальной обороны. Я всячески поддерживал строительство нашей Национальной народной армии. В своей деятельности в военно-политической области я исходил из того, что общественный строй ГДР требовал и позволял создать национальные вооруженные силы. Это должно было стать делом всего рабочего класса и самых широких слоев трудящихся. Объективно существующее единство рабочего класса, народа и вооруженных сил следовало сознательно использовать как неиссякаемый источник силы для обороны нашей республики. Мы с самого начала рассматривали вооруженную защиту социализма в ГДР как коллективную интернационалистскую задачу, что полностью отвечало интернациональному характеру рабочего класса, интересам успешного развития социалистического содружества государств. Эту задачу можно было решить только в самом тесном боевом содружестве с СССР и его вооруженными силами, с другими братскими социалистическими государствами и их армиями.

Суть и цели вооруженных сил государства определяются характером данного государства и его политики, а также, разу-

меется, и тем, кто занимает в этих вооруженных силах высшие командные должности. В ЦК СЕПГ и его Политбюро, а также в Совете национальной обороны и в Совете Министров ГДР мы уделяли этому вопросу самое пристальное внимание. В сферу моей деятельности входила подготовка принципиальных решений по кадровым вопросам и проектов соответствующих постановлений для Политбюро или Совета национальной обороны. Около 70% генералов и адмиралов, несших свою службу в период, когда создавалась Национальная народная армия, активно участвовали в рабочем движении до 1933 г. Многие из них прошли суровую закалку в антифашистском движении Сопротивления. В период гитлеровской диктатуры почти каждый третий из них прошел через тюрьмы и концентрационные лагеря.

В работе с кадрами я видел одну из своих важнейших обязанностей. Эта работа требовала большого внимания и терпения. Я часто вспоминал при этом, с какой сердечностью, теплотой, чуткостью, но и с должной строгостью помогали в свое время моему росту Вильгельм Пик, Отто Гротеволь, Вальтер Ульбрихт и другие товарищи. В конце 1956 г., когда мы в основном сформировали соединения и воинские части, около 82% офицеров и генералов по своему социальному происхождению были промышленными и сельскохозяйственными рабочими, около 3% — крестьянами, 12% — служащими и несколько более 3% — представителями интеллигенции и других профессий.

Национальная народная армия возникла как антифашистская и антимилитаристская армия, как армия защиты мира, и этому она осталась верна. Она олицетворяет полный разрыв со всем реакционным в немецкой истории и продолжает прогрессивные воинские традиции периода Крестьянской войны 1524—1526 гг. в Германии, освободительной войны 1812—1813 гг., Ноябрьской революции 1918—1919 гг., отрядов рабочей самообороны и рурской Красной Армии, принимавшей участие в подавлении капповского путча в 1920 г., немецких бойцов Интербригад в 1936—1939 гг. в Испании и борьбы немецких антифашистов в 1933—1945 гг. Сегодня многие соединения, воинские части, подразделения, школы, казармы, корабли и катера Национальной народной армии носят почетные имена революционеров — борцов прошлого.

Социализму нужны офицеры, обладающие политическим опытом и знаниями, высоким уровнем военной подготовки и навыков. Они должны быть тесно связаны со своим классом, любить солдат и заботиться о каждом из них. Я решительно выступал против высказывавшегося кое-кем мнения, будто в армии отношение к человеку не столь уж важно, потому что вся жизнь строится там на основе приказов. Нетрудно было доказать на практике, что там, где командиры уделяют солдатам максимум внимания, и служба идет лучше всего, достигнута высокая степень боеспособности и боеготовности. Именно ввиду неизбежной суровости военной

службы от офицеров требуется постоянная забота о своих подчиненных, об их проблемах и нуждах.

Обеспечение такого руководства в ННА было первоочередной задачей партийной организации СЕПГ в вооруженных силах. Мы знали из трудов В. И. Ленина и из опыта КПСС, что руководство со стороны марксистско-ленинской партии имеет решающее значение также и в армии. В ноябре 1957 г. Политбюро заявило о нашей военной политике: «Сила армии социалистического государства, оснащенной самым современным оружием и техническими средствами, кроется в последовательном осуществлении решений партии, в ее неразрывной связи с трудовым народом». Несколько месяцев спустя, 14 января 1958 г., Политбюро после всестороннего обсуждения приняло важное постановление «О роли партии в Национальной народной армии». В нем был обобщен опыт, накопленный нами за два года строительства вооруженных сил. Принципиальные положения этого документа и по сей день сохраняют свое основополагающее значение.

Рабочие планы Политбюро и Секретариата ЦК, как и отчеты Политбюро на пленумах ЦК за все эти годы, свидетельствуют о том, что все важные вопросы, связанные с укреплением вооруженных сил и обороны ГДР, всегда обсуждались и решались коллективно. Так было всегда, так это будет и впредь.

Для меня стало правилом изучать назревшие проблемы непосредственно в подразделениях, воинских частях и соединениях. Мои сотрудники нередко находились в воинских частях неделями. Они советовались с генералами, офицерами, унтер-офицерами и солдатами, с функционерами в первичных организациях СЕПГ и ССНМ, обсуждали с ними итоги политической и военной подготовки, отношения между офицерами и солдатами, между командирами и подчиненными. Обычно речь шла также и о связях воинов с рабочими крупных социалистических предприятий и кооперированными крестьянами молодых еще в то время сельскохозяйственных производственных кооперативов, а также о контактах с советскими братьями по оружию. Важную роль в этих беседах играли всегда условия жизни и труда военнослужащих.

Хорошо помню совещание с командирами и руководителями политических управлений военных округов и родов войск Национальной народной армии весной 1957 г. Ему также предшествовало изучение обстановки, и мы имели реальную картину фактического положения на соответствующих участках. Подготовленные таким путем материалы легли в основу совещания, проходившего 12—13 июня 1957 г. в Эггерсдорфе, в котором участвовали Вальтер Ульбрихт, Вилли Штоф, Герман Матерн и я, а также другие руководящие партийные работники и военачальники Национальной народной армии. Речь шла об укреплении Народной армии в самые кратчайшие сроки. Нередко мы приглашали также партийных секретарей и командиров из воинских подразделений на за-

седания комиссии Центрального Комитета по вопросам безопасности, чтобы ближе ознакомиться с их мнением относительно принимаемых решений.

Особое внимание в то время я уделял также пограничной полиции, перед которой в середине 50-х годов была поставлена задача стать боеспособными пограничными войсками. Давно известно, что пограничные провокации и конфликты очень быстро могут перерасти в военные столкновения не поддающихся контролю масштабов. На нашей государственной границе происходило немало пограничных провокаций, которые не вылились в крупные конфликты лишь благодаря осмотрительным действиям наших пограничников. Источником подобных провокаций была в конечном итоге политика упорного непризнания границ ГДР и отказа уважать их как государственные границы независимого, суверенного государства.

21 военнослужащий нашей пограничной полиции и позднее пограничных войск были злодейски убиты при исполнении служебных обязанностей выстрелами с территории ФРГ или Западного Берлина. Поэтому не было задачи важнее, чем оснащение и подготовка наших пограничников на таком уровне, который позволял бы им в любой момент оказать должное сопротивление любому нарушению и провокации и обеспечить безопасность государственной границы ГДР. Поэтому я выступал за улучшение условий жизни и службы наших пограничников, чтобы и днем и ночью, в хорошую погоду и в ненастье они могли успешно нести свою нелегкую службу.

С созданием вооруженных сил Германской Демократической Республики возросла роль боевых рабочих дружин. О них много писалось и говорилось в средствах массовой информации в западных странах. При этом давались самые различные оценки — от крайне пренебрежительных до преувеличенных, когда утверждалось, что рабочие дружины — это резервная регулярная армия. Как же обстояло дело в действительности? Как я уже писал, созданные летом 1953 г. для охраны республики от посягательств контрреволюции, боевые дружины являются непосредственными вооруженными органами рабочего класса на предприятиях. В их рядах объединены классово сознательные рабочие, которые наряду с производственными и профессиональными навыками овладевают военным ремеслом для защиты своих завоеваний.

Руководство боевыми дружинами на местах и вплоть до Центрального Комитета осуществляет Социалистическая единая партия Германии. Создавая в конце 50-х годов оборону нашей страны, мы поручили им помимо непосредственной охраны своих предприятий надежно защищать завоевания трудящихся в городах и районах. Мы всегда стремились повышать боевую готовность рабочих дружин, воспитывать решительных и стойких бойцов, постоянно улучшать подготовку боевых сотен и повышать квалифи-

кацию их командиров. Разумеется, что при вступлении в боевые рабочие дружины соблюдается принцип добровольности.

Я неоднократно бывал у бойцов во время их учений. С некоторыми командирами знаком лично уже более двух десятилетий. На меня всегда производили впечатление высокая боевая готовность членов боевых дружин, их доверие к нашей партии. Прошло всего лишь несколько лет после создания боевых рабочих дружин, и, выступая 20 апреля 1959 г. на 7-х центральных сборах командиров боевых дружин, я мог констатировать: «Высокая политическая зрелость и мораль, твердая дисциплина и безграничная преданность делу социализма боевых дружин рабочего класса в ГДР являются залогом того, что они и в будущем с честью выполнят все порученные им задачи».

Жизнь вскоре подтвердила необходимость осуществляемых нами мер по усилению обороны ГДР. После некоторых проблесков надежды на разрядку международной напряженности во второй половине 50-х годов, в 1960—1961 гг. вновь сгустились тучи военной опасности.

Численность бундесвера ФРГ достигла к тому времени более 350 тыс. человек. Маневры бундесвера и НАТО в 1959—1960 гг. под названиями «Сайд степ», «Хоулд фаст», «Зимний щит», «Валленштейн» и т. п. были фактически репетицией агрессии против ГДР. В марте 1961 г. выходящая в ФРГ газета «Верполитише рундшау» заявила, что возможности Запада добиться от Востока уступок мирным путем исчерпаны. Остается лишь возможность насильственного изменения статус-кво или же «отказ от собственных принципов». Бывший в то время министром обороны ФРГ Франц Йозеф Штраус заявил на пресс-конференции в США, что нужно-де быть готовыми к своего рода гражданской войне в Германии.

В начале июля 1961 г. «Исследовательский совет по вопросам воссоединения Германии» представил в Бонне отчет с новым подробным планом «дня икс». Это была целая книга, содержавшая конкретные рекомендации западногерманским монополиям, как следовало осуществить постепенный захват народного хозяйства ГДР, устранить СЕПГ и лишить прав профсоюзы. Газета «Кёльнише рундшау» призвала 10 июля 1961 г. «применить все методы «холодной войны», войны нервов и горячей войны... Сюда относятся не только обычные вооруженные силы и вооружение, но и подрывная работа, разжигание внутреннего сопротивления, работа в подполье, развал порядка, саботаж, нарушение работы транспорта и экономики, неповиновение, мятеж...». Через несколько дней тогдашний федеральный министр по «общегерманским вопросам» Эрнст Леммер со штабом своих сотрудников поспешил в Западный Берлин, чтобы руководить оттуда психологической войной против ГДР. Были приведены в состояние боевой готовности соединения НАТО в Европе.

Западные средства массовой информации развернули против ГДР разнузданную пропагандистскую кампанию. Рисуя картины «потоков беженцев» и расписывая «бедствия вынужденных к бегству людей», они в фатальном созвучии с августом 1939 г. создавали атмосферу для агрессии. Участились нарушения границы и пограничные провокации. Чтобы вызвать волнения среди населения, саботажники пытались устроить поджоги на берлинских скотобойнях и в Гумбольдтском университете в центре Берлина.

Вот уже 12 лет граница ГДР с Западным Берлином, а также в большей или меньшей степени с ФРГ оставалась открытой. Точнее, это была открытая граница всего социалистического содружества с капиталистическим миром. Все очевиднее становилась таившаяся в этом опасность для дела мира, так как обстановка в Западном Берлине и вокруг него в любой момент могла быть использована для создания опасной международной напряженности и конфликтов.

Расположенный в центре ГДР, Западный Берлин имеет с ней границу протяженностью 162 *км*. Из них 45 *км* приходятся на границу между Западным Берлином и столицей ГДР. До августа 1961 г. эта граница не охранялась и вообще не контролировалась. Она проходила посередине улиц, жилых кварталов, дачных участков или по водным путям. Ее ежедневно пересекало до полумиллиона человек. Но Западный Берлин был не просто какой-нибудь территорией внутри ГДР, а представлял собой, по словам правивших им политических деятелей, «самую дешевую атомную бомбу», «занозу в теле Востока», «фронтовой город «холодной войны». Там вели свою грязную работу не менее 80 шпионских и террористических организаций. Оттуда осуществлялись крупные валютные спекуляции с целью развала экономики ГДР. В Западном Берлине обосновались центры по переманиванию из ГДР рабочей силы. Да, его можно было с полным основанием считать перевалочным пунктом торговли людьми, за которых дельцы без стыда и совести получали подушные премии. В середине 1961 г. агрессивные круги в ФРГ и их союзники в некоторых других странах НАТО сочли, что настало время вновь вызвать беспорядки в ГДР. Собираясь осуществить операцию бундесвера, замаскированную под «внутригерманскую полицейскую акцию», они намеревались «прийти на помощь» провокаторам.

Мы с должной бдительностью следили за этим опасным развитием событий. Можно ли было спокойно наблюдать, как враг, используя открытую границу, ведя беспрецедентную экономическую войну, стремился обескровить нашу республику? Могли ли мы оставаться пассивными, когда в сердце Европы сложилась обстановка, которая проводившимися уже открыто военными приготовлениями и усилением военной истерии на Западе напоминала канун второй мировой войны? Могли ли мы сложа руки наблюдать, как Западный Берлин превращался в плацдарм «холодной

войны» и все более открыто выступал в роли нарушителя спокойствия? Простил бы нам народ Германской Демократической Республики, простили бы нам миролюбивые народы Европы и мира, если бы мы своим бездействием, по сути, поощряли бы агрессоров? В конце второй мировой войны мы поклялись сделать все, чтобы с немецкой земли никогда больше не началась война. Мы были полны решимости при всех условиях сдержать это обещание.

В 1961 г. государства Варшавского Договора не раз выступали с предостережениями. На заседании его Политического консультативного комитета в конце марта 1961 г., в котором я также принимал участие, было со всей определенностью указано на опасность складывающейся обстановки; в то же время была выражена решимость не отступать перед агрессивным давлением империализма. ГДР также со всей убедительностью говорила об угрозе миру в Европе, возникшей в 1961 г. Еще 6 июля наша Народная палата обратилась к правительству ФРГ и западноберлинскому сенату с «Немецким планом мира», содержавшим ряд предложений, направленных на достижение договоренности. Однако, судя по всему, влиятельные политические деятели в Бонне и Западном Берлине ошибочно считали, что эта готовность к достижению договоренности является признаком слабости и что ГДР не располагает эффективными средствами, чтобы положить конец интригам поборников «холодной войны».

3—5 августа 1961 г. в Москве состоялось совещание первых секретарей Центральных Комитетов коммунистических и рабочих партий государств — участников Варшавского Договора, на котором присутствовали также представители братских партий из социалистических стран Азии. В полном согласии с КПСС СЕПГ предложила взять под обычный для суверенных государств контроль границы ГДР с Западным Берлином и ФРГ. Московское совещание единодушно поддержало это предложение.

Бывший в то время председателем Совета национальной обороны ГДР, Вальтер Ульбрихт поручил мне подготовку и осуществление необходимых мероприятий. Были разработаны соответствующие меры и проекты боевых приказов для Национальной народной армии, органов министерства государственной безопасности и министерства внутренних дел, для дежурных полицейских отрядов, народной полиции и рабочих боевых дружин, а также указания для центральных государственных учреждений, для транспорта, строительства и других руководящих экономических органов. Позднее мы с удовлетворением отмечали, что у нас не было сколько-нибудь существенных упущений.

Для осуществления непосредственного руководства операцией мы организовали штаб в берлинском управлении полиции. Оттуда поддерживалась постоянная связь с командирами и штабами вооруженных сил, районными комитетами СЕПГ в Берлине, Франкфурте-на-Одере и Потсдаме, с центральными государственными

органами, магистратом Берлина и советами округов Франкфурт-на-Одере и Потсдам.

11 августа 1961 г. Народная палата ГДР выступила с заявлением о том, что миру в Европе угрожает серьезная опасность. Она поручила Совету Министров ГДР подготовить и осуществить все меры, необходимые для обеспечения мира. На следующий день Совет Министров принял постановление взять под надежный контроль все еще открытую границу между социалистической и капиталистической Европой.

Когда я во второй половине дня 12 августа выехал к Дёлльнзее, то увидел по обе стороны шоссе мотострелковые соединения нашей Народной армии, уже находившиеся в указанных им районах сосредоточения. В 16.00 председатель Совета национальной обороны Вальтер Ульбрихт подписал подготовленные нами приказы о мерах по обеспечению охраны государственных границ ГДР с Западным Берлином и ФРГ. Поздно вечером, за час до начала операции, в берлинском управлении полиции собрался возглавлявшийся мною штаб. Присутствовали члены Политбюро ЦК СЕПГ Вилли Штоф, заместитель Председателя Совета Министров ГДР, и Пауль Фернер, члены ЦК СЕПГ министр национальной обороны Хайнц Гофман, министр государственной безопасности Эрих Мильке, министр внутренних дел Карл Марон и министр транспорта Эрвин Крамер, а также заместитель министра внутренних дел Вилли Зайферт, президент народной полиции Берлина Фриц Айкемайер и начальник штаба министерства внутренних дел Хорст Энде. В 0.00 часов была объявлена тревога. Так началась операция, заставившая заговорить о себе на следующее утро весь мир.

Согласно боевым приказам соединения Национальной народной армии и формирования народной полиции двинулись на отведенные им участки. Боевые дружины в Берлине и в граничащих с Западным Берлином округах Франкфурт-на-Одере и Потсдам заняли определенные для них позиции. Наши вооруженные силы могли рассчитывать на поддержку размещенных в ГДР советских вооруженных сил, командование над которыми принял на себя 10 августа 1961 г. Маршал Советского Союза И. С. Конев.

Об этих напряженных днях и часах вспоминает Хайнц Гофман, который с июля 1960 г. был министром национальной обороны ГДР: «Я помню, как мы подвозили тогда штабы и соединения Народной армии, замаскировав их под обычные передвижения частей. Ночью мне позвонил Эрих Хонеккер, сообщил «время икс» и сказал: «Задача тебе известна, действуйте!» Не успели мы добраться до границы, как Эрих Хонеккер уже был там, чтобы убедиться, правильно ли были выдвинуты наши танки и остальные подразделения. Он беседовал не только со мной и другими представителями командования, а, как это было в его привычке,

также и с солдатами на местах, разъясняя им, почему мы вынуждены принять эти меры».

За несколько часов наша государственная граница вокруг Западного Берлина была надежно защищена. Я предложил использовать непосредственно на границе политическую и боевую силу рабочего класса, то есть трудящихся с социалистических предприятий в форме бойцов боевых дружин. Они должны были вместе с формированиями народной полиции обеспечить непосредственную охрану границы с Западным Берлином. В случае необходимости их должны были поддержать из второго эшелона воинские части и соединения Национальной народной армии и органы Министерства государственной безопасности. Только в случае вмешательства армий НАТО в действие должны были вступить размещенные в ГДР советские вооруженные силы.

Как подтвердил ход событий, вооруженные силы ГДР блестяще выдержали это испытание. Тем не менее это была не чисто военная операция. Обеспечение безопасности границ требовало также осуществления многих политических, идеологических, экономических и организационных мероприятий. Не имея возможности выступить перед началом операции с публичным разъяснением конкретных задач, мы мобилизовали затем всю возглавлявшуюся тогда Паулем Фернером городскую организацию СЕПГ Берлина. В течение нескольких часов нужно было перестроить транспортную сеть Берлина и прервать сообщение с Западным Берлином на городской электричке и метро. Это было осуществимо только при условии, если трудящиеся государственных железных дорог и транспортных предприятий Берлина, верившие своей рабочей партии и рабочему правительству, дисциплинированно выполнят все распоряжения; и они сделали это. Хотя в воскресенье 13 августа к мероприятиям по защите государственной границы были привлечены тысячи трудящихся, многие из них действовали в качестве агитаторов, понедельник 14 августа 1961 г. должен был стать в столице обычным трудовым днем с хорошими производственными показателями. Город нужно было снабжать как обычно. Насколько возможно, жизнь должна была продолжаться нормально.

Думаю, что в штабах НАТО и бундесвера хорошо понимали, какая единая сила стояла за мероприятиями 13 августа 1961 г. Такую операцию можно было осуществить только при участии великого множества добровольных помощников, при поддержке и понимании со стороны большинства трудящихся. В эти августовские дни проявилась не только наша военная сила, но и крепость социалистического строя, превосходство нашей политической системы. Потом можно было домысливать все, что угодно, но одно остается незыблемым фактом: несмотря на значительный масштаб подготовительных мероприятий, необходимых для успешного проведения операции, создание антифашистского защитного вала

было для наших противников полной неожиданностью. Ведь благодаря открытой границе иностранные разведывательные службы могли почти беспрепятственно заниматься в ГДР разведкой и шпионажем. Противнику не удалось организовать сколько-нибудь серьезное противодействие нашей акции.

Меня неоднократно спрашивали, сознавали ли мы тогда, что шли на риск большой войны. У нас были все основания полагать, что на подобного рода акцию, которая была осуществлена исключительно на нашей территории, НАТО не сможет ответить военной агрессией. Из находившейся в нашем распоряжении информации следовало, что США, основная сила НАТО, без которой военное вмешательство было бы немыслимо, руководствовались в отношении Западного Берлина вполне определенными интересами. Это были неизменный статус Западного Берлина, присутствие в Западном Берлине трех западных держав, надежное сообщение между Западным Берлином и ФРГ. Наши меры по обеспечению границ не затрагивали ни один из этих пунктов. В том, что государства Варшавского Договора уважают статус Западного Берлина как особой политической единицы, западные державы имели возможность еще раз убедиться, ознакомившись с сообщением о совещании первых секретарей Центральных Комитетов наших партий в начале августа 1961 г. Таким образом, с нашей стороны не было дано ни единого повода для военного вмешательства НАТО. И еще: мы предприняли акцию, какую в данной ситуации предприняло бы любое другое независимое, суверенное государство. Мы всего лишь взяли под контроль свои границы в соответствии с гарантированным Организацией Объединенных Наций международным правом. Так был спасен мир и заложен фундамент для дальнейшего расцвета Германской Демократической Республики.

В последующие дни и недели после 13 августа 1961 г. я, как и прежде, неоднократно бывал у членов наших боевых дружин, служащих народной полиции и солдат на государственной границе. Я разъяснял им необходимость и значение наших мер по обеспечению безопасности границ и передал им благодарность Центрального Комитета и правительства. Я также заботился о том, чтобы население Берлина и округов Франкфурт-на-Одере и Потсдам, и прежде всего рабочие, женщины и молодежь, поддерживало тесные контакты с размещенными на границе бойцами боевых дружин, служащими народной полиции и Народной армии.

Значение событий 13 августа 1961 г. полностью раскрылось для некоторых лишь годы спустя. Их влияние сказывается и в наши дни. Попытка ликвидировать путем «ограниченной акции» рабоче-крестьянскую власть в ГДР была сорвана в самом начале. От аденауэровской «политики силы» осталась лишь груда обломков. Не случайно в связи с 13 августа 1961 г. в ФРГ говорят о конце «эры Аденауэра». Политические деятели, которых пикак

нельзя причислить к нашим друзьям, уже много лет назад признали, что наша акция сослужила добрую службу делу мира на немецкой земле и тем самым в Европе.

Без сомнения, 13 августа 1961 г. помогло влиятельным кругам Запада осознать то, чего они не хотели видеть более 10 лет: суверенное социалистическое немецкое государство не поддается шантажу, его нельзя сломить. Таким образом, 13 августа 1961 г. способствовало созданию предпосылок для будущего отхода от «холодной войны», от конфронтации в международных отношениях к переговорам и первым шагам, направленным на разрядку напряженности. А такой путь, на мой взгляд, и привел к Заключительному акту в Хельсинки, который, в частности, подтвердил признание существующих в Европе границ и их нерушимость.

Граница между ГДР и ФРГ, ГДР и Западным Берлином является одновременно демаркационной линией между двумя противоположными мировыми системами и военными союзами. Она никогда не должна стать «горящей границей», угрожающей миру. Именно поэтому я всегда испытываю удовлетворение, когда разбирающиеся в проблемах люди и реалистично мыслящие политические деятели западного мира разделяют нашу оценку: мероприятия, осуществленные 13 августа 1961 г., сыграли благотворную роль в деле упрочения мира и разрядки напряженности.

17.
Вера в силу народа

Поддержание постоянной и теснейшей связи с трудящимися — один из краеугольных принципов, присущих членам марксистско-ленинской партии и конечно же входящих в число важнейших жизненных правил ее руководителей. Встречи с трудящимися, прежде всего там, где они работают и живут, всегда являются для меня насущной потребностью, частью моей деятельности. Эти встречи не заменят никакие отчеты или совещания. Такой подход полностью соответствует традициям немецкого революционного движения и деятельности таких выдающихся вождей, как Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Август Бебель, Эрнст Тельман и Вильгельм Пик.

Мы исходим из положения В. И. Ленина, который сказал в 1917 г.: «Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно». Мы действуем в соответствии с этими словами.

Тесная связь с народом является для нас, коммунистов, совершенно обычным и само собой разумеющимся путем решения стоящих перед нами задач. Из этого логически вытекает, что у нас «нет никаких интересов, отличных от интересов всего пролетариата». Мы стремимся к нашей цели — коммунизму в интересах всего народа. По опыту мы знаем, что эта цель достижима только вместе с трудящимся народом. Поэтому наши встречи с народом — это не какие-то формальные шаги в порядке соблюдения долга. Они свободны от какой-либо демагогии, например типа предвыборных посулов избирателям.

Политические деятели социалистического государства, мы — плоть от плоти нашего народа, кровь от его крови. Нам нет необходимости скрывать что-то от масс, обманывать их. Наша политика видна каждому, наша вера в массы — непоколебима. Из этого вытекают также и наша ответственность, и наш долг отчитываться перед партией, перед рабочим классом, перед всем народом. Так, например, отчетные доклады Политбюро, речи, выступления в прениях и решения всех съездов партии и всех пленумов Центрального Комитета публикуются у нас в партийных газетах. Каждый гражданин имеет возможность получить информацию о нашей политике, вместе с нами обдумывать и осуществлять ее. Такой практики мы придерживаемся уже многие десятилетия.

Выполняя функции, которые мне доверяла Социалистическая единая партия Германии как в Союзе свободной немецкой моло-

дежи, так и в коллективе партийного руководства, я всегда использовал любую возможность для того, чтобы лично ознакомиться с жизнью трудящихся и с тем, что их заботит,— иметь информацию о конкретной ситуации в стране, так сказать, «из первых рук».

Став Генеральным секретарем ЦК СЕПГ и Председателем Государственного совета ГДР, я поступаю таким же образом, встречаясь с рабочими, гражданами городов и общин, со служащими Национальной народной армии и других вооруженных органов.

Эти беседы имеют для меня особую ценность. Ведь личный контакт позволяет наиболее ощутимо почувствовать, как понимают трудящиеся политику партии и считают ли они эту политику своей. Из таких встреч я неизменно черпал ценные соображения для раздумий и выработки решений. Каждая встреча, каждая беседа с трудящимися на рабочем месте, дома или на улице, разговор с солдатами — для меня всегда важное событие. Посещение промышленных и сельскохозяйственных предприятий, школ и вузов ГДР, а также многочисленные встречи, которые я имел в ходе зарубежных поездок,— все это, наряду с изучением трудов Маркса, Энгельса и Ленина, важнейшие университеты моей деятельности как партийного руководителя. Для ведения государственных дел из этих встреч можно почерпнуть не меньше, чем из изучения научных трудов или заключений специалистов по проблемам развития нашей страны.

Встречи с населением, членами нашей партии и других партий, с беспартийными гражданами нашей страны обогащают как личную деятельность, так и — позволю себе сказать это — деятельность Центрального Комитета, его Политбюро и Секретариата. Такие встречи играют важную роль в формировании стиля работы этих органов.

Подобный непосредственный обмен мнениями и опытом позволяет нам реалистично оценивать достигнутое, по-деловому и трезво взвешивать свои возможности для дальнейшего продвижения вперед и разрабатывать очередные шаги с уверенностью в том, что благодаря силе и инициативе народа намеченные задачи будут выполнены. Мы считаем, что в этом — залог всякого успеха.

Я стремлюсь посещать прежде всего те коллективы, которые трудятся на ключевых участках в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, в науке и культуре и чьи достижения имеют большое значение для развития как нашего народного хозяйства, так и общества в целом. Благодаря тысячам таких встреч я получал множество ценных советов, а также и сам мог давать советы другим.

В 60-х и 70-х годах я часто посещал горняков калийных шахт в округе Зуль. Этот округ, расположенный на юго-западе ГДР, охватывает большую часть Тюрингенского Леса, а также часть Рёна, того участка Среднегерманских гор, который я пересек в весьма трудных условиях в конце 1945 г. во время моей поездки из Бер-

лина во Франкфурт-на-Майне. В прежние времена это была бедная область. Ее жители были заняты на оружейных, машино- и станкостроительных заводах, а также в производстве транспортных средств. Многие трудились на предприятиях по производству стекла, изделий из дерева, игрушек, работали на шахтах, в сельском и лесном хозяйстве. Они влачили жалкое существование.

Ныне Зуль имеет весьма развитую экономику, которая играет важную роль в народном хозяйстве ГДР, удовлетворении потребностей населения, а также в экспорте. Округ прежде всего известен производством машин, оборудования и средств транспорта, бытовых электроприборов, комплектующих частей в электротехнике, электронике и приборостроении. Широко известны изготовляемые здесь охотничьи ружья, изделия из стекла, керамики и из дерева, предметы культурного обихода. Богатые леса, горы и долины — прекрасный район для отдыха. Здесь ежегодно проводят свой отпуск сотни тысяч граждан ГДР и других стран.

Особое значение для нашей страны имеют калийные разработки этого округа. ГДР является третьим по объему производства государством и ведущим экспортером калия в мире. Поэтому мы называем калий нашим «белым золотом». На разработки округа Зуль приходится значительная часть общей добычи калия в нашей стране. Отсюда калий поставляется более чем 40 потребителям за рубежом.

Вспоминаю многочисленные встречи с трудящимися калийного комбината «Верра», крупного предприятия, названного по имени реки, пересекающей территорию округа Зуль. Меня как партийного руководителя и депутата уже более 20 лет связывают с горняками тесные узы дружбы. Когда я встречался с ними в простирающихся на многие километры шахтах, на меня всегда производили огромное впечатление замечательные трудовые достижения горняков. Они добиваются этих успехов, работая подчас в довольно сложных геологических условиях, на глубине 900 *м* от поверхности земли и при температуре, достигающей 40° жары.

В юности мне довелось самому познать тяжелые условия жизни саарских горняков и их семей. Это позволяет мне со знанием дела судить о работе и жизни горняков. И я испытываю тем большее удовлетворение, убеждаясь во время моих встреч с горняками в том, насколько изменились у нас условия их жизни и труда.

На одном из собраний накануне выборов в Народную палату в 1963 г. бригадир забойщиков Тео Шефер сказал в своем выступлении: «По поручению нашей бригады я вношу здесь, на собрании коллектива, предложение выдвинуть тебя кандидатом в депутаты Народной палаты. У нас нет другого предложения, поскольку все горняки калийных шахт верят тебе. Это основывается на уважении к тебе. Мы всегда очень внимательно следили за твоими выступлениями — будь то на конференции делегатов партийной организации предприятия, на собраниях трудящихся или на плену-

мах ЦК — и можем сказать, что ты всегда высоко ценил нашу работу. Мы считаем честью для себя эту оценку. Мы с большим уважением относимся к твоим заслугам в борьбе за интересы рабочего класса с ранних юношеских лет... Мы видим в тебе мужественного соратника Эрнста Тельмана, Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта. Поэтому мы выдвигаем твою кандидатуру в депутаты Народной палаты. Твой жизненный опыт, принципиальная позиция дают нам надежную гарантию осуществления в высшем органе народного представительства тех целей, которые сформулированы в предвыборных призывах Национального фронта».

На вопрос о том, как они постоянно добиваются увеличения добычи, горняки ответили, что труд в нашем государстве идет на благо всем членам общества и что именно понимание этого побуждает их к максимальному использованию возможностей социализма на благо всего народа и каждого человека. Подобные ответы свидетельствуют о том, что люди правильно понимают суть нашей политики.

Трудящиеся в нашей стране знают, что посещение их предприятий руководящими деятелями — это не просто жест вежливости или мероприятие в связи с избирательной кампанией. Как раз в ходе таких рабочих визитов можно откровенно обсудить все проблемы. Трудные вопросы никогда не скрываются. Напротив, в большинстве таких бесед речь идет именно о преодолении трудностей, о поисках путей решения проблем. Меня, конечно, радует, что горняки калийных шахт считают меня своим, о чем свидетельствуют их слова: «С тобой действительно можно прямо говорить обо всем, в том числе и о наших заботах и проблемах. Ты не только выслушиваешь, но и помогаешь».

Я рассматриваю подобные заявления не только как выражение доверия, но и как подтверждение того, что забота о благе народа находится у нас на переднем плане. Как же мог бы я чувствовать себя кем-то иным, как не рабочим среди рабочих? Ведь я вышел из рабочих и в глубине души всегда остаюсь рабочим человеком.

Однажды рабочий, не помню уже точно, с какого предприятия, сказал мне: «Дорогой товарищ Эрих, когда ты приезжаешь к нам, то требуешь, чтобы мы откровенно рассказывали о проблемах, которые следует решить на нашем предприятии. Для нас это совсем не просто, но мы с удовольствием ведем такие беседы — ведь они, собственно, являются как бы мысленной подготовкой к работе, которую предстоит выполнить в ближайшие месяцы. Я знаю, что и мои коллеги оценивают их так же».

Такие товарищеские беседы чрезвычайно необходимы и плодотворны. Поэтому я стремлюсь к тому, чтобы все работники государственного аппарата и руководители предприятий поддерживали тесные контакты с трудящимися.

Я часто встречался с рабочими, инженерами и учеными на машиностроительных предприятиях в промышленных центрах

округов Карл-Маркс-Штадт, Магдебург и Лейпциг. Машиностроение во многом определяет облик экономики нашей страны. Почти 30% всех занятых в промышленности работают в машиностроении. В беседах с рабочими таких крупных предприятий, как завод тяжелого машиностроения им. Э. Тельмана в Магдебурге или завод им. Ф. Геккерта в Карл-Маркс-Штадте, мы обсуждали прежде всего вопрос о том, как можно ускорить научно-технический прогресс и как создать новое, более производительное и отвечающее современным требованиям эстетики оборудование.

Мой нынешний избирательный округ — Карл-Маркс-Штадт, носивший ранее название Хемниц, в прошлом был для эксплуатируемых городом тяжелого, изнурительного труда, бедности и нищеты. Но это также был город активно боровшегося, крепнувшего революционного рабочего движения. Тот, кто говорит о нынешнем Карл-Маркс-Штадте, думает о светлых зданиях нового центра города, о новых жилых районах. Нынешний Карл-Маркс-Штадт — это электронно-вычислительные машины, счетные аппараты, станкостроение, текстильное машиностроение, телетайпная и телексная техника, это предприятия, производящие для машино- и станкостроения измерительную аппаратуру, технику автоматического управления и регулирования, включая приборы числового программного управления. Город и его предприятия стали весьма значительным экспортером изделий, выдерживающих конкуренцию на мировом рынке. Инициативность и трудолюбие трудящихся Карл-Маркс-Штадта снискали этому городу почет и уважение и за пределами границ нашей страны.

Здесь, так же как и в Зуле, я регулярно встречался с избирателями, вел беседы, отчитывался перед ними. При этом я посещаю не только те предприятия, которые располагают самым современным машинным парком и хорошими условиями труда. Я имею в виду, например, рабочих литейного завода им. Р. Харласа в Карл-Маркс-Штадте, с которыми меня связывает подлинная дружба. Еще в 1970 г. в некоторых цехах этого предприятия имелось сильно изношенное, устаревшее оборудование. Жара, пыль, шум и отработанные газы создавали тяжелые условия труда для формовщиков и литейщиков, нагрузка которых и без того была велика. Тем более высокой оценки заслуживает та самоотверженность рабочих, с которой они боролись за выполнение планов и стоявших перед ними больших задач. В ходе живой дискуссии с рабочими одного из цехов я понял, как необходимо изменение условий производства. Мы вместе обсудили вопрос, как можно было бы облегчить тяжелый труд. После этого Совет Министров ГДР принял решение о проведении крупных мероприятий по ускоренной модернизации завода. Ныне он работает на базе новой технологии, и условия труда в корне изменились.

Рассказывая о своих посещениях предприятий, я, конечно, не считаю, что это единственная форма связи наших партийных и

государственных руководителей с рабочими. Кроме того, выполнение порученных партией важных задач связано со многими другими обязанностями и неотложными делами, которые нередко ограничивают время для проведения таких встреч и бесед.

Подлинно товарищеские отношения связывают меня с профсоюзами, их членами и руководителями. Вот уже почти 35 лет в нашей стране действует Объединение свободных немецких профсоюзов — крупнейшая классовая организация рабочих и других слоев трудящихся. Профсоюзы олицетворяют собой огромную силу, в их рядах объединены 8,7 млн. трудящихся — подавляющее большинство рабочих, служащих и интеллигенции.

В капиталистических странах о профсоюзах зачастую говорят как о своего рода силе, противостоящей господствующей там системе. Не стану оспаривать этого. Но в условиях социализма, в нашем обществе, которое не знает эксплуатации человека человеком, профсоюзы вместе со всеми формируют новое общество и укрепляют его. Они выступают как сила, содействующая развитию государства.

Мой жизненный путь ничем не отличается от судьбы большинства немецких коммунистов. Наш политический жизненный путь начался с вступления в профсоюзы. Это было в 20-е годы, когда я начал обучаться профессии кровельщика и вступил в профсоюз деревообрабатывающей промышленности. Ныне мой профсоюзный стаж составляет уже более 50 лет. Когда в 1969 г. профсоюз строителей и работников деревообрабатывающих отраслей праздновал свое 100-летие, мое имя вместе с Альбертом Норденом, Вилли Штофом и Вальтером Ульбрихтом занесли в Почетную книгу этого профсоюза. По случаю моего 50-летнего членства в профсоюзе мне вручили Почетную грамоту и памятный подарок — молоток кровельщика, являющийся символом этой профессии.

Мой опыт подтверждает, что, свободные от влияния предпринимателей, профсоюзы являются для рабочих и других трудящихся большой и необходимой школой классовой борьбы и развития классового сознания. Деятельность таких всемирно известных вождей немецкого рабочего класса, как Эрнст Тельман и Вильгельм Пик, постоянно укрепляла мое убеждение в том, что товарищеские взаимоотношения между партией и профсоюзами следует рассматривать как ключевой вопрос в борьбе за интересы рабочих. Это я помню всегда.

Ликвидацию свободных профсоюзов фашистской диктатурой в 1933 г. мы, коммунисты, восприняли как тяжелый удар по рабочему классу. Поэтому сразу после освобождения от фашизма в мае 1945 г. мы, несмотря на всяческие попытки помешать нам, решительно выступили за то, чтобы были сделаны правильные выводы из горького исторического опыта. Прежде всего мы исходили из непреложной истины, что сила рабочего класса — в единстве. Уже 15 июня 1945 г. было опубликовано воззвание Подгото-

вительного комитета по образованию профсоюзов Большого Берлина с призывом создать новые, свободные профсоюзы. В тот же день возникло Объединение свободных немецких профсоюзов. Это было событие огромного значения. Единство профсоюзов стало важной основой для обеспечения политического единства рабочего класса. Я горжусь тем, что внес свой вклад в развитие подлинного боевого содружества между партией и профсоюзами.

Работая на различных партийных и государственных постах, я всегда выступал за то, чтобы профсоюзы могли во всей полноте представлять интересы рабочих и служащих и отстаивать их. Как уже знает читатель, это делалось не в тиши кабинета. Встречи с профсоюзными деятелями, доверенными лицами я рассматриваю как неоценимую возможность знакомиться с жизнью. Ведь эти люди каждодневно работают над решением стоящих перед профсоюзами задач. Это — развитие социалистического соревнования и движения новаторов. Это — вопросы улучшения условий труда и заработной платы, охраны труда и социального обеспечения, это — распределение жилья и путевок в дома отдыха, контроль за работой столовых на предприятиях и организация лагерей отдыха для детей сотрудников, вопросы повышения образовательного и культурного уровня трудящихся. В беседе руководители профсоюзов не лезут за словом в карман. Они хорошо понимают меру лежащей на них ответственности, и им приходится решать самые различные повседневные проблемы. Их сердцу близко все, от чего зависит успешное развитие социализма. Я всегда поддерживаю их в том, что касается проявления настойчивости, без которой невозможно успешно отстаивать профсоюзные интересы. А настойчивость особенно нужна, когда речь идет о преодолении трудностей.

Я всегда стремлюсь к тому, чтобы бывать на местах и лично знакомиться с тем, как работают профсоюзы на благо трудящихся, как они помогают повышать эффективность экономики, что нам так необходимо, как содействует социалистическое соревнование росту эффективности производства и улучшению качества продукции, чтобы все больше повышался материальный и культурный уровень жизни народа.

Нередко задают вопрос, в чем же кроется причина стабильности нашего государства. Думается, что ответ на него прост, хотя некоторые наши недруги могут с ним и не согласиться. Секрет этой стабильности нашего социалистического общества состоит прежде всего в том, что наша партия неразрывно связана с рабочими и всеми трудящимися. Она сама является составной частью этого класса и народа, она живет, трудится и борется вместе с ними. И каждый гражданин чувствует, что политика нашей партии и нашего государства служит людям, обеспечению для них мира и благосостояния, уверенности в завтрашнем дне и безопасности. Доверие к массам, доверие, на которое они отвечают делами,— вот источник нашей стабильности.

18. Тесная связь со спортом

В памяти еще хорошо сохранился прием, который мы устроили в феврале 1968 г. для первой самостоятельной олимпийской команды ГДР. Мы испытывали радость и удовлетворение от того, что удалось наконец обеспечить равноправное участие наших спортсменов как представителей нашего социалистического отечества в Олимпийских играх, чемпионатах мира и других международных соревнованиях. А сколько препятствий в духе «холодной войны» было против этого со стороны определенных кругов в международных спортивных федерациях и в спортивных союзах стран НАТО, особенно ФРГ! Все оказалось напрасным.

После более чем 30 лет существования ГДР успехи наших спортсменов широко известны в мире. На всех континентах с уважением говорят об их достижениях. Редко проходит месяц, когда у меня не бывает повода выразить спортсменам ГДР благодарность и признательность нашей страны. Так, работая на посту Первого, а затем Генерального секретаря ЦК СЕПГ, я направил нашим спортсменам — победителям на Олимпийских играх, мировых и европейских чемпионатах, спортсменам, завоевавшим кубки на мировых и европейских первенствах, около 660 поздравлений.

Однако думается не только о тех, кто поднимается на пьедестал победителей. Мы уважаем и признаем и достижения тех спортсменов, которые, несмотря на интенсивные тренировки и большие затраты сил, не привозят домой медалей. Мы сочувствуем и тем, кто из-за травм или других обстоятельств не смог принять участие в стартах и тем самым был лишен плодов своих многомесячных или многолетних трудов.

Мои связи со спортом не ограничиваются, однако, выражением радости по поводу успехов наших атлетов и направлением им поздравлений. Как я уже упоминал, моя первая встреча со спортом состоялась в годы ранней молодости. Для членов КСМГ в Вибельскирхене само собой разумелось быть в составе рабочего спортивно-гимнастического общества «Фихте». Там мы занимались гимнастикой, а в кругу друзей обсуждали текущие политические вопросы. Участвовали мы и в деятельности туристического общества «Друзья природы», устраивали походы по живописным местам нашей чудесной родины. Немецкий рабочий спорт был всегда тесно связан с борьбой пролетариата. Немало молодых людей пришли в наше революционное движение через рабочий спорт.

В те годы я не только занимался гимнастикой, но и — что гораздо важнее — понял ценность физических занятий для собст-

венного здоровья. До рекордов и медалей дело не дошло. Да я, собственно, не особенно и стремился к ним. Но кое-что из того, чем мы тогда овладели, я умею делать и сегодня.

В каторжной тюрьме Бранденбург-Гёрден среди брошенных туда людей находился и один участник Олимпийских игр. Это был чемпион Европы по борьбе Вернер Зееленбиндер. Он был не только спортсменом, но и подлинным коммунистом. Во время Олимпийских игр 1936 г. в Берлине он участвовал в разъяснении политики нашей партии, направленной на разоблачение фашизма. В Олимпийской деревне он распространял среди иностранных спортсменов листовки и переправлял их через курьеров группам Сопротивления, действовавшим за пределами Олимпийской деревни. Позднее он работал в берлинской организации КПГ. В начале февраля 1942 г. он попал в руки гестапо и 24 октября 1944 г., за полгода до нашего освобождения, был казнен в каторжной тюрьме Бранденбург-Гёрден.

В первые месяцы после освобождения от фашизма, среди развалин, в условиях крайней нужды необходимо было решить прежде всего самые насущные проблемы. Но как уже упоминалось, даже в это трудное время я выступал за то, чтобы создать молодежи возможности для занятий спортом. В документе «Основные права молодого поколения» мы предложили поэтому наряду с прочим и меры по содействию молодежному спорту: «Стремлению молодежи к занятиям физической культурой должно оказываться всемерное содействие. Молодежи должны быть предоставлены спортивные сооружения и оборудование, дома для молодежных лагерей, лодочные пристани и т. п.».

Об усилиях, которые мы тогда предпринимали, рассказывал позднее Маршал Советского Союза В. И. Чуйков: «Вспоминается, с какой энергией и упорством Эрих Хонеккер выступал в тогдашних трудных условиях восстановления Германии за выделение участков под спортивные сооружения, где молодые парни и девушки могли бы не только физически закаляться, но и воспитываться в новом, социалистическом духе». Но одного энтузиазма для обеспечения занятий спортом было недостаточно. Требовались спортивные снаряды и спортивная одежда. И наш союз молодежи заботился об этом. С каким трудом и напряжением сил приходилось все это делать! Сколько проблем приходилось решать, сколько требовалось оптимизма, чтобы возродить спортивную жизнь! Но мы верили в наши силы. Мы радовались каждому успеху, преодолевая все трудности, которые порой казались непреодолимыми. Медленно, но упорно мы продвигались вперед.

Преодоление трудностей материального порядка составляло лишь одну сторону дела. Ведь мы хотели создать новое, демократическое спортивное движение, которое служило бы делу мира и дружбе между народами. Это было совсем не просто. Союзный Контрольный совет распустил фашистские спортивные организа-

ции и не разрешил создавать вместо них другие. Поэтому для начала мы создавали в рамках ССНМ спортивные организации. Конечно, это не могло быть решением долговременного плана, поскольку в этом случае заниматься спортом и участвовать в соревнованиях могли лишь немногие, а условия для этого были ограничены.

Памятуя об опыте рабочего спортивного движения, я постоянно поднимал в Правлении СЕПГ, в беседах с ответственными за работу с молодежью в профсоюзах, с работниками молодежного союза, отвечающими за спорт, вопрос о том, как следовало бы более эффективно содействовать развитию спорта. Наконец мы нашли хороший путь. 1 августа 1948 г. Центральный совет ССНМ и Центральное правление ОСНП выступили с совместным призывом ко всем трудящимся, заинтересованным в занятиях спортом, создать единое демократическое спортивное движение. 1 октября 1948 г. оно было создано. В берлинском Доме молодежи организационно оформился Немецкий спортивный комитет. Целью его создания было провозглашено такое развитие спорта, которое «служило бы поддержанию здоровья, повышению производительности труда на предприятиях и тем самым создавало бы чувство радости, бодрости духа, позволяло бы хорошо отдохнуть».

Я участвовал в основании этой организации как председатель ССНМ. За столом сидели работники нашего молодежного союза и профсоюзов, опытные товарищи из рабочего спортивного движения, а также представители бывших буржуазных спортивных клубов. Мы собрались вместе, чтобы создать новое спортивное движение, которое извлекло уроки из прошлого, когда спорт служил интересам и целям немецкого милитаризма и фашизма. Несмотря на некоторые различия во мнениях, все мы были едины в одном. Спорт должен служить исключительно миру, демократии и общественному прогрессу. В этот день была открыта новая глава в истории немецкого спорта, которая содействовала подъему нашей страны.

Новое, демократическое спортивное движение быстро завоевывало авторитет. Зимой 1948/49 г. оно организовало первые соревнования по зимним видам спорта в Оберхофе, где раньше был курорт для дворянства, финансовых и промышленных тузов. Несколько позже наши спортсмены были приглашены на второй Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1949 г. в Будапешт. На берега Дуная мы направили сильную команду. Там нас сначала ждало разочарование. Поскольку наши спортивные объединения еще не были признаны на международной арене, студенческие деятели из западных стран запротестовали против участия наших спортсменов в соревнованиях. Они начались без нас. Венгерские друзья все же нашли выход. Они объявили матч наших футболистов с венгерской командой как встречу профсоюзных

команд. Поскольку наши профсоюзы уже входили в состав Всемирной федерации профсоюзов (ВФП) и одновременно выступали официально как организация, создавшая наше спортивное движение, это был действительно хороший выход. И наши спортсмены смогли впервые попробовать в Будапеште свои силы в международных соревнованиях.

В декабре 1949 г. шахматная федерация СССР получила согласие международной шахматной федерации на участие нашей шахматистки Эдит Келлер в чемпионате мира. Советский посол в ГДР передал официальное приглашение, и Эдит Келлер смогла поехать в Москву. Там она заняла пятое место. 12 июля 1950 г. наша шахматная федерация как первая спортивная организация ГДР была принята в члены соответствующей международной федерации. Но потребовалось еще больше двух десятилетий, прежде чем спорт ГДР смог обрести все те права, которыми обладает в соответствии с международными правилами самостоятельное спортивное движение независимого государства.

В первые годы нам пришлось поломать голову над организацией спортивных занятий в школах. Почти 90% учителей физкультуры были членами нацистской партии. О том, чтобы привлечь их в новую школу, не могло быть и речи. Надлежало заменить этих людей учителями-антифашистами. В утвержденном 1 июля 1946 г. первом учебном плане по предмету «физическое воспитание» четко говорилось, что спорт в школе должен способствовать «формированию личности... и гармоничному развитию молодежи».

Первый закон о молодежи от февраля 1950 г. содержал многие мероприятия по содействию спорту и отдыху. Он установил, что вводятся спортивные значки, что должно возрасти производство спортинвентаря и что выделялось 20,5 млн. марок на строительство 19 спортзалов, стадионов и спортивных площадок. Важнейшим объектом было объявлено строительство здания Высшей школы по физической культуре и спорту в Лейпциге, которая 22 октября 1950 г. впервые открыла свои двери для студентов. Тогда их было всего 96 человек. В том же году Министерство просвещения ГДР должно было подготовить 700 учителей спорта и 100 преподавателей плавания. Немного позже распоряжением Министерства просвещения во всех школах в качестве обязательных предметов вводились физкультура и плавание. С тех пор молодое спортивное движение и органы народного просвещения тесно сотрудничают в области развития спорта.

Во время третьего Всемирного фестиваля молодежи и студентов летом 1951 г. в Берлине состоялась также и одиннадцатая летняя Универсиада. Это был самый большой международный спортивный праздник, который до этого проводился на территории ГДР. Победители Универсиады считались одновременно и чемпионами мира среди студентов. Тогда впервые в ГДР приеха-

ла команда СССР, в которую входили спортсмены с мировым именем. В ходе состязаний спортсмены двух стран подружились, было положено начало тесным спортивным связям между ГДР и СССР. Вспоминается праздничная атмосфера на берлинском Восточном вокзале, когда я провожал эту команду и мы сердечно прощались с ней под восторженные возгласы многих тысяч провожающих.

К тому времени спортивное движение охватывало уже три четверти миллиона граждан ГДР. Оно вырастало в поистине народное спортивное движение. Впрочем, пока еще недоставало представительства нашей страны в международном спортивном и в олимпийском движении.

22 апреля 1951 г. в Берлине сформировался Национальный Олимпийский комитет (НОК) ГДР. В его уставе подчеркивалось, что свою задачу комитет видит в том, чтобы «в духе идеи основателя Олимпийских игр нового времени барона Кубертена воспитывать молодежь в спортивных состязаниях в духе дружбы и мира между народами, готовить спортсменов ГДР к участию в Олимпийских играх».

Это оказалось, однако, чрезвычайно сложной проблемой. В Международном Олимпийском комитете большинство было против участия спортсменов ГДР в Играх под предлогом, что в Играх может участвовать только *одна* немецкая команда. Фактически это большинство шло на поводу правительства ФРГ, претендовавшего на единоличное представительство всех немцев. В течение последующих лет также было немало попыток воспрепятствовать участию спортсменов ГДР в международных соревнованиях. Определенные круги пытались прежде всего не допустить, чтобы наши спортсмены выступали под флагом ГДР, чтобы исполнялся гимн ГДР. Иначе говоря, чтобы они выступали так, как в течение многих десятилетий выступают на международных соревнованиях спортсмены других стран. Предпринимая такие дискриминационные действия, определенные круги, прежде всего в странах НАТО, полагали тогда, что смогут не допустить международно-правового признания ГДР. В конце концов под давлением международной общественности был достигнут компромисс, который предусматривал возможность участия в Олимпийских играх команды из двух государств — ГДР и ФРГ — с нейтральными эмблемами. Так было с 1956 по 1964 г.

Однако уже тогда мы поддерживали тесные отношения в области спорта со многими странами. В 1948 г. Польская Народная Республика и Чехословацкая Республика организовали этапную велогонку между Варшавой и Прагой. В 1952 г. нас пригласили стать третьей страной — устроительницей таких гонок. Так возникла «велогонка мира», которая ежегодно в мае собирает на своем старте лучших велосипедистов-любителей всего мира и привлекает миллионы зрителей.

Мне неоднократно поручалось принимать участников этих гонок от имени ГДР, и я с удовольствием находился среди этих спортсменов, к самоотверженности и боевому духу которых я всегда относился с большим уважением. В 1957 г. такой прием состоялся в Доме культуры одного из машиностроительных предприятий в Гёрлице. Тренер бельгийской команды Сильвер Мэс, который дважды выигрывал гонку профессионалов «Тур де Франс», сердечно поблагодарил за прекрасную организацию гонок и за гостеприимство, которые особенно отличали это соревнование.

Велогонщик Густав Адольф Шур из Магдебурга стал самым известным спортсменом нашей страны в «велогонке мира». Его популярность сохранилась и поныне. Он уже много лет избирается депутатом Народной палаты и является моим коллегой — сначала по фракции ССНМ, а затем по фракции СЕПГ.

Как я уже упоминал, в конце 50-х годов мне было поручено заниматься в Секретариате ЦК СЕПГ вопросами молодежной политики партии, а также политики в области спорта. Таким образом, были продолжены мои тесные и к тому же очень близкие мне связи с молодежью и со спортом.

Новый этап в истории немецкого спортивного движения начался в конце апреля 1957 г., когда в Берлине был создан Немецкий спортивно-гимнастический союз (НСГС). К этому времени созрели условия для формирования единой организации гимнастов и спортсменов ГДР. Вскоре эта новая организация насчитывала уже более миллиона членов.

По поручению Центрального Комитета я участвовал в работе организационной конференции союза и передал спортсменам приветствие и наилучшие пожелания нашей партии. Мы были убеждены в том, что НСГС поможет спортсменам ГДР еще эффективнее, чем до сих пор, участвовать в строительстве социализма в нашей стране, работать над дальнейшим развитием социалистической физической культуры. В уставе организации констатировалось, что НСГС как организация гимнастов и спортсменов Германской Демократической Республики видит свою важнейшую задачу в том, чтобы привлекать все население, и прежде всего молодежь, к занятиям физкультурой и спортом, способствовать всестороннему формированию здоровых и жизнерадостных людей и помогать тем самым в строительстве социалистического общественного строя. Речь шла о том, чтобы обеспечить участие широких слоев населения в занятиях спортом под руководством спортивной организации, и о том — на это я указал особо,— чтобы активнее развивать молодежный и детский спорт.

Когда мы в 1960 г. на торжественном заседании подводили итоги за 10 лет осуществления первого закона о молодежи, они выглядели весьма внушительно. В распоряжении спортсменов ГДР находилось 19 тыс. спортивных сооружений. В Лейпциге был

построен стадион, вмещающий 100 тыс. зрителей, в Берлине — большой спортивный зал, в Ростоке — плавательный бассейн, а в городке Клингенталь — один из самых современных по тем временам трамплинов. Более 1,3 млн. граждан сдали нормы и получили спортивные значки, лишь в 1959 г. спортом активно занимались более 4,2 млн. человек. Атлеты ГДР установили 24 мировых и 28 европейских рекордов. Велогонщик Густав Адольф Шур дважды завоевывал титул чемпиона мира. Боксер Вольфганг Берендт получил первую золотую олимпийскую медаль. Гизела Биркемейер и Криста Штубник — первые наши женщины, добившиеся успехов в легкой атлетике.

Были реализованы многочисленные идеи и инициативы, для того, чтобы спорт стал более массовым. Так, наша молодежная газета организовала мероприятия под девизом «Место встречи — Олимпия», где наиболее известные спортсмены, не стремясь устанавливать рекорды, проводили соревнования, мерились силой с теми, кто любит спорт. Вскоре в таких встречах стали с большим интересом принимать участие тысячи людей. Я вспоминаю об одной из таких встреч 3 июня 1959 г., когда наша команда в составе Вальтера Ульбрихта, Альфреда Ноймана, Пауля Фернера, двух молодых товарищей и меня играла в волейбол. Игра состояла, правда, из одной партии, которую мы выиграли со счетом 15: 8.

Большие гимнастические и спортивные праздники стали уже традицией нашего спортивного движения, всей нашей страны. На них не ставится цель добиваться рекордов. Мы хотим, чтобы эти события стали радостными праздниками здоровья, силы и ловкости для многих сотен тысяч граждан.

Упомянутый мною итог нашей работы по осуществлению первого закона о молодежи включал и поездку команды ГДР в США. На зимних Олимпийских играх 1960 г. в Скво-Вэлли Северная Америка впервые увидела старты спортсменов ГДР, которые тогда все еще входили в смешанную команду двух государств — ГДР и ФРГ. Мы напутствовали их словами, что рассматриваем их как посланцев мира и дружбы, как представителей первого немецкого государства рабочих и крестьян, которые должны содействовать налаживанию новых спортивных связей. Это удалось, хотя на этом пути встретилось и немало трудностей. Как известно, власти США отказали во въездных визах тренерам и спортивным журналистам из ГДР. Тогда генеральный секретарь нашего спортивного союза лыжников выступил в качестве радиокомментатора, рассказав о победе на Олимпиаде нашего прыгуна с трамплина Гельмута Рекнагеля. В ходе дальнейших встреч между представителями США и ГДР такого рода проблемы постепенно удалось снять.

Двумя Олимпиадами позже, в Мехико в 1968 году, ГДР впервые была представлена самостоятельной командой. К тому време-

ни наши спортсмены благодаря своим успехам стали пользоваться известностью на международных соревнованиях.

Некоторые утверждают, будто мы начали «охоту за медалями», преследуя какие-то особые цели, не имеющие отношения к спорту. В этой связи хотелось бы заметить, что физическая культура и спорт интересуют нас, коммунистов, прежде всего потому, что они помогают привлечь людей к более здоровому образу жизни и тем самым продлить их жизнь, не говоря уже о том, что путь к спортивной площадке часто избавляет от пути к врачу. Спорт способствует формированию положительных черт характера, что, как и хорошее физическое развитие, должно быть присуще всесторонне развитому человеку. Гимнастические и спортивные праздники, детские и юношеские спартакиады, спортивные мероприятия на досуге и во время отпуска — все это мы организуем для того, чтобы привлечь все большее число людей к занятиям спортом.

При этом конечно же обнаруживаются многие таланты, что было бы невозможно без массовости нашего спортивного движения. То, что эти люди стремятся в дальнейшем к совершенствованию и достижению высших результатов,— вполне естественное стремление, а мы их всячески поддерживаем. И если они добиваются побед на мировых чемпионатах и на Олимпийских играх, то становятся достойным примером подражания для других.

В целом можно сказать, что спорт, ориентирующийся на высшие достижения, массовый спорт и систематические занятия спортом в школах содействовали росту авторитета нашего социалистического государства, снискали нам немалое уважение за рубежом. Мы и в дальнейшем будем уделять внимание и спорту, ориентирующемуся на высшие достижения, и массовому спорту, мы будем высоко оценивать достижения не только победителей Олимпийских игр, но и победителей на детских и юношеских спартакиадах, тренеров наших лучших спортсменов и преподавателей физической культуры в школе.

Благодаря этому спорт и физкультура занимают теперь прочное место в общественной жизни ГДР. Спортивные занятия стали для многих граждан нашей страны постоянной потребностью. В этой связи следует указать на Конституцию нашей республики, которая предусматривает, что в целях всестороннего развития социалистической личности государство также оказывает содействие участию граждан в занятиях физкультурой и спортом.

В 60-х годах я часто встречался со спортсменами нашей страны, которые рассказывали мне о некоторых неприятных инцидентах. Так, правительство ФРГ потребовало от своих союзников по НАТО не разрешать в принципе въезд спортсменов ГДР в их страны. В результате этого многие наши лучшие спортсмены не смог-

ли участвовать в различных чемпионатах. Это было явное использование спорта как средства политического давления. В те годы был также запрещен подъем флага ГДР в ФРГ и во всех странах НАТО. Это преследовалось полицией. В Майнце против семи наших гимнасток было брошено 50 полицейских, чтобы заставить их снять привезенный ими флаг ГДР. Я мог бы привести десятки таких примеров. Но эти происки не смогли помешать подъему спорта в ГДР.

Поэтому понятно, что мы с особой радостью встречали наши команды, возвращавшиеся с Олимпийских игр, мировых и европейских чемпионатов с победами. На летних Олимпийских играх в Монреале в 1976 г. спортсмены из социалистических стран, как известно, впервые завоевали более половины всех медалей и общей суммы очков. После этих Игр мы пригласили во Дворец Республики всю команду ГДР, включая, разумеется, и тех, кто остался без медалей, а также тренеров, создателей яхт и лодок, помощников и врачей — всех их вместе с супругами. Я поблагодарил их за достигнутые успехи и сообщил собравшимся, что в ГДР в преддверии Олимпийских игр почти 98 тыс. детей, юношей и девушек приняли участие в соревнованиях на спартакиадах и в кроссах здоровья.

На этот праздничный прием вместе с нашей олимпийской командой мы пригласили во Дворец Республики и победителей спартакиад, чтобы продемонстрировать тесную связь массового спорта и спорта, ориентирующегося на высшие достижения. Детские и юношеские спартакиады давно уже стали у нас спортивными праздниками с богатыми традициями. В каждом округе ГДР ежегодно проводятся спартакиады (праздники их открытия всегда бывают очень интересными), а каждые два года лучшие молодые спортсмены ГДР во всех видах спорта встречаются на «большой» спартакиаде в нашей столице — Берлине или в Лейпциге на устраиваемых там и имеющих не менее богатые традиции праздниках гимнастики и спорта. В зимние месяцы проводятся спартакиады в наших центрах зимнего спорта.

Мы по-разному чествуем наших лучших спортсменов за их великолепные достижения. Они обогатили жизнь нашего народа и оказали ГДР неоценимую услугу, способствовав росту ее международного авторитета.

Когда ГДР отмечала свое 30-летие, НСГС насчитывал уже свыше 3 млн. членов. Такие масштабы были достаточным основанием для того, чтобы подвести итоги проделанной работы вместе со спортсменами, тренерами, учителями физической культуры и сотрудниками спортивных организаций. Это была одна из самых волнующих моих встреч со спортсменами. Мы вспомнили трудные первые годы — молодые участники встречи знали о них только по рассказам. В памяти всплыли воспоминания о приезде к нам советских тренеров, чтобы помочь нам сделать первые шаги на

спортивных аренах мира. А теперь мы уже могли сказать, что «ученики» тех лет по многим видам спорта стали «учителями». Ныне тренеры из ГДР работают во многих странах мира. В нашей Высшей школе физкультуры в Лейпциге обучаются тренеры и студенты из многих стран, прежде всего Африки и Азии, приобретающие новые знания в спортивной науке.

Иногда меня спрашивают, посещаю ли я сам спортивные площадки и какой вид спорта предпочитаю. На этот вопрос ответить непросто. В молодости я любил гимнастические упражнения на снарядах, регулярно занимался общей гимнастикой, охотно играл в ручной мяч. Я и сегодня люблю гимнастику на снарядах. Впрочем, на большее, чем на ежедневную зарядку, времени не остается. Люблю я и поохотиться.

19.
Новые горизонты молодежи

Незадолго до 30-летия Германской Демократической Республики детям нашей страны был преподнесен прекрасный подарок — новый Дворец пионеров им. Э. Тельмана в Вульхайде близ Берлина. Еще в мае 1950 г. я присутствовал на церемонии, когда первый президент нашей республики Вильгельм Пик передал в распоряжение детей первое крупное сооружение — пионерский парк им. Э. Тельмана. В июле 1952 г. мы открыли в присутствии нашего президента пионерскую республику им. Вильгельма Пика на озере Вербеллин недалеко от Берлина. Дети из всех округов ГДР вместе со своими молодыми друзьями из многих стран мира интересно и весело проводят там свои каникулы.

Понятно, с какой радостью участвовал я теперь в церемонии открытия нового Дворца в этом историческом месте. Было приятно видеть, с каким восхищением и знанием дела осваивали дети свой новый дом. Он предоставляет им богатые возможности интересно проводить свой досуг — играть, танцевать, петь, заниматься спортом, ставить театральные пьесы, пробовать свои силы как космонавты, проводить физические и химические опыты, выращивать рыбок, строить летающие модели самолетов.

В тот день вспомнилось прошлое, в памяти ожили детство и школьные годы. Вопросы образования и воспитания всегда живо интересовали меня. Тогда мы, дети пролетариев, на собственном горьком опыте каждодневно убеждались в том, что буржуазная школа была призвана прежде всего служить интересам капиталистов и помещиков. Поэтому было неудивительно — и мы считали это тогда само собой разумеющимся,— что дети рабочих могли, как правило, посещать только народную школу. Более высокое образование — учеба в гимназии и тем более в университете — было не по карману нашим родителям. В народных школах нам, будущим рабочим по найму, давались лишь элементарные знания, необходимые для того, чтобы увеличивать богатство богатых. Самыми различными средствами, нередко и при помощи палки, нам пытались внушить, что существующий порядок вечен. Выше я уже пояснил, почему все эти усилия не оказали на меня никакого воздействия.

И все же я получил восьмилетнее образование в народной школе. В период с 1918 по 1945 г. это было доступно далеко не во всех областях Германии, хотя обязательное восьмилетнее образование в рейхе было введено уже давно. Получить более или менее солидные знания в школе мне удалось, как я уже упоминал, благодаря некоторым учителям, которые всячески старались сделать для нас максимум возможного. Но прежде всего я обязан этим своим родителям и молодежной организации «Союз Спартака», которые

и приобщили меня к знаниям, передали жизненный опыт. Все это, конечно, явно отличалось от того, какое образование получали дети богатых родителей. Для них не существовало никаких социальных или материальных барьеров. После 4 лет народной школы они переходили в так называемые школы более высокой ступени — если они уже с самого начала не обучались в частных школах — и получали аттестат, дававший право поступать в высшую школу. Таким образом, университеты и высшие школы были доступны почти исключительно лишь для детей из этих слоев. Там их готовили на руководящие посты в обществе.

В школьные годы я еще не сознавал того, что стало для меня совершенно очевидным позднее,— псевдонаучности некоторых теорий, например реакционной «теории о способностях», которая пыталась «доказать», что получить высшее образование способны лишь дети представителей господствовавшего тогда класса. Этим определялась и кадровая политика на капиталистических предприятиях и в буржуазном государственном аппарате. Для детей рабочих и крестьян, за редкими исключениями, высшее образование было недоступно. Правящие круги рьяно оберегали свою монополию на образование.

Как беспардонно это делалось в деревне, я увидел, когда гостил в Померании. Несмотря на обязательное восьмиклассное образование, там во многих деревнях были лишь школы с одной классной комнатой и одним учителем. Он обучал всех детей вместе — от 1-го до 8-го класса. А помещик в зависимости от хода сельскохозяйственных работ решал, когда ученики могли учиться и когда им следовало работать в поле. Один мекленбургский помещик изрек однажды: «Хватает одного осла *перед* плугом и одного — *за* ним».

В Коммунистическом союзе молодежи и в компартии мы всегда рассматривали вопросы образования и воспитания как неразрывную составную часть всей нашей политической борьбы против эксплуатации и угнетения, за строительство нового, социалистического общества. Мы выступали и за решительную демократизацию всей системы образования. При этом мы опирались на идеи прогрессивной педагогики о всестороннем и гармоничном развитии личности на основе единой научной системы образования для всех детей. В области просвещения революционное немецкое рабочее движение стало наследником всего прогрессивного в истории немецкого народа и мировой культуры.

В период господства нацистов все образовательные учреждения были подчинены крайне реакционным, агрессивным и антигуманным целям этой системы. Когда мы, коммунисты, после освобождения Советской Армией приступили к своей работе, мы столкнулись с чрезвычайно трудными проблемами и в сфере образования. Длившееся многие годы влияние фашистского и милитаристского мракобесия оставило губительный след в сознании детей и молодежи.

Но это еще не все. Враждебная культуре и образованию политика нацистского режима и война создали хаос во всех областях образования. Весной 1945 г. не работало ни одно учебное заведение. Не было ни учебников, ни тетрадей, нечем было писать. Но хуже всего было то, что большинство учителей вели себя как активные нацисты, пропагандировали и защищали фашистскую идеологию. Разумеется, они больше не должны были работать в области образования.

Необходимы были быстрые и энергичные меры, чтобы вновь начать занятия в школах и других учебных заведениях и создать хотя бы элементарные условия для обучения детей. В этих условиях полностью оправдала себя наша концепция системы образования, которая была разработана еще в 1944 г. комиссией под руководством Вильгельма Пика. Уже неоднократно упоминавшееся воззвание Центрального Комитета КПГ от 11 июня 1945 г. содержало также положения, касавшиеся системы образования: «Очистить всю систему образования и воспитания от фашистской и реакционной нечисти. Утвердить во всех школах и учебных заведениях подлинно демократический, прогрессивный и свободный дух».

Такие революционные меры, как слом реакционного госаппарата, лишение крупной буржуазии власти, демократическая земельная реформа и создание демократических органов управления, были предпосылками также и для успешного осуществления антифашистско-демократической реформы образования. Она принесла с собой самые глубокие изменения в немецкой системе образования за всю ее историю.

В середине 1946 г. президиумы управлений земель и провинций советской зоны оккупации приняли законы о демократизации школы. Эти законы впервые в истории немецкой школы определили, что целью народного образования является «воспитание молодежи в духе, свободном от нацистских и милитаристских воззрений, в духе мирного и дружественного сосуществования народов, в духе подлинной демократии и подлинной гуманности». На этой основе и в соответствии с требованиями Потсдамского соглашения возникла новая единая школьная система последовательно государственного и светского характера с восьмилетней начальной школой для *всех* детей, дополняемой четырехлетней средней школой, которая давала право на поступление в вуз; предусматривалось двух-трехгодичное профессиональное обучение для каждого юноши и девушки.

В 1945—1946 гг. 80% всех учителей — те, кто служил фашистскому режиму,— были уволены из учебных заведений. Они получили возможность работать по другим специальностям. В дальнейшем часть из них получила возможность вернуться в школы.

Нам было необходимо в кратчайшие сроки подготовить новых педагогов. При этом речь могла идти лишь о людях, которые могли

бы целиком посвятить себя делу воспитания молодого поколения в антифашистско-демократическом духе. Уже в 1945/46 учебном году 15 тыс. «новых учителей», как их тогда называли, а в 1946/47 учебном году еще 25 тысяч приступили к работе. Они принадлежали к первой группе новой антифашистско-демократической, позднее — социалистической интеллигенции. Самоотверженно отдавая все свои силы, они, наряду со своей педагогической деятельностью, повышали свою квалификацию, занимаясь на вечерних курсах или заочно. Многие из них, накопив богатый опыт, стали директорами наших школ, школьными инспекторами, партийными работниками и учеными в области педагогических наук. Помнится, что тогда союз молодежи направлял многих своих членов на учительскую подготовку.

В результате объединения небольших школ и направления в сельские районы большого числа новых учителей повысилось качество обучения и воспитания в сельских школах, которые по своему уровню постепенно стали приближаться к городским.

В народной школе мы ввели тогда — впервые в истории немецкой школы,— начиная с 5-го класса, построенное на научной основе преподавание географии, истории, биологии, химии, физики, математики, литературы, а также иностранного языка — это был русский язык. Основы естественных и общественных наук, наиболее ценные произведения немецкой и мировой литературы, книги и драматические произведения Готхольда Эфраима Лессинга, Иоганна Вольфганга Гёте и Фридриха Шиллера, Генриха Гейне и Фридриха Готлиба Клопштока, Чарлза Диккенса, Стендаля, Оноре де Бальзака, Льва Толстого, Антона Чехова и Федора Достоевского, книги братьев Томаса и Генриха Манна, Анны Зегерс, Фридриха Вольфа, Бертольта Брехта и Иоганнеса Р. Бехера, Николая Островского, Максима Горького и Михаила Шолохова — все, к чему раньше преднамеренно был закрыт доступ для трудящейся молодежи, стало теперь главным содержанием общего образования. Отныне все это стало играть важную роль в формировании духовного мира молодежи.

Создание единой школы и все расширяющиеся возможности для детей рабочих и крестьян, а также для трудящейся молодежи получать законченное среднее образование явились важным шагом в ликвидации прежних привилегий на получение образования и в осуществлении одного из основных прав молодого поколения — права на образование.

В результате многолетней работы, после преодоления больших материальных трудностей, предубеждений и отсталых взглядов нам удалось осуществить главные требования в области школьной политики и педагогики, которые с 1848 г. выдвигались революционным рабочим движением, а еще ранее — прогрессивными педагогами из буржуазной среды. Это были требования о переводе образования на государственную основу, о том, чтобы оно было

светским, имело единую систему, строилось на научной основе, чтобы все имели равные возможности для получения образования.

Когда вспоминаешь те годы и задаешься вопросом, как же мы смогли решить все эти сложные проблемы создания новой системы образования, то следует прежде всего подчеркнуть значение той бескорыстной поддержки, которую оказывали нам офицеры советской военной администрации в Германии, занимавшиеся вопросами культуры и образования. Убежденные интернационалисты, они всегда помогали нам, делясь своими богатыми политическими и педагогическими знаниями. Помощь начиналась с того, что они помогали раздобыть бумагу для первых новых учебников, карандаши, стройматериалы для срочного ремонта школ или самое необходимое для осиротевших или беспризорных детей. От поддержки, оказанной нам советскими друзьями в первые годы, лежит прямой путь к интенсивному сотрудничеству в области школьной политики и педагогики между Министерствами просвещения и Академиями педагогических наук ГДР и СССР.

Ход событий убедительно подтвердил правильность нашей политики в области народного образования. К этому хотелось бы добавить следующее. У нашей партии — таковы ее природа и цели — молодежь всегда была на переднем плане. Поэтому мы с самого начала предоставляли девушкам и юношам — членам пионерской организации и ССНМ — широкие возможности для самостоятельных действий в строительстве новой жизни. Мы побуждали их к активному участию в революционных преобразованиях нашего общества и овладению знаниями и опытом. Вильгельм Пик сказал тогда юным пионерам: «Вам принадлежит будущее нашего народа... Тому, кто хорошо и прилежно учится в школе, мы дадим все возможности стать крупным ученым или исследователем, крупным инженером или техником, изобретателем или рационализатором производства».

Дети и молодежь, которые более 30 лет назад впервые смогли воспользоваться плодами демократической школьной реформы и начали свой путь членами пионерской организации или ССНМ, принадлежат ныне к поколению 40—50-летних граждан нашей страны. Это высококвалифицированные и политически зрелые рабочие, инженеры и конструкторы на народных предприятиях, кооперированные крестьяне, агрономы и зоотехники в наших социалистических сельскохозяйственных кооперативах и народных имениях. Это ученые, творчески работающие в высшей школе и академиях, это и целая армия педагогов и деятелей культуры. И конечно же это самоотверженные работники партийного и государственного аппарата и все те, кто защищает наши достижения.

С каким пренебрежением и цинизмом относятся к людям некоторые реакционеры, живущие лишь прошлым, свидетельствует пример некоего господина Хартнаке, который в 1933—1935 гг. был

министром народного просвещения в Саксонии. В 1946 г., перебравшись в Западный Берлин, он писал: «Нет большего заблуждения, будто дурак, получив образование, поумнеет. Нужно видеть и опасность того, что слишком много знаний могут прийтись не по уму. Тогда из человека ничего не выйдет, кроме путаника, неспособного переварить свои знания».

Почему же реакция везде и повсюду выступает против системы народного образования, предоставляющей всем равные права? Чего она боится? Еще в 1872 г. Вильгельм Либкнехт заявил, что знание есть сила, сила — это и знание. Мы шаг за шагом, систематически и последовательно создавали нашу систему образования с учетом того, в чем нуждалось общество и какими возможностями оно располагало. Основополагающие решения по вопросам общественного развития мы всегда увязывали с решениями в области народного образования. Создавая основы социализма в ГДР в 50-е годы, мы углубляли содержание и совершенствовали структуру системы образования. Надо было готовить молодежь к тому, чтобы она могла активно участвовать в строительстве социалистического общества, творчески трудиться, пользоваться богатствами культуры.

Мы стремились укреплять связь школы с жизнью, как можно полнее реализовать великую идею соединения производственного труда с обучением и занятиями физкультурой, которую Маркс называл единственным методом создания всесторонне развитого человека. При этом становилось все более очевидным, что восьмиклассное школьное образование как общее образование для всех вскоре уже будет недостаточным.

В конце 50 — начале 60-х годов мы неоднократно обсуждали эти вопросы в ЦК СЕПГ. Общественное развитие в ГДР характеризовалось в то время победой социалистических производственных отношений. Поэтому перед нами встала задача создания такой системы образования, которая отвечала бы потребностям развитого социалистического общества, к строительству которого мы тогда переходили.

Для этого у нас имелись уже хорошие предпосылки в сложившейся к тому времени системе народного образования. Начали действовать первые средние школы-десятилетки, которые должны были заменить восьмиклассные школы. Было введено политехническое обучение. Получили развитие разнообразные формы соединения учебы и производственного труда. С 1958 г. ученики 7—10-х классов учатся и работают один день в неделю на социалистических предприятиях промышленности и сельского хозяйства. Таким путем они хорошо усваивают значение научных знаний для практической работы и учатся применять свои знания на производстве. Они знакомятся со многими интересными профессиями, и это помогает молодым людям в выборе их будущей специальности. Наряду с этим они знакомятся с основополагающими

проблемами научно-технического прогресса и экономики. Расширяется их политический и духовный кругозор.

С созданием ремесленных училищ на народных предприятиях возникли новые условия для подготовки квалифицированных рабочих в системе профессионального обучения. В этих училищах овладение техническими знаниями по специальности тесно увязано с профессиональным производственным обучением. В соответствии с потребностями народного хозяйства была также расширена сеть средних специальных учебных заведений. Повысился научный уровень подготовки в университетах и вузах в результате введения изучения основ марксизма-ленинизма, других изменений учебных программ и организационных мероприятий.

В первой половине 60-х годов мы проанализировали опыт и подвели итоги проведенной работы в области народного образования, разработали основы нового основополагающего закона об образовании, которые были выдвинуты на всенародное обсуждение. В нем приняло участие все население страны. Тысячи внесенных в ходе обсуждения предложений были тщательно рассмотрены и учтены. После такой подготовительной работы с участием всего народа Народная палата ГДР приняла в 1965 г. «Закон о единой системе образования». Он и поныне является важной основой нашей работы в области народного образования. Этот закон нацеливает единую систему государственных и общественных учебных заведений на последовательное достижение общей цели — формирование всесторонне и гармонично развитой социалистической личности.

В соответствии с этим система народного образования в нашей стране строится следующим образом: дети в возрасте от одного года до трех лет воспитываются в яслях; в возрасте от трех до шести лет они могут посещать детские сады. Затем следует общеобразовательная средняя школа-десятилетка. Ее посещение обязательно, и она является основой для дальнейшей учебы. Теперь эту школу заканчивают свыше 90% всех детей. После окончания 10-го класса большинство юношей и девушек — примерно 85% — идут в ремесленные училища и в течение 2—3 лет получают профессию. Около 15% учеников посещают по окончании 10-го класса различные учебные заведения, где получают аттестат зрелости, и продолжают учебу в университетах и вузах. Этот путь прошли и обе мои дочери. Соня закончила Технический университет в Дрездене и стала дипломированным инженером по технической кибернетике и процессам автоматики. Эрика закончила Университет им. Мартина Лютера в Галле-Виттенберге с дипломом юриста.

Молодые рабочие, хорошо зарекомендовавшие себя на производстве, имеют возможность повысить свою квалификацию в профессиональных школах. Наконец, в различных областях общественной жизни имеются разнообразные возможности для про-

должения образования. Предприятия и другие общественные учреждения имеют собственные высшие учебные заведения, где трудящиеся со средним и специальным образованием продолжают учебу после определенного периода работы по профессии.

Требования закона о единой социалистической системе образования в уже значительной мере воплощены в жизнь. Учебные программы постоянно обновляются с учетом современного уровня знаний в соответствующей области. Все дети имеют не только право, но и возможность посещать в течение 10 лет общеобразовательную политехническую школу-десятилетку. Ныне эта школа является всеобщей и обязательной. Десятиклассное общее образование в сочетании с последующим двухгодичным профессиональным обучением и гарантированным рабочим местом обеспечивает нашей молодежи широкие и надежные возможности для дальнейшего развития. Все это у нас теперь в порядке вещей.

Наша система образования была бы неполной, если бы она не охватывала также и тех детей, которые ввиду физических или психических недостатков не могут обучаться в обычных учебных заведениях. Поэтому мы выделяем значительные материальные средства на подготовку педагогов со специальным образованием, организацию школ, где обучаются и воспитываются под наблюдением врачей дети, например, с дефектами зрения или слуха или с нервными заболеваниями. Мы гордимся тем, что у нас есть учреждения для таких детей, где мы можем дать им образование, приближенное к программам нормальных школ. Для сирот и детей, изъятых из семей, у нас существуют специальные детские дома.

В целом можно сказать, что содержание и структура нашей системы образования таковы, что все нормальные и здоровые дети могут пройти все этапы развития, не попадая в тупиковые ситуации. Наше государство обеспечивает это не в последнюю очередь предоставлением молодежи материальных пособий и стипендий и большим числом социальных учреждений, например интернатов.

А как обстоит дело с развитием способностей и талантов? Прежде всего, как показывает наш многолетний опыт, каждый здоровый и умственно полноценный ребенок способен успешно освоить десятиклассное обучение, равно как и пройти затем профессиональное обучение или поступить в другие учебные заведения, дающие высшее образование. При этом мы убедились, что высокие требования, предъявляемые программой нашей системы общего образования, стимулируют проявление и развитие многих способностей и талантов.

Для развития талантов в школах, пионерской и молодежной организациях действует множество внешкольных кружков. В них дети и молодежь могут развивать свои способности и интересы. В 9-х и 10-х классах школьники могут несколько часов в неделю

на добровольной основе дополнительно заниматься предметом, который им особенно нравится. В районах, округах и в масштабах всей ГДР органами народного образования совместно с союзом молодежи организуются различные научные и художественные конкурсы, например олимпиады по математике, физике, химии и иностранным языкам, соревнования хоров и музыкантов. В таких мероприятиях участвуют десятки тысяч детей, юношей и девушек, а в ежегодных математических олимпиадах и смотрах дружбы — даже миллионы. И, наконец, у нас есть целый ряд школ для особо одаренных детей в области математики, спорта, музыки и танца.

Каждая система образования подчинена господствующей идеологии. Об этом свидетельствует история, и этого мы никогда не замалчивали. Разумеется, мы преподаем в учебных заведениях ГДР научное мировоззрение рабочего класса — основы марксизма-ленинизма. Мы воспитываем молодежь так, чтобы она хорошо училась, была всесторонне образованной, прилежно трудилась, имела четкие политические убеждения и активно участвовала в революционной борьбе наших дней.

Благодаря усилиям учителей и воспитателей в тесном взаимодействии с родителями и промышленными предприятиями создана такая обстановка, когда подавляющее большинство оканчивающих школу считают для себя совершенно естественным получение профессионального образования. Они знают, что их ждет интересная работа по избранной специальности и что их будущее обеспечено. В 1978 г., например, 99% всех окончивших десятилетку, если они не пошли в вузы и специальные учебные заведения, решили получить профессиональное образование.

Более чем тридцатилетние усилия нашего государства, учителей и воспитателей, а также производственное обучение на предприятиях привели к значительным изменениям в квалификационной структуре трудящихся ГДР. Доля высококвалифицированных рабочих превысила 60% от общего числа работающих. 90% всех преподавательских кадров, работающих в высших и средних специальных учебных заведениях, были подготовлены после 1945 г. Число трудящихся, окончивших высшую школу, в расчете на тысячу занятых на социалистических предприятиях увеличилось с 21,8 в 1961 г. до 63,2 человека в 1978 г. Доля трудящихся со средним специальным образованием увеличилась в этот же период с 39 до 115,2 на тысячу работающих. Думается, что это весьма неплохие результаты в сравнении с другими странами.

Каждый шаг в развитии нашей системы народного образования мы определяли совместно со всеми трудящимися, прежде всего с родителями. В годы проведения демократической школьной реформы мы опирались на помощь прогрессивно настроенных родителей, организованных в обществе «Друзья новой школы». С 1951 г. сотни тысяч матерей и отцов ежегодно избираются на

родительских собраниях в состав родительских советов школ и имеющихся в каждом классе родительских активов.

Мы в Политбюро ЦК СЕПГ хорошо понимаем необходимость все более полного осуществления основополагающего права людей на образование. Для нас в социалистическом обществе человек есть мерило всех вещей. Забота о благе, о здоровом и всестороннем развитии детей является делом всего общества и выражает его гуманную сущность. Любовь к детям и забота о них органически присущи социализму.

На 8-м педагогическом конгрессе ГДР в октябре 1978 г., на котором с докладом «Общественные задачи нашей школы» выступила министр народного образования Маргот Хонеккер, было отмечено, что за годы после VIII съезда СЕПГ в школы пришли 68 тыс. новых учителей, а треть всех школьных помещений была построена заново. За этот период только на оборудование школ современными учебными пособиями правительство выделило 1,2 млрд. марок. Широкое общее образование как основа для всякого дальнейшего обучения, солидные знания и навыки необходимы для производительного труда, для активного участия в политической, культурной и духовной жизни общества. В этом состоит необходимая предпосылка творческой деятельности человека.

Действуя в этом направлении, мы совершенствуем нашу общеобразовательную политехническую среднюю школу-десятилетку и уделяем самое большое внимание коммунистическому воспитанию молодежи, т. е. воспитанию высокообразованных, политически убежденных и активных в общественной жизни людей. Ведь сегодня формируется поколение, которое в расцвете своей жизни будет завершать строительство развитого социалистического общества и переходить к строительству коммунизма.

Наша молодежь является продолжателем дела, за которое боролись лучшие сыны и дочери нашего народа, за которое многие из них отдали свои жизни. Она пойдет вперед по пути к коммунистическому обществу. Прокладывать этот путь и идти по нему вместе с молодежью всегда было моим стремлением.

Позади годы тяжелого труда, немало сделано и в области школьной политики. Встречаясь с детьми, каждый, кто участвовал в формировании этого периода истории нашей школы, испытывает радость и счастлив тем, чего мы достигли.

Я счастлив, что причастен к этому. Открывая 3 октября 1979 г. Дворец пионеров, мы могли сказать нашим детям: мы создали наше социалистическое отечество, народ и дети которого живут в достойных человека условиях.

20. Во главе партии

На 16-м пленуме 3 мая 1971 г. Центральный Комитет СЕПГ единогласно избрал меня своим Первым секретарем. Вальтер Ульбрихт обратился с просьбой освободить его от обязанностей Первого секретаря ЦК СЕПГ, поскольку годы берут свое и не позволяют ему продолжать такую напряженную деятельность на этом посту.

Для меня это был, как может понять каждый, особенно знаменательный час. Партия рабочего класса, в рядах которой я к тому времени трудился уже более 40 лет и в которой заключены смысл и содержание всей моей жизни, выдвинула меня на высший партийный пост. Это было свидетельством большого доверия, которое глубоко взволновало меня. Еще в юности я начал бороться в рядах партии Эрнста Тельмана, прошел тяжелую школу борьбы антифашистского движения Сопротивления и провел почти 10 лет в фашистских застенках. Будучи с марта 1946 г. членом ЦК КПГ, я, начиная с объединительного съезда в апреле 1946 г., непрерывно входил в состав Правления и в дальнейшем Центрального Комитета СЕПГ. В 1950 г. меня избрали кандидатом в члены Политбюро, а в 1958 г.— членом Политбюро и секретарем Центрального Комитета.

Более чем два десятилетия деятельности в составе Политбюро оказали решающее воздействие на формирование моей жизни. Я работал плечом к плечу с Вильгельмом Пиком, Отто Гротеволем, Вальтером Ульбрихтом, Фридрихом Эбертом, Бруно Лёйшнером, Германом Матерном, Генрихом Рау и Гербертом Варнке. Благодаря моей деятельности на различных постах в партийном руководстве я был всесторонне подготовлен к исполнению обязанностей на высшем посту нашей партии.

Для немецкого рабочего класса и для народа ГДР является подлинным счастьем, что со времени образования тельмановского Центрального Комитета КПГ постоянно обеспечивались единство и преемственность руководства партией. Я полностью сознавал ту огромную ответственность, которую принял на себя, заняв этот высокий пост. В крепком, испытанном в борьбе коллективном руководстве СЕПГ я видел залог того, что наш Центральный Комитет, вся наша партия всегда будут на высоте возрастающих требований в ходе дальнейшего строительства развитого социалистического общества.

В начале 70-х годов наша партия стояла на пороге важных решений. Выявились новые проблемы в ходе развития, на которые требовалось дать ответ. В соответствии с этим было необходимо разработать принципы и главные направления стратегии и тактики СЕПГ, внутренней и внешней политики ГДР, определить цели

и пути дальнейшего поступательного развития социалистического общества в ГДР.

Когда мы говорим о партийном руководстве, то имеем прежде всего в виду высший орган партии — избираемый съездом партии Центральный Комитет. Его задача состоит в том, чтобы в период между съездами руководить всей деятельностью партии и организовывать выполнение решений. Так, на IX съезде СЕПГ, проходившем с 18 по 22 мая 1976 г. в Берлине в только что сооруженном здании Дворца Республики на площади Карла Маркса, было избрано 145 членов и 57 кандидатов в члены Центрального Комитета, а также 30 членов и 6 кандидатов в члены Центральной ревизионной комиссии. Центральный Комитет, во главе которого стоит Генеральный секретарь, подотчетен съезду; свои пленумы он проводит, как правило, 2 раза в год. Ревизионные комиссии регулярно проверяют организацию деятельности партийных органов, партийного аппарата и учреждений партии, контролируют работу с письмами, предложениями, ход рассмотрения заявлений и критических замечаний, а также финансовую деятельность партии. Своим председателем Центральная ревизионная комиссия избрала Курта Зайбта.

Для политического руководства работой между пленумами Центральный Комитет избирает Политбюро. Оно занимается всеми основополагающими вопросами внутри- и внешнеполитической деятельности СЕПГ, вопросами государственного руководства, развития народного хозяйства и других сфер нашего социалистического общества. Этот коллективный руководящий орган партии объединяет видных деятелей, компетентных в вопросах разработки и принятия решений, включая представителей государства и важнейших общественных организаций.

В состав этого органа, в который 22 мая 1976 г. на 1-м пленуме ЦК СЕПГ было избрано 19 членов и 9 кандидатов, вошли опытные политические деятели разных поколений. Членами Политбюро Центральный Комитет избрал Германа Аксена, Хайнца Гофмана, Герхарда Грюнеберга, Хорста Зиндермана, Вернера Кроликовского, Вернера Ламберца, Эриха Мильке, Гюнтера Миттага, Эриха Мюккенбергера, Конрада Наумана, АльфредаНоймана, Альберта Нордена, Гарри Тиша, Вернера Фельфе, Пауля Вернера, Курта Хагера, Эриха Хонеккера, Вилли Штофа и Фридриха Эберта, а кандидатами в члены Политбюро — Вернера Вальде, Иоахима Германа, Хорста Долюса, Гюнтера Кляйбера, Эгона Крэнца, Ингебург Ланге, Маргарете Мюллер, Герхарда Шюрера и Вернера Яровинского.

Среди них — товарищи, которые еще во времена Веймарской республики работали на ответственных постах в КПГ или СДПГ и участвовали в борьбе против фашизма и войны; за эту деятельность некоторые из них были брошены на многие годы в фашистские тюрьмы или концентрационные лагеря. Другие товарищи —

коммунисты более молодого поколения, проявившие себя в ходе революционных общественных преобразований после освобождения в мае 1945 г., а ныне возглавляющие профсоюзы или социалистическую молодежную организацию, исполняющие руководящие функции в партии, в государственных органах или в других сферах жизни общества.

Для руководства текущей работой, главным образом для осуществления партийных решений и контроля, для подбора кадров Центральный Комитет избирает Секретариат. Такие выборы состоялись 22 мая 1976 г. на уже упоминавшемся 1-м пленуме Центрального Комитета после IX съезда СЕПГ. Секретарями Центрального Комитета СЕПГ были избраны Эрих Хонеккер, Герман Аксен, Иоахим Герман, Герхард Грюнеберг, Хорст Долюс, Вернер Кроликовский, Вернер Ламберц, Ингебург Ланге, Альберт Норден, Пауль Фернер, Курт Хагер и Вернер Яровинский.

В Политбюро в ходе откровенной, товарищеской и деловой дискуссии обсуждаются все основные вопросы общественного развития. По ходу рассмотрения высказываются разносторонние соображения и основывающиеся на опыте мнения, которые служат основой для выработки единой позиции и коллективного принятия соответствующих решений.

В 1970 г. Политбюро неоднократно занималось экономическими вопросами. Возникла необходимость снять ряд дополнительных заданий народнохозяйственного плана, поскольку они оказались нереальными. Они могли бы стать серьезным препятствием для бесперебойного развития народного хозяйства. Поэтому нужно было принять меры для стабилизации всей экономики и обеспечения ее пропорционального развития. Каждый должен был убедиться в том, что социалистическое общество строят люди и что оно создается для людей, что основой общественного богатства является материальное производство.

В тот период мы много сделали для улучшения работы партии во всех сферах общественной жизни. На партийных собраниях, а также в личных беседах, которые я имел со многими рабочими, было внесено много предложений, высказаны пожелания и критические замечания. Все делалось для того, чтобы еще больше крепить связи между СЕПГ и трудящимися.

На 14-м пленуме Центрального Комитета СЕПГ в декабре 1970 г. я подчеркнул, что сила партии не в последнюю очередь зависит от того, как каждый член партии на своем рабочем месте и вместе с партийным коллективом вносит свой вклад в общее дело социалистического строительства. Мы действовали в соответствии с ленинским положением о том, что партия никогда не должна бояться видеть действительность такой, как она есть. Со всей решительностью мы подчеркнули, что в центре всей политики партии стоит человек с его материальными и культурными потребностями, совершенствование его личности и развитие социалистических об-

щественных отношений. На этом пленуме Центрального Комитета был заложен фундамент той экономической политики, которая была затем определена на VIII съезде партии в июне 1971 г. Этот съезд положил начало новому этапу развития истории ГДР.

Когда мы готовили VIII съезд СЕПГ, нас волновал вопрос, каким образом следовало, опираясь на достигнутые к тому времени успехи, с еще большей последовательностью претворять в жизнь идеи и цели социализма в области экономической и социальной политики, т. е. делать все на благо народа. Конечно, мы знали, что даже при самых значительных экономических успехах невозможно удовлетворить все потребности и запросы. Поэтому было необходимо точно определить цели экономической и социальной политики с учетом имевшихся тогда в нашем распоряжении средств и возможностей дальнейшего подъема производительности, которыми располагало народное хозяйство.

В соответствии с этим VIII съезд СЕПГ определил в качестве главной задачи дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа и создание предпосылок для этого на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения эффективности, научно-технического прогресса и роста производительности труда.

Важным исходным пунктом наших планов в 70-х годах являлось то положение, чтобы ни одна из областей общественной жизни не отставала в своем развитии. Только таким путем можно обеспечить широкое развитие общественных отношений, полное раскрытие способностей человека, создание еще более благоприятных возможностей для того, чтобы жизнь людей становилась все полнее и содержательнее, чтобы повышался их культурный уровень. Человек, как известно, жив не хлебом единым, но без хлеба он и вообще не может жить. Мы должны были не только надежно обеспечить материальное снабжение и постоянно улучшать его, но и удовлетворять возрастающие потребности в области образования и культуры. Было начато осуществление обширной социально-политической программы. Ее ядром стало жилищное строительство, о котором я еще расскажу поподробнее. Мы определили меры по дальнейшему улучшению снабжения населения и сохранению действовавших уже более 20 лет в нашей республике стабильных цен на товары первой необходимости и услуги, транспортных тарифов и квартплаты. Особое внимание мы уделяем постепенному улучшению условий труда на предприятиях. К 1980 г. было намечено снизить на 25—30% долю трудящихся, работающих в тяжелых производственных условиях. Улучшается снабжение рабочих и медицинское обслуживание на предприятиях.

Денежные доходы граждан ГДР возрастают ежегодно почти на 4%. Постоянно увеличиваются выплаты из общественных фондов госбюджета. Они используются прежде всего для расширения строительства, для поддержания стабильности цен, тарифов, квартпла-

ты, для улучшения системы образования и здравоохранения, для создания лучших условий отдыха, на развитие культуры и спорта. Кроме того, были намечены меры по увеличению минимального уровня заработной платы, пенсий по старости и инвалидности, увеличению продолжительности основного отпуска для всех трудящихся, отпусков для работающих посменно, отпусков по беременности и родам и постепенному введению 40-часовой рабочей недели. Все это ощутимо сказывается на улучшении условий жизни трудящихся ГДР.

Коротко говоря, мы стремимся постоянно повышать жизненный уровень всего народа. И это ощущают граждане всех классов, слоев и возрастных групп населения.

В условиях строительства развитого социалистического общества основную задачу экономической политики мы видим в том, чтобы путем неуклонного и значительного повышения эффективности обеспечить социальный прогресс как на ближайшую, так и на длительную перспективу. Это и есть та взаимосвязь, которую мы характеризуем как единство экономической и социальной политики. Разумеется, с ростом благосостояния, образовательного и культурного уровня возрастают и становятся разнообразнее потребности граждан. Решить все эти задачи, как показывает опыт, можно лишь при поддержке и активном, сознательном участии подавляющего большинства населения.

Делегаты VIII съезда партии вновь избрали меня членом Центрального Комитета СЕПГ, а на 1-м пленуме ЦК я был избран Первым секретарем ЦК. Решения VIII съезда вызвали большой отклик среди населения. Мои многочисленные встречи с трудящимися на предприятиях и в жилых районах, множество полученных мною писем свидетельствовали о том, что в стране хорошо понимают, что высокие трудовые показатели идут на пользу каждому и всему обществу в целом. В конечном счете каждый своим трудовым вкладом в общее дело участвует в определении того, сколько может быть потреблено обществом.

Живое участие трудящихся в претворении в жизнь нашей экономической и социальной политики, понимание ими того, что при социализме плоды труда принадлежат тем, кто их производит, имеют огромное значение для успеха дела. Реальность наших планов и целей в значительной мере определяется влиянием масс на руководство и планирование, их каждодневной инициативой. Сознательность миллионов является огромной жизненной силой социалистического общества. Мы хотим вместе со всеми строить и совершенствовать социалистическое общество для всех людей нашей страны — вот наша цель. Ничто не может быть осуществлено без силы народа! По собственному опыту могу подтвердить, что при этом огромную роль играют профсоюзы, молодежная организация, массовая организация технической интеллигенции — Палата техники — и многие другие организации.

Выступая в начале 1972 г. на собрании окружной партийной организации в Лейпциге, я уже смог констатировать, что наша экономика успешно развивается в соответствии с разработанной на VIII съезде партии линией. В полную меру проявилась мобилизующая сила наших планов, основывающихся на объективных экономических закономерностях и наших реальных возможностях. Возросла стабильность и устойчивость темпов производства. Улучшились условия для повышения эффективности и быстрого экономического роста. Это дало партийному и государственному руководству возможность раньше, чем предусматривалось, осуществить крупные мероприятия по выполнению социально-политической программы. Центральный Комитет СЕПГ совместно с правлением ОСНП и Советом Министров ГДР разработал под моим руководством соответствующее постановление.

В качестве ключевой проблемы встала задача дальнейшего развития социалистической индустрии, модернизации и реконструкции предприятий. Речь шла о создании новых производственных мощностей, прежде всего в химической промышленности, в машиностроении и особенно в электротехнике и электронике, а также в легкой промышленности, и об их максимальной загрузке.

Достигнутый в первой половине 70-х годов рост эффективности промышленного производства в значительной мере был результатом интенсификации во всех отраслях промышленности. Такую интенсификацию производства мы считаем главным путем дальнейшего развития экономики. Мы выделили крупные средства на капиталовложения в целях модернизации основных средств производства в промышленности, их реконструкции и значительного расширения. В период действия пятилетнего плана 1971—1975 гг. было обновлено 40% станочного и машинного парка промышленности. Степень автоматизации оборудования возросла с 33% в 1970 г. до 42% в 1975 г. Для решения задач интенсификации стали больше использоваться достижения науки и техники. В промышленности результатом этого были прежде всего внедрение новых технологических процессов и выпуск новых изделий, разработка и производство высокоэффективных машин и оборудования, значительная экономия материалов и повышение качества изделий. В 1975 г. примерно половина общего объема производства в металлообрабатывающей промышленности приходилась на изделия, которые были созданы или усовершенствованы в период пятилетнего плана 1971—1975 гг. При этом хотелось бы подчеркнуть, что еще более углубилось научно-техническое сотрудничество с СССР и другими странами СЭВ, что имело немалое значение для интенсификации нашего народного хозяйства. Так, ГДР имела в тот период уже почти 500 договоров и соглашений о специализации и кооперировании в области исследований и производства. В качестве примера можно привести наше участие в создании Единой системы электронно-вычислительной техники.

Но, как это всегда случается в жизни, дорога в будущее не бывает гладкой, нет прогресса без трудностей и новых проблем. Во второй половине 70-х годов перед нами возник ряд сложных проблем. Надо напомнить о том, что примерно с 1974 г. в высокоразвитых капиталистических странах начался сильнейший за послевоенное время кризис перепроизводства. Быстро увеличивалось число безработных. Росла инфляция. Упали реальные доходы трудящихся. Даже в последующие годы после определенного подъема производства вследствие широкой капиталистической рационализации число безработных скорее возросло, чем сократилось. Для этих стран началось время социальных потрясений. Стабильность мирового рынка была подорвана. Положение усугубилось валютным и финансовым кризисами. В захватывающем дух темпе росли цены на энергоносители и важные виды сырья.

Хотелось бы указать здесь на одну особенно важную для нас сторону происходивших событий. Экономика ГДР как высокоразвитого, но небольшого промышленного государства очень тесно связана с внешним рынком. Подавляющая часть нашей внешней торговли приходится, естественно, на дружественные социалистические страны, особенно на СССР. Но начиная с 1971 г., не в последнюю очередь в ходе процесса политической разрядки, быстро начал расти и экономический обмен с западными промышленными государствами. И в этой связи возросло влияние негативных изменений на мировом рынке на наше народное хозяйство; это касается как экспорта, так и импорта. В этих условиях стала очевидной необходимость максимального использования наших внутренних ресурсов — энергии и сырья. При этом было ясно, что и положение на мировом рынке, и необходимые усилия по расширению собственной энергетической и сырьевой базы повлекут за собой значительную дополнительную нагрузку на нашу экономику.

Центральный Комитет и правительство еще раз всесторонне рассмотрели сложившуюся обстановку и сделали соответствующие выводы относительно направлений дальнейшего структурного развития народного хозяйства, инвестиционной деятельности, стратегии импорта и экспорта. В целом мы решили продолжать нашу программу полной занятости, повышения благосостояния народа, подъема экономики и стабильности. Условия нашего социалистического общества позволяли и смогли обеспечить преодоление трудностей и достижение намеченных целей путем повышения эффективности. Мы, конечно, понимали, что все это будет нелегким делом.

К середине 1975 г., когда Центральный Комитет начал подготовку к IX съезду партии, было уже очевидно, что курс на единство экономической и социальной политики полностью оправдал себя. Усердие и труд рабочих, кооперированных крестьян, интеллигенции и всех других трудящихся дали свои плоды.

Я испытывал удовлетворение оттого, что благодаря возросшей активности трудящихся удалось полностью осуществить все то, что было намечено на VIII съезде партии. К 1975 г. национальный доход ГДР вырос по сравнению с 1970 г. на 30%, товарная продукция промышленности возросла на 37%, а внешнеторговый оборот — на 88%. Все это создало основу для значительного повышения реальных доходов граждан, для дальнейшего развития материально-технической базы народного хозяйства и различных социальных областей.

В связи с хорошими итогами возникал не только вопрос о ближайших задачах. Требовалась также выработка перспективных решений по вопросам долгосрочного развития общества. Мы всесторонне обсудили эти проблемы в Политбюро. Речь шла о разработке критериев и признаков развитого социалистического общества с учетом усиления комплексного характера общественных процессов. Мы должны были еще теснее соединить научно-техническую революцию с преимуществами социализма и продолжить развитие материально-технической базы социализма.

В связи с назревшими новыми вопросами в жизни общества мы сочли необходимым разработать новую Программу партии. С этой целью была образована комиссия под моим руководством. Этот коллектив при участии самых широких слоев трудящихся провел большую работу. Мы применили к конкретным условиям ГДР общие проверенные на практике принципы социалистического и коммунистического строительства, тесно увязав при этом задачи сегодняшнего дня с задачами на будущее. При этом для нас было чрезвычайно важно исходить из позиций марксизма-ленинизма и использовать опыт братских партий, в особенности опыт КПСС. Среди ответов па основные вопросы общественного развития должное место должны были, разумеется, занять и социально-политические задачи.

В этой работе мы также следовали оправдавшей себя практике советоваться по всем существенным вопросам жизни общества с трудящимися. Проекты Программы СЕПГ, директив по пятилетнему плану развития народного хозяйства ГДР на 1976—1980 гг. и Устава партии были вынесены на обсуждение членов партии и всех трудящихся. В ходе обсуждения были выдвинуты тысячи предложений, поправок, рекомендаций, в результате чего в документы были внесены ценные дополнения и изменения. Можно по праву сказать, что почерк, которым написана Программа нашей партии,— это почерк всего народа.

На IX съезде СЕПГ в мае 1976 г. я с полным основанием мог заявить, что по мере дальнейшего строительства развитого социалистического общества в ГДР создаются основополагающие предпосылки для постепенного перехода к коммунизму. По поручению ЦК СЕПГ я внес предложение продолжать, исходя из достигнутого высокого уровня развития, осуществление экономической и со-

циальной политики в их единстве. Одновременно я обратил внимание на то, что новые, качественно более высокие экономические и социальные цели требуют значительного подъема эффективности нашей экономики.

Этот политический курс, который был единогласно одобрен съездом, означал последовательное продолжение политики VIII съезда партии. Мы сознательно придерживались того, что содействовало достигнутым нами успехам, и всемерно поддерживали все новое, что служило нашему дальнейшему продвижению вперед. Высшей заповедью нашей политики было и остается благо рабочих и всех трудящихся, счастье народа в условиях социализма и мира.

На съезде были единогласно приняты Программа СЕПГ и другие документы. Это было решение огромной значимости,— им определялся наш курс на период, который охватит несколько пятилеток. Эта цель дает народу ГДР четкую и надежную перспективу.

Избрание меня Генеральным секретарем Центрального Комитета СЕПГ я рассматриваю как высокую честь, как выражение доверия и как долг, не жалея сил, осуществлять определенную съездом партии политику. Как свидетельствует наш опыт, в условиях социализма каждый шаг вперед предъявляет возрастающие требования к партии.

Отмечая 30-летие нашей республики, мы могли констатировать, что наш народ под руководством Социалистической единой партии Германии прошел путь глубоких революционных преобразований во всех сферах жизни. Наше государство буквально поднялось из руин. Это был путь упорного труда, немалых жертв и постоянной ожесточенной классовой борьбы с империализмом. Пришлось преодолеть немало трудностей, решить много возникающих новых проблем, пришлось и кое-чем поступиться. Однако в немецкой истории еще не было государства, где народ может так свободно дышать, где столь полно раскрываются источники общественного богатства, где материальные и культурные ценности использовались бы на благо народа и приумножались столь всеобъемлюще, как в нашем государстве рабочих и крестьян. Особенно наглядно это выявилось в 70-е годы, наиболее насыщенном периоде успешного развития в истории ГДР.

Убежден, что, основываясь на достигнутом,— конечно же, при обязательном условии, что будет сохранен мир,— мы можем оптимистически смотреть в будущее. В 80-е годы нам, несомненно, придется решать не менее сложные задачи, особенно в экономической области. Социалистическая экономика все более будет ориентироваться на рост, поскольку этот качественный и количественный рост необходим нашему обществу для решения стоящих перед ним социальных задач. И наоборот, наше общество содействует этому росту, все более эффективно используя природные ресурсы без ущерба для окружающей человека среды.

Я далек от того, чтобы создавать впечатление, будто мы смот-

рим на вещи через розовые очки. Нам еще предстоит разрешить немало противоречий. Мы не могли сделать свои задачи и наш путь более легкими, чем они есть в действительности.

Нередко те, кто приезжает в ГДР из капиталистических стран, спрашивают: «Как же, собственно, вам удается в то время, когда нас одолевают кризис, безработица и инфляция, объявлять обеспечение полной занятости, стабильность цен, решать социальные задачи?» Что ж, мы не только провозглашаем эти цели, мы и осуществляем их. Ответ заключен в природе социалистического общества, в социалистической собственности на средства производства и порождаемой ими силе трудящихся. Например, рационализация — хорошо знакомое понятие и для граждан нашей страны. Они, как правило, сами активно участвуют в ней. Они знают, что это — путь повышения эффективности труда и улучшения его условий. Такой рационализации, при которой люди теряют работу, оказываются выброшенными из активной трудовой жизни со всеми вытекающими из этого социальными последствиями, иными словами,— капиталистической рационализации у нас не знают. Это характерно для направленного на получение прибылей капиталистического способа производства,— мы же живем по-иному. У нас никому не приходится беспокоиться о праве на труд, о своем рабочем месте. Это гарантировано Конституцией, является повседневной реальностью. Сформулированный Карлом Марксом принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду» является определяющим для труда в социалистическом обществе, неотъемлемым элементом социальной действительности в нашей стране.

Конечно, наша страна не является «островом» в мировой экономике, для которой характерен рост цен. Но сохранение стабильных цен на основные продукты питания, на товары повседневного спроса, на коммунальные услуги, стабильных стоимости проезда на транспорте и квартплаты — все это мы рассматриваем как важный фактор социальной обеспеченности. Мы считаем, что, развивая инициативу трудящихся и повышая производительность труда, можно решить вопросы, которые не поддаются решению путем общего повышения цен. Осуществляя самые различные мероприятия, мы хотим достичь такого повышения производительности труда, которое позволило бы нам закрепить и шаг за шагом поднимать достигнутый жизненный уровень. Предпосылки для этого мы видим в нашем союзе с СССР и другими социалистическими странами, во все более тесном сотрудничестве с ними во всех областях.

В связи с моим упоминанием о социальной обеспеченности в нашей стране следует заметить, что мы вкладываем в это понятие более широкий смысл. Осуществленное у нас право на образование, на творческое раскрытие личности в труде и в свободное время мы понимаем так, что сюда включаются и бесплатное медицинское обслуживание, и достаточное обеспечение в старости, и конечно же обеспечение достойных человека жилищных условий.

21. Среди развитых промышленных государств мира

В Германской Демократической Республике живут 16 млн. 756 тыс. человек. Ее территория — 108 177 *кв. км*. Если пересечь нашу страну на самолете с юга на север, то по прямой линии от Бад Брамбаха до мыса Кап Аркона, составляющей почти 500 *км*, это займет не более получаса. Если же лететь над ГДР с востока на запад в самом широком месте, составляющем около 350 *км*, то на это уйдет менее получаса. Следовательно, ни в масштабах Европы, ни тем более мира наша страна не относится к числу крупных стран. Но если взять показатели объема, структуры и качества промышленной продукции, то ГДР входит в число десяти наиболее промышленно развитых стран мира. По показателям потребления на душу населения важнейших продовольственных и промышленных товаров наша республика занимает: по мясу — 14-е место в мире, по овощам — 9-е, по кожаной обуви — 8-е место. Оснащенность телевизорами в расчете на одного жителя позволяет занимать нашей стране по этому показателю 5-е место в мире. По количеству врачей мы стоим на 12-м, а по числу больничных коек на 11-м месте в мире. Что касается числа мест в детских садах и яслях, то ГДР занимает одно из первых мест в мире. По средней продолжительности жизни наша страна также в первых рядах. На 1978 г. она составляла у мужчин 68,8 года, у женщин — 74,7 года.

Конечно, эти несколько цифр не могут отразить масштабов всего того, чего мы достигли в ходе строительства развитого социалистического общества и что это реально означает для людей. Это и высокий образовательный уровень, и культурное богатство, и уверенность в завтрашнем дне, и ясные перспективы на будущее. Жить без чувства постоянной тревоги за свое существование — мечта многих людей на земле. Для несчетного их числа это так и остается мечтой. В условиях же социализма это уже не мечта, а действительность.

Со времени образования ГДР нам удалось достичь таких темпов экономического роста, которые привлекли к себе внимание во всем мире. В 1946 г. объем промышленного производства на территории ГДР составлял лишь 42,1% того, что производилось на этой же территории в 1936 г. В 1949 г. мы производили уже 87,6% довоенного уровня, а с 1946 г. до 1979 г. этот объем увеличился в 23 раза. В 1949 г. за один рабочий день производилось промышленных товаров на 100 млн. марок, а в 1979 г.— уже более 1 млрд. марок, т. е. в 10 раз больше. Ныне ГДР, имея лишь четвертую часть населения всего бывшего германского рейха

1936 г., производит промышленной продукции в 2,5 раза больше, чем производилось тогда в рейхе.

Не менее значительны сдвиги и в сельском хозяйстве ГДР. Если, например, поголовье крупного рогатого скота в 1938 г. составляло 3,7 млн., то в 1946 г. из них осталось лишь 2,8 млн. В 1949 г. поголовье возросло до 3,3 млн., к 1960 г.— до 4,6 млн., к 1970 г.—до 5,2 млн. и к 1979 г.—до 5,6 млн. В 1938 г. имелось 5,7 млн. свиней, в 1946 г.— лишь 2 млн. К 1949 г. их число возросло до 4,3 млн., к 1960 г.—уже до 8,3 млн., к 1970 г.— почти до 9,7 млн. и, наконец, к 1979 г.— до 12,1 млн. Урожайность по зерну составляла в среднем в период 1934—1938 гг. 21 *ц*. Снизившись в 1946 г. до 15 *ц*, к 1949 г. она возросла до 18,1 *ц*, к 1960 г.—до 27,5 *ц*, к 1970 г.—до 28,2 *ц*, к 1978 г.—до 38,6 *ц*. В 1979 г. в связи с неблагоприятными климатическими и агротехническими условиями она составила 36 *ц*.

Лаконичный язык цифр свидетельствует о том, как развернулись силы нашего народа при социализме. Надо учесть еще и тот факт, что 100% промышленной и 97% сельскохозяйственной продукции производится на социалистических предприятиях в городе и деревне.

Особое внимание мы уделяем национальному доходу. Он воплощает вновь созданную творческим трудом людей стоимость. В 1979 г. национальный доход ГДР в абсолютном выражении достиг 166,6 млрд. марок. По сравнению с 1949 г. это означает рост в 7,4 раза. За последние 10 лет мы произвели национальный доход в размере более 1,4 трлн. марок, т. е. в таком же объеме, как за предыдущие 20 лет. Только за последние 8 лет национальный доход ГДР вырос на 47%.

Из национального дохода народное хозяйство черпает все остальное — что может быть потреблено и что должно пойти на накопление в интересах расширенного воспроизводства. Поскольку национальный доход постоянно возрастал, стало возможным увеличить ежемесячный реальный доход на душу населения с 1970 г. до 1979 г. на 58%. Поскольку в нашей республике нет инфляции, этот показатель равнозначен реальному улучшению условий жизни людей. Это также выразилось в том, что за тот же период личное и общественное потребление, а также розничный товарооборот на душу населения возросли соответственно на 50%.

Капиталовложения в народное хозяйство нашей республики составили в 1979 г. 51,2 млрд. марок. В 1970 г. эта цифра равнялась 34,4 млрд. марок. В 1949 г. сумма капиталовложений достигла лишь 2,9 млрд. марок. Только в промышленности стоимость основных фондов составляла в 1979 г. 289 млрд. марок; в народном хозяйстве этот показатель достиг 686 млрд. марок. Это весомая часть достояния нашего народа.

На этой стабильной материальной основе мы и далее повышаем эффективность экономики. Конечно, обобщенные цифры говорят еще не обо всем. Следует, например, указать на то, что товарная продукция промышленности достигла в 1979 г.— в действующих ценах — объема в 350,6 млрд. марок. К тому же структура этой продукции изменяется,— прежде всего преимущественное развитие получают те отрасли промышленности, которые в значительной мере определяют научно-технический прогресс. Если принять уровень 1970 г. за 100%, то продукция электронной промышленности выросла в 1979 г. на 194%, производство химических волокон — на 121, пластмассы — на 121, производство станков — на 122, сельскохозяйственных машин — на 117%. В сравнении со средним темпом роста промышленного производства это в целом означало рост на 66%. Таким образом, мы уделяем большое внимание не только расширению материально-технической базы, но и изменению ее качественной структуры.

С 1970 г. 94% прироста национального дохода, т. е. его преобладающая часть, были достигнуты за счет повышения производительности труда. Только в промышленности производительность труда возросла почти на 50%. Чтобы произвести национальный доход на сумму 1 млн. марок, в 1970 г. требовался труд 61 человека, а в 1979 г.— только 42 человек. Мы стремимся постоянно повышать эффективность труда в интересах народа. В то же время мы видим настоятельную необходимость снижения удельного расхода энергоносителей, сырья и материалов, имеющих большое народнохозяйственное значение. Если принять уровень 1970 г. за 100%, то нам удалось снизить этот удельный расход с 1971 по 1979 г. до 76%, а по стальному прокату в металлообрабатывающей промышленности даже до 64%. Ныне, когда сырье быстро дорожает, это направление хозяйствования приобретает особое значение. В целях повышения эффективности мы целенаправленно используем науку и технику. По сделанному экономистами анализу, мы за счет этого обеспечили в 1970 г. 90% всего повышения производительности труда. В 1975 г. этот показатель составил 55%. Нам ясно, что при положении, складывающемся у нас с рабочей силой, производительность труда должна расти быстрее, чем производство промышленной продукции.

Только в течение 1976—1979 гг. у нас в промышленности, строительстве и на транспорте было переоборудовано или создано заново 880 тыс. рабочих мест. В результате доля трудящихся, работающих в промышленности в тяжелых условиях, снизилась с 25,7% в 1975 г. до 20,1% в 1979 г.

Путь повышения эффективности и качества труда выражает способность нашего общества действенно сочетать трудовые ресурсы и материальный потенциал и добиваться значительных экономических результатов. Как известно, один процент прироста эффективности ныне гораздо более весомый, нежели 10 лет

назад. Один процент национального дохода теперь, в 1980 г., составляет 1,6 млрд. марок, в то время как в 1970 г. это равнялось лишь немногим более 1 млрд. марок. Материальный прирост эффективности должен теперь достигаться со все меньшим потреблением энергии, сырья и материалов. Тем большее значение имеет тот факт, что мы добились непрерывного роста экономики и обеспечим эту непрерывность и дальше.

Все это находится в тесной взаимосвязи с нашими внешнеторговыми отношениями. Если в 1949 г. внешнеторговый оборот ГДР составлял в целом 2,7 млрд. валютных марок в действующих ценах, то в 1979 г. он достиг уже почти 108,8 млрд. валютных марок. Это — увеличение в 40 раз. Следует иметь в виду, что речь идет о внешнеторговом обороте страны, которая располагает в основном обрабатывающей промышленностью.

Развитие нашей внешней торговли, в свою очередь, оказывает огромное воздействие на народное хозяйство ГДР. Доля социалистических стран в нашем внешнеторговом обороте составляла в 1979 г. 68,8%; только на долю СССР приходилось 36,1%. Благодаря социалистическому характеру внешнеторгового обмена эти отношения дают нам большие преимущества.

Приведенные данные о нынешнем уровне экономики ГДР свидетельствуют об огромном росте экономического потенциала республики за прошедшие десятилетия, особенно в 70-е годы. Прочный фундамент этого роста — социалистические производственные отношения, которые уже давно являются единственной основой производства. Они постоянно совершенствовались и достигли высокого уровня развития. Создана мощная материально-техническая база, структура которой определяется как традиционной промышленностью, так и отраслями, которых ранее на нашей территории не было. Рабочий класс и весь народ — хозяева средств производства — создали в значительной мере новую материальную основу производства. Они проявили себя как подлинные творцы новых производительных сил и духовных ценностей.

Если все эти факты и цифры привести к общему знаменателю, то вывод о большой стабильности и динамике не покажется каким-то преувеличением. Во всяком случае, например, капиталистическое германское государство, ФРГ, так и не освободилось в 70-е годы от присущих ему глубоких кризисных явлений. Мощности ее экономики постоянно недогружались. Уже многие годы численность безработных там составляет около 1 млн. человек. Сотни тысяч молодых людей не смогли получить профессии. Это — тяжелые пороки капиталистического общества.

Экономические успехи ГДР не пришли сами собой. Напротив, наш путь к социализму, особенно в самом начале, был нелегким. Он потребовал многих, в том числе и личных, жертв. История также и нашей республики свидетельствует о том, как ши-

роко раскрываются творческие силы рабочих, выступающих в союзе с крестьянами, интеллигенцией и другими слоями трудящихся под руководством партии, когда они сбрасывают оковы капиталистического господства и берут свою судьбу в собственные руки.

Как известно, в ходе военных действий на территории ГДР прямые разрушения были гораздо большими, чем в Западной Германии. 45% промышленных предприятий лежали в развалинах, а машиностроительных — даже 70%; в западной части Германии разрушено было лишь 20% промышленности. Электростанции не работали либо действовали лишь в течение нескольких часов в день. Были полностью разрушены 5 тыс. железнодорожных и около 4500 автодорожных мостов. Наладить производство удалось лишь с огромными трудностями, поскольку не хватало оборудования, энергии, сырья, топлива и других материалов.

И без того неблагоприятные исходные условия усугублялись произвольным расколом органически сложившейся структуры хозяйства бывшего германского рейха. В результате возникли дополнительные диспропорции. Между западной и восточной частями Германии существовал исторически обусловленный разрыв в степени индустриализации и уровне производства. В 1936 г. нынешняя территория ГДР — тогда она составляла 30,4% территории и давала 17,9% промышленной продукции Германии — значительно уступала по уровню индустриализации западным областям страны. Необходимо было преодолеть значительные диспропорции, возникшие вследствие раскола страны. Прежде всего не оказалось решающих видов сырья для промышленности. Фактически отсутствовало производство исходной продукции для машиностроения.

Более 10 лет назад, на VII съезде СЕПГ в апреле 1967 г., я поставил вопрос, что стало бы с господами капиталистами, если бы в 1945 г. у нас на востоке имелось бы 120 доменных печей, а на западе — 4, а не наоборот? Что бы делали капиталисты, если бы 93% металлургической промышленности оказалось у нас, а у них лишь 7%?

То, что ГДР стоит ныне в ряду десяти наиболее развитых в промышленном отношении государств мира,— это прежде всего не потому, что прежняя Германия была высокоиндустриализированным государством. Как известно, такие утверждения часто слышатся с Запада. Правда состоит в том, что наш народ собственными силами, опираясь на действенную поддержку своих советских друзей, расчистил руины, оставленные второй мировой войной, справился с нуждой и хаосом и создал современное социалистическое промышленное государство.

Восстановление и развитие промышленности требовало больших усилий, поскольку враги ГДР всячески мешали этому. Я

уже упоминал об огромном ущербе, нанесенном нам «холодной войной». К тому же до 1961 г. у нас была открытая граница с ФРГ и с Западным Берлином. В 1948 г. ФРГ начала жестокий экономический бойкот ГДР. Основанный на произволе подрыв межгосударственных торговых связей, сманивание рабочей силы, особенно высококвалифицированных специалистов, экономический саботаж с использованием платных агентов — все это было направлено на развал ГДР.

Видные западногерманские социал-демократы, такие, как ученый-экономист Фриц Бааде, заявляли в свое время, что за ущерб, который был нанесен ГДР экономической войной, а также за репарации в сумме 4,3 млрд. долл., выплаченные нашей республикой за всю Германию, ФРГ «должна морально ГДР 100 млрд. марок репараций». По нашим подсчетам, нанесенный нам в период с 1951 по 1961 г. ущерб равнозначен потерям промышленного производства в объеме около 112 млрд. марок. Расходы на профессиональное обучение переманенной от нас рабочей силы составили 16 млрд. марок.

Любой более или менее объективный наблюдатель может представить себе, какие огромные усилия потребовались для того, чтобы хотя бы приблизительно компенсировать этот огромный ущерб, нанесенный нашей стране. Даже после принятия мер по надежной защите наших государственных границ с ФРГ и Западным Берлином продолжало ощущаться пагубное воздействие агрессивной империалистической политики на экономику ГДР. Вследствие этого целенаправленного вредительства, несмотря на напряженную работу в ГДР, прирост ее национального дохода в 1960—1963 гг. составил лишь 7 млрд. марок. Нанесенные нам потери равнялись примерно объему капиталовложений в народное хозяйство республики за период 1950—1961 гг. Если бы мы не были лишены этих средств, то могли бы построить на них, например, 4 млн. квартир или 100 сталелитейных заводов мощностью 1 млн. *т* каждый.

Если сравнивать наши успехи с экономическим ростом ФРГ, то необходимо подчеркнуть, что они, в отличие от ФРГ, были достигнуты без эксплуатации иностранной рабочей силы. В ФРГ уже многие годы работают почти 2 млн. иностранных рабочих. Когда после укрепления нашей государственной границы стало невозможным сманивать рабочих у нас, число рабочих в ФРГ из других стран резко возросло. Содержание и обучение этих рабочих обошлись соответствующим странам в сумму, намного превышающую 100 млрд. марок, и это без всякой компенсации используется в интересах экономики ФРГ. Это было и остается важным источником сверхприбылей и решающим фактором усиления экономики ФРГ. К тому же труд иностранных рабочих оплачивается гораздо ниже; их обделяют также и в других отношениях.

Нередко приезжающие в нашу страну удивляются тому, с каким динамизмом развивалась наша экономика, особенно в 70-е годы, что позволило нам успешно осуществлять крупнейшую в истории ГДР социально-политическую программу. В этой связи хотелось бы подчеркнуть принцип, которым мы руководствуемся, принимая любое решение: делать все на благо народа, в интересах рабочего класса, кооперированного крестьянства, интеллигенции и всех трудящихся. Высшую цель социалистического производства мы видим во все более полном удовлетворении материальных и духовных потребностей всех членов общества. Поэтому мы всегда должны находить правильные пути и средства для реализации этой цели. В этом заключен и смысл того, что мы понимаем под единством экономической и социальной политики.

Для нас по-прежнему определяющим является положение Маркса о том, что лишь при социализме рабочий становится целью и самоцелью производства. Карл Маркс назвал обеспечение «полного и свободного развития каждого индивидуума» «основным принципом» социалистического общественного строя. Но он также указал и на то, что «свободное, ничем не стесненное, прогрессивное и универсальное развитие производительных сил само составляет предпосылку общества, а потому и его воспроизводства...». По Ленину, цель социалистического производства состоит в обеспечении «*полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества».

Результаты нашей экономической политики полностью отвечают этим фундаментальным положениям в применении к конкретным условиям нашей страны. «Секрет» этой экономической политики заключается в плановости социалистической экономики, основанной на общественной социалистической собственности на средства производства. Он заключается в руководстве всем ходом общественного развития со стороны партии рабочего класса, в научной обоснованности ее политики.

Выступая на IX съезде СЕПГ с Отчетным докладом Центрального Комитета, я подчеркнул, что мы будем продолжать политику обеспечения полной занятости и народного благосостояния, политику роста и стабильности. И здесь мы не дадим сбить себя с толку никакими «советами» по поводу «рыночной экономики».

В новой Программе нашей партии мы охарактеризовали интенсификацию общественного производства как главный путь экономического развития Германской Демократической Республики. Интенсификация ведет к повышению эффективности, необходимому нам для дальнейшего роста жизненного уровня трудящихся, для модернизации и расширения материально-технической базы социализма, для осуществления необходимых шагов в плане подготовки постепенного перехода к коммунизму.

Мы знаем, что в этом отношении нам предстоит сделать еще очень многое. Нашу задачу усложняют и внешнеэкономические обременения, обусловленные «взрывом цен» на мировых рынках. Однако, располагая народнохозяйственными планами, мы имеем ясную экономическую перспективу, всесторонне обсужденную с трудящимися и являющуюся основой решения стоящих перед нами крупных задач.

На чем же мы концентрируем свои усилия? На первом плане — продолжение нашей испытанной экономической и социальной политики. В соответствии с этим мы стремимся поднять нашу экономическую мощь, используя при этом прежде всего качественные факторы экономического роста. Речь идет, следовательно, об ускорении научно-технического прогресса в целях интенсификации, ускоренной рационализации на предприятиях и комбинатах, о повышении качества, внедрении современных технологий и росте эффективности. Поэтому мы будем быстрыми темпами развивать микроэлектронику и другие прогрессивные отрасли промышленности, будем более эффективно использовать их продукцию в народном хозяйстве. Мы ориентируем наших хозяйственников и всех трудящихся на экономичное, с максимальной отдачей использование фондов, на мобилизацию всех резервов с целью снижения издержек производства и увеличения объема конечной продукции, создания большей и лучшей по качеству потребительной стоимости.

С помощью науки и техники, новых технологических процессов мы хотим поднять производительность труда выше обычного уровня, сэкономить рабочую силу и решающим образом улучшить соотношение затрат и получаемых результатов. Мы ясно сознаем, что для решения всех этих и других задач определяющее значение имеет научно-технический прогресс. В этом смысле мы стремимся полностью использовать все открываемые им возможности.

Источником инициативы и новаторства в этом огромном деле является социалистическое соревнование, в котором участвуют все трудящиеся и которое становится все шире и целенаправленнее. Оно также порождает мощные импульсы в воспитании чувства гражданской ответственности трудящихся за общее дело.

Как прочную основу нашего продвижения вперед в строительстве социализма и международной деятельности ГДР мы рассматриваем нерушимый союз с СССР и другими государствами социалистического содружества. Мы всегда помним, что солидарность наших социалистических союзников, особенно Советского Союза, помогла ГДР, несмотря на все происки империализма, стать прочным западным форпостом социализма в Европе.

Вручая мне 13 мая 1973 г. орден Ленина, товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал: «С первых лет существования социали-

стического государства немецких рабочих и крестьян советские коммунисты, Советский Союз были вместе с нами. Отношения всестороннего сотрудничества и братской дружбы, сложившиеся между нашими странами, мы расцениваем как одно из величайших достижений послевоенного периода, как еще одно веское доказательство того, что именно социалистический строй способен утверждать подлинное братство народов».

Можно сказать, что история ГДР является в то же время историей дружбы и все более тесного сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В экономическом плане эти отношения с самого начала были одним из основополагающих условий существования и развития ГДР. Они всегда имели и сохраняют свое решающее значение для подъема экономики ГДР. Выдержав проверку жизнью, эти отношения прочны и надежны. Они всегда развивались, продолжают углубляться и теперь. Уже в 50-е годы стало совершенно очевидным огромное значение для ГДР экономического сотрудничества с Советским Союзом. Чугун, прокат, зерно, тракторы и другие товары, которые мы тогда получали, были жизненно важной помощью в строительстве нашего социалистического народного хозяйства. В то же время для нашей обрабатывающей промышленности открылся огромный рынок, создавший надежную основу для стабильного развития планового хозяйства в нашей стране.

С 1950 по 1978 г. объем товарооборота между нашими странами вырос почти в 25 раз. Советский Союз — наш самый крупный торговый партнер, намного опережающий другие страны. ГДР со своей стороны уже многие годы является самым крупным торговым партнером СССР. Так, большая часть необходимого нам импорта первичных энергоносителей и промышленного сырья поступает из Советского Союза. В течение пятилетия 1976—1980 гг. мы получили от СССР более 88 млн. *т* нефти, свыше 21 млрд. *куб. м* газа, 21 млн. *т* каменного угля, почти 16 млн. *т* проката, 425 тыс. *т* хлопка и много другого. Наряду с ввозом этого значительного количества энергоносителей и сырья все большее значение для нашего народного хозяйства приобретает импорт из СССР промышленных установок и современных средств рационализации. Уже сейчас более 30% всего импорта из Советского Союза составляют изделия машиностроения. Это — наглядное выражение социалистического разделения труда, углубляющегося в интересах обеих стран.

ГДР уже многие годы поставляет своим советским партнерам оборудование для прокатных станов, кузнечно-прессовое оборудование, корабли, рыболовные суда, железнодорожные пассажирские вагоны, вагоны-холодильники, сельскохозяйственные машины, оборудование для легкой и пищевой промышленности, полиграфические машины, средства связи. Так, например, для советского торгового и рыболовного флота до 1979 г. было поставлено

3038 судов общим тоннажем почти 4,1 млн. брутто-регистровых тонн. С 1960 по 1979 г. СССР импортировал из ГДР наряду с другими товарами 21 615 пассажирских вагонов и 77 500 станков.

Наши советские друзья неоднократно подтверждали, что изделия машиностроения и электротехники ГДР уже более 25 лет занимают прочное место в снабжении советского народного хозяйства. Мы очень рады, что эта продукция пользуется доброй славой у советских специалистов.

В период 1981—1985 гг. товарооборот между нашей республикой и Советским Союзом достигнет объема 48 млрд. рублей, или 240 млрд. марок. Такой объем товарооборота между двумя государствами не имеет равных себе в мире. За эти 5 лет мы получим от Советского Союза, например, 95 млн. *т* нефти, 32,5 млрд. *куб. м* газа, 21 млн. *т* каменного угля, 8,5 млн. *т* железной руды, 4,8 млн. *т* чугуна, 650 тыс. *т* алюминия, 211,5 тыс. *т* меди, 7,7 млн. *куб. м* пиломатериалов, 457 тыс. *т* целлюлозы, 440 тыс. *т* хлопка. В то же время для нашей материально-технической базы большое значение имеет оборудование, которое обязался поставить Советский Союз. Разумеется, что ГДР, в свою очередь, в соответствии со структурой своего народного хозяйства, будет осуществлять соответствующие поставки в Советский Союз.

Крупные успехи были достигнуты и в области научно-технического сотрудничества с СССР. Всемирную известность получили, в частности, мультиспектральная камера для исследований Земли с больших расстояний из космоса, плазменная технология плавки, высокопродуктивные методы производства полиэтилена высокого давления, полиэфирных и полиамидных волокон, установки непрерывного процесса изготовления холоднокатаных труб.

Выдающихся достижений добились страны СЭВ в осуществлении программы «Интеркосмос», в которую вносит свой вклад также и ГДР. 1978 год открыл хронику полетов международных экипажей в околоземное пространство с участием граждан социалистических стран. Живо вспоминаются дни совместного космического полета нашего летчика-космонавта Зигмунда Йена и его советских товарищей.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между ГДР и Советским Союзом от 7 октября 1975 г., о котором я еще скажу отдельно, еще более увеличил масштабы сотрудничества обеих наших стран в области экономики, науки и техники. На встрече в Крыму с Леонидом Ильичом Брежневым летом 1978 г. мы достигли договоренности о разработке долгосрочной программы специализации и кооперирования промышленного производства между ГДР и СССР до 1990 г. Накануне 30-летия ГДР эта программа была подписана в Берлине. Программа, которая будет реализовываться в тесной увязке с долгосрочными целевыми программами СЭВ, предусматривает совместную разработку ряда важных экономических и научно-технических проектов. Прежде

всего эта программа будет содействовать еще более тесному взаимовыгодному переплетению материальных и духовных потенций наших обеих стран.

Как известно, страны СЭВ с помощью долгосрочных целевых программ намерены решить глобальные экономические проблемы социалистического содружества. При этом речь идет о таких важных проектах, как обеспечение совместными усилиями стран социалистического содружества сырьем, топливом и энергией, быстрый подъем сельскохозяйственного производства, расширение транспортной сети стран СЭВ, совместное создание и производство новых потребительских товаров и прежде всего осуществление совместных в плане разделения труда мероприятий в важных областях машиностроения и производства промышленного оборудования.

Все более тесно связывая наше народное хозяйство с народным хозяйством СССР и других стран СЭВ, мы учитываем также международное разделение труда и расширяем наши экономические связи с капиталистическими государствами и развивающимися странами. Это сотрудничество служит как нашим интересам, так и интересам несоциалистических стран. Разумеется, это сотрудничество может развиваться только на основе полного равноправия, в соответствии с принципами мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Оно должно быть свободным от политических условий, какой-либо дискриминации и помех со стороны капиталистических государств.

Социалистическая экономическая интеграция нисколько не мешает экономическому и научно-техническому сотрудничеству с капиталистическими странами. Напротив, наше тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими странами СЭВ расширяет и наши возможности в торговле с несоциалистическими странами. Эти возможности в то же время отражают и возросший экономический потенциал нашей республики.

Опыт последних лет свидетельствует о том, что формы сотрудничества стали разнообразнее. Наряду с простым товарообменом появились компенсационные сделки, кооперация, производство товаров по лицензиям. Все это приносит нам выгоду, помогая ускорить социалистическое строительство. Разумеется, другая сторона получает в результате этих сделок прибыль, что вполне закономерно. Во всяком случае, мы придаем большое значение тому, чтобы торговля развивалась на основе взаимной выгоды.

Ныне ГДР располагает высокоэффективной социалистической экономикой, хорошо вооруженной для выполнения нынешних и будущих задач и имеющей современную систему управления. Она нацелена на достижение высоких показателей и на дальнейший рост, организована и управляется с учетом требований высшей рациональности. В этом мы видим залог того, что социальная обеспеченность, полная занятость, благосостояние народа у нас

гарантированы сегодня и на будущее. Исходным пунктом принятия всех решений в области науки и техники, по вопросам материального производства были и остаются потребности населения, требования планомерного, пропорционального развития всех сторон общественной жизни. Обеспечение этого нового качества взаимосвязи производства и потребления, производительности труда и уровня жизни занимает центральное место в политике нашей партии и социалистического государства. 7 октября 1974 г. оно по решению Народной палаты было зафиксировано в Конституции ГДР: «Дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения эффективности, научно-технического прогресса и роста производительности труда является основной задачей развитого социалистического общества».

22. Современные методы руководства социалистической индустрией

Экономика ГДР, как я уже говорил, является социалистической плановой экономикой. Она функционирует на основе решений нашей партии, по директивам и указаниям государства, а также в соответствии с обязательными плановыми заданиями. Исходя из принципа демократического централизма, мы все теснее увязываем центральное руководство и планирование народного хозяйства с собственной ответственностью предприятий, с инициативой и активностью трудящихся на этих предприятиях, в округах и районах, с широким привлечением их к руководству и планированию. Более 80% всех трудящихся ежегодно участвуют в обсуждении производственных планов на предприятиях и в рабочих коллективах. Это повышает у них сознание своей причастности к определению плановых заданий и личную ответственность за их выполнение, стимулирует их готовность не только просто производить больше, но и повышать эффективность и качество.

В соответствии с новейшими достижениями науки о руководстве мы непрерывно совершенствуем управление экономикой, ее планирование и стимулирование. При всем этом наша цель состоит в том, чтобы труд человека становился все более результативным, а самому труженику приносил личное удовлетворение.

Мы, коммунисты, с самого начала были убеждены, что в нашей стране удастся сломить экономическую, а следовательно, и политическую власть крупных монополий. Нам также было ясно, что действительный производитель материальных богатств общества — рабочий класс — в состоянии сам руководить современным крупным производством. Не могло быть сомнения в том, что и в ГДР сбудутся гениальные предсказания Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина о том, что рабочий класс обладает силой и способностями развить все духовные и материальные производительные силы общества на благо всего трудового народа.

Мне приходится практически повседневно встречаться с прекрасными специалистами, выходцами из трудового народа, которые занимают теперь руководящие посты в народном хозяйстве, на комбинатах и предприятиях, во внешнеторговых организациях и в других учреждениях. В своем подавляющем большинстве это были молодые рабочие или дети из рабочих семей. Они росли вместе с республикой, овладевали теорией и практикой и теперь отвечают за созидательный труд десятков тысяч людей, за народ-

ное достояние, стоимость которого нередко составляет многие миллиарды марок.

Конечно, стоящие перед нами задачи нелегки. Всем пришлось и приходится много учиться, и не только по книгам, но и у самой жизни, а подчас и делать должные выводы из справедливой критики в свой адрес. За прошедшие десятилетия выросли квалифицированные руководители социалистического народного хозяйства, его органов, комбинатов и предприятий; они решают свои задачи как подлинные коммунисты, с большим энтузиазмом и на высоком профессиональном уровне. Мы гордимся этими людьми. Они пользуются уважением не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Вновь и вновь подтверждается истина, что когда имеется четкая политическая линия, то успех дела в конечном счете решает организация. Современная промышленная организация не является по своей сути чем-то чуждым рабочему классу. Сила рабочего класса всегда заключалась в его организованности и дисциплинированности. Поэтому естественно, что рабочий класс также в состоянии выдвинуть из своей среды выдающихся организаторов и руководителей социалистического народного хозяйства.

Нам необходима уверенность в своих силах, и мы доказали, что она у нас есть. Эта уверенность необходима для успешного решения задач по руководству и планированию, по организации современной социалистической индустрии. Она основывается на опыте политической борьбы, а также на том, что, располагая учением Маркса, Энгельса и Ленина, мы опираемся на самую надежную и прочную теорию. Именно она является источником основополагающих знаний и опыта, необходимых для овладения крупным современным промышленным производством.

В. И. Ленин доказал, что капитализм в своей империалистической стадии вплотную подводит к всестороннему обобществлению производства. Государственно-монополистический капитализм, сделал вывод В. И. Ленин, является материальной подготовкой социализма.

К. Маркс дал широкий анализ организации общественного труда. В этой связи он фундаментально исследовал процессы разделения труда и наряду с этим — сочетание труда, кооперации и концентрации. Он показал, как в результате планомерного использования этих научных выводов организация труда становится источником новой производительной силы. Все это мы сегодня используем, тем более что при нашем общественном строе ничто не препятствует выбору наилучших вариантов. Так формы нового вырастали в недрах старого общества, а при социализме они приобретают новое качество.

Ныне индустриальное развитие ГДР достигло такой степени зрелости, что стало необходимым привести организацию как

рычаг повышения эффективности в соответствие с современными требованиями. Ключевую роль в этом играют комбинаты. В наших условиях мы рассматриваем их как современную форму управления социалистической индустрией.

Возьмем такой всемирно известный комбинат, как комбинат «Карл Цейс» в г. Йена. В 1980 г. этот комбинат, на предприятиях которого занято 42 тыс. человек, произвел высококачественные изделия точной механики и оптики, электроники и научного приборостроения на сумму почти 2,4 млрд. марок.

В состав комбината входят 15 народных предприятий, большинство из которых имеют по нескольку тысяч рабочих и служащих. Комбинат самостоятельно решает все основополагающие задачи, возникающие в ходе производства конечной продукции высшего качества при постоянно возрастающих объемах. Комбинат имеет свой научно-исследовательский центр, где занято свыше 4 тыс. человек — высококвалифицированные ученые, математики, физики, химики, инженеры и технологи. В состав комбината входит важное предприятие по изготовлению оптического стекла «Шотт унд геноссен» в г. Йена. У комбината имеется также крупное предприятие по производству различной промежуточной продукции, особенно изделий электроники. Есть у него и собственное хорошо развитое производство средств рационализации, позволяющее постоянно поддерживать технологические процессы на высшем уровне. Кроме того, имеется собственное внешнеторговое предприятие. Управление всем комбинатом осуществляется на уровне самых современных требований с применением электронно-вычислительной техники.

В целом комбинаты объединяют все основные научно-технические силы и мощности по проектированию, производству промежуточной продукции и изготовлению технологического оборудования. Все это служит обеспечению выпуска в рамках единого процесса воспроизводства высококачественных готовых изделий. Поэтому комбинаты являются чрезвычайно ответственным звеном народного хозяйства. Многое давая народному хозяйству, они в то же время сами опираются на мощь высокоэффективной социалистической экономической системы.

Особое внимание мы всегда уделяли связи науки и техники с производством. В этом, собственно, заключается одна из главных причин нашего перехода к созданию комбинатов. Интересно, что именно на примере образования крупных химических концернов в Германии в начале нынешнего века В. И. Ленин в своем анализе показал, что по мере все большего обобществления производства особенно широко идет процесс обобществления технического изобретательства и усовершенствований. Этому принципу мы следуем и в сегодняшних условиях, решая на новой и более высокой ступени задачу соединения научно-технической революции с преимуществами социализма.

Генеральный директор
Головное предприятие

Мощности по научным исследованиям и развитию технологии

Производство средств рационализации

Строительство

Проектирование

Предприятия комбината

народное предприятие по выпуску конечной продукции

народное предприятие по выпуску конечной продукции

народное предприятие по выпуску конечной продукции

народное предприятие по производству комплектующих изделий

народное предприятие по производству комплектующих изделий

народное предприятие по производству комплектующих изделий

народное предприятие по производству промежуточной продукции

народное предприятие по производству промежуточной продукции

народное предприятие по производству промежуточной продукции

Организация сбыта и технического обслуживания клиентуры

Готовая продукция для
- народного хозяйства
- государства
- экспорта
и
- снабжения населения

ЗАМКНУТЫЙ ПРОЦЕСС ВОСПРОИЗВОДСТВА НА КОМБИНАТЕ

Ныне в промышленности и строительстве ГДР работают 129 комбинатов. На них около 2,4 млн. трудящихся производят промышленную продукцию общей стоимостью 260 млрд. марок. Это более 83% всего промышленного производства нашей страны. К ним следует добавить около 18 млрд. марок продукции строительной индустрии.

Конечно, это огромная народнохозяйственная сила. Среди комбинатов имеются такие, как нефтехимический комбинат в Шведте с товарным производством в объеме 18 млрд. марок, комбинат им. Вильгельма Пика в Мансфельде с объемом производства свыше 7 млрд. марок. Можно было бы назвать и комбинат «Лёйна» им. Вальтера Ульбрихта с объемом производства 6,7 млрд. марок, а также другие комбинаты с объемом продукции более 6 млрд. марок каждый.

Небезынтересно сравнить объем производства этих народных комбинатов с объемом производства крупнейших капиталистических фирм, например, в ФРГ. По этому показателю нефтехимический комбинат в Шведте занимал бы 9-е место в списке 50 крупнейших концернов. Другие комбинаты из числа упомянутых попали бы в число 30 крупнейших концернов. Еще 36 комбинатов по объему производства могут сравниться с крупнейшими промышленными концернами ФРГ.

Проводя такое сравнение, мы, само собой разумеется, не намерены ставить знак равенства между капиталистическими монополиями и социалистическими комбинатами. Речь идет лишь о чисто техническом сравнении с точки зрения экономической эффективности. Но и здесь, конечно, есть «маленькое различие». Воплощение частной собственности, капиталистические концерны являются гигантскими центрами эксплуатации и ведут между собой жестокую конкурентную борьбу. Социалистические же комбинаты ГДР, напротив, являются составной частью единой социалистической собственности, и их производство и продукция служат народу.

Поэтому мы открыто выражаем свое удовлетворение тем, чего мы добились в области организации крупного производства. Коммунистам часто бросали упрек, будто они в состоянии организовать разве что лишь политическую агитацию, но не экономику. Что ж, подобные утверждения -- это одно, а реальности нашей жизни — совсем другое дело. Цель наших усилий в экономической области состоит в том, чтобы постоянно повышать уровень жизни народа. Для этого мы самым эффективным образом развиваем производительные силы республики. Наше социалистическое плановое хозяйство открывает для этого все возможности. Комбинаты — это живые общественные организмы, в которых крупные коллективы с творческой инициативой работают над решением, в соответствии с планом, важных народнохозяйственных задач.

В своей работе я очень часто ощущаю, какой великой общественной силой обладают комбинаты и работающие на них трудящиеся, исследователи и инженеры, руководители комбинатов. Я думаю при этом о многих моих соратниках, например о члене ЦК нашей партии, генеральном директоре комбината «Лёйна» им. Вальтера Ульбрихта Эрихе Мюллере, генеральном директоре нефтехимического комбината в Шведте Вернере Фроне или генеральном директоре комбината «Карл Цейс» Вольфганге Бирмане.

Многолетний опыт ведения социалистического планового хозяйства подтверждает, что оно в состоянии удовлетворить всем требованиям развития современных производительных сил при социализме и обеспечивать высокую эффективность. При этом его возможности еще далеко не исчерпаны.

23. Результаты аграрной политики

Тому, кто хочет познакомиться с достижениями социалистического сельского хозяйства ГДР, следует порекомендовать посетить ежегодно устраиваемую в предместье г. Лейпцига Маркклеберге сельскохозяйственную выставку, коротко называемую «Агра». В 1979 г. «Агра» проходила под знаком 30-летия ГДР. Наглядно и впечатляюще были показаны перемены в жизни крестьян и сельскохозяйственных рабочих, которые произошли после окончания второй мировой войны.

Во время осмотра экспозиции «Агра-79» вместе с соратниками — членами Политбюро — и многочисленными специалистами сельского хозяйства я вспомнил о трудностях, которые нам пришлось преодолевать в начале пути. Возвращаясь в Берлин в конце апреля — начале мая 1945 г. после освобождения из каторжной тюрьмы Бранденбург-Гёрден, я шел через сильно разрушенные деревни, встречал разуверившихся в будущем людей. Тогда я получил представление об огромных потерях, которые понесло сельское хозяйство. Нацистское господство и война оставили катастрофическое наследство и в деревне.

Мало того, что аграрная политика фашистов привела к разорению огромное множество мелких крестьянских хозяйств и арендаторов, а также поставила на грань гибели многие середняцкие хозяйства. Свыше миллиона жителей деревни заплатили жизнью за фашистскую ложь о «жизненном пространстве на Востоке». В результате военных действий полезная сельскохозяйственная площадь на территории нынешней ГДР сократилась по сравнению с довоенным уровнем на 18%. Потребовались годы, прежде чем большая часть этих земель была вновь вовлечена в сельскохозяйственный оборот. Численность парка сельскохозяйственных машин уменьшилась на 30%. В конце войны лишь у немногих крестьян сохранилась тягловая сила — тракторы или лошади. Резко сократилось поголовье скота. Без достаточного посевного материала, без тягловой силы и сельскохозяйственных машин и прежде всего без мужских рук женщины-крестьянки не знали, как им справиться с посевной и как собрать урожай.

Обеспечение продовольствием было тогда для нашего народа вопросом существования. Решение этой проблемы на длительную перспективу могло быть достигнуто только лишь путем коренных социальных преобразований в деревне. Мы опирались тогда на аграрную политику КПГ, о которой я уже упоминал, в особенности на ее требования, содержавшиеся в призыве «Повернуться лицом к деревне!» от 14 февраля 1926 г., в «Программном заявлении по вопросам национального и социального освобождения не-

мецкого народа» от 24 августа 1930 г. и в Программе помощи крестьянам от 16 мая 1931 г.

Весной 1945 г. мы — коммунисты вместе с рабочими, трудящимися крестьянами и сельскохозяйственными рабочими — приступили к установлению антифашистско-демократического строя в деревне. Это было возможно лишь при условии полной и окончательной ликвидации экономической власти и политического влияния в деревне финансового капитала помещиков. Преодолевая ожесточенное сопротивление реакционных сил, мы провели весной 1945 г. демократическую земельную реформу. Непосредственными органами ее осуществления стали демократические, избранные на собраниях крестьян местные комиссии по проведению земельной реформы. В их состав входило более 50 тыс. человек. Это были промышленные рабочие, малоземельные крестьяне, мелкие арендаторы, сельскохозяйственные рабочие, а также переселенцы, в большинстве своем немецкие крестьяне из районов Восточной и Южной Европы, потерявшие свою родину из-за аннексионистской политики фашизма. Членами этих комиссий были свыше 12 тыс. коммунистов, более 9 тыс. социал-демократов и около тысячи членов буржуазно-демократических партий. Более половины членов комиссий составляли, таким образом, беспартийные.

Земля, принадлежавшая 7 тыс. крупным землевладельцам с наделами свыше 100 *га*, активным нацистам, военным преступникам, монополиям и банкам, была полностью и безвозмездно конфискована. Другая частная земельная собственность, в том числе земельные владения церкви и других религиозных общин, земельной реформой не затрагивалась.

Помещики и их политические адвокаты пытались всеми средствами — от юридических уловок, демагогии, истеричной кампании клеветы вплоть до диверсий и террора — сорвать или саботировать проведение земельной реформы. Однако все эти попытки потерпели провал, встретив решительный отпор со стороны рабочих и крестьян. Всего в фонд демократической земельной реформы было передано 3,3 млн. *га* земли. Из них 2,2 млн. *га* было передано в личную собственность более чем 200 тыс. сельскохозяйственных рабочих и переселенцев, а также почти 125 тыс. малоземельных крестьян и мелких арендаторов, промышленных рабочих и других трудящихся. Эта земля, освобожденная от ипотечных долгов, могла передаваться по наследству, однако не подлежала продаже, передаче в залог и разделу. Свыше 550 тыс. получивших землю крестьян внесли за нее лишь разовую плату, которая зачастую не покрывала стоимости государственных землемерных работ. Почти 1 млн. *га* остался в общественной собственности. На этой земле были созданы народные имения, государственные опытные хозяйства и лесничества.

Демократическая земельная реформа — первая победоносная совместная революционная массовая акция рабочих и крестьян —

стала важной социально-экономической основой их прочного союза. В это же время возникли комитеты взаимопомощи трудящихся крестьян. В ходе осуществления земельной реформы они превратились в массовую демократическую организацию трудящихся крестьян — Объединение крестьянской взаимопомощи. В конце 1948 г. были созданы государственные машинопрокатные станции, которые позволили трудящимся крестьянам пользоваться тракторами и другими сельскохозяйственными машинами и орудиями по низким тарифам, при дотации со стороны государства. Мы приступили также к реализации обширной строительной программы для крестьян, пришедших на новые земли. Об этом я уже упоминал, рассказывая о деятельности нашего молодежного союза в те годы.

В течение 5 лет — с 1945 по 1950 г. — развивавшиеся по этому пути хозяйства трудящихся крестьян в своем подавляющем большинстве заметно окрепли. Они оказывали все большее влияние и на политическую жизнь деревни. К началу 50-х годов в значительной мере были достигнуты урожайность и поголовье скота довоенных лет. Становилось все более очевидным, что достигнутый довоенный уровень и наметившееся развитие производительных сил, особенно успехи в области науки и техники, требовали установления новых общественных отношений и в деревне.

Уже в 1950—1951 гг. трудящиеся крестьяне образовали трудовые сообщества для проведения посевной, уборки и обмолота урожая, а весной 1952 г. в некоторых деревнях они на добровольной основе начали совместное использование земли и других средств производства в сельскохозяйственных производственных кооперативах (СХПК). Во многих местах возникли подготовительные комитеты по кооперированию сельскохозяйственного производства. Трудящиеся крестьяне обратились в Центральный Комитет СЕПГ и правительство ГДР с просьбой помочь им в деле организации СХПК и поддержать переход к крупному социалистическому кооперированному сельскохозяйственному производству.

На 2-й партийной конференции СЕПГ, состоявшейся 9—12 июля 1952 г., было принято решение о строительстве основ социализма и в сельском хозяйстве ГДР. Мы одобрили инициативу крестьян, заверив их в нашей поддержке на их весьма нелегком пути к социалистическим формам труда и жизни.

Все важные вопросы развития сельского хозяйства на основе кооперирования мы обсуждали в те годы на конференциях с председателями и активистами движения за кооперирование в деревне, а позднее на крестьянских съездах ГДР. На этих форумах проводился обмен передовым опытом, делались соответствующие выводы и рассматривались задачи на будущее. Чтобы привлечь крестьян-кооператоров к руководству и планированию в сельском хозяйстве, по решению ЦК СЕПГ и Совета Министров ГДР в районах, округах и в центре были созданы советы по делам сельской коо-

перации. Мы целеустремленно добивались продвижения вперед дела социалистического строительства на селе, создали для этого необходимые материальные предпосылки, непременно учитывая при этом настроения крестьян и степень их готовности следовать по этому пути. Эту работу вели комитеты по подготовке создания СХПК, состоявшие из трудящихся крестьян и сельскохозяйственных рабочих. На собраниях, встречах и беседах с малоземельными крестьянами и середняками члены ЦК СЕПГ, окружных и районных комитетов партии, сотрудники местных органов власти, члены других демократических партий и массовых организаций вели конструктивный обмен мнениями об аграрной политике нашей партии и об образовании сельскохозяйственных производственных кооперативов.

С учетом условий ГДР мы формировали различные типы СХПК. Согласно примерному уставу СХПК, разработанному впервые в декабре 1952 г.,— в дальнейшем он неоднократно приводился в соответствие с требованиями времени — СХПК типа I и II занимались только растениеводством, а СХПК типа III — растениеводством и животноводством. Отношения внутри СХПК строились на принципах кооперативной демократии. В СХПК всех типов крестьяне оставались владельцами своей земли, и в праве на земельную собственность ничего не изменилось и по сей день.

Рабочий класс и социалистическое государство оказали молодым кооперативам широкую помощь. В 1955 г. более 31 тыс. рабочих с заводов и фабрик ушли работать на село, чтобы, используя свой политический и хозяйственный опыт, поддержать социалистическое преобразование сельского хозяйства. После 1961 г., когда СХПК окрепли политически и экономически, принадлежавшая государству современная сельскохозяйственная техника была передана кооперативам, либо они получили возможность приобрести ее по чрезвычайно низким ценам. Такой политикой цен, предоставлением льготных кредитов, оказывая иную разностороннюю поддержку, мы стимулировали успешную деятельность кооперативов.

И этот процесс развивался в ожесточенной борьбе с реакционными силами, пытавшимися оказывать политическое и идеологическое давление, не говоря уже о многочисленных попытках саботажа в деревне. Но ни поджоги, ни травля, развернутая средствами массовой информации капиталистических стран, не смогли удержать крестьян от вступления в СХПК. Создавались все новые и новые кооперативы. Из года в год увеличивалась площадь обрабатываемой ими земли, росло поголовье скота, увеличивалась доля СХПК в сельскохозяйственном производстве в целом. Возрастала их общественная и экономическая сила.

К весне 1960 г. все крестьяне вступили в СХПК. Это была, как говорили сами крестьяне, социалистическая весна. За период с лета 1952 г. по май 1960 г. почти миллион крестьян объединились

в 19 тыс. СХПК. Кроме того, за это время возникли 500 народных имений, а также различные другие государственные и кооперативные предприятия и хозяйства. Все это, вместе взятое, образовало солидный фундамент социалистического сельского хозяйства в ГДР.

Всего за 8 лет в результате крупнейших революционных преобразований в истории немецкого крестьянства миллион людей приобщились к новому бытию. Это было связано со сложным процессом перестройки мышления крестьян от частной собственности к социалистическим формам труда и жизни, в результате чего исчезли не только межевые столбы между земельными наделами, менялись и сложившиеся столетиями, глубоко укоренившиеся воззрения и привычки. Можно лишь удивляться тому, как быстро наши крестьяне освоили новые производственные отношения и методы труда и научились использовать преимущества кооперативного производства. На этом пути возник класс кооперированных крестьян. Плечом к плечу с рабочим классом он приступил к строительству новой жизни в деревне.

Так мы осуществили (применительно к условиям ГДР) ленинский кооперативный план — концентрированное выражение учения Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина о революционном решении аграрного и крестьянского вопроса. У нас были созданы условия «перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина»* *(Ленин)*. Постоянно укрепляя союз со всем трудящимся крестьянством, рабочий класс осуществил свою руководящую роль в этом процессе. При этом конструктивно использовались такие принципы, как оказание развитию кооперации всесторонней поддержки, а также обеспечение тесной взаимосвязи экономических, культурных и социальных достижений в деревне.

Большинство СХПК быстро укрепилось. Добросовестный труд на кооперативных началах приносил хорошие результаты. В сельское хозяйство стали внедряться научные достижения, оно стало получать новую технику. В сельскохозяйственных кооперативах закипела жизнь, основой которой стала широкая демократия. Проявляя разностороннюю инициативу, кооперированные крестьяне постепенно внедряли передовые методы производства, добивались наиболее рационального использования сил и средств, совершенствовали производственную структуру своих хозяйств. С этой целью с середины 60-х годов крестьяне начали устанавливать тесные кооперационные связи между СХПК и народными имениями и другими социалистическими сельскохозяйственными предприятиями. На этой основе СХПК и народные имения начали комплексно использовать технику, совместно приобретать современные средства производства и создавать в важных секторах производства межхозяйственные объединения. При поддержке партии и социалистического государства были освоены более современные способы про-

изводства в растениеводстве и животноводстве. Наметился переход к промышленному производству. Все это подводило к новому этапу создания современного социалистического сельского хозяйства.

Для дальнейшего строительства развитого социалистического общества в ГДР, для закрепления достигнутого материального и культурного уровня жизни народа и его планомерного подъема требовались немалые усилия в области сельского хозяйства. Такой вывод был сделан ЦК партии и его Политбюро, это было сформулировано на VIII и IX съездах СЕПГ.

На меня и других представителей руководства партии, участвовавших в работе X и XI Крестьянских конгрессов, которые состоялись в Лейпциге в июне 1968 г. и в июне 1972 г., произвели большое впечатление сознание высокой ответственности и знание дела, с которыми представители кооперированных крестьян, избранные на собраниях членов СХПК и районных крестьянских конференциях, вместе с руководителями партии и государства обсуждали вопросы увеличения производства, улучшения условий сельского труда и жизни, вопросы общественного развития на селе. Важную роль в деле вовлечения членов СХПК в управление и планирование сельскохозяйственного производства и развития социалистической демократии в районах играют также районные советы по вопросам сельского хозяйства и производству продовольственных товаров.

Важнейшей предпосылкой успеха в этой области является тесный союз рабочего класса и кооперированного крестьянства. Со времени освобождения нашего народа от фашизма этот союз превратился в нерушимую политическую основу социализма в нашей стране. В тесном единении с нашей партией и социалистическим государством кооперированные крестьяне с подъемом трудятся над выполнением главной задачи. Высок уровень их квалификации — более 87% всех занятых в сельском хозяйстве имеют законченную профессиональную подготовку специализированного рабочего, мастера, инженера со средним или высшим образованием, в то время как в 1960 г. их было лишь 10%; это свидетельствует о достигнутых крупных успехах и является надежной гарантией того, что работники сельского хозяйства успешно справятся с предъявляемыми к ним возросшими требованиями.

Хотя число работающих в сельском хозяйстве сократилось почти на одну треть, трудящиеся на селе за 30 лет существования ГДР во много раз увеличили сельскохозяйственное производство. Они произвели вдвое больше продуктов растениеводства, продали государству в 9,5 раза больше мяса и в 5,5 раза больше молока. А производство яиц возросло даже в 22 раза. Это позволило нам начиная с 1973 г. покрывать растущее потребление основных продуктов питания в нашей стране за счет собственного производства. По годовому потреблению на душу населения (включая детей и пенсионеров) мяса и мясопродуктов (свыше 87 *кг*), масла

(около 15 *кг*), овощей (почти 97 *кг*) мы занимаем видное место в мире.

Мне хорошо запомнились беседы с кооперированными крестьянами и сельскохозяйственными рабочими кооператива в деревне Мекленбург/Гросс-Штитен 12 июля 1972 г. Я посетил тогда кооператив, осмотрел новый комплекс по откорму свиней. У входа в комплекс, состоящий из ряда длинных свинарников с алюминиевой кровлей, меня встретил директор народного имения Эрих Так. Он рассказал, что это современное сельскохозяйственное предприятие было построено всего лишь за три года. В производстве применяются промышленные методы. Оно масштабно и очень продуктивно, налажена специализация с партнерами по кооперации.

В беседе Эрих Так мимоходом упомянул, что когда-то он был кучером у великого герцога Мекленбургского. После освобождения он стал рабочим, затем трудился в профсоюзах, а с 1951 г. — директор народного имения Гросс-Штитен. Я отметил, что это славный трудовой путь, типичный для многих сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян в нашей стране. Он особенно наглядно показывает те перемены, которые принес социализм в жизнь каждого из них, всего сельского населения страны.

В целях увеличения производства и повышения эффективности мы осуществили с начала 70-х годов дальнейшую концентрацию и специализацию сельскохозяйственного производства. Ядром всей системы остаются пока специализированные СХПК и народные имения, в том числе почти 1400 растениеводческих и около 3500 животноводческих. Достигнутые ими степень концентрации производства, способность к накоплению и научно-технический потенциал являются хорошими предпосылками дальнейшего увеличения производства и совершенствования социально-экономических отношений в коллективах.

Большое значение для успешного решения нынешних и будущих задач имеют также достижения в социальной области. Заметно облегчился труд в сельском хозяйстве — свободный от эксплуатации труд. Высокий образовательный уровень, беспрепятственное овладение новейшими достижениями науки, техники и культуры, широкое демократическое участие в управлении своим хозяйством, а также и государством, социальная обеспеченность и уверенность в завтрашнем дне — все это характеризует теперь качество жизни также и на селе. Только силами народных имений, сельскохозяйственных и садоводческих производственных кооперативов в 1970—1980 гг. на селе были построены новые квартиры или улучшены жилищные условия для 400 тыс. граждан. На тысячу детей ныне в сельских районах приходится от 700 до 800 мест в детских садах; потребность в детских садах удовлетворяется полностью. Тем самым мы содействуем участию женщин-крестьянок в общественной и производственной деятельности. С начала 70-х годов мы смогли установить для кооперированных крестьян такие же усло-

вия социального обеспечения и обеспечения по старости, какими пользуются в нашей стране промышленные рабочие. Наконец, рост производства в СХПК и народных имениях служит также и целям улучшения облика деревень, расширения коммунально-бытовых учреждений, способствует реализации других проектов коммунального хозяйства. Все это — важные общественные задачи, ведь четверть всех граждан нашей страны живут в деревнях и сельских поселках.

Мы исходим из того, что нынешнее и будущее развитие социалистического сельского хозяйства — это дело всех общественных сил нашей страны, задача всего народного хозяйства. Нашей долгосрочной целью являются систематическое увеличение объема и повышение эффективности производства в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Задача состоит в том, чтобы обеспечить стабильное и постоянно улучшающееся снабжение населения высококачественными продуктами питания, а промышленность — сырьем. В то же время мы стремимся приблизить условия жизни на селе к городским условиям. В этом мы видим путь постепенного преодоления существенных различий между городом и деревней.

В условиях ГДР мы располагаем полезной сельскохозяйственной площадью в размере 0,37 *га* на одного жителя. Поэтому у нас нет иного выбора, кроме интенсивного использования каждого квадратного метра земли и постоянного повышения урожайности с использованием достижений науки и техники. Необходимо шаг за шагом облегчать все еще тяжелые подчас условия труда в растениеводстве и животноводстве.

В целях увеличения национального дохода мы стремимся высокими темпами повышать продуктивность и эффективность труда. При этом главные усилия направлены на подъем урожайности и продуктивности животноводства. Нашей долгосрочной линией в растениеводстве и животноводстве является комплексная социалистическая интенсификация производства, и мы со всей последовательностью проводим ее. Главные направления решения этой задачи — комплексная механизация, широкая химизация, мелиорация, механизация сушки, селекция и разведение племенного скота. Все это требует дальнейшего повышения квалификации кооперированных крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Таким образом, овладение наукой и техникой, повышение экономической и социальной эффективности достижений научно-технического прогресса становятся ключевым моментом также и в сельском хозяйстве. На это направлены все усилия общества. Ведь дальнейшее повышение материального производства и его эффективности определяет и наши возможности в области социальной политики.

Одновременно все отчетливее проявляются важные качественные изменения и в общественной жизни на селе. Они связаны с

постепенным внедрением в растениеводство и животноводство промышленных методов производства. Конечно, речь здесь идет о длительных и сложных процессах. Мы должны овладеть и овладеем управлением тесным взаимодействием присущих сельскохозяйственному производству экономических и биологических закономерностей, чтобы изменить прежние формы и методы этого производства с высокой пользой для общества.

И здесь подтверждается правильность нашего подхода. То, что в буржуазном обществе порождает ныне пессимизм, ради чего оно изобретает абсурдные теории о якобы автономном действии науки и техники, чтобы скрыть социальную деградацию крестьянских масс, мы с оптимизмом и уверенностью в будущем ставим на повестку дня в своей работе. Социалистические производственные отношения создают для этого все необходимые предпосылки.

В качестве основополагающего элемента крупного социалистического сельскохозяйственного производства полностью оправдывает себя кооперация. Она все в большей мере охватывает весь процесс воспроизводства в сельском хозяйстве, включая связи между хозяйствами и между отдельными отраслями экономики. Целью при этом является обеспечение наиболее эффективного производства конечной народнохозяйственной продукции в виде готовых продуктов питания.

Большое внимание в нашей сельскохозяйственной политике мы уделяем всестороннему использованию накопленного опыта в деле кооперации, который считаем своим золотым фондом. Задача состоит в том, чтобы полезный опыт и достигнутые результаты в деле концентрации и специализации производства всемерно использовались для дальнейшего повышения производства и эффективности, для углубления социалистической демократии. В этой связи хотелось бы указать на то, что по мере развития кооперации все отчетливее проявляются важные социально-политические процессы. Все более тесным становится сотрудничество кооперированных крестьян и рабочих в ходе совместно осуществляемого процесса воспроизводства. Все более интенсивными становятся связи производственных коллективов друг с другом; все концентрированнее используются силы и средства; совместными силами обеспечиваются обучение и повышение квалификации кадров. Коллективы трудящихся взаимодействуют и за пределами производственных рамок. Они совместно осуществляют проекты, преобразующие облик деревень и общин. Это организуемое на демократических началах взаимодействие направляется кооперационными советами, в состав которых входят представители всех участвующих кооперативов и других предприятий. Образуемые советами комиссии обеспечивают непосредственное участие тысяч членов сельскохозяйственных кооперативов в управлении и планировании экономического и общественного развития.

Все эти факторы развития в деревне были учтены в новых уставах растениеводческих и животноводческих сельскохозяйственных кооперативов, разработанных по решению IX съезда СЕПГ и утвержденных после широкого демократического обсуждения. Социалистические государственные органы и общественные организации помогают претворять эти уставы в жизнь. В этой работе активно участвуют многие кооперированные крестьяне, являющиеся депутатами советов всех ступеней — от Народной палаты до советов общин. В то же время различные органы социалистических сельскохозяйственных предприятий и их кооперативных учреждений опираются в управлении и планировании на способности и таланты тысяч и тысяч работников сельского хозяйства. Это тесное соединение общественных, производственных и личных интересов приносит чрезвычайно большую пользу.

Мы всегда исходим из того, что взаимосвязь между прогрессом в экономике и социальным прогрессом все более усиливается. Поэтому планированию социальных процессов на селе и управлению ими мы также уделяем большое внимание. Центральное место при этом занимает улучшение жилищных условий. Мы заинтересованы в должном учете особенностей сельской жизни и привязанности сельских жителей к родным местам. Мы также стремимся улучшать профессиональное обучение на селе, медицинское обслуживание, расширять транспортную и торговую сеть, создать бо́льшие возможности для развития культуры и спорта.

Осуществляемые государством мероприятия тесно увязаны с задачами в области социальной политики, определенными в уставах СХПК. Они охватывают обязательства кооперативов по содействию жилищному строительству для членов СХПК и других жителей деревни, разносторонние меры содействия матери и ребенку, а также оказание помощи ветеранам труда. Короче говоря, служить благу тружеников сельского хозяйства, облегчать их труд, делать их жизнь содержательнее и лучше — на это направлена вся совокупность социально-политических мероприятий в деревне.

24. Требуются изобретатели и новаторы

В современном социалистическом индустриальном государстве экономический рост в значительной мере определяется результатами работы исследователей, изобретателей и новаторов, ученых, инженеров и техников. Мы создали в ГДР благоприятные условия для производства, заключающего в себе солидную долю научно-технических достижений и опыта. Трудящиеся нашей страны имеют высокий образовательный уровень. Они хорошо разбираются в современном крупном производстве. Мы обращаем внимание на то, чтобы с ростом производства увеличивалась прежде всего доля высококачественных товаров и использовалась все более продуктивная технология. К тому же требуется и крайне экономное обращение с имеющимися в нашем распоряжении энергией и сырьем. Все это имеет большое значение особенно для нашей экономики с ее не поддающимися дальнейшему расширению фондами рабочего времени и ввиду охватившего весь мир сокращения запасов сырья и топлива и роста цен на них. В настоящее время мы считаем самым важным ускорение научно-технического прогресса. Поэтому все наши требования качественного обновления производства, его комплексной социалистической рационализации сводятся к задаче повышения уровня и эффективности научно-исследовательских работ в области естественных наук и технических разработок.

Именно в наше время как никогда возрастает значение планомерного содействия развитию науки и техники. Это является для нас решающей предпосылкой повышения производительности труда, улучшения качества продукции, постоянного улучшения соотношения производственных затрат и получаемых результатов.

На VIII съезде СЕПГ мы четко определили место научно-технического прогресса в жизни нашего общества, и правильность этого полностью подтвердилась. В Отчетном докладе Центрального Комитета съезду я говорил о том, какие большие ожидания мы связываем с тем вкладом, который должны внести наука и техника в решение общих задач, стоящих перед обществом. Нужно было также преодолеть определенные преувеличенные представления о реальных возможностях отдельных научных дисциплин, возникшие у нас — да и, пожалуй, не только в ГДР — во второй половине 60-х годов. В 1970—1971 гг. речь шла о том, чтобы по-деловому, трезво и реалистично, без иллюзий и руководствуясь исключительно потребностями рабочих и других трудящихся определить задачи науки и техники.

VIII съезд партии четче, чем когда-либо раньше, поставил в центр политики нашей партии решающую задачу социализма — повышение материального и культурного уровня жизни народа и создание для этого всех необходимых предпосылок. Тем самым СЕПГ вновь подтвердила, что ее политика направлена на обеспечение интересов и потребностей трудящихся. Именно такой подход позволил нам также правильно оценить основные проблемы дальнейшего развития науки в нашей стране и сделать из этого необходимые выводы. В каждой фазе развития революционного процесса необходимо все полнее овладевать искусством соединения науки и политики, опираясь на их духовный фундамент — учение Маркса, Энгельса, Ленина, и в то же время должным образом учитывать все новое, что несет с собой общественное развитие. Этой мысли отводилась особая роль в моей упоминавшейся уже работе «Вопросы науки и политики в социалистическом обществе и опыт ГДР», опубликованной в декабре 1971 г.

Вскоре после VIII съезда СЕПГ стало очевидным, что на все большем числе предприятий научно-технический прогресс не только декларировался, но и осуществлялся практически, что стало давать возрастающий экономический эффект. Становилось все больше руководителей, научившихся будить в людях интерес и стремление к техническому обновлению, к достижению высоких результатов и побуждать к этому трудящихся. Совместными усилиями рабочих, инженеров и ученых были достигнуты новые значительные результаты.

В таком же духе мы также провели в мае 1972 г. встречу с Президиумом Академии наук ГДР. В откровенной, творческой атмосфере члены Президиума рассказали о конкретных задачах академии в деле дальнейшего всестороннего укрепления социализма в Германской Демократической Республике. Они заявили, что видят высокую ответственность Академии наук в том, чтобы совместно с учеными в университетах, вузах и научно-исследовательских институтах вести с максимальным успехом долгосрочные фундаментальные исследования. Создаваемый таким путем научный задел должен содействовать более эффективному решению задачи социалистического строительства. Члены Президиума академии подчеркнули, что считают своим долгом постоянно углублять международную кооперацию в научных исследованиях с Советским Союзом и другими братскими социалистическими странами, вносить весомый вклад в интеграцию стран социалистического содружества в области науки.

Я заверил участников встречи, что Центральный Комитет СЕПГ высоко ценит достижения ученых и деятельность Академии наук ГДР. Мы подробно обсудили проблемы, возможности и варианты дальнейшего совершенствования работы Академии наук, установления еще более тесной связи науки с производст-

вом, а также вклада ученых в общее духовное и культурное развитие нашей страны.

Члены Президиума изложили проблемы, возникающие в их работе, внесли предложения о том, как следовало бы укреплять материально-техническую базу исследований. Мы обменялись также мнениями по центральной проблеме — максимально быстрого внедрения результатов научных исследований в производство. При этом было высказано единодушное мнение о том, что именно в социалистической стране фундаментальные исследования должны вестись с учетом дальней перспективы. Главные направления этих исследований должны сохранять свое значение и ценность на длительное время. Предпосылкой для этого является глубокое знание долгосрочных потребностей общества, а организаторы и руководители научно-исследовательских работ должны с необходимой осмотрительностью и энергией добиваться, чтобы их результаты давали непосредственную практическую пользу. Участники встречи единодушно одобрили соображение о необходимости должного учета реальных возможностей и проявления гибкости при внедрении результатов научных исследований в производство. В ходе обмена опытом с Президиумом Академии наук были обсуждены принципиальные вопросы политики нашей партии в области науки. Эти вопросы имеют большое значение для всех научных учреждений ГДР, для дальнейшего укрепления единства политики и науки в нашей стране. Эта встреча не оставила сомнений в том, что ученые ГДР располагают всеми возможностями для того, чтобы создавать еще лучшие предпосылки для общественного прогресса.

Тогда мы поставили задачу более действенного соединения науки с производством и использования в этих целях всех преимуществ социализма. Теперь, в начале нового десятилетия, эта задача приобрела еще бо́льшую актуальность. Мы в ГДР стоим перед необходимостью того, что дальнейший рост производства может быть обеспечен только лишь путем повышения производительности труда. Ибо в долгосрочном плане количество рабочей силы будет и далее сокращаться, а фонды рабочего времени — уменьшаться. Это обусловлено также и некоторыми социально-политическими мероприятиями — сокращением рабочего времени, увеличением продолжительности отпусков и др. В то же время мы должны выделять больше рабочей силы для решения дополнительных задач в таких областях, как сфера услуг, образование и культура.

Мы не можем также не учитывать и того, что недостаток и естественную ограниченность собственных энергетических, материальных и природных ресурсов можно восполнить лишь ценой больших усилий и материальных средств или компенсировать их внедрением современной технологии. Социалистическая экономика должна ориентироваться на рациональное использование богатств природы — важного источника общественного богатства. С помо-

щью науки и техники мы стремимся добиться необходимого увеличения производства при снижении удельного расхода энергии и материалов.

Наконец, возрастающие потребности нашей страны и усложнившиеся условия на внешних рынках требуют увеличения производства новых изделий высокого качества и надежности, красивого внешнего вида. Речь идет о товарах высшего качества, производство которых означает более эффективное использование ограниченных запасов дорогого сырья.

В соответствии с этим мы направляем наши усилия на всестороннее развитие естественных, технических и общественных наук. Мы всячески поддерживаем творческую деятельность исследователей, изобретателей, техников и новаторов, помогаем им добиваться новых научных и технических достижений, обеспечить широкое и быстрое практическое использование результатов их работы, и прежде всего их внедрение в производство.

Не проходит ни одного совещания в Центральном Комитете нашей партии, на котором не обсуждались бы основополагающие вопросы научно-технического прогресса и не принимались бы по ним соответствующие решения. Для меня и других партийных и государственных руководителей является потребностью беседовать с исследователями и инженерами о стоящих перед ними задачах, об их замыслах, достигнутых результатах и проблемах, возникающих в их деятельности.

Можно с полным основанием сказать: никогда еще в истории нашего народа ученые и техники, исследователи и инженеры не пользовались таким уважением, а их общественное положение не было столь высоким, их участие в подготовке и осуществлении важных решений не было столь значительным, как в нашем социалистическом государстве.

Хотелось бы подчеркнуть, что наше отношение к науке и ее использованию определяется не только экономическими соображениями. Напротив, оно вытекает из основополагающих положений нашего мировоззрения и обусловлено его гуманистическим характером. Возникновение марксизма, научного коммунизма положило начало последовательной борьбе за теоретическое и практическое овладение законами природы и общества в интересах рабочего класса и других трудящихся. Опыт нашей страны подтверждает, что социалистическое строительство — это глубоко научный, революционный процесс.

Как известно, основоположники научного коммунизма — Карл Маркс, Фридрих Энгельс и В. И. Ленин — были революционерами, политиками и учеными. Они неизменно подчеркивали гуманистический и революционный характер науки. Они исходили из заинтересованности рабочего класса в успешном развитии науки и ее продуктивном использовании. В технических нововведениях на основе новых научных открытий они видели важный рычаг

развития производительных сил и общества. Характеристика науки как производительной силы принадлежит Марксу. Он, по словам Энгельса, чрезвычайно радовался, «когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще».

Энгельс в приветствии Международному конгрессу студентов-социалистов отмечал в 1893 г., что буржуазные революции брали из университетов преимущественно адвокатов в качестве лучшего сырья для формирования политиков. А революции рабочего класса требуются врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, ибо «дело идет о том,— писал Энгельс,— чтобы овладеть управлением не только политической машиной, но и всем общественным производством, а тут уж нужны будут отнюдь не звонкие фразы, а солидные знания». Столь же прозорливо Ленин уже в первые годы Советской власти увидел в союзе рабочего класса с интеллигенцией ту великую силу, которая в ходе совместного труда приведет страну к расцвету культуры.

Это научное предвидение мы также претворили в жизнь у нас в ГДР благодаря политике СЕПГ. Подъем нашей страны до уровня развитого индустриального государства был бы немыслим без этих исторически новых отношений между властью рабочих и крестьян и наукой, без союза рабочего класса с учеными, техниками и инженерами. Я считаю одним из выдающихся достижений нашей партии, что этот союз сложился столь успешно.

После освобождения в мае 1945 г. мы приложили все силы, чтобы преодолеть глубокий разрыв, существовавший в империалистической Германии между трудовым народом и интеллигенцией. Потребовалось много терпения, такта и усилий, чтобы понять и учесть весьма различные, а подчас и противоречивые интересы интеллигенции, большинство которой принадлежало к буржуазии. Наша партия делала все, чтобы в чрезвычайно трудной обстановке сразу же после войны создать материальные условия для творческой деятельности ученых. Это оказалось возможным лишь благодаря огромным усилиям рабочего класса, его разуму и готовности пойти ради этого на лишения.

Живо вспоминаются многочисленные дискуссии с представителями буржуазной интеллигенции. Для них это был сложный и нередко болезненный процесс. Ведь нужно было отбросить многие устоявшиеся традиции, воззрения и предубеждения. Реакционный дух, великогерманское высокомерие, антикоммунизм и антисоветизм также оставили заметный недобрый след среди интеллигенции.

Поэтому открытие вновь университетов и высших школ, как и Академии наук, было связано с переоценкой ценностей. Откровенные и деловые дискуссии по этим вопросам были на пользу всем, содействовав постепенному сближению ученых с нашей партией. Они помогли наладить связь науки с трудовым народом.

В противоположность этому враги общественного прогресса надеялись использовать в борьбе против социализма возникшие в прошлом разносторонние связи между монополистическим капиталом и интеллигенцией. Они отнюдь не ограничивались лишь переманиванием из ГДР специалистов. Они также были заинтересованы в том, чтобы ученые и специалисты, которые по разным причинам все еще хранили верность концернам,— а таких было немало,— оставались пока на своих постах на народных предприятиях и в научных учреждениях нашей страны. И лишь когда осуществлявшиеся с их участием важные исследования или разработки вступали в завершающую стадию, бывших сотрудников концернов подкупом и шантажом побуждали нелегально перебраться в ФРГ. Тем самым монополии наносили немалый ущерб нашему народному хозяйству. Они выкрадывали у нас плоды умственного труда, оплаченные народом ГДР. В то же время они мешали использованию результатов научных исследований в целях развития нашей промышленности и сельского хозяйства; они лишали нас высококвалифицированных специалистов, сеяли недоверие между рабочим классом и интеллигенцией. Но и эти попытки поставить нас на колени потерпели провал.

Решая первоочередные народнохозяйственные задачи, рабочие, инженеры и ученые установили между собой широкое творческое и эффективное сотрудничество. Союз рабочего класса с интеллигенцией стал естественной потребностью и жизненной необходимостью. К тому же мы ликвидировали монополию буржуазии на образование, устранив тем самым преграду, препятствовавшую большинству трудящихся — особенно рабочим — овладевать достижениями науки и техники и самим вносить вклад в их развитие, выступая в качестве изобретателей и новаторов.

Выросшая за прошедшие десятилетия интеллигенция в большинстве своем — выходцы из рабочего класса и кооперированного крестьянства. Это поистине крупный успех политики нашей партии. По своему социальному происхождению и в силу своей практической деятельности эта интеллигенция самым тесным образом связана с рабочими, кооперированными крестьянами и другими слоями трудящихся. Так мы устранили типичную для капитализма пропасть между трудящимся народом и интеллигенцией, зависящей от класса эксплуататоров и подчиняющейся ему. Возникли совершенно новые отношения — отношения творческого сотрудничества, дружбы и товарищеской взаимопомощи.

В нашей стране стало действительностью то, во имя чего трудились поколения ученых-гуманистов, среди них такие выдающиеся немецкие исследователи, как Готфрид Вильгельм Лейбниц, Александр и Вильгельм Гумбольдты и Альберт Эйнштейн, осуществлено то, за что они поднимали свой голос, а многие и рисковали жизнью. Наука служит народу, ее достижения идут на пользу

всем трудящимся. Там, где рабочий класс взял власть в свои руки, впервые в истории все богатство научных знаний используется исключительно на благо народа. В соответствии с принципом «От каждого — по способностям, каждому — по труду» общественные потребности гармонично сочетаются с интересами коллективов трудящихся и каждого их члена. Поэтому присущие социализму движущие силы эффективно содействуют у нас развитию науки и техники. Результаты научных исследований, технические новшества, как и экономический рост, укрепляют социальную обеспеченность граждан, содействуют подъему материального и культурного уровня их жизни.

Можно по праву сказать, что высокие достижения естественных, общественных и технических наук являются одним из важнейших факторов развития нашего общества. С радостью могу утверждать, что сознание этого прочно укрепилось в партии и народе. Не проходит и дня, чтобы я не получал писем и рапортов от рабочих коллективов, в которых сообщается, с какой инициативой ученые, инженеры, конструкторы, проектировщики и работающие в научно-технических областях технологи ведут борьбу за высокие достижения. Они рассказывают о том, как дополняются и поддерживаются их усилия творчеством опытных рабочих, как окрыляет их энтузиазм молодежи. Этому важному требованию нашего времени отдают свои силы и жар сердец широкие массы нашего народа, все более на собственном опыте убеждающиеся в том, что изобретательство и новаторство несет ощутимую пользу как им лично, так и их социалистическому отечеству. Это типичный пример из нашей жизни.

Мы внимательно следим за научно-техническим развитием в мире и вносим в него свой вклад. Особое внимание мы уделяем разработке и внедрению новых технологических процессов, которые оказывают решающее влияние на рост эффективности в широких областях народного хозяйства. Это такие технологические процессы, которые обеспечивают на перспективу высокие темпы повышения производительности и одновременно позволяют наиболее эффективно использовать имеющиеся в нашем распоряжении сырье и материалы, а также гарантируют высокое качество произведенной продукции.

Мы верим в силы наших рабочих, ученых, техников и инженеров, руководителей государственных и хозяйственных органов, в их способность создавать такую современную технологию, овладевать ею и полностью использовать ее с выгодой для народного хозяйства. Для этого мы создаем самые благоприятные условия. Мы своевременно настроились на решение назревших задач. Все более весомый вклад науки и техники в подъем эффективности нашей экономики позволяет нам создавать новые существенные предпосылки для выполнения нашей социально-политической программы и строительства в ГДР развитого социалистического общества.

Надежным фундаментом ускоренного научно-технического прогресса в нашей стране является тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими странами СЭВ во всех важных областях науки и техники. В марте 1977 г. тогдашний президент Академии наук ГДР Герман Кларе проинформировал меня об итогах состоявшегося в Москве совещания президентов академий наук социалистических стран. Они приняли важные решения об углублении сотрудничества в области научных исследований, в научном приборостроении и в других областях. Участников совещания президентов академий наук социалистических стран принял Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев. Этим было подчеркнуто, какое большое значение придают партии наших стран науке и интеграции в области научно-исследовательских работ. Быстрое развитие научно-технического прогресса и возрастающая сложность решаемых задач делают эту интеграцию объективной необходимостью.

Становится все более очевидным, что наука играет выдающуюся роль также и в разностороннем процессе сближения социалистических стран. Достойное место, которое наши ученые благодаря своим достижениям занимают среди стран социалистического содружества,— тоже результат политики нашей партии.

Наша партия и наше государство всегда стремились сочетать собственные усилия с преимуществами международного разделения труда и кооперацией. С вопросами научно-технического сотрудничества я непосредственно соприкоснулся вскоре после образования ГДР, когда был председателем ССНМ. Это произошло в связи с отбором студентов, направляемых на учебу в университеты и вузы Советского Союза. Бескорыстная помощь СССР в деле подготовки высококвалифицированных научных кадров для нашей республики стала одной из основ создания современных научно-исследовательских учреждений ГДР, например в областях ядерной физики и техники полупроводников, а также в области нашего участия в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях.

С 1951 г., когда было заключено межправительственное соглашение между ГДР и СССР о научно-техническом сотрудничестве, Советский Союз вносит значительный вклад в создание важных предприятий и отраслей промышленности нашей страны. Среди них — металлургический комбинат «Ост», нефтехимическая промышленность и не в последнюю очередь наши атомные электростанции.

И если ныне ГДР в сравнении с мировыми стандартами достигла высокого научно-технического уровня производства, то это произошло именно благодаря этому сотрудничеству. Говоря о его отличительных чертах, следует особо подчеркнуть в подлинном смысле слова демократический характер этого сотрудничества, исключающий любую форму эксплуатации и зависимости.

В последнее десятилетие мы с нашими партнерами в Советском Союзе и в других странах — членах СЭВ во все большей мере переходили к совместному решению новых научно-технических задач большого народнохозяйственного значения. В этих целях мы заключили соответствующие соглашения и договоры. Плодом сотрудничества ученых и техников ГДР и СССР стала, например, первая в мире 30-тонная плазменная печь для выплавки высококачественных специальных сталей.

Как и все граждане ГДР, я испытываю особую гордость тем, что первым немцем в космосе стал наш летчик-космонавт Зигмунд Йен, гражданин ГДР. Это наглядно свидетельствует о том, что сотрудничество в рамках социалистического содружества и прежде всего доступ к передовым достижениям советской науки позволяет нам добиваться успехов в таких областях, где их было бы невозможно достичь только силами нашей страны. Разумеется, все это предполагает и собственные крупные достижения.

Я единого мнения с моим другом Леонидом Ильичом Брежневым, что требования социально-экономического прогресса в будущем приведут к еще более тесному взаимодействию наших стран в области науки, технологии и производства. Программу специализации и кооперирования между ГДР и СССР до 1990 г., о которой уже шла речь, мы подготовили и подписали с учетом также и этого обстоятельства.

После широкого дипломатического признания ГДР возросли объем и значение ее экономических и научно-технических связей также и с развитыми капиталистическими странами. В соответствии с подписанным в Хельсинки Заключительным актом мы предпринимали в последние годы разносторонние шаги с целью развития экономического и научно-технического сотрудничества на основе взаимной выгоды. Оно успешно развивается на базе долгосрочных межгосударственных соглашений, а также соглашений с отдельными фирмами. Я испытываю большое удовлетворение, когда по различным поводам — например, во время посещений Лейпцигской ярмарки — слышу о том, что нашу республику ценят как надежного партнера. Мы ориентируемся на продолжение эффективных форм сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды.

Особый подъем испытывают наши отношения с развивающимися странами. На меня произвело глубокое впечатление посещение ряда государств Африки и Ближнего Востока, а также Индии и Юго-Восточной Азии. Там на месте я убедился, какую значительную роль играют экономические и научно-технические связи ГДР с этими странами. Принимавшие нас руководители этих стран характеризовали эти связи как действенную помощь в деле социально-экономического прогресса и в борьбе за национальную независимость. В последние годы ГДР установила такие связи со многими развивающимися странами и планомерно расширяет их.

Для руководящей деятельности нашей партии и нашего государства характерно, что любое требование к науке и технике сопровождается конкретными действенными мерами по содействию развитию соответствующих областей науки. Мы считаем такое содействие одной из важнейших задач нашего общества. Это наглядно проявляется в ассигнованиях на научно-технические разработки. Так, со времени образования ГДР в 1949 г. по 1970 г. расходы на исследования и научные разработки составили около 30 млрд. марок. О росте наших ассигнований на научно-технические разработки, прежде всего после VIII съезда, свидетельствуют следующие цифры: только за пятилетку 1971—1975 гг. на эти цели было выделено в целом 25 млрд. марок. На пятилетку 1976—1980 гг. эти расходы были намечены в размере более чем 35 млрд. марок. Иными словами, за пятилетие на исследовательские цели и научные разработки было выделено больше средств, чем за двадцатилетие (1950—1970 гг.). Мы смогли принять соответствующее решение на IX съезде СЕПГ благодаря тому, что в предшествовавшие годы нам удалось значительно повысить эффективность научно-технических работ. Это касается как научно-исследовательского задела, так и внедрения и использования результатов исследований в общественном производстве.

В настоящее время в ГДР в сфере научных исследований работают более 170 тыс. человек. В сравнении с размерами страны, численностью населения и уровнем национального дохода мы занимаем по этому показателю одно из ведущих мест среди развитых промышленных государств мира.

Мы целеустремленно направляем наши усилия и средства на максимальное использование возможностей научно-технического прогресса. Ныне мы располагаем широко разветвленной сетью научно-исследовательских учреждений, которая постоянно расширяется.

Перспективными разработками занимаются научные учреждения во всех отраслях экономики ГДР. На 50% научный потенциал сконцентрирован в академиях, университетах и вузах. Академия наук ГДР, в состав предшественницы которой до 1945 г. входило лишь 76 членов, стала теперь мощным научным центром нашей страны. Здесь сосредоточено почти 10% совокупного исследовательского потенциала ГДР по таким важнейшим направлениям, как математика, кибернетика, обработка информации, физика, включая материаловедение и ядерные исследования, химия, науки о Земле, космические науки, молекулярная биология, медицина, а также общественные науки.

Мы всегда исходили из того, что фундаментальные исследования имеют чрезвычайно важное значение. Их задача состоит в том, чтобы создавать фундамент будущего развития индустрии, готовить материальную, духовную и культурную основу жизни будущих поколений. Фундаментальные исследования — это разработка

новых основополагающих научных достижений и выводов и раскрытие неизвестных до сих пор объективных закономерных взаимосвязей в природе и обществе; эти исследования дают решающие импульсы научно-техническому прогрессу, предлагают новые научные методы труда и оказывают тем самым значительное влияние на общее развитие духовной жизни.

Достигнутый к настоящему времени уровень развития производительных сил и производственных отношений в нашей республике, а также всестороннего тесного сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами делает объективно возможной и необходимой постановку перед учеными нашей страны в области фундаментальных исследований гораздо более высоких и сложных задач.

Почти две трети специалистов, занимающихся научными исследованиями и техническими разработками, сосредоточены в исследовательских учреждениях народного хозяйства. Они трудятся прежде всего в тех областях производства, которые имеют решающее значение для ускорения научно-технического прогресса, организации всей общественной жизни на научной основе, а также для повышения эффективности общественного труда. Я имею в виду электротехнику, электронику, химическую промышленность, точную механику, оптику, машиностроение и транспортное машиностроение.

Как уже указывалось, каждый комбинат ГДР имеет собственные научно-исследовательские учреждения и конструкторские бюро. Крупные исследовательские центры нашей экономики также пользуются широкой известностью во всем мире. Среди них — исследовательские центры по станкостроению, научный центр комбината «Карл Цейс» в г. Йена, Центральный институт техники сварки и Институт рельсового транспорта. Эти учреждения тесно связаны с Академией наук, университетами и вузами. Таким путем обеспечиваются научно-технические достижения, позволяющие заметно повысить уровень нашей продукции и укрепить ее репутацию на мировом рынке: придается большое значение тому, чтобы такое развитие продолжалось и дальше.

Мы, естественно, проявляем особый интерес к качественной подготовке студентов и соответствующему использованию выпускников наших университетов и вузов. Их знания, способности и практические навыки, их стремление к овладению новыми достижениями науки — важные факторы ускорения научно-технического прогресса. Ежегодно в нашей республике вырастают тысячи таких специалистов. Лишь в 1978 г. 29 тыс. граждан нашего государства завершили образование в университетах и вузах и 41 тыс. человек получили специальное среднее образование. Мы непрерывно наращиваем усилия в этой области. Ныне в народном хозяйстве республики работают 470 тыс. выпускников высших школ и 850 тыс. специалистов, окончивших техникумы. По

этому показателю, с учетом общей численности населения, наша страна также занимает видное место среди промышленно развитых государств мира. Мы всячески стремимся к тому, чтобы эти высококвалифицированные кадры направлялись на наиболее ответственные участки работы, быстро выдвигались на руководящие посты. Все свои знания и умение, свои творческие идеи и трудовой энтузиазм они должны воплощать в изобретения и новаторство на благо нашей страны.

В октябре 1978 г. отметил свое 150-летие Технический университет в Дрездене, широко известный в мире центр научной и духовной жизни. Вспоминается, в каких трудных условиях возобновлял свою деятельность этот имеющий богатые прогрессивные традиции учебный и научный центр. После уничтожающих англо-американских бомбардировок в феврале 1945 г. Дрезден лежал в руинах. Советские солдаты и активисты первого часа приложили огромные усилия, чтобы восстановить Технический университет. И уже в октябре 1946 г. там начались занятия. Возрождение этого учебного заведения, вновь ставшего крупнейшим научным центром, свидетельствует о непоколебимой воле и творческой силе наших ученых, рабочих и служащих.

Во время юбилейных празднеств, посвященных 150-летию основания университета, в которых я принимал участие во главе партийно-правительственной делегации, состоялось много бесед, участники которых с гордостью говорили о достигнутом, о своей решимости продолжать работу с той же высокой ответственностью, которая всегда отличала ученых и студентов университета в подходе к выполнению исследовательских и учебных задач. Из многочисленных встреч с работниками промышленности и сельского хозяйства мне известно, что выпускники этого Технического университета, как и всех других университетов и вузов нашей страны, хорошо проявили себя на руководящих постах в народном хозяйстве, в государственном аппарате и других сферах общественной жизни. Они вносят ощутимый вклад в дело наращивания потенциала нашей страны, ее дальнейшего успешного продвижения вперед по пути социалистического строительства.

Многие студенты из других социалистических стран, но прежде всего из освободившихся государств Азии, Африки и Латинской Америки получают у нас солидные знания в области естественных, технических и общественных наук. Из многочисленных встреч с государственными деятелями зарубежных стран мне известно, что проявляемая нами интернационалистская солидарность высоко ценится и рассматривается как весомая помощь, содействующая развитию этих государств.

Вопросы научно-технического прогресса — это не только дело специалистов, занимающихся научными исследованиями и разработками. Мы придаем большое значение развитию творческих сил всего народа. У нас постоянно возрастает число трудящихся,

непосредственно участвующих в движении научно-технического новаторства. Можно по праву сказать, что речь идет о подлинно массовом движении. Дух научного новаторства стимулируется многими общественными организациями и учреждениями. Среди них следует прежде всего назвать Палату техники, нашу социалистическую организацию инженеров, объединяющую более 230 тыс. членов, Общество по распространению научных знаний («Урания»), соревнование нашей молодежи в научно-технической области, «Выставки мастеров будущего», смотры достижений студентов и молодых ученых.

Такая широкая основа научной жизни, естественно, способствует тому, что участниками научно-технического прогресса становятся все трудящиеся. В 1978 г. почти 1,8 млн. трудящихся, т. е. почти каждый третий труженик социалистического народного хозяйства, выдвинули ценные идеи, внесли новаторские предложения или получили изобретательские патенты. Благодаря этому в промышленности и строительстве удалось сэкономить около одного миллиарда марок и 90 млн. часов рабочего времени. Каждое реализованное новаторское предложение дало в среднем 55 тыс. марок прибыли, только за период с 1971 г. по 1978 г. эта прибыль составила примерно 29 млрд. марок.

Мы оказываем изобретателям широкую поддержку в их деятельности. Их число, как и количество заявленных патентов, постоянно возрастает. В последние годы крупные изобретения и технические разработки отмечались, например, Национальными премиями ГДР. Среди них — взрывное формообразование, газоизолированные распределительные устройства, автоматический измерительный микроскоп, новые типы листовых офсетных печатных машин, а также выдающиеся достижения в области сварочной техники. Само собой разумеется, каждый изобретатель и новатор получает вознаграждение в соответствии с эффектом, который дают результаты его труда.

Мы особенно поощряем творческие искания нашей молодежи, ее стремление к поиску новых, оригинальных и эффективных решений. Молодежь, со своей стороны, рассматривает науку и технику как область, где она имеет возможность опробовать свои силы. Идеи молодых изобретателей и новаторов пользуются большим спросом, и это укрепляет их в сознании того, что их труд приносит немалую пользу обществу и им самим. Отчитываясь в 1979 г. о результатах своего творчества, на упоминавшихся уже «Выставках мастеров будущего», которые проводились на предприятиях и в СХПК, в школах и университетах, около 2,5 млн. молодых рабочих, крестьян-кооператоров, студентов и ученых представили более 700 тыс. экспонатов.

Одна из главных задач управления научно-техническим прогрессом и его планирования состоит в том, чтобы множились выдающиеся достижения изобретательства и новаторства. Каждому

ученому, инженеру и технику обеспечено широкое поле деятельности; мы поощряем их творческие идеи и инициативу, их дух изобретательства. Это особенно важно, когда ученые, инженеры и техники привлекаются к решению тех или иных задач с самого начала, когда они целиком отдаются порученному им делу, проявляют к нему творческий подход.

Решающее значение имеет то, как организована работа по выполнению в сжатые сроки комплексных задач, связанных с достижением общих целей. Здесь требуется увлеченность делом и подлинная страсть, атмосфера коллективизма, постоянная забота о продвижении дела, своевременное принятие решений. Здесь мы используем одно из величайших преимуществ нашей экономической системы, заключающееся в том, что мы можем планировать важные процессы технического обновления в масштабе всего народного хозяйства и осуществлять их в интересах людей. Мы настоятельно требуем постоянного дальнейшего повышения уровня научно-технической работы и хорошей организации деятельности научных работников и инженеров. Их богатые идеи и творческие силы должны давать максимальный эффект.

Мы ориентируемся прежде всего на то, чтобы особо важные виды продукции и технологические процессы были у нас на уровне передовых мировых достижений. Для этого прежде всего необходимо ставить перед собой такие задачи и цели, выполнение и достижение которых дадут значительный прирост эффективности и качества. Я имею в виду такие высокие, но реальные задачи и цели, которые вдохновляют наших ученых, техников и новаторов, побуждают их целиком использовать все имеющиеся в их распоряжении возможности и силы.

Высокий уровень производства требует новых научных идей, творческих дискуссий и во все большей мере — способности критически сравнивать собственные достижения с мировым уровнем. Предъявление таких высоких требований способствовало росту числа людей, которые с большой ответственностью и с полной отдачей сил трудятся над выполнением народнохозяйственных задач.

Конечно, работа изобретателей и новаторов над решением какой-либо определенной задачи считается завершенной лишь тогда, когда полученные результаты выдержат испытание в виде соответствующей потребительной стоимости в производстве и на рынках. Именно на достижение этой цели направлены прежде всего четкое руководство научными исследованиями и техническими разработками, движением изобретателей и рационализаторов, тесное сотрудничество всех участвующих в этом деле.

Большое значение в сфере руководства исследованиями и разработками мы придаем разработкам перспективного значения. Те из комбинатов и предприятий, которые работают у нас в устойчивом ритме, где дело без сбоев идет вперед, добиваются успеха

именно потому, что производство готовится там исподволь на основе высших научно-технических достижений. Благодаря этому удается своевременно устанавливать целесообразность и необходимость качественных изменений производственных процессов и осуществлять такие изменения на прочной базе. В постановке задач в области науки и техники в масштабах народного хозяйства в целом и на каждом отдельном предприятии все в большей мере проявляется единый подход, и сами задачи все чаще носят долгосрочный характер, а управление наукой и техникой ведется как взаимосвязанный процесс, начиная от исследований и разработок и кончая внедрением в производство и широким использованием полученных результатов.

Мы имеем ныне научно обоснованные представления о развитии структуры народного хозяйства, фундаментальных исследований в области естественных и математических наук, а также важных областей естественных наук и техники вплоть до 1990 г. Мы продолжаем работу над этими долгосрочными концепциями, уточняем их. Они дополняются долгосрочными концепциями комбинатов по развитию исследований, техники и производства. Таким образом, руководство научно-техническим прогрессом мы осуществляем в рамках единой долгосрочной концепции.

Это стало для нас важной предпосылкой создания благоприятных условий для расцвета изобретательства и рационализаторского дела. Не скрою, что это стоило большого и напряженного труда. Сегодня мы можем сказать, что научно-технический прогресс, деятельность наших изобретателей и рационализаторов полностью учтены в наших народнохозяйственных планах и опираются на прочную поддержку со стороны генеральных директоров наших комбинатов.

Чтобы инициатива изобретателей и рационализаторов проявлялась в полной мере, необходим не только спрос на их изобретения и новаторские предложения, но и их максимально быстрое практическое использование. Мы упорно работали над поиском наиболее эффективных путей прочного соединения в этих целях науки с производством. Образование мощных комбинатов и дальнейшее совершенствование структуры народного хозяйства также создали для этого чрезвычайно благоприятные условия. Комбинаты объединяют ныне в значительной мере все то, что органически составляет единое целое и что необходимо для расширения изобретательства и рационализации, для обеспечения их еще большей результативности. Это придает новые импульсы ускорению научно-технического прогресса, еще более повышает его действенность.

25. Миллионная квартира

Берлинские строители пригласили меня на торжественную сдачу миллионной квартиры — столько квартир было построено за период после VIII съезда СЕПГ (1971 г.). На календаре было 6 июля 1978 г. На стройке в берлинском районе Марцан я встретился с заслуженными строителями, рабочими, прорабами и архитекторами, которых знаю уже многие годы. Сдавая новый жилой дом, начальник поточной линии Бенно Радтке, выступая на коротком митинге, сказал: «Мы держим свое слово, товарищ Хонеккер. Самое приятное для нас, когда наша работа завершена и люди могут въехать в новые квартиры, когда они чувствуют себя хорошо». Да, это именно так. Рабочее слово у нас — это очень весомое слово.

Обер-бургомистр столицы ГДР Эрхард Крак вручил ключи от новой квартиры рабочему Герману Гроскопфу. Как радовались этому члены его семьи. Я с удовольствием принял приглашение семьи Гроскопф посетить их новую, оборудованную с большим вкусом квартиру. Когда мы сидели в уютной гостиной новой квартиры за чашкой кофе, я вновь подумал об этой впечатляющей цифре — один миллион квартир. Ведь это — миллион счастливых семей. Я посмотрел в окно. Из него открывалась панорама огромной стройки. Там, где еще недавно простирались луга и поля, многие люди — почти каждая пятая берлинская семья — получат вскоре новое благоустроенное жилье. Наша столица выросла, и прилежным трудом строителей она продолжает изменяться буквально изо дня в день. Еще несколько лет тому назад все это было немыслимо. Наша политика привела в движение нечто такое, что обретает уже живые контуры повсюду в нашей стране. Как же это началось?

Я уже упоминал о том, что в ходе подготовки к VIII съезду СЕПГ мы тщательно анализировали и взвешивали, на чем нам следует прежде всего сосредоточить свои усилия в области социальной политики. С самого начала в Политбюро было единое мнение о том, что одной из таких назревших проблем является жилищное строительство. Вопрос, однако, состоял в том, будут ли достаточными обычные до того времени темпы роста жилищного строительства. Мы задумались о том, не настало ли время расширить задачи по содержанию и определить их на более длительный период. Не следовало ли поставить на повестку дня решение жилищного вопроса, которое всегда было программной целью нашей партии, как конкретную стратегическую задачу, рассматривать ее как составную часть нашей экономической и социальной политики?

Многое говорило за это. В то время как многие основные жизненные потребности, такие, как питание и одежда, труд и образо-

вание, мы могли уже удовлетворять на относительно высоком уровне, жилищный вопрос стал одной из первоочередных социальных проблем нашего общества. Об этом свидетельствовали многие обстоятельства. Насколько я мог судить по многочисленным беседам с рабочими, работниками коммунальных учреждений, по заявлениям граждан, с решением жилищной проблемы были связаны ожидания очень многих людей.

Центральный Комитет утвердил в октябре 1973 г. программу жилищного строительства, предусматривающую решение жилищного вопроса в ГДР как социальной проблемы до 1990 г. Тем самым мы осуществляем давнюю цель революционного рабочего движения и двигаем вперед дело социализма. Руководствуясь ответственностью за благо нашего народа, мы включили в качество основы социально-политической программы нашей партии жилищное строительство. Еще Фридрих Энгельс, будучи молодым революционером, заклеймил в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» ужасающие жилищные условия в английских промышленных городах. Позднее в своей работе «К жилищному вопросу» он раскрыл механизм многократной эксплуатации и зависимости, которыми опутаны трудящиеся в этой области. Ход истории полностью подтвердил выводы Энгельса.

С того времени в капиталистическом мире острота жилищной проблемы не ослабла, напротив, она еще более обострилась, при этом нередко самым драматичным образом. Здесь также капиталистический строй не в состоянии предложить какую-либо приемлемую альтернативу. Как и 100 лет назад, неопровержимо звучат слова Фридриха Энгельса: «Жилищный вопрос может быть разрешен лишь тогда, когда общество будет преобразовано уже настолько, чтобы можно было приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в современном капиталистическом обществе... Лишь благодаря решению социального вопроса, то есть благодаря уничтожению капиталистического способа производства, становится вместе с тем возможным разрешение жилищного вопроса».

Эти мысли Энгельса также не утратили свою актуальность, как и его следующие заключительные слова: «...всякая социальная революция должна будет брать вещи такими, какими она их найдет, и бороться с наиболее вопиющим злом при помощи имеющихся налицо средств».

Я по себе хорошо знаю, что такое жилищные условия трудящегося человека. В саарском Вибельскирхене, где прошли мои детство и юность, у меня было достаточно возможности видеть, в каких подчас ужасающих условиях приходилось жить горнякам и рабочим металлургических заводов. Дом моих родителей не составлял исключения. В небольшом домике горняка жила наша семья из восьми человек, а временами к нам приезжали оба моих

дяди — Людвиг и Петер Вайденхофы, а Петер еще и со своей семьей. Семьи горняков жили не только в очень стесненных условиях, сантехника квартир была абсолютно неудовлетворительной. В домах не было ни ванны, ни туалета. Водопровод был редкостью.

Позднее в ходе своей политической деятельности мне пришлось много ездить по различным районам Германии, я часто останавливался у друзей и товарищей в Рурской области — в Эссене, Бохуме, Оберхаузене и часто видел, каким бременем были для людей плохие жилищные условия. В 20—30-х годах, а также после второй мировой войны в крупных городах и промышленных районах было отнюдь не редкостью, когда совсем чужим людям приходилось делить между собой одну квартиру, когда люди жили в подвалах и даже в неотапливаемых летних домиках.

В памяти хорошо сохранились квартиры в рабочих районах Берлина и Лейпцига, а также Парижа, Амстердама и Праги, где мне приходилось бывать в 1933—1935 гг. Во время моего нелегального пребывания в Берлине в 1935 г. я особенно хорошо узнал жилищные условия пролетариата в районе Веддинг. Так же как и в районе Пренцлауэр Берг, здесь проживали в основном рабочие и мелкие служащие. Эти кварталы были застроены в период так называемого грюндерства пятиэтажными домами, так тесно стоявшими друг к другу, что во многих квартирах окна выходили в узкие дворы-колодцы размером восемь на восемь метров, куда круглый год не заглядывал луч солнца. Эти жилые казармы были буквально забиты людьми. Особенно ужасным было положение многодетных семей и пожилых людей. Это было живое подтверждение слов берлинского художника Генриха Цилле, что человека таким жильем можно убить, как топором.

Ввиду этого Коммунистическая партия Германии в конце 20 — начале 30-х годов неустанно боролась за улучшение жилищных условий трудящихся. Она выдвинула тогда конкретную программу, называвшуюся «Коммунисты и жилищный вопрос», которая отличалась теоретической дальнозоркостью и опиралась на богатый практический опыт. Она основывалась на фундаментальном анализе положения с жильем и давала ясный ориентир в борьбе со спекуляцией землей, грабительской квартплатой и раздуванием цен в строительстве. Не впадая в реформистскую фразеологию, наша партия поддерживала все, что могло бы продвинуть вперед дело социально справедливого жилищного строительства. На этой основе Вильгельм Пик выдвинул в 1931 г. в Берлинском городском собрании депутатов требование о «создании рабочего государства, в котором обеспечение рабочих масс жильем стояло бы на первом месте».

Условия для решения жилищного вопроса в нашей стране, с которыми мы столкнулись в 1945 г., были крайне неблагоприятными. Вследствие двух войн жилищный фонд находился в чрезвычайно плохом состоянии. Полный моральный износ и отсутствие

ремонта в течение многих десятков лет привели к обветшанию домов. К тому же жилищное строительство после экономического бума в начале столетия, принесшего огромные барыши домовладельцам, постоянно сокращалось, а в годы подготовки нацистов к войне вообще прекратилось.

Остальное довершило массовое разрушение жилых домов и общественных зданий в годы второй мировой войны. Каждая пятая квартира в Германии была превращена англо-американскими бомбардировками в развалины и пепел. Особенно сильно были разрушены крупные города, такие, как Берлин, Дрезден, Хемниц (ныне Карл-Маркс-Штадт) и Магдебург, где была уничтожена почти половина жилых зданий, а также многочисленные школы, больницы и другие сооружения.

В первые послевоенные годы было необходимо дать крышу над головой также и миллионам переселенцев. Поэтому на территории нашей республики создалось крайне напряженное положение с жильем. Число квартир сократилось с 5,1 млн. в 1939 г. до 4,8 млн. в 1946 г., количество же жителей увеличилось за этот период с 16,8 млн. человек до 18,5 млн. человек. Если в 1939 г. на 1000 жителей приходилось 303 квартиры, то в 1946 г. их было лишь 259. Средняя заселенность квартир увеличилась с трех человек в 1939 г. до четырех человек в первые послевоенные годы.

Однако цифры сами по себе еще мало говорят о фактическом положении многих семей. Только некоторые комнаты, сохранившиеся в разбомбленных домах, использовались под жилье. Нередко в одной комнате приходилось жить нескольким семьям с детьми. Несмотря на большие усилия антифашистско-демократических сил, направленные на ликвидацию развалин и расширение восстановительных работ, о каком-то широком и социально глубоком решении жилищной проблемы поначалу нечего было и думать.

В 50-е и 60-е годы строительная индустрия ГДР сделала очень многое для преодоления наиболее острой нужды в жилье. Но и тогда она располагала весьма ограниченными возможностями. Прежде всего было необходимо восстановить и постепенно развивать экономику, чтобы удовлетворить самые насущные потребности населения. Следовало наладить его бесперебойное снабжение самым необходимым и обеспечить равномерное и пропорциональное развитие народного хозяйства.

По мере того как удавалось гарантировать надежное и постоянно улучшающееся снабжение населения продуктами питания и расширять на все более высоком уровне производство товаров широкого потребления, центр тяжести перемещался на строительство и обновление жилья. На это направлялись все большие усилия общества.

С 1951 по 1970 г. в ГДР было построено в целом около 1,1 млн. новых квартир, т. е. в среднем по 55 тыс. квартир в год. Особенно быстро развивалось жилищное строительство в 50-е годы в Бер-

лине, Магдебурге, Ростоке, а также в сооружавшихся заново городах, таких, как Айзенхюттенштадт и Хойерсверда. В жилищное строительство направлялась в те годы одна восьмая всех капиталовложений. И хотя в 60-е годы такой темп не сохранился, количество квартир в ГДР к концу 1970 г. возросло почти до 5,9 млн. В 1970 г. при численности населения около 17 млн. человек на 1000 жителей приходилось 345 квартир.

В начале 70-х годов экономические возможности и потребности дальнейшего строительства развитого социалистического общества предопределили необходимость установления тесной взаимосвязи между производством и удовлетворением материальных и духовных потребностей людей. Тем самым были также созданы предпосылки для разработки долгосрочной программы жилищного строительства. Эту задачу мы поставили на повестку дня.

Выдвижение жилищной проблемы на передний план было обусловлено не только тяжелым наследством, доставшимся нам от капитализма. За 25 лет социалистического строительства в нашей республике основательно изменились сами люди. Тяга к знаниям и рост культуры и стремление содержательно использовать свободное время по-новому поставили и вопрос о жилищных условиях. Немаловажную роль имело и то обстоятельство, что сокращение рабочего времени привело к увеличению свободного времени у трудящихся.

Нельзя недооценивать значения жилищных условий для благоустроенной и счастливой семейной жизни, для активного участия в трудовом процессе и в общественной жизни. Наконец, наша партия учитывала и то, что решение еще существующей пока жилищной проблемы будет содействовать осуществлению желания молодых супругов иметь детей. Речь идет, следовательно, о полнокровной жизни каждого и в то же время о вопросе, имеющем большое значение для всего общества.

Все это — совокупность условий жизни, которые мы создали сами,— сделало решение жилищного вопроса задачей первостепенной важности для дальнейшего развития нашей страны.

Именно поэтому жилищный вопрос занял определяющее место в нашей политике, поскольку в ходе строительства жилья и соответствующих общественных зданий, городского строительства и преобразования деревень и поселков решаются основополагающие вопросы формирования основ социалистического образа жизни. Наша партия рассматривает жилищное строительство как целый комплекс мероприятий. Это прежде всего также относится к строительству детских садов и яслей, школ, домов отдыха, поликлиник и больниц, магазинов, а также учреждений культуры, клубов и спортивных сооружений. В ходе комплексного жилищного строительства в значительной мере решается и вопрос о будущих общественных структурах, о содержании и формах образа жизни будущих поколений.

В нашей политике мы всегда учитываем как социальные последствия жилищного строительства, так и связанные с этим экономические проблемы. Поэтому в наших хозяйственных планах 70-х годов мы предусматривали не только широкую индустриализацию жилищного строительства — создание ДСК, мощностей по монтажу сборных конструкций, внедрение современных технологических процессов строительства. Необходимо было учитывать и другое. Если мы в течение 70-х годов значительно улучшили жилищные условия примерно четверти всего населения ГДР, то это не могло не привести к существенному увеличению спроса на товары первой необходимости. Анализ показывает, что каждая семья при вселении в новую квартиру в среднем затрачивает на ее оборудование и приобретение обстановки около 6 тыс. марок. Это означало, например, что в 1970 г. только в связи с заселением 160 тыс. новых квартир мы должны были обеспечить дополнительный спрос на мебель, декоративные материалы, осветительную арматуру на общую сумму порядка миллиарда марок.

Но такой подсчет при планировании пришлось вести в еще более широких масштабах. Он должен был охватывать все факторы народнохозяйственных планов 70-х годов, от которых зависели выполнение нашей строительной программы и улучшение жилищного хозяйства. На эти цели потребовались значительно большие ассигнования из госбюджета — на строительство нового жилья, которое финансируется в основном государством, а также на ремонт, на создание социальных учреждений и многое другое. Большую часть этих расходов в нашей республике несет не население, а государство. Вот лишь один характерный пример: несмотря на растущие расходы на жилищное хозяйство, квартплата у нас остается неизменной. Стабильная квартплата составляет важный элемент социальной обеспеченности семьи. Этим объясняется и то, что на квартплату в нашей стране расходуется не более 2—8% семейного бюджета. В противоположность этому данные по капиталистическим странам, например ФРГ, показывают, что на квартплату там уходит от 13 до 35% доходов семьи и даже плата за те квартиры, в строительстве которых частично участвует государство, постоянно растет. В 1965—1977 гг. этот рост — 250%.

Когда мы выдвинули жилищное строительство на передний план, мы, разумеется, знали, что имеется немало других назревших вопросов, которые также необходимо шаг за шагом решать. Перед руководством социалистической страны постоянно возникает вопрос о том, какие проблемы следует решать в интересах народа в первоочередном порядке, как обеспечить должные пропорции в масштабах всего общества.

Проанализировав состояние имевшегося жилого фонда и потребности в жилье, мы приступили к разработке конкретных предложений по широкому развертыванию жилищного строительства, включая необходимые материальные затраты и ассигнования

на само строительство и на развитие отраслей, обеспечивающих субпоставки. При этом мы с самого начала стремились учесть опыт и предложения трудящихся. Особенно важным было для нас мнение строителей — при реализации столь масштабных целей к ним предъявляются чрезвычайно высокие требования. Строители не только поддержали нас, но и высказали множество полезных советов и предложений, взяли на себя важные обязательства.

Вспоминаются посещение строительной площадки в берлинском районе Кёпеник, где теперь раскинулся жилой квартал им. Сальвадора Альенде, встреча с рабочими бетонного завода берлинского домостроительного комбината 10 мая 1972 г. Строители с воодушевлением рассказывали о своей работе; они указывали на некоторые недостатки в руководстве и организации, которые следовало устранить, чтобы лучше и быстрее использовать резервы.

Чуть позднее мы встретились тогда с семьей Биттерхоф, которая только что въехала в новую квартиру. В беседе со мной рабочий берлинской верфи Биттерхоф сказал: «Мы очень рады, что четверо наших детей смогут расти в такой прекрасной квартире».

После осмотра объектов состоялась встреча с партийным активом берлинских строителей. Отношение строителей к своему делу коротко высказал бригадир Франц Хольфельд: «Мы знаем, что каждая новая квартира несет людям счастье и благополучие, и это вдохновляет нас на то, чтобы строить лучше, быстрее и дешевле». Выступая на этой встрече, я, в частности, сказал: «Сегодня мы вновь убедились в том, что решения партии встречают полное одобрение. После того как мы создали в столице столь красивый центр города, речь идет о том, чтобы построить жилье для всех тех, кто заслужил его и имеет на него право. Мы должны взять курс на то, чтобы после 1975 г. еще шире, чем пока еще можем себе представить, подходить к решению таких задач. Наша цель состоит в том, чтобы создать для трудящихся республики жилищные условия, которые в еще большей мере соответствуют нашим социалистическим взглядам».

В середине 1973 г. в Политбюро ЦК нашей партии были представлены соображения об улучшении жилищных условий в ГДР. Мы наметили, что уже в следующей пятилетке должно быть построено или модернизировано 750—800 тыс. квартир, а до 1990 года — 2,8—3 млн. квартир. Надо отметить, что по понятным причинам были также и сомнения, следовало ли связывать себя на столь длительный период такой крупной программой жилищного строительства, поглощающей значительную часть национального дохода. Мы, разумеется, сознавали, что при решении социальных проблем речь всегда идет о вопросах, затрагивающих все население страны. Поэтому решение этих проблем связано с крупными экономическими последствиями, и для этого требуется время. Принятая нами программа жилищного строительства опиралась на научный вывод о необходимости максимального учета

тесной взаимосвязи между производительностью труда, возможностью получения трудящимися образования и их жилищными условиями. Лишь таким путем можно обеспечить полное и всестороннее развитие личности, лишь при этом условии человек — главная производительная сила — способен на высокопроизводительный труд. Это, в конечном счете, дает основание говорить о том, что программа жилищного строительства является основой нашей социальной политики. Исключительно ценными оказались для нас успехи, достигнутые в этой области Советским Союзом. Уже при определении социального содержания нашей программы мы использовали полезный опыт советских друзей. Большое принципиальное значение имел для нас советский опыт градостроительства. В рамках долгосрочной кооперации в области научных исследований мы совместно с СССР ведем научно-техническую разработку проектов строительных конструкций, технологии и создания строительных материалов. Кроме того, Советский Союз поставляет нам комплектные домостроительные заводы, что является существенным вкладом в быстрое развитие нашей строительной промышленности. В нашу жизнь прочно вошли многочисленные контакты между строителями, рабочими бригадами и комбинатами, установившиеся в ходе обмена опытом между нашими странами.

Как уже говорилось, Центральный Комитет нашей партии определил в октябре 1973 г. важнейшие цели и задачи в решении жилищного вопроса до 1990 г. Он наметил меры по повышению мощности и эффективности строительной промышленности и созданию для этого необходимых материально-технических предпосылок. Наша программа жилищного строительства прежде всего предусматривает предоставление до 1990 г. каждой семье отдельной квартиры соответствующей площади и качества. Решающая социальная задача состоит в преодолении исторически сложившихся различий жилищных условий. Это находится в полном соответствии с одной из главных закономерностей социалистического строительства — постепенным сближением различных классов и слоев нашего общества. Поэтому было совершенно очевидно, что в программе жилищного строительства следовало предусмотреть, чтобы хорошие квартиры предоставлялись в особенности семьям рабочих и молодоженам. Наш девиз гласил: не роскошные квартиры для немногих, а хорошие квартиры для всех. Это предполагает, что мы должны строить во всех отношениях целесообразно и экономно, обеспечивать необходимые удобства и комфорт. Тем самым мы также претворяем в жизнь гуманистическое стремление многих архитекторов и строителей — создать жилые районы, свободные от воплощенных в камне противоречий между богатством и бедностью, где все жители чувствуют себя вольготно и где их дети могут расти, окруженные человеческим теплом и заботой.

Однако типовое строительство квартир не означает, как это иногда пытаются представить, что речь идет о какой-то нивели-

ровке жилищных условий. Напротив, мы исходим как раз из того, что удовлетворяющее социальным требованиям жилищное строительство должно обеспечивать определенный выбор: квартиры для многодетных семей, для пожилых и для одиноких людей, квартиры в центре города и в зеленой зоне, отвечающие специфическим запросам трудящихся, занятых на сменной работе в промышленности, членов сельскохозяйственных кооперативов или деятелей искусства. В Гражданском кодексе ГДР урегулированы права квартиросъемщиков и вопросы защиты этих прав. Там, в частности, установлено, что 60% всех новых квартир должны предоставляться семьям рабочих. В законодательном порядке определена и низкая квартирная плата, что позволяет каждому гражданину занять удобную квартиру и пользоваться ею.

Программа строительства жилья до 1990 г. предусматривает затраты в размере 200 млрд. марок и является самой крупной программой капиталовложений, которую когда-либо осуществляла ГДР. Наряду со строительством жилья она включает в себя и строительство необходимых общественных учреждений — школ, детских садов и яслей, интернатов для престарелых или людей, имеющих физические недостатки, а также торговых центров, медицинских учреждений, Домов культуры, спортивных сооружений и мест для отдыха. Именно такая комплексность программы жилищного строительства в решающей мере определяет ее социальную эффективность. Речь идет о значительно большем, нежели о крыше над головой.

В Программе нашей партии сказано: «Жилищное строительство в возрастающей мере влияет на подъем жилищной культуры, содействует организации содержательного досуга и формированию взаимоотношений людей в обществе». Мы хотим, чтобы люди хорошо чувствовали себя там, где они живут, они должны иметь все возможности для культурного развития, жить в атмосфере человечности, уюта и покоя.

В мире есть много деклараций по вопросу о жилищном строительстве. Однако в нашей жилищной программе не только заявляется о том, что она должна служить всем людям в городе и деревне, в особенности рабочим. В ней содержится основополагающая стратегия ее претворения в жизнь.

Важной особенностью программы является ее комплексный характер, она предусматривает строительство нового жилья, модернизацию старого и сохранение всего наличного жилого фонда. Наряду со строительством крупных новых жилых массивов мы придаем возрастающее значение сохранению и обновлению имеющегося жилого фонда в старых районах заселения. По состоянию на 1971 г. 40% общего количества имевшихся у нас квартир было построено еще до первой мировой войны. Доля квартир с ванной или душем составляла лишь 39%. Поэтому мы исходили из того, что обновление до 1990 г. всего жилищного фонда не только не-

возможно, но в этом и нет необходимости. Конечно, жители старых районов заселения имеют такое же право на хорошие жилищные условия, как и граждане, получающие новые квартиры. Поэтому мы постепенно реконструируем целые старые городские районы. Планомерное восстановление и сохранение весьма значительного и ценного старого фонда жилых и общественных зданий нашей страны — важное дело как в социальном, так и в экономическом отношении. Это также реальный путь обновления городов. Тем самым мы не только решаем острую во многих странах проблему — предотвращаем запустение старых городских центров, но и сохраняем народное достояние и исторически ценные сооружения, определяющие неповторимый облик многих городов.

Таким образом, наша программа жилищного строительства дает также решающий импульс в решении архитектурно-эстетических задач градостроительства. Она органически связывает ценное наследие с новым, создавая гармоничную окружающую среду в соответствии с потребностями социального развития.

Это особенно наглядно проявляется в ходе изменения облика нашей столицы — Берлина, где мы ныне осуществляем планы, простирающиеся до начала следующего столетия,— планы постепенного преодоления тяжелого наследия, оставленного нам здесь капитализмом. Мы создадим для всех граждан хорошие жилищные условия и сделаем нашу столицу такой, чтобы она все лучше и полнее отвечала своему политическому и культурному назначению, содействуя укреплению уз дружбы и сотрудничества между народами.

После войны мне, как и многим другим, пришлось участвовать в расчистке улиц Берлина от руин. Естественно поэтому, что с готовностью откликаюсь на все, что касается нашей столицы и ее трудолюбивых жителей. Все, что идет на благо этому городу, содействует укреплению его международного авторитета, находит у меня понимание и поддержку.

Наша столица многочисленными нитями связана с жизнью всей Германской Демократической Республики. Если мысленно перекинуть мост от времени основания Берлина, около 1230 г., в наши дни, то можно с полным основанием сказать, что его нынешний облик, как и история, в значительной мере создан рабоче-крестьянской властью. Нынешняя столица Германской Демократической Республики — это не только великолепная Унтер-ден-Линден, не только оживляющие город старые и новые жилые кварталы, старые и новые торговые улицы. Возрожденный буквально из руин, современный Берлин становится символом победоносного шествия социализма по немецкой земле.

Никогда еще в многовековой, богатой контрастами истории Берлина не проявлялось такой заботы о людях, никогда еще жизнь его граждан не была столь обеспеченной в социальном отношении, а их интересы связаны с миром и прогрессом, как в условиях на-

шей социалистической действительности. В этом городе, где 40 лет назад господствовавшие силы преступного фашизма положили начало крупнейшей военной катастрофе современности, куда 35 лет назад героическая Советская Армия, ведя борьбу за каждый дом и каждую улицу города, принесла освобождение, мы получили возможность создать Германскую Демократическую Республику. Столица нашего рабоче-крестьянского государства Берлин олицетворяет с тех пор творческий дух нашего народа, успешно претворяющего в жизнь идеи Маркса, Энгельса и Ленина, идеалы социализма.

Политический деятель не может, разумеется, удовлетворяться лишь плановыми показателями, ибо в конечном счете вопрос, действительно ли хороши условия, в которых живет человек, решается качеством. Поэтому мы вновь и вновь обращаем внимание архитекторов на необходимость создания радующих глаз удобных жилых кварталов. Архитектура должна оказывать эмоциональное воздействие, укреплять в каждом человеке сознание того, что он — у себя дома, что это — его родина, где он свободен и равноправен.

Создание такой окружающей человека среды, как это доказывает история строительства в нашей стране в течение трех последних десятилетий, возможно лишь благодаря таким преимуществам социалистического общества, как государственная собственность на землю, исключение любой спекуляции землей и создание промышленного жилищного строительства и жилищного хозяйства, которым чуждо стремление к наживе. Поэтому в центрах наших крупных городов не возникают громады зданий и транспортных сооружений, произвольно нарушающие все пропорции и разрушающие исторически сложившиеся, представляющие архитектурную ценность ансамбли. Конечно, строительство в центрах наших городов связано с большими затратами. Но для граждан, которые там живут, не возникает дополнительных обременений. В соответствии с качеством квартиры квартплата составляет от 90 пфеннигов до 1,20 марки за квадратный метр, независимо от того, находится ли она в центре города или на его окраине.

Принимая программу жилищного строительства, мы основывались на научном выводе о том, что необходимые для решения жилищного вопроса материальные и духовные средства и силы можно обеспечить, лишь опираясь на долгосрочную политическую стратегию. Решающее значение для реализации этой программы имеет быстрое наращивание мощностей нашей строительной индустрии. Поскольку эту задачу нам пришлось решать, по существу, без привлечения дополнительной рабочей силы, мы направили все свои усилия на внедрение современных методов строительства и технологии.

Эта проблема была в центре внимания на 6-й конференции строителей, организованной ЦК СЕПГ и Советом Министров ГДР в апреле 1975 г. На этой конференции, в которой приняли участие

представители трудящихся отраслей строительства и строительных материалов, предприятий-субпоставщиков, ученые и представители общественных организаций, были определены ориентиры на будущее. Главный путь увеличения производства в строительстве — интенсификация производства и индустриализация строительных процессов. Мы ставим задачу создать современную индустрию жилищного строительства, которая могла бы эффективно и с должным качеством производить все необходимое — начиная с ванны и кончая сооружением целых жилых районов. Только на эти цели наше государство выделило с 1973 г. более чем 7 млрд. марок капиталовложений.

При всех необходимых шагах со стороны государства решающая политическая задача состояла в том, чтобы осуществление программы жилищного строительства стало делом всех строителей, делом всего населения. Как и я, многие партийные работники пошли на стройки, на предприятия промышленности строительных материалов, в исследовательские и проектные институты, чтобы разъяснить задачи нашей программы жилищного строительства и содействовать ее реализации поощрением инициатив трудящихся. Не будет преувеличением сказать, что наша партия со строителями — на «ты». Это, собственно, и не удивительно, ибо в нашей стране строители имеют надежную перспективу на многие десятилетия вперед.

Естественно, что программа жилищного строительства сразу же нашла широкий положительный отклик среди населения. Я получил письма от многих граждан, которые от всего сердца приветствовали эту программу. Миллионы граждан проявили большую активность, стремясь улучшить свои жилищные условия. Начиная с наших крупнейших городов — Берлина, Лейпцига, Дрездена, для которых Политбюро приняло специальные долгосрочные программы строительства до 1990 г., теперь все города страны имеют свои концепции решения жилищного вопроса. В ходе их разработки были проведены тысячи совещаний с трудящимися в народных представительствах и органах Национального фронта. Участие населения в подготовке решений, в планировании, управлении явилось конкретным проявлением социалистической демократии. Важное место в этой работе занимает организованное Национальным фронтом ГДР соревнование под девизом «Краше наши города и села — участвуй вместе с нами!». В это движение включается все больше и больше граждан. Они непосредственно участвуют в ремонте и содержании в должном порядке своих жилых домов, школ и детских садов. Члены рабочих жилищных кооперативов, а также владельцы одноквартирных домов также вносят немалый добровольный вклад в дело сохранения жилого фонда. В последние годы таким путем были созданы огромные ценности. Это полностью отвечает нашему принципу: жилищные условия должны улучшаться повсюду — и в городе, и в деревне.

В этой связи мы всячески содействуем строительству собственных жилых домов, особенно в деревне. Доля этого строительства в программе сооружения нового жилья составляет около 11%. Индивидуальное строительство служит прежде всего интересам рабочих и многодетных семей. Они получают от государства бесплатно строительный участок и льготные кредиты, размеры которых в случае необходимости достигают полной стоимости строительства. Погашение этих кредитов производится с учетом социального положения граждан и не обременительнее обычной квартплаты за соразмерную квартиру в государственном доме.

Используя эти различные формы строительства жилья, модернизации и сохранения жилого фонда, мы обеспечиваем эффективную реализацию программы жилищного строительства во всех частях нашей страны. При этом успешно решаются социальные задачи, а народнохозяйственные затраты не превышают допустимых границ. Народ является не только главным распорядителем программы жилищного строительства, но и активным участником строительства и формирования социалистического уклада жизни.

Руководство партии и государства постоянно внимательно следит за осуществлением программы жилищного строительства. Ход ее реализации отражает и деятельность руководящих органов округов и районов. В центре своевременно принимаются решения по назревшим вопросам. Так, на 5-м пленуме Центрального Комитета в марте 1977 г. подробно рассматривался ход осуществления решений IX съезда СЕПГ в области строительства. В комплексном постановлении по этому вопросу, принятом с учетом накопленного ценного опыта, были определены наиболее эффективные пути выполнения и перевыполнения по ряду важных показателей плановых заданий по жилищному строительству на пятилетие 1976--1980 гг. Эта твердая ориентировка на высокие эффективность и качество жилищного строительства, которая в дальнейшем уточнялась и углублялась, стала четким руководством к действию. Основанный на взаимном доверии обмен мнениями со строителями явился действенной поддержкой их творческих усилий в борьбе за высокие достижения в развернутом социалистическом соревновании. Все это существенно содействовало тому, что установленные задания по комплексному жилищному строительству из года в год выполняются и перевыполняются.

Хотя в выполнении программы жилищного строительства мы пока еще прошли только часть пути, уже достигнуты важные результаты, играющие определяющую роль в реализации всей программы. Объединив усилия всех отраслей народного хозяйства, мы прежде всего значительно расширили индустриальную базу строительства. Это дало нам возможность увеличить объем строительства вдвое по сравнению с 1971 г. и в то же время производить почти 80% сборных конструкций индустриальными метода-

мы на высокомеханизированных домостроительных заводах. Число ежегодно сдаваемых новых и модернизированных квартир возросло с 86 700 в 1971 г. до почти 163 тыс. в 1979 г. Всего за 9 лет этот прирост составил 1272 тыс. квартир, или больше, чем за период с 1945 г. по 1970 г. С 1971 г. свои жилищные условия улучшили более чем 3,6 млн. граждан, т. е. каждая пятая семья. Общий жилой фонд увеличился, достигнув 6,7 млн. квартир, что соответствует общему числу домашних хозяйств в нашей стране. В 1979 г. на 1000 жителей приходилось 399 квартир.

Этот показатель означает, что мы достигли уровня 23,6 *кв. м* жилой площади в среднем на одного жителя, и тем самым положение у нас в сравнении с другими странами еще более улучшилось. Социальное значение программы жилищного строительства можно полностью оценить лишь с учетом того, что квартирная плата в большинстве случаев составляет менее 5% семейного дохода. В нашей стране не бывает случаев, когда рабочая семья вынуждена отказаться от квартиры из-за высокой оплаты.

Существенный элемент, определяющий социальный характер нашей программы жилищного строительства, а тем самым и планирование и проектирование застройки городов, состоит в том, что строительство жилых домов мы сочетаем с созданием детских учреждений, школ, спортивных сооружений и площадок для игр. Примерно четверть общего числа этих сооружений построена за период с 1971 г. Пожалуй, лишь в немногих странах мира для подрастающего поколения строится так много, как у нас.

Вряд ли необходимо пояснять, что социалистическому государству приходится выделять значительные финансовые средства для обеспечения и дальнейшего подъема столь высокого социального уровня. Политика неизменных цен на важнейшие продовольственные товары и предметы первой необходимости, а также стабильной квартплаты, которую мы осуществляем, несмотря на возрастающие внешнеэкономические трудности, укрепила у населения доверие к своему государству. Она содействовала возникновению многообразных инициатив трудящихся, направленных на повышение эффективности материального производства. Хорошие жилищные условия как раз и создают тот социальный климат, в котором взаимосвязи экономической и социальной политики развиваются особенно успешно с наибольшей пользой для всех.

Когда мы после VIII съезда СЕПГ приступили к осуществлению программы жилищного строительства, органы массовой информации капиталистических стран сеяли сомнения в ее выполнимости. Но как это уже часто случалось, подобным пророчествам была уготована недолгая жизнь. Факты, создаваемые изо дня в день, из года в год руками наших людей в городах и деревнях, убедительно свидетельствуют о том, что мы идем правильным путем и успешно выполняем нашу программу жилищного строительства на благо народа.

26. Рождаемость вновь повышается

Особенно радующий результат нашей экономической и социальной политики — повышение рождаемости в ГДР. В этой области у нас, как и во многих других промышленно развитых странах, со второй половины 60-х годов возникли свои проблемы. К 1973 г. число новорожденных сократилось в ГДР до 10,6 на 1000 человек населения. В том году в республике родилось 180 336 детей. Причина этого заключалась в неблагоприятном возрастном составе населения, что явилось следствием второй мировой войны. С другой стороны, многие молодые супружеские пары были вынуждены слишком долго ждать получения собственных квартир, резко возросли число работающих женщин и уровень их квалификации. В то же время удлинилось время, необходимое для приобретения специальности молодым женщинам, подавляющее большинство которых поступали на работу или продолжали учебу. В результате первого ребенка они рожали в таком возрасте, в котором обычно ожидают второго. Но затем рождаемость в ГДР из года в год стала возрастать. Лишь в 1979 г. на свет появилось 235 233 малыша. Это почти на 55 тыс., или на 30%, больше, чем в 1973 г. Число новорожденных на 1000 человек населения возросло до 14.

Всех граждан нашей страны и, разумеется, меня тоже, радует такой рост рождаемости. Он свидетельствует о том, что в нашей стране благодаря социальной обеспеченности семей и уверенности людей в завтрашнем дне существует благоприятный для увеличения рождаемости климат. У нас с полным основанием говорят: кто уверен в будущем, тот хочет иметь детей. В нашем социалистическом государстве дети с момента их появления на свет находятся в благоприятной обстановке. На них обращены любовь и внимание семьи и общества. Мы делаем все, чтобы дети не знали ни голода, ни войны. С первого часа их жизни о них заботится наше здравоохранение. Дети могут в меру сил развивать свои способности и таланты,— этому служит наша система образования. Подросткам не приходится опасаться, что они не смогут учиться или работать. Нам нужен каждый человек, общество высоко ценит всякий труд.

Рост рождаемости имеет для нас большое значение и по другой причине. С 1972 г. женщина в ГДР получила возможность сама решать, прекращать или сохранять беременность. Тем самым осуществлено давнее требование немецкого революционного рабочего движения, которое выдвигали многие врачи, юристы, представители научной и творческой интеллигенции.

Тяжелым было положение женщин-работниц и рабочих семей после первой мировой войны. Я по своему опыту знаю, какую

нужду, какие лишения им приходилось терпеть, знаю, сколь тяжкого труда стоило горнякам в Сааре, где я родился и вырос, чтобы их семьи, дети были сыты, одеты, имели крышу над головой. Появление лишнего ребенка в семье нередко становилось трагедией.

Меня, тогда молодого коммуниста, глубоко потрясла пьеса «Цианистый калий», которая шла на сцене в конце 20-х годов, во времена мирового экономического кризиса. Это потрясающее произведение врач и писатель Фридрих Вольф написал в поддержку борьбы трудящихся против параграфа 218 Гражданского кодекса, запрещавшего прекращение беременности. Уже в октябре 1931 г. фракция КПГ в рейхстаге внесла законопроект, разрешающий прекращение беременности. В народе это предложение нашло поддержку, в буржуазном же парламенте — нет. И все осталось по-прежнему. То, что под угрозой наказания запрещалось женщинам из рабочей среды, то, за что многие расплачивались потерей здоровья или даже жизнью, за что немало из них оказывалось в тюрьме,— все это не составляло проблем для богатых. Женщины из высших слоев могли позволить себе дорогостоящие операции по прекращению беременности. Я всегда считал, что с параграфом 218, со всем этим фарисейством необходимо покончить.

Поэтому я всячески стремился продвинуть в нашей республике решение этого вопроса, тесно связанного с равноправием женщин в получении образования и выборе профессии, в браке и семье. По инициативе нашей партии и в соответствии с совместным решением Политбюро ЦК СЕПГ и Совета Министров ГДР на рассмотрение 500 депутатов Народной палаты 9 марта 1972 г. был внесен проект закона о разрешении прекращать беременность. Абсолютным большинством, лишь при 14 голосах против и 8 воздержавшихся, депутаты приняли новый закон. Тем самым наряду с ранее закрепленными правами на труд и равную заработную плату за равный труд, на образование, отдых и получение льгот женщине предоставлялось и право решать вопрос о том, когда обзаводиться ребенком, т. е. в соответствии с личными планами и семейными обстоятельствами, с учетом своих профессиональных интересов. Это полностью соответствует правам и достоинству женщины, служит охране здоровья и жизни матери и ребенка.

Высказывались мнения о том, не является ли такой шаг преждевременным ввиду серьезных демографических последствий войны и не поведет ли он к дальнейшему снижению рождаемости. Однако мы считали, что наступило время предоставить женщине это подлинно человеческое право — принимать решение, от которого зависит ее счастье, которое служит укреплению семьи. Хотел бы отметить, что возражения, выдвигавшиеся тогда по разным мотивам против этого закона, оказались полностью несостоятельными. Так, число новорожденных в ГДР увеличилось с 179 127 в 1974 г. до 181 798 в 1975 г. В 1976 г. родилось 195 483 ребенка, в 1977 г.— 223 152, в 1978 г.— 232 151 и, на-

конец, в 1979 г.— 235 233 ребенка. Опасения, что принятие закона может способствовать усилению аморальных явлений среди молодежи, были опровергнуты ростом числа заключаемых браков и новорожденных в молодых семьях.

Не подтвердилось и опасение, что женщины, самостоятельно принимая решение о прекращении беременности, могут нанести ущерб своему здоровью. Напротив, в то время как в 1971 г., за год до принятия нового закона, смертность женщин составляла 4,1 на 10 000 случаев, к 1978 г. она снизилась до 2,0 вследствие квалифицированно проводимого врачами в клиниках и больницах прекращения беременности. За этот же период смертность среди новорожденных снизилась с 18 до 13 на 1000. Подтвердилась и правильность решения рассматривать прекращение беременности как болезнь, с оплатой по нетрудоспособности, и отпускать предписанные врачом противозачаточные средства бесплатно. Поэтому нелегальные аборты у нас отошли в прошлое. Имея свободу выбора, женщины стали отдавать предпочтение предохранению от беременности, а не ее прекращению. С 1973 г. число абортов значительно сократилось при одновременном росте рождаемости.

Таким образом, равноправие женщин в Германской Демократической Республике получило дальнейшее развитие. Равенство женщины и мужчины было закреплено уже в первой Конституции ГДР как одно из важнейших прав человека. Таково положение и на сегодняшний день. Статья 20 Конституции 1974 г. получила существенное уточнение. Там говорится: «Мужчина и женщина равноправны и занимают равное правовое положение во всех областях общественной, государственной и личной жизни. Оказание содействия женщине, в особенности в деле получения профессиональной квалификации, является задачей общества и государства».

Мы с самого начала не ограничивались только конституционными гарантиями равноправия мужчины и женщины. Одним из первых законов нашего рабоче-крестьянского государства был Закон об охране матери и ребенка и о правах женщины от 27 сентября 1950 г. Он создал основу для планомерного приведения конституционного права в соответствие с действительностью, чтобы миллионы женщин получили возможность добровольного и равноправного участия в общественном производстве и овладения необходимыми для этого знаниями. С принятием этого закона были также урегулированы вопросы помощи и поддержки матери и ребенку со стороны государства. Он характеризовал брак и семью как одну из главных опор нашего общества и устанавливал равноправие мужчины и женщины в вопросах семейного права.

В законе определялась ответственность государства за положение женщины на производстве, а также гарантировалась охрана ее труда. В нем, в частности, указывалось: «Труд женщин на

производстве должен не ограничиваться рамками традиционных женских профессий, а распространяться на все отрасли производства... Во всех профессиях следует принять меры для приобретения женщинами соответствующей квалификации». Наконец, этот закон требовал систематического увеличения числа женщин, работающих на ответственных государственных и общественных постах. Он обязал местные органы власти, а также народные предприятия создавать ясли и детские сады для детей, матери которых работают. В общем и целом в законе детально определялись пути постепенного осуществления равноправия женщин.

И если сегодня у нас есть все основания утверждать, что ГДР является страной, где женщины пользуются равными с мужчинами правами и где привольно живется детям, то в это немалый вклад внесли сами женщины своим творческим усердным трудом в строительстве социалистического общества, в укреплении нашей экономики. Ныне 87,6% всех трудоспособных женщин работают, обучаются в средних профессионально-технических школах или в высших учебных заведениях. В 1979 г. у нас насчитывалось 4,1 млн. работающих женщин и 630 тыс. обучавшихся в средних профессионально-технических школах молодых женщин и девушек трудоспособного возраста. Доля женщин в общем числе занятых в народном хозяйстве из года в год повышается и составляет ныне 50,2%.

Со временем изменились и побудительные мотивы участия женщин в трудовой деятельности. В первые годы после разгрома фашизма для многих из них это была горькая необходимость. Тогда у нас было 11,6 млн. граждан трудоспособного возраста. Женщин было на 2 млн. больше, чем мужчин, и эти женщины стали единственными кормилицами своих семей. Большинство из них участвовало тогда в расчистке развалин, трудилось в других областях демократического возрождения; они и не подозревали, что тем самым было положено начало процессу, имевшему решающее значение для утверждения их равноправия. Позднее пришло понимание необходимости использовать свои знания и способности в работе по специальности, появилось стремление приносить пользу и за пределами своего дома. При этом формировалось самосознание женщины, укреплялась ее экономическая независимость от мужчины. Так работа по специальности стала для подавляющего большинства женщин настоящей потребностью. И без нее — как говорят сами женщины — они уже не могут представить себе свою жизнь.

Если измерить сегодня весь вклад женщин в развитие нашего народного хозяйства, то мы придем к весьма впечатляющему итогу. Работа по специальности, оплата по труду, чувство принадлежности к трудовому коллективу, участие в общественной жизни — все это привело к возникновению совершенно новых образа мышления, норм поведения и женщин, и мужчин.

Особую роль сыграло в этом предоставление женщине равного с мужчиной права на образование. По нашему мнению, обеспечение этого права отвечает нашему представлению о всесторонне образованном, гармонически развитом человеке социалистического общества. Такой идеал неделим, он одинаков и для мужчины, и для женщины. В отличие от любого общественного строя прошлого мы широко распахнули двери всех учебных заведений, вплоть до университетов, для детей рабочих и для женщин. И они активно пользуются своим правом на образование. Это позволило нам заявить в Отчетном докладе IX съезду СЕПГ, что «женщины играют важную роль во всех сферах жизни. Среди молодого поколения уже почти нет различий в отношении возможностей развития способностей и талантов. Девушек и юношей в равной мере хорошо готовят к жизни». 99% окончивших среднюю школу девушек, которые не идут в высшие учебные заведения, получают профессиональную подготовку.

В результате ныне 71,8% занятых в народном хозяйстве женщин имеют законченное среднее специальное образование или еще более высокую квалификацию, тогда как в начале социалистического строительства их было всего лишь 5%. Каждый второй трудящийся со средним специальным образованием и каждый третий с высшим образованием сейчас у нас — женщина. Доля студенток на очных отделениях университетов и вузов составляет 52,5%, а в средних специальных учебных заведениях — даже 82,6%. Так обстоит ныне дело в сфере образования, и сегодня никто не может представить себе какого-либо иного положения вещей.

Равноправие женщины не только на бумаге, но и в жизни отвечает природе социалистического строя. Наряду с прочим это требует постепенного создания условий, позволяющих сочетать работу по специальности и материнство. Исходя из того, что эта задача не под силу отдельной женщине или семье, в Программе нашей партии четко сформулирована задача «повсеместно создать условия, позволяющие женщинам все полнее пользоваться своим равноправным положением в обществе. Будет продолжаться улучшение условий их труда и быта. Для упрочения общественного положения и развития личности женщин необходимо целеустремленно работать над тем, чтобы женщины могли еще успешнее сочетать профессиональную деятельность со своими материнскими и семейными обязанностями».

Поддержка работающих женщин со стороны общества обеспечивается широкой сетью социальных учреждений и организаций по оказанию услуг населению. Это — детские сады и ясли, прачечные, столовые на предприятиях и в школах. Таким образом, мы достигли того, что материальные затраты, связанные с рождением детей, уходом за ними и их воспитанием, в возрастающей мере берет на себя общество, которое сознательно идет на это.

Это также находит свое выражение в целом ряде мер в области социальной политики, направленных на оказание помощи работающим матерям. Назову здесь продление отпуска по беременности и родам до 26 недель при сохранении заработной платы, увеличение размера единовременного государственного пособия при рождении каждого ребенка до 1000 марок, сокращение до 40 часов продолжительности рабочей недели — также без уменьшения зарплаты — для работающих матерей, имеющих двух и более детей в возрасте до 16 лет, а также удлинение ежегодного отпуска, в зависимости от количества детей, до 29 рабочих дней и расширение сети дошкольных учреждений.

Насколько мне известно, по числу мест в детских учреждениях мы сейчас являемся одной из ведущих стран в мире. Опытные педагоги воспитывают и обучают ныне 60% всех детей в возрасте до трех лет в детских яслях и свыше 92% всех детей до шести- или семилетнего возраста, т. е. до поступления в школу, в детских садах в близких к жизни условиях, в атмосфере доброжелательства и заботы. 77% всех школьников получают в школе горячую пищу и молоко. После занятий школьники 1—4 классов могут оставаться в школе в группах продленного дня, заниматься и играть там под наблюдением воспитателей и учителей. Для организации интересного и полезного досуга школьников немало делают пионерская организация и союз молодежи.

Наше государство всегда придавало большое значение строительству, расширению и оборудованию всех этих учреждений на современном уровне. Оно будет так делать и впредь, поскольку такие учреждения — неотъемлемая составная часть нашей единой социалистической системы образования.

Особо следует остановиться на поддержке, оказываемой нашим государством всем многодетным семьям, имеющим четырех и более детей, и одиноким гражданам с тремя детьми. Наряду с ежемесячным пособием на детей они получают значительную финансовую и материальную поддержку. Они имеют преимущество при получении квартиры и платят за нее не более 3% своего семейного дохода. Им предоставляется скидка при оплате коммунальных услуг, транспорта и многие другие льготы.

Все это необходимые предпосылки для того, чтобы работающая мать могла окружить своих детей любовью, вниманием и теплом, которые им, естественно, нужны. Прошло немало времени, и благодаря власти рабочих и крестьян, на законодательной основе у нас возникли условия, позволяющие сказать, что дети, рожденные в нашем государстве,— это желанные дети. Несомненно, что сказанное здесь дает ответ и на вопрос, который часто задают за рубежом,— о причинах роста у нас рождаемости.

Реальное равноправие мужчины и женщины — это один из живительных родников социализма, доказательство его превосходства над другими общественными системами. Работа по спе-

циальности, образованность и широкое признание важного социального значения материнства делают женщин сегодня гражданами в полном смысле этого слова. Что же осталось у нас от прежней дискриминации, от неравного положения в обществе, от зависимости женщины? Ничего! В Германской Демократической Республике женщина имеет твердое собственное мнение, которое она умеет отстаивать. Она выступает равным партнером мужчины на работе и в органах власти. Как и мужчина, она обладает способностью следить за тем, что происходит внутри страны и за рубежом, и судить об этом, активно участвует в политической жизни. Это — крупный успех социализма, имеющий неоценимое значение для нашего коммунистического будущего.

Женщины у нас — это ведь не небольшая социальная группа, это более половины населения нашей страны. Осуществление их равноправия требует солидных материальных затрат. Но только лишь этим ничего не достигнешь. Гораздо более высокие требования предъявляются в этой связи к обществу, к культурному уровню всего народа. Необходимо преодолеть на практике многие глубоко укоренившиеся отсталые взгляды в отношении женщины и ее роли в обществе. Наша партия целенаправленно и терпеливо содействовала процессу такого переосмысления. В союзе со всеми общественными силами, включая и саму семью, у нас многое делается для того, чтобы каждый хорошо понимал: трудовая деятельность женщины, ее деловая квалификация и политическая грамотность, ее участие в общественной жизни — необходимое и правильное дело. Ленин справедливо указывал на то, что завоеванным и прочно утвердившимся можно считать лишь то, что вошло в культуру, в каждодневную жизнь, в привычку. Ныне мы можем сказать, что за исторически короткое время, имевшееся в нашем распоряжении, было достигнуто многое. Для каждого новое общественное положение женщины сейчас является очевидным. Оно намного превосходит все то, что достигнуто во многих странах, где равноправие женщины в лучшем случае лишь формально зафиксировано в Конституции.

Мне очень хорошо знакомы все эти проблемы. В круг моих обязанностей в Политбюро и Секретариате Центрального Комитета в течение многих лет входили и вопросы, связанные с оказанием содействия женщинам. Кстати, руководит всей этой сферой в Политбюро и Секретариате ЦК уже многие годы женщина — Ингебург Ланге, которая в 50-х годах была секретарем Центрального совета ССНМ. Наша партия всегда рассматривала задачи и проблемы, касающиеся обеспечения равноправия женщин и оказания содействия им, как важное общественное дело, которое связано с такими глубокими изменениями политического, экономического, социального и культурного порядка, что обеспечение интересов женщин не может рассматриваться только лишь как их собственная забота.

На память приходит, например, одна из конференций нашей партии в середине 60-х годов, проводившаяся в Карл-Маркс-Штадте, одном из индустриальных центров нашей страны. Тогда я критиковал некоторых наших хозяйственных работников за то, что они хотя и признают равноправие женщин, на практике ценят их способности ниже, чем мужчин. Даже членам партии, которые теоретически хорошо понимали суть дела, было совсем не просто сделать должные выводы для своей руководящей деятельности. Теперь подобные явления в значительной мере преодолены. Женщины работают наравне с мужчинами, вместе с ними планируют, вместе и осуществляют власть. Например, на коммунальных выборах 1979 г. граждане нашей страны, имеющие право голоса, избрали в местные народные представительства 72 301 женщину и девушку. Это составило почти 36% всех избранных депутатов. В Народной палате и в окружных народных представительствах доля женщин не намного меньше.

Работая на доверенных мне постах, я часто встречался и беседовал с женщинами. При этом на меня всегда производило большое впечатление, с какой ответственностью они отдают свои знания и способности делу развития нашей страны. Так, во время посещения вступившей в строй электростанции Боксберг я познакомился с молодой женщиной — оператором современного пульта управления. Она с таким знанием дела изложила мне проблемы энергетики, что лучше нее это вряд ли смог бы сделать даже министр. Испытываешь чувство законной гордости, когда видишь, каких высокообразованных и энергичных женщин взрастило наше общество.

Как и мужчины, женщины занимают руководящие посты. Почти одна треть из них во всех общественных сферах занята сейчас женщинами. А это значит, что каждый шестой руководящий пост в промышленности и сельском хозяйстве, каждый третий в области высшего и среднего специального образования и каждый второй в торговле занимают женщины. Половина судей и четверть всех бургомистров, а также каждый пятый районный врач — женщины. Эти цифры дают основание для вывода о том, что уже давно речь идет не об отдельных примерах, а о тенденции развития, которая в дальнейшем, несомненно, усилится.

Хотелось бы упомянуть и об изменениях, которые в ходе формирования развитого социалистического общества происходят в семье. Нередко нам, коммунистам, приписывали, будто мы совсем не ценим семью и даже хотим разрушить ее. Ответ на это дали еще Карл Маркс и Фридрих Энгельс в 1847 г. в «Манифесте Коммунистической партии». И даже спустя более 130 лет к этому нечего добавить.

Увеличивающееся число браков — это не просто обычное явление, когда человек, достигнув определенного возраста, вступает в брак. Оно свидетельствует и о том, насколько уверенно и

хорошо чувствуют себя в нашей стране молодые люди, как прочно обеспечено их будущее. Брак и семья давно уже перестали служить у нас средством и источником обеспеченного существования женщины и детей. У нас брак и семья основываются не на экономической необходимости, а на любви и взаимном уважении, взаимопонимании и помощи друг другу в быту и совместной ответственности за детей. Большинство мужей с пониманием относятся к стремлению женщины продолжать свою трудовую деятельность и с появлением детей. Полагаю, что можно без преувеличения сказать: любовь к детям и забота о них — синонимы слов «ГДР». Жизнь вновь и вновь подтверждает справедливость слов, записанных в Программе нашей партии: «Полное равноправие супругов, возрастающая экономическая независимость женщин и постоянно улучшающиеся возможности равноправного участия в общественной жизни создали качественно новые предпосылки для личных связей, которые устанавливаются с заключением брака и созданием семьи. Дети — смысл и счастье супружества».

У нас есть хорошая традиция. Ежегодно в Международный женский день в Центральном Комитете принимают заслуженных женщин ГДР. Как известно, вот уже более 70 лет назад Клара Цеткин предложила отмечать день борьбы женщин всей планеты за мир, демократию, социальный прогресс и равноправие. И ежегодные встречи 8 Марта с имеющими выдающиеся заслуги и достижения женщинами и девушками нашей страны я рассматриваю отнюдь не как формальную обязанность Генерального секретаря ЦК СЕПГ и Председателя Государственного совета ГДР.

Среди них — закаленные в борьбе и труде «активистки первого часа», лучшие молодые работницы и крестьянки-кооператоры, женщины, которые стояли у колыбели нашей республики, и женщины, являющиеся дочерьми этой республики, способные инженеры и учительницы, всемирно известные спортсменки, популярные актрисы и просто матери, которые изо дня в день выполняют свой долг.

Незабываемой останется для меня встреча с женщинами из 142 стран во время проходившего в 1975 г. Всемирного конгресса, посвященного Международному году женщины. Столица ГДР была избрана местом проведения этого важного конгресса, и мне была доверена почетная миссия — приветствовать посланниц женщин из всех частей света. Эта всемирная встреча стала крупным международным событием, а ее результаты имели важное политическое значение. В Берлине собрались более 2000 представительниц всех континентов. Насколько мне известно, женщины стольких стран и национальностей, столь различных мировоззрений и религиозных убеждений впервые собрались вместе, чтобы продемонстрировать единое стремление к равноправию, развитию и миру. Женщины с различным цветом кожи, в красочных нацио-

пальных одеяниях — какая это была яркая картина единения людей всей Земли, картина красоты и оптимизма. Они со всей решимостью и убедительностью продемонстрировали, что, мобилизовав на борьбу женщин, можно осуществить тысячелетнюю мечту человечества — утвердить мир на Земле. Да и кто лучше женщин понимает, что общественный прогресс, социальная обеспеченность, счастье и благополучие возможны лишь в условиях мира? Ведь именно женщины и дети больше всех страдают от войн и их последствий.

Посланницы всех континентов воочию убедились в том, что борьба за сохранение мира — высшая заповедь для нашей страны. Они говорили об этом, выражая свою радость, что смогли познакомиться с нашей республикой. Ведь более половины участниц конгресса впервые приехали в социалистическую страну. Среди них были представительницы многих известных национальных и международных женских организаций, которые уже давно вели активную борьбу за равноправие женщин. И мы испытывали радость и удовлетворение, когда они говорили, что высоко оценивают все сделанное у нас со времени образования ГДР для установления подлинного равноправия мужчин и женщин. Убежден, что зарубежные участницы конгресса возвратились домой обогащенные яркими впечатлениями и новым опытом, которые были полезны в их дальнейшей большой и ответственной работе.

Изменения в жизни людей нашей страны, о которых рассказано здесь — это следует особо отметить,— относятся к первому поколению ставших равноправными женщин. Нетрудно представить себе, сколько сделают для процветания нашей республики последующие поколения. Одно лишь то, что наша партия раскрепостила женщину, обеспечила ей достойное место в обществе, убедительно доказывает гуманный и прогрессивный характер социализма.

27. Вместе с молодежью — за коммунистическое завтра

В канун 30-летия Германской Демократической Республики в Берлине на Унтер-ден-Линден состоялось впечатляющее факельное шествие сотен тысяч членов Союза свободной немецкой молодежи. Оно началось волнующим символическим актом. Члены ССНМ и пионер-тельмановец приняли из рук ветеранов немецкого революционного молодежного рабочего движения горящий факел — символ пламени революции. В то же мгновение вверх в тельмановском приветствии взметнулись тысячи рук.

Эта картина напомнила историческое факельное шествие 11 октября 1949 г., когда 200 тыс. членов ССНМ восторженно приветствовали только что созданное первое на немецкой земле государство рабочих и крестьян и его президента Вильгельма Пика. 30 лет спустя юноши и девушки, родившиеся уже при социализме, вновь произнесли от имени всей молодежи ГДР клятву верности своему социалистическому отечеству.

И мне вспомнилась встреча с Эрнстом Тельманом в ноябре 1932 г. Он подчеркнул тогда, что привлечение коммунистами молодежи на сторону революции — жизненно важное дело для революционного движения. Революция без молодежи — это революция половинчатая, она не может быть победоносной, говорил Тельман, напутствуя нас. И мы постоянно стремились действовать в духе его заветов. Нам удалось передать традиции революционного рабочего движения поколениям молодых. Одной из самых почетных обязанностей коммуниста я считаю заботу о воспитании молодого поколения, защиту и укрепление боевого содружества молодежи и старшего поколения.

VIII съезд СЕПГ положил начало новому этапу в развитии нашей политики в отношении молодежи. Мы учитывали тот факт, что в начале 70-х годов в ГДР и за ее пределами произошли значительные перемены. Международная обстановка еще более изменилась в пользу сил социализма и мира. Усилилась идеологическая борьба между двумя противоположными общественными системами, и особенно борьба за умы подрастающего поколения. Сознание молодежи формировалось также под влиянием научно-технической революции и социалистической экономической интеграции. Повысились требования к образованию и профессиональному обучению, к моральному и идеологическому воспитанию молодежи.

Мы должны были учитывать, что каждое новое поколение приходит к социалистическому мировоззрению иными путями, что

этот процесс осуществляется в других формах, чем в годы молодости отцов, и в иной обстановке. Для нашей молодежи социалистический строй уже нечто само собой разумеющееся. В своей массе она прочно связана с реальным социализмом, живет в его условиях и знает его по собственному опыту. Меня очень радует, что нашей молодежи не пришлось испытать капиталистическую эксплуатацию, фашизм и войну и что она живет, учится и трудится под надежной защитой.

В патриотизме и интернационализме молодежи ГДР, в том, что значит для нее антиимпериалистическая солидарность, могли воочию убедиться гости X Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который состоялся летом 1973 г. в столице нашей страны — Берлине. Я был непосредственным участником подготовки и проведения этой встречи в качестве председателя Национального фестивального комитета ГДР. К нам прибыло более 25 тыс. делегатов из 140 стран мира. Они представляли 1700 международных, региональных и национальных молодежных организаций и вместе с 500 тыс. членов ССНМ и пионеров-тельмановцев были зрителями и участниками богатой и красочной программы фестиваля.

Незабываемый праздник — торжественное открытие фестиваля. Вместе с десятками тысяч юношей и девушек я присутствовал на Стадионе молодежи мира, где на поле выстроились в параде все делегации. Я вспомнил III Всемирный фестиваль молодежи 1951 г., открытие которого также состоялось на этом стадионе. Как изменилась с тех пор наша страна! Тогда республика делала лишь свои первые шаги. Теперь же посланцы молодежи прибыли в цветущую страну, в пользующееся уважением во всем мире суверенное государство, где социализм победил окончательно. Благодаря неустанному творческому труду берлинцев наша столица давно поднялась из руин и превратилась в крупный современный социалистический город. Многие члены ССНМ, участвовавшие в организации и проведении III Всемирного фестиваля молодежи и студентов, стали высококвалифицированными рабочими, партийными работниками, депутатами, министрами, генералами, учеными или генеральными директорами. Они тепло приветствовали представителей молодежи мира.

Во второй половине дня 3 августа 1973 г. я вместе с другими партийными руководителями направился на площадь Александерплац — в центр нашей столицы. Там особенно чувствовался пульс фестиваля. Нас сразу же плотным кольцом окружила молодежь. Мы оказались в водовороте праздничного гулянья. Сердечные беседы, вопросы и ответы, шутки и песни. Мы уже не могли сами определять направление нашего движения. Вскоре мы подошли к Центру солидарности у телебашни. Нас встретила невысокая хрупкая вьетнамская девушка. Длинные черные косы украшали ее голову. Это была Ву Тхи Лиен — единственный че-

ловек, переживший кровавую расправу над жителями деревни Сонгми. Она поблагодарила нас за действенную солидарность ГДР с борьбой вьетнамского народа за свое освобождение. Некоторое время спустя я сообщил послу Демократической Республики Вьетнам о решении нашего партийного и государственного руководства считать предоставленные ДРВ в прошлые годы кредиты безвозмездной помощью.

X Всемирный фестиваль молодежи и студентов вылился в страстную манифестацию антиимпериалистической солидарности, мира и дружбы. Этот форум посланцев молодежи всех континентов прозвучал мощным призывом молодого поколения земного шара к миру, безопасности и сотрудничеству народов, продемонстрировал его непоколебимую волю к общественному прогрессу и действенной солидарности. Фестиваль показал также, каким большим авторитетом стала пользоваться наша молодежь у молодежи всей планеты.

Я уже упоминал о своей работе в качестве председателя комиссии по разработке новой Программы СЕПГ. В этой связи мне пришлось много заниматься теоретическими вопросами молодежной политики партии. Пришло время положить в основу этой политики принципы коммунистического воспитания. При этом мы исходили из того, что между двумя фазами коммунистической общественной формации — социализмом и коммунизмом — существует тесная взаимосвязь. Продолжая строительство развитого социалистического общества, мы в то же время создаем предпосылки для постепенного перехода к коммунизму. Таким образом, воспитание молодежи в духе коммунистических идеалов приобретает все более важное значение.

Исходя из собственного опыта, скажу, что пример испытанных коммунистов имеет неоценимое значение для молодежи. Поэтому я всегда радуюсь, когда вновь и вновь убеждаюсь в том, что члены ССНМ и пионерской организации им. Эрнста Тельмана стремятся трудиться, учиться и жить по примеру таких коммунистов. Я поддерживаю их желание следовать примеру Эрнста Тельмана. Он любил свой народ и свою страну, был пламенным интернационалистом, другом Советского Союза. Всю свою жизнь он посвятил самой высокой цели человечества — освобождению рабочего класса от эксплуатации и угнетения, делу победы социализма и коммунизма.

Такое пожелание я и высказал самым молодым гражданам нашей республики — пионерам-тельмановцам, вручая им 10 декабря 1973 г. красные галстуки. Красный галстук — часть знамени рабочего класса. Многие ветераны рабочего движения носили его в детстве. Красный галстук олицетворял для них надежду на лучшее будущее в условиях победившего социализма и мира. Мы повязывали детям красные галстуки с убеждением, что они продолжат традиции немецкого и международного рабочего движения,

Коммунистического союза молодежи Германии и коммунистического детского движения.

Когда мне удается провести несколько часов вместе с нашими пионерами, я вспоминаю слова о том, что социализм знает только одну привилегированную группу — детей. И это действительно так. На протяжении немецкой истории молодежь еще никогда не была окружена такой заботой и любовью, как в нашей стране. То, о чем мы, красные пионеры, могли в Веймарской республике только мечтать, стало в Германской Демократической Республике реальностью. На детей, на молодежь обращены внимание и забота нашего общества.

В Программе нашей партии выдвинуто требование воспитывать подрастающее поколение в духе коммунистических убеждений и идеалов. Все коммунисты должны нести за это особую ответственность. Конечно, коммунистическое воспитание молодежи — задача не новая. За это мы боролись еще в Коммунистическом союзе молодежи Германии. И эта задача с самого начала встала перед ССНМ. В его организациях всегда живо обсуждаются «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ, труд М. И. Калинина по вопросам коммунистического воспитания, книга Н. А. Островского «Как закалялась сталь». Сейчас в нашей стране подрастает поколение, призванное не только строить развитое социалистическое общество, но и приступить к созданию материально-технической базы коммунизма. Это потребует от него многого. Масштабы определяются потребностями будущего.

Занимаясь проблемами работы с молодежью, я постоянно обращаюсь за советом к классикам марксизма-ленинизма. Труды Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина — это научный фундамент, на который опирается испытанная политика нашей партии в отношении молодежи, благодаря чему мы добились в осуществлении этой политики немалых успехов. Советуя молодежи овладевать марксизмом-ленинизмом, я ссылаюсь на собственный опыт. Чтобы занимать в социалистическом обществе достойное место, чтобы всегда четко представлять себе цели борьбы, молодежи необходимо усвоить научное мировоззрение рабочего класса.

Как метко сказал В. И. Ленин, знания о коммунизме, почерпнутые только из книг, без труда, без борьбы ничего не стоят. Наша партия твердо придерживается того принципа, что молодежь может успешно развиваться лишь при условии, если ей доверяют, если она сама целиком отвечает за порученное ей дело. Какую бы задачу ни решало наше общество, мы всегда увязываем ее с жизнью, учебой и трудом молодого поколения. Поэтому я всегда стремлюсь к тому, чтобы молодежь имела широкие возможности утолить свою жажду деятельности, чтобы партия опиралась

на великую общественную силу социалистического союза молодежи.

История ГДР была бы немыслима без ССНМ. Многие коммунисты, работающие ныне в самых различных общественных сферах, прошли свое первое боевое испытание в рядах союза молодежи. Такие первые самостоятельные шаги оказывают значительное влияние на весь дальнейший жизненный путь человека. Весь наш опыт работы с молодежью свидетельствует о том, что только единый, социалистический союз может обеспечить удовлетворение основных интересов юношей и девушек, дать убедительный ответ на вопрос о смысле жизни, успешно организовать борьбу молодежи за мир и социализм, за дружбу и антиимпериалистическую солидарность. Со дня своего основания ССНМ является верным помощником партии. На решающих этапах общественного развития он внес выдающийся вклад в укрепление и защиту нашего государства.

Успехи в развитии ССНМ, конечно, пришли не сами по себе. По собственному опыту работы на посту председателя Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи хорошо знаю, насколько важны политическое руководство и идеологическая поддержка союза молодежи со стороны членов партии на всех уровнях. Поэтому я всегда придавал чрезвычайно большое значение оказанию ССНМ всемерной помощи. Всегда, когда это было возможно, я советовался с работниками молодежной организации. Очень важные инициативы и импульсы возникали также в результате встреч с членами Секретариата Центрального совета ССНМ. Сейчас им руководит Эгон Крэнц, который, являясь кандидатом в члены Политбюро, трудится вместе со мной в руководстве партии. Я вообще использую любую возможность, чтобы встретиться с членами ССНМ и побеседовать с ними. Не могу представить себе свою работу без встреч с молодежью. Я часто выступаю на мероприятиях молодежного союза, разъясняю молодежи политику партии, как это делали Эрнст Тельман, Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт.

Отношения между партией и союзом молодежи основаны на доверии и товарищеском сотрудничестве во имя общего дела. Важным успехом нашей политики в отношении молодежи является то, что ССНМ рассматривает себя как активного помощника и боевой резерв СЕПГ и считает Программу нашей партии основой своей деятельности. Понятно, что мы рады этому,— ведь партия всегда привлекала молодые кадры из союза молодежи. И в этом плане политическая зрелость ССНМ имеет немаловажное значение для будущего нашей партии.

Мы накопили ценный опыт в деле передачи молодежи важных народнохозяйственных объектов. В настоящее время в нашей стране имеется 90 тыс. самых различных молодежных объектов. В октябре 1974 г. я по поручению Центрального Комитета СЕПГ

предложил союзу молодежи объявить центральным молодежным объектом выделенный для ГДР участок строительства газопровода Оренбург — Западная граница СССР. Речь шла об имевшем решающее значение проекте стран социалистического содружества по обеспечению потребностей в энергии на период вплоть до 90-х годов нашего столетия. Совместно с другими социалистическими странами мы участвовали в освоении газового месторождения в Оренбургской области и в строительстве 2750-километровой трассы газопровода.

Когда СЭВ принял решение осуществить этот проект, я с самого начала полагался на силу нашей молодежи. Теперь можно сказать, что превзойдены все ожидания. Работая в непривычных географических условиях, более 6 тыс. молодых рабочих и их старших товарищей совершили настоящий подвиг. 7 октября 1978 г. основные работы были завершены с опережением срока на три месяца. Такие трудовые свершения молодежи — один из источников экономической мощи нашей страны.

В настоящее время члены ССНМ трудятся на самом крупном молодежном объекте в истории ГДР: они помогают отстраивать нашу социалистическую столицу — Берлин. Эти работы охватывают важные проекты жилищного строительства, предприятия энерго- и водоснабжения, транспортные сооружения, учреждения почтово-телеграфной и телефонной связи. Свыше 12 тыс. молодых рабочих прибыли в столицу из всех округов ГДР, чтобы вложить свой труд в реализацию инициативы ССНМ «Примем участие в стройках Берлина». Вместе со своими сверстниками из столицы и старшими товарищами они с 1976 г. участвуют в строительстве квартир, школ, детских садов и яслей, магазинов, новых предприятий.

Как и на всех этапах истории ГДР, рабочая молодежь и после IX съезда партии проявила себя как решающая политическая сила нашего молодого поколения. Ее заслугой является прежде всего то, что вклад ССНМ в дело выполнения и перевыполнения наших народнохозяйственных планов последних лет становится все более весомым. Часто коллективы молодых рабочих на предприятиях выступают инициаторами социалистического соревнования. Их девиз — работать каждый день с хорошими итогами — свидетельствует о рвении к труду молодежи в социалистическом обществе.

В последние годы наша партия придавала особое значение созданию молодыми рабочими на предприятиях собственных бригад. Это движение превратилось в крупную политическую и экономическую силу. В настоящее время в стране имеется уже 33 тыс. таких молодежных бригад. В повседневном труде молодых рабочих в составе молодежных бригад формируется их коммунистическое сознание и отношение к делу. Именно это впечатление выношу я из бесед с молодыми рабочими на предприятиях, в учеб-

ных заведениях или в воинских подразделениях вооруженных сил. Меня интересуют все стороны их жизни, деятельности в трудовых коллективах, а также условия для отдыха и учебы, проведения досуга, занятий спортом. Меня всегда радуют четкие, вполне определенные планы молодых людей на будущее. Им и в голову не может прийти, что их лишат возможности учиться или они останутся без работы. Социализм в корне изменил их жизнь.

Наша молодежная политика направлена на то, чтобы каждый постоянно углублял свои знания, расширял свой кругозор, с сознанием ответственности выполнял свои обязанности перед обществом. Мы создаем условия для того, чтобы каждый мог проявить свои таланты и способности.

Еще в 1972 г. я по поручению ЦК нашей партии рекомендовал ССНМ разработать совместно с правительством новый закон о молодежи. После всестороннего открытого обсуждения такой закон был принят Народной палатой ГДР в январе 1974 г. Этот, уже третий закон о молодежи в истории ГДР помогает юношам и девушкам не только хорошо трудиться и успешно учиться, но и содержательно проводить свободное время, отдыхать, заниматься спортом и знакомиться с искусством. К разработке этого закона была привлечена прежде всего сама молодежь. О ее политической зрелости говорит то, что молодежь активно участвовала в более чем 240 тыс. мероприятий по обсуждению законопроекта, по которому высказалось более 5 млн. граждан нашей страны. Было внесено около 5 тыс. предложений, которые были сведены в 200 изменений и дополнений, внесенных в проект документа.

Нам часто приходится слышать о массовой безработице молодежи в капиталистических странах, о наркомании, алкоголизме и моральном разложении молодежи. У нас таких явлений нет. Это, конечно, не значит, что нас не тревожит подчас поведение некоторых молодых людей. Но, построив социализм, мы раз и навсегда устранили социальные причины подобных явлений. Я всегда был против того, чтобы судить о молодых людях лишь поверхностно, по внешнему виду. Ведь главное — их политические взгляды, их характер и поведение, их вклад в дело общественного прогресса — словом, вся их жизнь.

Я вновь убедился в этом, когда весной 1979 г. более 700 тыс. членов ССНМ и пионеров собрались на Национальный молодежный фестиваль в нашей столице. В ходе массовой демонстрации они стройными колоннами двигались маршем мимо трибуны и с воодушевлением скандировали: «СЕПГ — ССНМ», «ГДР — наше отечество»; каждый мог видеть, что коммунистическое будущее нашей республики находится в надежных руках.

Мы имеем многочисленный отряд тесно связанных с партией рабочего класса молодых борцов, которые гордятся своим социа-

листическим отечеством и действуют как интернационалисты. Наша молодежь — это политически грамотная молодежь. Она стремится к достижению высоких показателей в труде и учебе, уверена в своих силах и полна оптимизма. Она предана делу социалистической революции и готова выполнить любую задачу, поставленную партией и правительством.

Тесная связь партии с молодежью основана на совпадении наших целей с жизненными интересами подрастающего поколения. Молодежь всегда готова активно поддержать все, что содействует успешному продвижению вперед, а это в нашей стране воплощает в себе Социалистическая единая партия Германии. Узы, соединяющие из поколения в поколение в течение трех десятилетий СЕПГ и ССНМ, социализм и молодежь, нерасторжимы.

28.
Социалистическая политика в области культуры

Во многих городах мира успешно выступают оркестры, театральные и вокальные коллективы нашей страны. Выступления наших артистов, книги наших писателей и сокровища культурного наследия, которые мы бережно храним, привлекают сотни тысяч зрителей и читателей. В этом, несомненно, проявляется большой интерес к культурной жизни ГДР и ее высокая оценка. Наше социалистическое общество располагает высокоразвитой экономикой и обеспечивает народу необходимые социальные блага. Но, как говорят, не хлебом единым жив человек. Мы рассматриваем всестороннее развитие личности и высокую культуру жизни и быта как два неразрывно связанных качества. Поэтому мы видим в культуре не красивое обрамление, а основополагающий элемент общественного развития во всех сферах. Не в последнюю очередь в этом проявляется гуманизм социалистического строя.

В таком духе мы осуществляем нашу политику в области культуры и искусства. Она побуждает писателей и художников, режиссеров и актеров, композиторов и музыкантов, всех деятелей искусств и творческих работников обогащать своими творениями социалистическую культуру нашей страны, придавать ей свои, неповторимые черты. Можно без преувеличения сказать, что деятели культуры ГДР открыли новую главу в истории немецких литературы и искусства.

За истекшие три десятилетия в культурной и духовной жизни нашего общества произошли глубокие перемены. В ней прочно утвердились сознание ответственности за сохранение мира, идеи антифашизма, антиимпериалистической солидарности и социалистического гуманизма. Особенно в период 70-х годов обогатились содержание, тематика и способы художественного выражения в творчестве деятелей искусств, основанном на социалистическом реализме. И это — хорошо. Ведь наше искусство должно отображать жизнь при социализме во всех ее проявлениях. Я не раз говорил о том, что в искусстве не может быть каких-либо запретов, если художник твердо стоит на позициях социализма.

Немало деятелей искусств нашей страны руководствуются стремлением отображать с партийных позиций и убедительными художественными средствами проблемы роста социалистического общества, конфликты и противоречия, которые нам приходится разрешать. Когда к существующим проблемам привлекается внимание и они решаются в рамках возможного, это служит только на пользу общественному прогрессу. Как известно, жизнь идет вперед в борьбе противоположностей, и уже давно доказано, что противоречия и их разрешение — глубочайший источник разви-

тия. Мы всегда с пониманием относимся к поиску новых тем и художественных форм, ибо метод социалистического реализма не догма.

Но весь наш опыт свидетельствует о том, что художник должен быть тесно связан с жизнью народа, занимать четкую позицию в битвах современности. Служащее социализму искусство защищает интересы масс, оно никогда не довольствуется полуправдой, а стремится формировать социалистическое общество и его членов во всем многообразии их диалектических взаимосвязей. Встречаясь с деятелями искусств, в откровенных беседах с ними я всегда исходил из этого.

Такие основанные на взаимном доверии отношения между представителями партии рабочего класса и социалистического государства, с одной стороны, и деятелями культуры и искусств, с другой, мы считаем важной предпосылкой успешного развития социалистического искусства. Художники — чрезвычайно впечатлительные люди. Поэтому я подхожу к ним с большим вниманием, наше сотрудничество проникнуто духом товарищества и искренностью. Твердость в отстаивании принципов в дискуссиях с творческими работниками о политических проблемах и по вопросам мировоззрения необходимо сочетать с терпением и пониманием вопросов художественного творчества.

Я усвоил это уже давно в общении с выдающимися писателями и деятелями искусств. Вспоминается, как Бертольт Брехт в 1948 г. написал текст «Песни восстановления» для Союза свободной немецкой молодежи. Пауль Дессау положил его на музыку. В те времена это была одна из наиболее популярных песен. Ее четкая политическая направленность — гимн новому обществу и новому государству, задорное звучание песни нашли широкий отклик, особенно среди молодежи.

Конечно, не случайно именно Брехт написал текст песни. Я знал этого писателя, поэта и драматурга с начала 30-х годов как автора «Песни солидарности», «Песни единого фронта», злободневных политических стихотворений и прежде всего пьесы «Мать» по мотивам романа Максима Горького. Он всегда стремился поддерживать своим искусством прогрессивные политические силы.

В 1954 г. правительство ГДР предоставило в распоряжение Брехта здание театра на набережной Шиффбауэрдамм в Берлине. На этой сцене его театральная труппа «Берлинер ансамбль» снискала себе мировую славу. Пользовавшийся широкой известностью в мире писатель и режиссер Брехт мог теперь претворять свои идеи в жизнь в новых масштабах. Я всегда считал, что глубоко политический характер творчества Брехта, тесная связь писателя с рабочим классом и социализмом и высокое художественное мастерство позволяют с полным основанием называть его выдающимся художником социалистического реализма. Когда мы в

1978 г. отмечали 80-летие со дня его рождения, в связи с чем был проведен ряд научных и художественных мероприятий, я всячески содействовал организации в доме, где жили Брехт и его супруга, известная актриса Елена Вейгель, Музея Брехта. Этим была подчеркнута наша тесная связь с великим художником и мастером. Беседуя с дочерью писателя Барбарой Шаль-Брехт, актером Эккехардом Шаль и режиссером Манфредом Веквертом, широко известной во многих странах актрисой и певицей Гизелой Май и другими мастерами «Берлинер ансамбль» после открытия музея, я убедился в том, что они продолжают дело своего учителя в его духе, обогащая наследие Брехта новыми достижениями.

В президиуме Культурбунда, в состав которого я в свое время входил как председатель Центрального совета ССНМ, я в 50-е годы часто встречал Иоганнеса Р. Бехера. В молодости он, поэт-экспрессионист, восстал против буржуазии — класса, из которого он вышел, став позднее верным соратником рабочего класса. Культурбунд по демократическому обновлению Германии Бехер основал в Берлине после второй мировой войны, 3 июля 1945 г. В этой организации объединились представители демократической интеллигенции. Этот поэт — автор текста национального гимна Германской Демократической Республики, начальные строфы которого точно описывают ее нелегкие первые шаги:

Восставшая из руин,
Обращенная в будущее.

Ганс Эйслер положил их на музыку. Бехер был и нашим первым министром культуры. Его деятельность — пример непосредственного участия деятелей культуры ГДР в управлении государством. Мы всегда придавали большое значение привлечению художников, артистов, других деятелей культуры к ответственной общественной деятельности, стремились будить в них и углублять понимание ими конкретных условий нашей борьбы, новых задач развития республики.

Бехер сочинил целый ряд новых песен для ССНМ, в том числе «Песню о голубом знамени», а Ганс Эйслер написал к ней прекрасную музыку,— эта песня прозвучала на первой всегерманской встрече членов ССНМ в 1950 г. и год спустя — на III Всемирном фестивале молодежи и студентов. Ее пели сотни тысяч участников фестиваля. На этой встрече молодежи мира я познакомился с великим чилийским поэтом Пабло Нерудой. Его и старого датского пролетарского писателя Мартина Андерсена-Нексё я особенно ценил за их последовательную борьбу за мир. Творчество обоих этих мастеров слова — впечатляющий пример тесной связи социалистического искусства с народными массами и их борьбой.

Если песен было у нас тогда немало, то с театральным искусством дело обстояло неважно. Было недостаточно мобилизующих пьес для молодежи. Мы советовались тогда в Центральном совете

ССНМ, что же предпринять. В начале 1950 г. мы заказали драматургу Густаву фон Вангенхайму пьесу, имея в виду показать ее на весенней встрече молодежи. Мы обсудили содержание пьесы с автором и будущим режиссером постановки Гансом Роденбергом. Это был полезный разговор для всех нас. Его результат показал, что деятелей искусств можно воодушевить таким заданием, если оно соответствует их собственным устремлениям. Пьеса «Ты — тот, кто нужен» имела немалый успех. В ее героях молодежь ГДР узнавала себя.

На конференциях и конгрессах молодых деятелей искусств мы обсуждали тогда вопрос о том, как должен союз молодежи строить свою деятельность в области культуры, чтобы она была наиболее действенной. Арнольд Цвейг в письме на мое имя высказал пожелание, чтобы конгресс молодых деятелей искусств, состоявшийся в апреле 1951 г., «стал этапом на пути омоложения старой культуры силами молодого поколения, мужественным прологом художественного отображения наших общественных проблем...». В откровенных беседах с такими писателями, как Курт Бартель («Куба»), Вилли Бредель, Карл Грюнберг, Стефан Хермлин и Ян Копловиц, нами были высказаны пожелания о создании произведений, которые отображали бы новую жизнь и новое творчество. Поскольку я отвечал за работу издательства союза молодежи, я часто встречался с писателями; с некоторыми из них я связан дружбой и по сей день.

Готовясь к V Всемирному фестивалю молодежи и студентов 1955 г. в Варшаве, который приветствовали такие выдающиеся люди, как Томас Манн, Герман Хессе и Альберт Швейцер, мы провели в январе 1955 г. вторую конференцию ССНМ по вопросам культуры. Открывая конференцию, я сказал, что молодежь нашей страны с уважением и заботой относится к культурному наследию нашего народа, что она видит смысл жизни в развитии своих творческих способностей во имя мира и дружбы между народами.

В качестве гостя я участвовал в работе съездов писателей в 1973 и 1978 гг. Они убедительно продемонстрировали, что наши творческие союзы живут полнокровной духовной жизнью. Конечно, дело не обходится без споров и острых разногласий. Следует также учитывать, что не все наши деятели искусств являются марксистами-ленинцами. В культурной жизни ГДР уважением и признанием пользуется каждый художник, посвятивший свое творчество делу мира и гуманизму, солидарности и реальному социализму. Пример Иоганнеса Бобровского свидетельствует о том, каких успехов может добиться писатель с христианским мировоззрением, если он стоит на этих позициях.

Некоторые деятели искусств не пошли вместе с нами по трудному, подчас довольно каменистому пути. Они испугались трудностей повседневной жизни, о чем в свое время предупреждал

Брехт. На мой взгляд, они тем самым изменили своему творческому кредо. В классовой борьбе нужно принимать решение — здесь революционное движение, там реакция, здесь социализм, там капитализм. Третьего не дано. Попытки стать между двумя фронтами ведут к гибели искусства.

Встречаясь на съездах писателей, на центральных художественных выставках в Дрездене или в Академии искусств с деятелями культуры ГДР, я испытываю чувство гордости за то, что среди них есть немало наших соратников, которые достойно представляют нашу страну и широко известны за ее пределами. Я мог пожать руку певцу революционного рабочего движения Эрнсту Бушу, сидел рядом с бывшим дворянином Фитом фон Гольсенау, с всемирно известным писателем-коммунистом Людвигом Ренном, который в качестве офицера в составе Интернациональных бригад сражался за свободу испанского народа. Там я видел убеленную сединой Анну Зегерс, а рядом с ней бывшего электрика, президента Союза писателей ГДР Германа Канта, который стал преемником великой писательницы. Вилли Зитте пояснял мне свои картины, посвященные правящему в ГДР классу — рабочему классу, и неповторимые, исполненные духом борьбы скульптуры Фрица Кремера. Президент Академии художеств Конрад Вольф, Михаэль Чесно-Хелль и кинодокументалисты Торндайки показывали свои фильмы. Я всегда испытываю наслаждение, слушая пение Петера Шрайера и Тео Адама, которые приводят в восторг публику в оперных и концертных залах многих стран.

Для меня было большой радостью, когда Пауль Дессау в августе 1972 г. вручил мне рукопись партитуры своей музыки к «Просьбам детей» Бертольта Брехта из цикла «Показания очевидца из Херренбурга». Оба автора создали эту песню к III Всемирному фестивалю молодежи и студентов, состоявшемуся в августе 1951 г. в Берлине, и посвятили ее Союзу свободной немецкой молодежи. Пауль Дессау передал мне этот ценный подарок в память о нашей совместной работе в 1951 г., заверив меня в том, что решения VIII съезда СЕПГ явились большим стимулом для его творчества. С тех пор он постоянно присылал мне свои новые произведения. Так, я получил его сочинение «IX съезду СЕПГ посвящается» для смешанного хора, баса, сольного инструмента и симфонического оркестра.

Крупным достижением нашей социалистической культуры я считаю ее преемственность,— труд художников старшего поколения находит свое продолжение в произведениях молодых писателей и деятелей искусств. Это замечательные книги, картины, фильмы, театральные постановки и концерты, симфонии и песни.

Проникнутое доверием отношение к писателям и деятелям искусств проявляется также в заботе о материальных условиях их труда. Наше социалистическое общество создало учреждения,

необходимые для их ответственной творческой работы. Естественно, что мы должны учитывать наши экономические возможности и не можем выполнить все желания, но в сравнении с условиями, существующими в других странах, мы добились здесь неплохих результатов. Это относится и к содействию, которое мы оказываем творческой молодежи.

В 70-х годах Политбюро нашей партии и Совет Министров ГДР приняли ряд мер по дальнейшему улучшению условий жизни и творчества деятелей искусств. Это касалось прежде всего развития способностей и талантов, обеспечения по старости и болезни, а также предоставления жилья и помещений для мастерских, путевок в дома отдыха и санатории, творческих командировок. Академия искусств получила новое здание на улице Германа Матерна в Берлине, где ранее размещалось наше высшее народное представительство — Народная палата ГДР. И когда я в ходе подготовки к VIII съезду писателей ГДР встретился с членами президиума Союза писателей, мы в первую очередь говорили, конечно, об искусстве и политике, но также обсуждали и материальные вопросы, связанные с изданием книг. Здесь ведь нельзя отделить одно от другого, экономика и культура тесно связаны между собой. Эффективность нашего народного хозяйства имеет решающее значение и для развития социалистической культуры.

В юности я на себе испытал, как трудно для рабочего парня приобщиться к сокровищам культуры и искусства. Тощий кошелек родителей до предела ограничивал такие возможности, а в народной школе нас учили только самому необходимому. Лишь вступив в Союз юных спартаковцев, а затем в Коммунистический союз молодежи Германии, я смог поближе познакомиться с некоторыми сторонами культуры и искусства. Но это было нелегко. А в нашем государстве мы ликвидировали монополию на образование и даем всем детям народа знания, приобщая их к культуре. Социалистическое общество создает для всех граждан все больше возможностей для развития своих творческих способностей, для использования своих демократических прав и свобод на благо общества, для всестороннего развития личности. Всемерное приумножение материальных и духовных ценностей социалистической культуры — программная цель Социалистической единой партии Германии. Наш опыт свидетельствует о том, что для строительства социализма и коммунизма требуется как соответствующий материально-технический базис, так и высокий уровень культуры и образования, общественного сознания и духовной зрелости людей.

В этом смысле мы рассматриваем политику в области культуры как часть общей политики дальнейшего строительства социализма в нашей стране. Мы продолжаем традиции возглавлявшейся Эрнстом Тельманом КПГ, которая в вопросах духовной и культурной жизни всегда видела коренные вопросы повседневной

борьбы рабочего класса, борьбы за политическую власть и строительство нового общества. Это соответствует и моему собственному опыту. Свою уверенность в победе в борьбе против капиталистической эксплуатации, против угрожавшей всем ценностям жизни и культуры опасности фашизма мы черпали из преобразующего мир учения Маркса, Энгельса и Ленина. Но мы познали также и укрепляющую и обогащающую силу искусства и литературы. Из условий жизни и борьбы рабочего класса естественно вырастало понимание того, что искусство — это тоже оружие, как однажды заметил Фридрих Вольф.

Я с удовольствием вспоминаю о вечерах и веселых встречах в кругу рабочей молодежи, которые организовывал Коммунистический союз молодежи Германии, о серьезности, с которой мы подходили к освоению богатств искусства, о задушевности, с которой пели чудесные немецкие народные песни. Так с ростом уважения к замечательным достижениям культуры и стремления приобщиться к ним мы все больше понимали свою ответственность за их сохранение, за то, чтобы они могли расцвести полностью в свободном от эксплуатации мире социализма.

Глубоко убежден в том, что нельзя быть подлинным коммунистом, не проникнувшись уважением к творческим достижениям народа и произведениям его великих писателей, поэтов и мыслителей. Я хорошо запомнил слова В. И. Ленина, с которыми он обратился в 1920 г. на III Всероссийском съезде РКСМ к молодому поколению своей страны: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Именно пример социалистического строительства в Советской России помог мне глубже осознать то, что революционное обновление всех общественных отношений, за которое мы боремся, должно опираться на широкий фундамент всего того, что было создано культурой человечества, что эти достижения должны стать достоянием всего народа. Поэтому испытанным принципом политики нашего государства в области культуры является сохранение гуманистического культурного наследия собственного народа и всего человечества, творческое использование всего ценного и передового из этого наследия прошлого.

То, сколь огромной мобилизующей и воспитательной силой обладают искусство и литература, стало для меня особенно очевидным, когда после освобождения немецкого народа от фашизма перед нами встала нелегкая задача — преодолеть путаницу и хаос в головах миллионов людей. Художественные произведения сыграли большую роль в приобщении людей к идеям человеческого достоинства и мира, демократии и социализма.

Это происходило и под знаком переоценки ценностей, возвращения к подлинным человеческим ценностям, созданным нашим народом в богатом культурными традициями прошлом и позорно

преданным забвению или фальсифицированным фашистской тиранией. Мы стали свидетелями того, как в произведениях, созданных в классических традициях немецкого искусства,— «Натане Мудром» Лессинга, «Фаусте» Гёте, Девятой симфонии Бетховена — наш народ и молодежь видят призыв к чувству долга, к человечности и ответственности перед обществом, как они теснейшим образом связаны с нашей борьбой за новую жизнь. Вместе с выдающимися произведениями немецкой антифашистской литературы и творениями передовой культуры других народов это наследие сыграло важную роль в преодолении ненависти к народам и презрения к людям.

В годы деятельности на посту председателя Центрального совета ССНМ я убедился в огромной воспитательной силе гуманистического культурного наследия, его благотворном влиянии на духовную и общественную жизнь и всячески стремился содействовать этому. На бесчисленных вечерних собраниях и встречах, проводившихся ССНМ, молодежь впервые знакомилась с волнующей силой поэзии Генриха Гейне, с творчеством запрещенных, преследовавшихся и изгнанных из фашистской Германии поэтов и писателей. Живо вспоминаются юбилейные празднества с участием представителей общественности, партийного и государственного руководства, посвященные Иоганну Вольфгангу Гёте, Иоганну Себастьяну Баху, Людвигу ван Бетховену и Фридриху Шиллеру. Юбилейные мероприятия в связи с памятными датами великих людей, оставивших глубокий след в истории культуры ГДР, на которые собирались представители молодежи из всех частей нашей страны, начинались выступлениями членов союза молодежи. В последние годы мы продолжили эту традицию, проведя юбилейные мероприятия, посвященные Людвигу ван Бетховену, Готхольду Эфраиму Лессингу, Альберту Эйнштейну и другим выдающимся создателям гуманистического наследия человечества. Прочное место в культурной жизни нашей страны занимают ежегодные фестивали, посвященные Генделю, и дни Шекспира.

Вспоминается также, какую реакцию вызвали у многих молодых людей после 1945 г. произведения советского искусства и литературы. Воспитанные в духе антикоммунизма и антисоветизма, они впервые познакомились с книгами, которые открыли им новый мир. Книги из страны Ленина — я имею в виду наряду с уже упомянутыми произведениями Владимира Маяковского, «Молодую гвардию» Александра Фадеева, «Цемент» Федора Гладкова и «Белеет парус одинокий» Валентина Катаева — оказали сильное благотворное влияние на процесс духовного прозрения людей. Знакомство с этими книгами и с прогрессивной литературой и искусством других стран вело к росту уважения к культуре других народов, преодолению национальных предрассудков.

Ныне идеи марксизма-ленинизма, гуманизма и мира определяют мышление и образ действий граждан нашего государства рабочих и крестьян. Дружба с Советским Союзом и другими социалистическими странами, интернациональная солидарность со всеми силами, борющимися за мир, свободу, демократию и общественный прогресс, стали для миллионов граждан нашей страны само собой разумеющимися.

Культура в нашей стране — это не привилегия узкого круга избранных, а достояние трудящихся масс. В этом состоит основополагающий принцип всей нашей работы, который мы с самого начала претворяли в жизнь. Впервые были созданы общественные предпосылки для развития подлинно народной культуры, носителем которой является самая прогрессивная сила общества — рабочий класс.

Огромное значение имело обращение молодежной бригады Электрохимического комбината Биттерфельда в 1959 г., призвавшей все производственные коллективы работать, учиться и жить по-социалистически. Многие видели тогда в этом обращении лишь кратковременную кампанию. Однако при поддержке нашей партии, профсоюзов и союза молодежи оно породило массовое движение, в котором участвуют миллионы трудящихся.

Трудиться, учиться и жить по-социалистически — это и в будущем станет определять развитие социалистической личности. И не одно лишь искусство — и даже не оно в первую очередь — определяет содержание культурной жизни людей. В принципе мера развития и использования талантов и творческих способностей народа определяется суммой всех условий, которыми располагает данное общество. Поэтому наша партия проявляет широкий подход к вопросам культуры. Он охватывает распространение научного мировоззрения — марксизма-ленинизма, культуру труда и формирования окружающей среды, культуру взаимоотношений между людьми, заботу о гуманистическом культурном наследии и его популяризацию, художественное творчество на основе социалистического реализма и доступ к сокровищам мировой культуры. Я считаю, что только такой подход отвечает требованиям, предъявляемым к нам нашим временем.

Во время поездок в близкие и далекие страны, бывая на различных континентах, я вновь и вновь убеждался в том, как могут сближать народы гуманистические искусство и культура. И повсюду, где представлялась возможность, я с интересом знакомился с живым отображением средствами искусства обычаев и традиций, образа жизни, сокровенных надежд и чаяний народов планеты.

Встречаясь с культурой и искусством других народов, с произведениями, созданными в наше время, и наследием мировой культуры, я проникался все большим уважением к этим достижениям, все большей убежденностью в творческой силе людей

труда. Повсюду искусство выражает любовь людей к жизни, их большие и маленькие радости, заботы и тревоги, их непреоборимую волю к созданию достойных человека условий жизни.

Мои многочисленные встречи с искусством и культурой народов Советского Союза и других братских социалистических государств позволяют мне судить о том, какую важную роль играет культура наших стран в укреплении чувства взаимной общности и дружбы, как она содействует формированию сознания граждан, побуждая их мыслить в широких масштабах нашего содружества.

Я восхищался памятниками культуры Индии, смотрел танцы африканских народов, слышал древние ритмы и мелодии их песен, в которых звучит призыв к новой жизни. Дважды за прошедшие 30 лет мне довелось быть участником и одним из организаторов всемирных фестивалей молодежи, когда столица ГДР становилась местом встреч и состязаний представителей искусства народов мира. Сколько раз в своей жизни, в самых разных уголках земли, вместе с трудящимися различных наций я пел на моем родном языке ту песню, которую рабочие всех стран поют на своем языке и которая стала гимном их исторического движения,— «Интернационал».

В охватившей весь земной шар борьбе за мир и социальную справедливость искусство и культура народов являются неотъемлемой движущей силой. Обмен прогрессивными, гуманистическими культурными ценностями служит взаимному обогащению и взаимопониманию народов, вносит в их жизнь новые краски и звуки.

Социалистическая национальная культура ГДР открыта для всего доброго и ценного, и мы воспринимаем все это с открытой душой. Равным образом наша культура содействует всему, что прокладывает человечеству путь в будущее.

29. Наша демократия

Многое из того, о чем я уже писал, дает ответ на вопрос, что такое социалистическая демократия. Хотелось бы все же высказать еще некоторые соображения — прежде всего потому, что буржуазные средства массовой информации используют любую возможность, чтобы клеветать на ГДР и другие социалистические страны, обвиняя их в «антидемократичности» и «тоталитарности», и представить капиталистическое общество как венец демократии. Они попросту отождествляют буржуазное общество с демократией и делают его мерилом всего.

Горький опыт, приобретенный нашим народом во времена фашизма, подтверждает наше убеждение, утвердившееся не только в период с 1933 по 1945 г., что подлинная демократия немыслима в условиях господства монополистического капитала. В этой связи хотел бы лишь напомнить о том, что фашистский режим возник на почве буржуазной парламентской демократии Веймара. Конечно, по сравнению с кайзеровским рейхом Веймарская республика была прогрессом, однако сохранение прежних отношений собственности и власти стало истоком ее заката. Это позволило силам крайней реакции фактически беспрепятственно выхолостить веймарскую демократию и в конечном итоге разрушить ее.

Разумеется, я имею в виду, что буржуазная демократия дает рабочему классу и другим трудящимся определенные возможности для того, чтобы отстаивать свои требования и выражать недовольство антидемократическими действиями и антисоциальными мерами буржуазного правительства. Но это лишь в той мере, в какой рабочему классу удалось отвоевать для себя демократические права и свободы. Мы, марксисты-ленинцы, не игнорируем и то, что буржуазно-парламентская демократия предпочтительнее таких форм господства буржуазии, как фашизм, военные или иные реакционные диктатуры, предпочтительнее потому, что рабочие и другие слои трудящихся могут — хотя и наталкиваясь на самое активное противодействие — защищать свои жизненные интересы и легально, в рамках буржуазного строя, выступать за мир, демократию и осуществление социальных требований. Разумеется, это ничего не меняет в том, что буржуазная демократия в конечном счете служит монополистической буржуазии. Вопросы демократии всегда самым тесным образом связаны с вопросом о власти в государстве. Тот, у кого власть, определяет характер государства, которое, в свою очередь, и трактует суть демократии.

Германская Демократическая Республика — социалистическое государство, в корне отличающееся от всех ранее существовавших государственных образований на немецкой земле. С самого начала мы лишили власти владельцев концернов, банкиров и по-

мещиков, фашистов, милитаристов и реваншистов. Мы стремились к тому, чтобы весь трудовой народ был вовлечен в обсуждение и выработку решений по всем основополагающим вопросам общественного развития, принимал непосредственное участие в управлении государством, экономикой, образованием и культурой, в решении возникающих задач и в контроле за выполнением совместно принятых решений. И мы достигли этого.

Мы со всей последовательностью шли по этому пути к социалистической демократии и будем идти по нему дальше. Наша демократия охватывает все сферы общественной жизни. В этой связи хотел бы еще раз напомнить о земельной реформе, школьной реформе, о всенародном референдуме по вопросу об экспроприации собственности нацистских и военных преступников в 1945—1946 гг. Хотелось бы также указать и на широкое всенародное обсуждение проекта нашей Конституции и других основополагающих законодательных актов. Таким образом, демократия утвердилась во всех сферах нашего общества.

Решающее значение имеет, на наш взгляд, ее действие в области материального производства. Мы сделали все для того, чтобы те, кто создает общественное богатство и фундамент обеспеченного будущего, обладали и реальной политической властью. Это рабочие, кооперированные крестьяне, представители интеллигенции и другие трудящиеся. Именно этим наша социалистическая демократия отличается от буржуазной демократии, которая, как известно, заканчивается у заводских ворот. И в этом ничего не могут изменить разглагольствования об участии рабочих в управлении предприятиями.

Большую роль в развитии участия всех трудящихся на демократической основе в делах общества играют наша партия и массовые организации рабочего класса, прежде всего профсоюзы. Вспоминается 8-й конгресс ОСНП, состоявшийся 26—30 июня 1972 г. в Берлине. Выступая на нем, я передал делегатам благодарность ЦК СЕПГ за работу, выполняемую многими внештатными работниками профсоюзов. Мои слова о том, что социализм может быть построен лишь с сильными и активными профсоюзами, встретили безраздельную поддержку.

С удовольствием принял я и приглашение на 9-й конгресс ОСНП, проходивший 16—19 мая 1977 г. в Берлине. На конгрессе царила приподнятая атмосфера. Он продемонстрировал единство и сплоченность профсоюзов, их возросшую боевитость. 2967 делегатов представляли 8,3 млн. членов 16 отраслевых промышленных профсоюзов и других профсоюзных организаций, входящих в ОСНП. Мы с особой радостью отметили, что большинство участников конгресса были женщины. Отчетный доклад и выступления в прениях дали впечатляющее представление о разносторонней и успешной деятельности профсоюзов. На конгрессе было наглядно продемонстрировано, как выполняют профсоюзы свою роль

школы коммунизма, как они представляют интересы трудящихся в ходе строительства развитого социалистического общества.

Чрезвычайно конструктивный характер носило обсуждение делегатами конгресса новых проблем нашего общественного развития, особенно вопросов дальнейшего осуществления главной задачи. Именно ее реализация открывает перед профсоюзами новые возможности в обеспечении интересов трудящихся. 9-й конгресс ОСНП единодушно поддержал решения IX съезда СЕПГ. Я подчеркиваю это особенно и потому, что тем самым крупнейшая классовая организация рабочих нашей страны во всеуслышание заявила о том, что политика, направленная на быстрое увеличение экономической мощи ГДР,— это и ее политика. Многие профсоюзные активисты в беседах со мной говорили в этой связи о том, что такой подход определяет возможности нашей социальной политики и позволяет расширить их.

Правильность этого подхода подтверждается самой жизнью. Миллионы рабочих и других трудящихся считают осуществление такой политики своим собственным делом. Об этом свидетельствует организуемое профсоюзами широкое обсуждение наших пятилетних и годовых народнохозяйственных планов в бригадах и трудовых коллективах, на производственных участках и в цехах, на предприятиях и комбинатах. Не случайно в 1979 г. обсуждение проекта народнохозяйственного плана на 1980 г. было увязано с выборами в системе профсоюзов.

На более чем 390 тыс. предвыборных собраниях в творческой атмосфере обсуждались основные вопросы дальнейшего экономического развития ГДР. В них приняли участие примерно 7,5 млн. трудящихся, т. е. почти 86% всех членов ОСНП. На собраниях выступило около 2 млн. членов профсоюзов. Они высказали немало полезных соображений, не скупились на критические замечания, вносили предложения, как более эффективно вести строительство развитого социалистического общества в ГДР. Почти три четверти всех этих предложений и рекомендаций были продиктованы стремлением еще более повысить экономическую мощь нашей страны. Стремление внести свой личный вклад в общее дело для многих трудящихся уже давно является само собой разумеющимся.

Однако профсоюзы организуют не только обсуждение планов, но и участие трудящихся в социалистическом соревновании в целях реализации планов развития нашей экономики. Составным элементом этой работы является и постоянное дальнейшее улучшение условий труда и жизни. Из многих бесед с трудящимися я знаю, что социалистическое соревнование значительно стимулирует творческое отношение к труду. Оно усиливает стремление человека к рациональному, успешному труду в кругу своих товарищей по работе. Оно также открывает широкий простор для творческой инициативы трудящихся, для их изобретательской и новаторской деятельности.

Каковы побудительные мотивы этого, если не убежденность людей, что тем самым они решающим образом участвуют в практическом осуществлении власти, в принятии решений, касающихся их собственной жизни сегодня в условиях мира и безопасности, и вместе с другими решают, как сделать эту жизнь еще лучше завтра? Массовое участие трудящихся в обсуждении планов и в соревновании — выражение их живого интереса к делам общества. Поэтому можно сказать, что демократия осуществляется в нашей жизни повседневно и ежечасно.

Поскольку профсоюзы играют такую большую роль, нашей Конституцией, принятой в октябре 1974 г., им были предоставлены широкие права. ОСНП, как крупнейшая массовая организация трудящихся, получила конституционную гарантию своего активного участия в формировании социалистического правопорядка. ОСНП обладает правом законодательной инициативы, а также правом профсоюзного контроля за соблюдением гарантированных законом прав трудящихся.

ОСНП активно пользуется предоставленными ему полномочиями. Вот один из примеров: уже упоминавшийся 9-й конгресс ОСНП внес в Народную палату предложение о разработке нового Кодекса законов о труде. Председатель Центрального правления ОСНП, член Политбюро ЦК СЕПГ Гарри Тиш, выступая с обоснованием проекта закона в нашем высшем народном представительстве, указал на то, что этот документ написан рукой рабочего, отвечает запросам и интересам рабочих. В организованном профсоюзами всенародном обсуждении законопроекта участвовало около 6 млн. трудящихся. Было внесено 147 806 предложений, рекомендаций и запросов, содержавших 39 тыс. изменений и дополнений. Все эти предложения были тщательно рассмотрены. В результате были внесены изменения: 90 принципиальных и 144 редакционного характера. Таким образом, трудящиеся ГДР сами создавали свое законодательство.

Большое значение для укрепления нашего социалистического правопорядка имеет Гражданский кодекс ГДР от 19 июня 1975 г. Понятно, что его разработка вызвала интерес у многих граждан ГДР. Ведь речь шла об их правах и обязанностях. На этот счет состоялось немало дискуссий. В определенной мере они обусловлены тем, что прежний Гражданский кодекс был последним действовавшим законом, сохранившимся со времен капиталистического права. Он давно уже перестал соответствовать уровню нашего общественного развития. На более чем 8500 собраниях, в которых участвовало 260 тыс. граждан, были всесторонне рассмотрены вопросы совершенствования социалистического гражданского права. На основании более 4 тыс. предложений и рекомендаций в законопроект было внесено 260 изменений и дополнений.

Столь активное участие трудящихся в законодательной дея-

тельности, в принятии важных решений в области экономической и социальной политики наглядно свидетельствует о новом качестве социалистической демократии. Она не может рассматриваться лишь как продолжение и развитие буржуазной демократии. Расширение буржуазно-демократических прав и свобод вовсе не ведет автоматически к социалистической демократии. Для нее необходимы принципиально иные общественные предпосылки.

Социалистическая демократия создала совершенно новые, собственные формы и традиции. В конечном счете все они основываются на том, что важнейшие интересы участвующих в строительстве социалистического общества классов и слоев совпадают с интересами рабочего класса, как главной силы общественного прогресса.

Ленин называл величайшей нелепостью предположение о том, что самая глубокая революция в истории человечества, в результате которой впервые в мире власть переходит от эксплуатирующего меньшинства к эксплуатируемому большинству, может быть осуществлена в рамках старой, буржуазной парламентской демократии, без создания новых форм демократии, ее новых институтов, которые олицетворяли бы собой новые условия для применения этой демократии. Ленин абсолютно прав. Поэтому формальное сопоставление буржуазной и социалистической демократии в корне ошибочно.

Конституция Германской Демократической Республики определяет, что вся власть в социалистическом государстве принадлежит народу. Я рассматриваю это как высокий демократический долг. Поэтому как партийный руководитель, депутат Народной палаты и Председатель Государственного совета я всегда поддерживаю все, что обеспечивает народу возможность в любое время по-настоящему использовать переданную ему власть. Выборные народные представительства как в общинах, городах, районах и округах, так и сама Народная палата надежно гарантируют это уже в силу своего социального состава. Из избранных 20 мая 1979 г. 201 570 депутатов местных народных представительств 144 802, т. е. 71,8%, относятся по своему социальному положению к рабочему классу, 44 284 депутата, или 21,9%, являются членами сельскохозяйственных или садоводческих производственных кооперативов, а также кооперативов трудящихся-рыбаков. 70 431 депутат, т. е. 34,9%, имеют законченное высшее или среднее специальное образование. Среди депутатов — 72 301 женщина (35,9%) и 29 592 представителя молодежи в возрасте от 18 до 25 лет (14,7%). Из членов Народной палаты по социальному происхождению 373 являются рабочими и служащими, 53 — членами сельскохозяйственных производственных кооперативов, трудящимися крестьянами-единоличниками, садоводами и рыбаками, 28 — представителями интеллигенции, 31 — самостоя-

тельными ремесленниками, 8 — ремесленниками и лицами свободных профессий и 7 — прочими.

Наряду с членами СЕПГ в народные представительства всех ступеней избраны члены других партий Демократического блока — Демократической крестьянской партии Германии, Христианско-демократического союза, Либерально-демократической партии Германии и Национально-демократической партии Германии. Избраны и представители от массовых демократических организаций нашей страны — профсоюзов, социалистического союза молодежи, Демократического женского союза и Культурбунда.

В своей деятельности народные представительства руководствуются принципом единства принятия решений, их выполнения и контроля. Подготовка и проведение в жизнь законов и решений возложены не только на административные органы, к этому привлекаются граждане, помогает государственный аппарат. Все эти факторы характеризуют наши социалистические народные представительства как органы, которые вырабатывают законы и сами контролируют их реализацию. Они подотчетны своим избирателям.

Избиратели, их трудовые коллективы, а также партии и массовые организации могут у нас по согласованию с Национальным советом Национального фронта или его местным комитетом потребовать отзыва депутата, если он не оправдал доверия, оказанного ему трудящимися. Решение об отзыве такого депутата принимается соответствующим народным представительством.

Тесная связь с народными массами — требование, которое депутат в нашей стране должен выполнять не только в ходе избирательной кампании. Как уже отмечалось, я очень часто использую посещение городов и общин для того, чтобы ознакомиться, как обстоит дело со снабжением населения, с работой транспорта, предприятий сферы обслуживания. Я интересуюсь ассортиментом товаров в магазинах, состоянием дорог и домов, другими аналогичными вопросами. Из встреч с представителями местных партийных и государственных органов я черпаю немало впечатлений и сведений, которые облегчают поиски решения той или иной проблемы.

Избранные народные представители обязаны у нас заниматься всеми заявлениями, критическими замечаниями, жалобами и предложениями, поступающими от населения, и добросовестно рассматривать их. Каждый гражданин имеет право в письменной или устной форме обратиться с такого рода заявлением в народное представительство, в различные государственные и хозяйственные органы. Это право предоставлено и общественным организациям. Согласно закону каждому гражданину должен быть дан обоснованный ответ и заявление должно быть рассмотрено в течение четырех недель с момента его подачи. Это, конечно, требует немалого труда наших депутатов и работников госаппарата. Кроме того, защита интересов народа осуществляется государст-

венными органами и общественными организациями при широком участии самих граждан.

По сравнению с начальным периодом нашего развития в 1945 г. такое участие граждан значительно возросло во всех областях — в работе общественных судов, конфликтных и арбитражных комиссий, районных, окружных судов и высших судебных инстанций в качестве народных заседателей, в деятельности родительских активов и школьных советов, комиссий при народных представительствах и в комитетах Национального фронта, в работе общественных комиссий при народных и кооперативных предприятиях торговли, комиссий Рабоче-крестьянской инспекции и комитетов народного контроля. Лишь число граждан, которые ведут эту работу на общественных началах в свободное от работы время, достигает нескольких сот тысяч человек. И оно увеличивается из года в год.

Из сказанного видно, что наши граждане располагают широкими возможностями для участия, в соответствии с их интересами, склонностями и потребностями, в общественной работе, планировании и управлении. Это также свидетельствует о том, что социалистическая демократия не ограничивается только выборами, хотя, естественно, и в социалистическом государстве выборы являются важнейшим событием общественной жизни. Социалистическая демократия требует от каждого активности в политической и социальной областях и стимулирует активную деятельность каждого члена общества. Мы постоянно заботимся о совершенствовании социалистической демократии, более того, это совершенствование определяет главное направление развития нашего государства.

Письма, в которых коллективы предприятий и отдельные трудящиеся высказываются по политическим вопросам, по проблемам общественного развития в нашей стране, а также пишут о своих личных делах, я рассматриваю как свидетельство тесной связи партии с народом и как важный источник информации. В 1979 г. ко мне обратилось почти 15 тыс. граждан всех слоев населения. Их предложения часто дают большой народнохозяйственный эффект — в них содержатся ценные указания на резервы, которые можно использовать в целях быстрого подъема экономики. Но граждане нередко также критикуют проявления бюрократизма со стороны государственных органов или жалуются на то, что не уделяется должного внимания их личным проблемам. В таких случаях мы стремимся помочь им.

Я часто получаю письма, которые радуют. Так, например, рабочие с нефтехимического комбината в Шведте, возвратившиеся со своими семьями из путешествия на теплоходе «Дружба народов» по маршруту Ленинград — Рига — Таллин, прислали мне письмо о богатых событиями днях, проведенных в дружественной стране. Эта поездка была организована для них предприятием в

награду за успехи в труде. И теперь они, подчеркивалось в письме, намерены ответить на эту заботу новыми трудовыми свершениями.

Большинство писем говорит о том, что граждане хорошо знают законы нашего государства и активно, с большой личной заинтересованностью участвуют в их претворении в жизнь. Нередко авторы писем заявляют о своей готовности помочь решению проблем, о которых они сообщают. Чтобы быстро рассмотреть и эффективно реализовать содержащиеся в письмах предложения, я советуюсь с представителями компетентных органов, министрами, генеральными директорами крупных комбинатов или председателями профсоюзов, Демократического женского союза, социалистического молодежного союза и демократических партий.

Из года в год со своими пожеланиями и предложениями ко мне обращается все больше граждан. Мы требуем, чтобы ни одна из проблем повседневной жизни, которые затрагивают людей, не недооценивалась и не оставалась без внимания. Беседуя в январе 1972 г. с посетившей меня в здании ЦК СЕПГ в Берлине делегацией трудящихся Комбината тяжелого машиностроения им. Э. Тельмана в Магдебурге, я узнал от формовщика Йозефа Клемма и работницы Хельги Шольц, что при распределении новых квартир рабочие их предприятия получают недостаточно жилья. Но ведь как раз рабочие и крестьяне и должны первыми пользоваться созданными ими ценностями и улучшениями в социальной области. Вопрос, поднятый рабочими из Магдебурга — как, впрочем, и трудящимися из других округов,— был достаточным поводом для того, чтобы произвести изменения общего порядка. Мы приняли меры по большему вовлечению в строительство квартир самих крупных предприятий, а также по существенному улучшению жилищных условий кооперированных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Тогда же было принято решение о том, что 60% новых квартир должны предоставляться рабочим и многодетным семьям.

Политический курс VIII съезда СЕПГ, выполнение и перевыполнение пятилетнего плана 1971—1975 гг. дали ощутимые результаты, подтвердившие правильность наших замыслов и наметок на будущее. Поэтому в 1974 г. я по поручению ЦК СЕПГ внес предложение о внесении в Конституцию ГДР дополнений и изменений. Ее следовало привести в соответствие с достигнутым уровнем социально-экономического и политического развития и общественных отношений в нашей стране. В ней были закреплены нерушимый братский союз ГДР с СССР, прочное место первого немецкого государства рабочих и крестьян в содружестве социалистических государств, а также отражен факт международно-правового признания ГДР почти всеми государствами мира, ее равноправное членство в Организации Объединенных Наций. На основании внесенного фракцией СЕПГ законопроекта, который

был единогласно принят Народной палатой, дополненная и измененная Конституция вступила в силу 7 октября 1974 г., в день 25-летия ГДР.

Являясь с 1949 г. депутатом нашего высшего народного представительства и с 1971 г. членом Государственного совета, 29 октября 1976 г. я по предложению ЦК СЕПГ, согласованному с другими партиями и массовыми организациями Демократического блока, был единогласно избран депутатами всех фракций Народной палаты Председателем Государственного совета ГДР. Для меня это был волнующий момент. Свое избрание на высший государственный пост ГДР я рассматриваю как почетный долг и впредь отдавать все свои силы на благо нашего народа.

В мои полномочия Председателя Государственного совета входит руководство всей его деятельностью, назначение и отзыв полномочных представителей нашей страны в других государствах, прием верительных грамот аккредитуемых в ГДР представителей иностранных государств и прием послов с прощальными визитами в связи с их отзывом. Обязанности Председателя Государственного совета обусловливают необходимость моих более частых встреч с представителями и политическими деятелями других государств. Эти встречи я использую для реализации нашей политики мира и безопасности, дружбы народов и мирного сосуществования.

В Государственном совете, который выполняет определенные ему Конституцией и законами Народной палаты задачи и вносит свой вклад в упрочение международных позиций ГДР, укрепление рабоче-крестьянского государства и углубление отношений доверия между государственными органами и гражданами, я также тесно и в дружеском контакте сотрудничаю с представителями других партий и массовых организаций. Органической составной частью этих сложившихся в течение десятилетий отношений доверия являются мои регулярные встречи с представителями партий, объединенных в Демократическом блоке и в Национальном фронте. На такие встречи приглашается также и председатель Национального совета Национального фронта. В этих беседах мы согласовываем основные вопросы внутренней и внешней политики ГДР, обсуждаем, как следует совместными усилиями решать назревшие задачи.

В нашем государстве каждый призван участвовать в строительстве развитого социалистического общества. Никто не должен оставаться в стороне, нам нужны все. Но это означает также — в этом подавляющее большинство нашего народа едино — и необходимость защиты нашей демократии от происков сил, пытающихся посягать на нее или даже разрушить ее. Залог наших успехов — упрочившееся в течение трех десятилетий единство всех общественных сил, объединенных в Национальном фронте. Оно и впредь будет нашей надежной опорой.

30. Встречи в Крыму

Хорошо иметь надежных друзей, с которыми можно откровенно посоветоваться по самым сложным проблемам, разделить, так сказать, и радость и печаль, и у которых встретишь понимание во всем, что тебя волнует. Такая основанная на взаимности дружба помогает в жизни. К ней всегда нужно стремиться. Не в меньшей мере это относится к народам и государствам и их взаимоотношениям. Для нашего народа и Германской Демократической Республики большое счастье, что у них есть такие друзья.

Именно такая дружба связывает нас с Советским Союзом и другими социалистическими странами; эта дружба выдержала все испытания. Она стала одним из наших важнейших достижений. Германская Демократическая Республика навсегда заняла свое место в содружестве социалистических государств.

Встречи с представителями союзных с нами стран — будь то в Берлине, в Москве, в столице другого социалистического государства или в каком-либо ином месте — всегда являются важными событиями в наших отношениях. Уверен, что мои друзья и соратники воспринимают это так же, как и я: эти встречи — живительный эликсир для становящегося все более тесным сотрудничества.

Особое место в их ряду занимают дружеские встречи, которые начиная с 1971 г. проводятся летом каждого года Л. И. Брежневым в Крыму. Эти встречи, проходящие в сердечной, откровенной и деловой атмосфере, характеризуются общностью наших интересов, взглядов и целей. Они кладут начало новым усилиям на благо наших народов, во имя их светлого будущего, во имя мира и социализма.

В первые годы в Крыму проходили коллективные встречи руководителей коммунистических и рабочих партий и государств социалистического содружества, на которых обсуждались текущие актуальные проблемы. С некоторых пор летом проводятся двусторонние встречи между Л. И. Брежневым и генеральными и первыми секретарями братских партий.

На общих встречах в кругу большого коллектива обсуждались важнейшие международные проблемы. Эти встречи были в известной мере схожи с совещаниями Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, на которые мы собираемся, как правило, раз в два года поочередно в одной из столиц государств содружества. На двусторонних встречах беседы носят, конечно, более детальный характер. Встречи с Л. И. Брежневым всегда дают прекрасную возможность подробно, в непринужденной обстановке обменяться мнениями и опытом, определить дальнейшие совместные действия.

Для представителей социалистических государств, которые тесно связаны между собой, и руководителей рабочих партий поддержание тесных, товарищеских взаимоотношений является само собой разумеющимся делом уже в силу возложенных на них политических функций. Страстный борец за мир, выдающийся деятель международного коммунистического движения и государственный руководитель, Л. И. Брежнев замечательно воплощает в себе лучшие традиции и самые благородные цели советского народа; сила его характера, его искренность всегда производят самое глубокое впечатление на собеседников.

Руководитель самого могущественного социалистического государства не знает более высокой цели, чем мир. Л. И. Брежнев ведет за него неустанную борьбу, выдвигает все новые и новые предложения, направленные на его укрепление. Он хорошо знает, что такое война. В Великой Отечественной войне Л. И. Брежнев в первых рядах сражался за победу советского народа над нацистским варварством. Поэтому его приверженность миру столь глубока и убедительна.

По инициативе Л. И. Брежнева были выдвинуты Программы мира XXIV и XXV съездов КПСС, получившие глубокий отклик на всей планете. Он с присущей ему огромной силой воздействия борется за воплощение в жизнь коммунистической философии мира. Высшим мерилом деятельности государственного руководителя он считает благо людей. Это — политическая позиция высочайшей морали.

Встречаясь с ним, я вновь и вновь убеждаюсь в этом. Леонид Ильич Брежнев с большим вниманием относится к вопросам, волнующим его собеседников. При этом новые вопросы общественного развития для него столь же важны, как и проблемы международной политики. Законно гордясь достижениями советского народа в самых различных областях, он в то же время критически относится к тем или иным недостаткам. И к решению сложных проблем сегодняшнего дня Л. И. Брежнев подходит таким образом, что одновременно открывается картина будущего, просматриваются величественные перспективы.

Боевое содружество СЕПГ и КПСС, дружба ГДР и Советского Союза — решающая основа наших успехов. Этот тесный союз закреплен в нашей Конституции, он является краеугольным камнем нашей политики. Благодаря этому союзу суверенитет и независимость Германской Демократической Республики, расположенной на рубеже между социализмом и империализмом в Европе, разделяющем страны НАТО и Варшавского Договора,— неприкосновенны.

Это хорошо знают и те, кто не может примириться с существованием нашего социалистического немецкого государства. В прошлом они не упускали ни единой возможности, чтобы стереть социалистическую Германию с географической карты, и, хотя

потерпели полный провал, все еще упорно тешат себя этими бесперспективными надеждами. Поэтому неудивительно, что их непрекращающиеся нападки направлены именно против дружественного союза ГДР с СССР, который является прочным заслоном на пути осуществления их темных замыслов. Рано или поздно они, однако, будут вынуждены смириться с тем, что этот союз непоколебим.

Важное место в моих беседах с Л. И. Брежневым обычно занимают экономические отношения между ГДР и СССР. Почти треть нашей внешней торговли приходится на торговлю с Советским Союзом. ГДР, в свою очередь, крупнейший торговый партнер СССР. Интенсивно возрастает объем экономической и научно-технической кооперации наших стран. Повседневное явление в наших отношениях — сотрудничество специалистов обеих стран и обмен квалифицированными рабочими и молодежными бригадами, совместное проведение крупными предприятиями и научными центрами научно-исследовательских работ.

Как уже известно читателю, наша обрабатывающая промышленность получает из СССР бóльшую часть импортируемых сырья и энергоносителей. Речь идет о согласованных в плановом порядке стабильных поставках по выгодным в целом ценам, что имеет для нас тем большее значение, поскольку ГДР почти не располагает собственными запасами полезных ископаемых.

За все время моей более чем 50-летней борьбы в рядах коммунистического движения отношение к партии Ленина и к Советскому Союзу всегда было для меня, как учил Эрнст Тельман, пробным камнем того, по какую сторону баррикады ты находишься. Я всегда был на стороне КПСС и Советского Союза. В течение трех истекших десятилетий я делал все для всемерного углубления союза между ГДР и СССР.

У этого союза прочная основа. Прежде всего это — общность наших целей, идеалов, представлений о ценностях, общность социально-экономического строя, не знающего ни капиталистической частной собственности на средства производства, ни монополистов с их жаждой наживы, ни безработицы, ни инфляции. Это и политическая система обеих стран, где действует принцип «все для народа, все с народом, все с помощью народа» и где нет места ни расовой дискриминации, ни вражде к другим народам. Это и наши совместные усилия по обеспечению мира. И наконец, это общие традиции борьбы за революционное изменение общества в соответствии с идеями Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина.

Во время каждой моей поездки в Советский Союз я все сильнее ощущал эту широкую общность. Так было и в ходе богатой событиями и впечатлениями поездки в Магнитогорск в апреле 1971 г. Я был тогда членом делегации СЕПГ, участвовавшей в работе XXIV съезда КПСС. Когда мне предложили включить в

программу поездки этот уральский город, расположенный на стыке Европы и Азии, я с радостью согласился. За 40 лет до этого — в 1931 г.— я, как упоминалось выше, был там впервые.

Свидание с сегодняшним Магнитогорском произвело на меня огромное впечатление. То, о чем мы тогда вели жаркие споры и что представлялось нам идеалом будущего — металлургический гигант без капиталистов, завод, принадлежащий рабочим и руководимый рабочими,— все это стало реальностью. Там, где когда-то стояли жилые вагончики, палатки и бараки, сегодня кипит жизнь крупного современного города с населением 340 тыс. человек. Живущие в этом городе металлурги, инженеры и техники —это образованные люди, окончившие высшие и средние специальные учебные заведения. В беседах с нами они интересовались развитием науки и техники в ГДР, а также и вопросами международной политики. Когда-то мы здесь киркой и лопатой рыли котлованы для фундаментов; ныне же электронно-вычислительные машины управляют сложными производственными процессами. Магнитогорский комбинат стал самым крупным комбинатом Советского Союза, который дает 2% мирового производства стали.

Особенно запомнились встречи с молодежью, которая уже создает будущее комбината, и с пожилыми рабочими, которые хорошо помнят молодых немецких коммунистов, приезжавших к ним 40 лет назад. На торжественном митинге мне вручили почетный знак «Ветеран труда Магнитогорского металлургического комбината». Это был незабываемый момент. Посещение Магнитогорска наглядно показало жизненную силу лучших традиций общности немецких и советских рабочих. В Магнитогорске мы воочию убедились в успешном осуществлении преобразований исторического значения.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный Л. И. Брежневым и мной в Москве 7 октября 1975 г., стал еще одним важным шагом в деле укрепления нашего союза. Мы заключили этот исторический договор в уверенности, что нерушимый братский союз с СССР и прочное закрепление ГДР в социалистическом содружестве являются жизненной основой нашего государства.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который стал уже третьим таким договором после договоров между ГДР и СССР от сентября 1955 г. и июня 1964 г., отвечает новым внутренним и внешним условиям социалистического и коммунистического строительства в наших странах. Он создает еще лучшие предпосылки для реализации его целей — объединения материальных и духовных потенциалов наших народов. Договор основывается на общепризнанных принципах и нормах братских отношений между социалистическими государствами, отвечает жизненным интересам наших народов, а также служит дальнейшему укреплению социалистического содружества. Он определяет

принципы и главные задачи нашего сотрудничества на период вплоть до нового тысячелетия и охватывает все стороны отношений между СССР и ГДР. Тем самым дружба и сотрудничество наших народов поднимаются на новую, более высокую ступень.

Договор со всей ясностью демонстрирует, что социалистический интернационализм включает в себя как строгое соблюдение принципов равноправия, независимости, суверенитета и невмешательства во внутренние дела, так и товарищескую взаимную поддержку и тесное взаимодействие в строительстве социализма и коммунизма, а также в обеспечении мира. Аналогичные договоры, основывающиеся на тех же принципах, были подписаны мною в последующие годы также с руководителями других социалистических государств. Все эти договоры укрепляют международные позиции социалистического немецкого государства и повышают его ответственность за дело мира, демократии и социализма.

При заключении Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи Л. И. Брежнев назвал курс на дальнейшее сближение наших государств и народов стержнем этого договора. Сближение социалистических государств и наций — это процесс исторической значимости, в котором все более проявляется их общность, усиливается то, что объединяет и роднит их, и в то же время расцветают их экономика и национальная культура. Конечно, при этом возникают некоторые проблемы и трудности. Путь к сближению социалистических государств и наций — новый путь, по нему следует продвигаться осторожно, не упуская из виду исторически обусловленные различия и национальные особенности стран. Мы едины с нашими партнерами — Советским Союзом и другими братскими странами — в том, что успех во многом зависит от совместных усилий и вклада каждой страны, от того, насколько умело коммунистические партии направляют ход этого исторически назревшего процесса. Наша партия сознает свой долг в этом плане и выполняет его.

Насколько велики происшедшие за три десятилетия перемены, в том числе в сознании и деятельности людей, насколько исторически значимым — и, несомненно, единственным в своем роде — является процесс сближения, в полной мере мы ощутили при посещении Волгограда, бывшего Сталинграда, и других советских городов после подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Это была моя вторая встреча с легендарным городом на Волге, у ворот и в стенах которого в 1942—1943 гг. разгорелась, пожалуй, самая крупная и решающая битва второй мировой войны. Я уже рассказывал о своем первом посещении этого города в 1947 г. во главе делегации ССНМ. Тогда он еще лежал в развалинах, но в нем уже возрождалась жизнь. В 1975 г., когда я его посетил во второй раз, это был современный, прекрасно спланированный цветущий город. Находясь в нем, особенно на Мамаевом кургане, где в свое время кипели горячие бои,

неослабно ощущаешь события военных лет. Ныне здесь создан мемориальный комплекс беспримерного величия. Он славит героизм павших, мужество народов Советского Союза, победивших фашизм и спасших человечество от возврата ко временам варварства.

Важнейший урок второй мировой войны, без сомнения, состоит в том, что необходимо сделать все, чтобы народы могли строить свое будущее в условиях мира. От государственных и политических деятелей, независимо от того, каковы их мировоззрение и представления о будущем, за какую общественную систему они выступают, ныне нужно требовать последовательных усилий, направленных на обеспечение мира, на предотвращение новой мировой войны.

Находились ли мы на родине В. И. Ленина — в Ульяновске, или в индустриальном районе Свердловска на Урале, где я впервые побывал 50 лет назад, или в столице Татарской АССР Казани, везде в те октябрьские дни 1975 г. мы были свидетелями мирного созидательного труда народа, которым больше всего владеет стремление сохранить и упрочить мир.

Нас глубоко тронули проявления сердечности и дружбы со стороны советских людей, которые и во времена самых тяжелых испытаний всегда проводили различие между фашистами и немецким народом.

Наши встречи стали символом того, что договор от 7 октября 1975 г. в подлинном смысле слова является договором дружбы между двумя народами.

Расширяют кругозор встречи с народами и других стран социалистического содружества, более близкое знакомство с их опытом, успехами и проблемами. Нередко именно благодаря этому намного яснее видишь положение вещей в собственной стране. Чрезвычайно полезен прежде всего откровенный, проникнутый ответственностью за будущее обмен мнениями и опытом с представителями союзных и дружественных государств. Такими всегда были мои встречи с партийными и государственными руководителями социалистических стран. С ними меня связывают многие годы дружбы и совместной борьбы.

В содружестве социалистических стран встречи на высшем уровне, естественно, составляют лишь *одну* из форм нашего сотрудничества. Если возникает необходимость, то мы советуемся и достигаем договоренности непосредственно между собой, по обычным дипломатическим каналам или иным путем. Редкую неделю я не имею бесед с послами, руководителями и членами партийных и правительственных делегаций, министрами, учеными или представителями общественных организаций из дружественных государств.

Все эти встречи стали замечательной, богатой содержанием и необходимой традицией. Они являются само собой разумеющимся

делом, и в то же время каждая из них представляет собой нечто особенное. В ходе этих встреч и бесед возникает немало идей, которые находят свое воплощение в межгосударственных соглашениях компетентных органов наших государств, в практическом сотрудничестве министерств, предприятий, общественных организаций, в возрастающем объеме туризма, в обмене культурными ценностями и научными достижениями.

Социалистические страны образуют содружество, в котором все они — и большие и малые — имеют равные права. Каждый его член выполняет как общие, так и свои специфические обязанности в соответствии с имеющимися у него условиями и возможностями, которые различны. Социалистический интернационализм, основывающийся на общих идеалах, мировоззрении и целях, не исключает обмена мнениями, товарищеского обсуждения результатов и перспектив политического развития. Напротив, он предполагает это как обязательную предпосылку наших успехов.

Обмен опытом — это я могу сказать без всякого преувеличения, основываясь на опыте трех десятилетий развития ГДР,— самое выгодное капиталовложение. Если опыт применяется правильно, т. е. творчески, с учетом конкретных условий каждой страны, то это часто позволяет сэкономить значительные силы и средства, облегчает принятие решений, позволяет избежать ошибок, создает условия для наилучшего использования материального и духовного потенциалов. На наших встречах мы и успехи обычно оцениваем под критическим углом зрения,— это позволяет находить еще более удачные решения тех или иных проблем.

На всех моих встречах с руководителями других государств социалистического содружества важное место занимают проблемы экономического и научно-технического сотрудничества, а также социалистической экономической интеграции. Об этом уже сказано выше.

Главной темой наших встреч является обмен мнениями о том, как совместными усилиями укрепить мир, продвинуть вперед разрядку международной напряженности, содействовать решению проблемы разоружения. Естественно, что прежде всего речь идет об обстановке на европейском континенте, но мы, разумеется, не ограничиваемся лишь рамками Европы. Например, все еще сохраняются опасные очаги конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке и на юге Африки. Вызванное действиями определенных империалистических кругов ухудшение международной обстановки в начале 80-х годов напоминает о том, что защита и укрепление мира — коренной вопрос существования человечества. Его решение на длительную перспективу требует смелости, благоразумия, конструктивного подхода и выдержки.

Сегодня мир уже во многом иной, чем был вчера. Он коренным образом изменился в результате укрепления социалистического содружества, краха колониальной системы, борьбы народов за но-

вое будущее. Более широкую и прочную основу обрело понимание того, что политике мирного сосуществования государств с различным общественным строем нет разумной альтернативы. Это является важным исходным моментом социалистической внешней политики на рубеже XXI в.

На встречах с Л. И. Брежневым и руководителями других социалистических государств борьба за мир, за продолжение процесса разрядки, за разоружение всегда занимает главное место. Конечно, при этом мы руководствуемся интересами наших стран, наших народов. Но это не означает нанесения какого-либо ущерба другим странам. Международные политические и экономические отношения должны строиться на основе взаимной выгоды. Необходимо развивать плодотворное сотрудничество на пользу всем его участникам, в интересах мира. Социалистические государства настойчиво выступают за равноправные переговоры, выдвигают новые конкретные предложения, проекты договоров и соглашений.

Каждый народ должен иметь полное право сам определять общественный строй, структуру общества, все аспекты внутреннего развития своего государства. Мы, коммунисты, в равной мере отвергаем как экспорт революции, так и экспорт контрреволюции. В соблюдении этого принципа не может быть исключений. Также и народы молодых национальных государств, которые лишь недавно завоевали политическую независимость, сбросив иго колониального гнета, должны иметь полное право самостоятельно решать, какую им избрать политическую систему, распоряжаться своими природными богатствами. Столь же решительно мы выступаем за справедливую, демократическую систему международных экономических отношений.

Тесные узы связывают меня и с руководителями коммунистических и рабочих партий несоциалистических стран. Со многими из них я лично знаком уже в течение десятилетий. Живо вспоминается консультативная встреча делегаций 65 коммунистических и рабочих партий, состоявшаяся в конце февраля — начале марта 1968 г. в Будапеште. На этом представительном форуме коммунистов я возглавлял делегацию СЕПГ. Мы обсуждали тогда в Будапеште складывавшуюся международную обстановку и выводы, которые следовало сделать из этого коммунистам. Ввиду возросших требований, предъявляемых к коммунистам мира, я высказался за то, чтобы незамедлительно приступить к подготовке международного Совещания коммунистических и рабочих партий. И по сей день вспоминаются многие беседы в те дни в Будапеште со старыми друзьями, с которыми меня связывало немало событий, относящихся еще ко временам международного молодежного движения первых послевоенных лет, например с Энрико Берлингуэром, ныне Генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии, с Золтаном Комочином, к сожалению рано умершим, который был в то время секретарем ЦК ВСРП, и со многими

другими. Тогда я познакомился и с новыми друзьями, имена которых широко известны.

В Будапеште было принято решение созвать международное совещание коммунистических и рабочих партий. В этой международной встрече, состоявшейся с 5 по 17 июня 1969 г. в Москве, я также участвовал в составе делегации нашей партии, возглавлявшейся Вальтером Ульбрихтом. Я часто бывал в Москве, и каждое посещение ее оставляло глубокие воспоминания о людях, о событиях. И к числу самых впечатляющих событий я отношу состоявшееся в Москве международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Как известно, речь на нем шла об определении общих целей коммунистов, причем имели место и расхождения во мнениях. Важнейшим было то, что коммунистические партии, действующие в самых различных условиях, в результате тщательного совместного анализа международной обстановки смогли прийти к выводу, что назрели реальные предпосылки для решения наиболее жгучих проблем современности в интересах мира и всех народов. Последующее развитие полностью подтвердило правильность этой оценки, а также и ориентировок по другим обсуждавшимся вопросам, содержавшихся в совместном документе совещания.

Мне хорошо запомнилась атмосфера этого совещания. Она отличалась сердечностью, взаимопониманием, деловым и откровенным характером дискуссии и глубокой убежденностью. С тех пор прошло более 10 лет. Многое в мире изменилось к лучшему, хотя для этого потребовалось немало усилий и настойчивости, а кое в чем результаты оказались скромнее, чем этого хотелось бы. Но коммунисты, для которых мир, разрядка и разоружение являются высшими целями, не ослабляют усилий в поисках новых путей к их достижению.

Будет, конечно, понятным, если упомяну в этой связи Конференцию 29 коммунистических и рабочих партий Европы, которая состоялась в июне 1976 г. в Берлине. В тесном контакте с Польской объединенной рабочей партией, Итальянской коммунистической партией, которые предложили созвать конференцию, СЕПГ внесла свой вклад в ее подготовку и проведение. В ходе подготовки конференции, для чего потребовалось 20 месяцев, я поддерживал постоянный контакт с генеральными и первыми секретарями участвовавших в ней братских партий. Успеху конференции содействовала товарищеская атмосфера, в которой проходил обмен мнениями.

В своей речи на конференции я подтвердил решимость СЕПГ делать в интересах собственного народа и всего миролюбивого человечества все, что в ее силах, для продолжения политики упрочения мира. Я выразил уверенность, что итоги конференции найдут широкий отклик и поддержку и за пределами нашего континента. Так это и произошло. Коммунистические партии наме-

тили программу совместных действий в дальнейшей борьбе за мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. Если сейчас, почти 4 года спустя, вновь обратиться к этому документу, то можно убедиться в том, что эти цели ни в малейшей мере не утратили своей актуальности.

Отношения между коммунистическими партиями с давних пор подвергаются бесчисленным нападкам и грубейшей клевете на Западе. Но все это полностью опровергается практикой нашего товарищеского сотрудничества. Полное равноправие, взаимное уважение и доверие, солидарность — вот что характерно для отношений между нашими партиями. Товарищеский обмен мнениями, ознакомление с опытом друзей являются источником новых важных инициатив. Конечно, случается, что по тому или иному вопросу высказываются различные точки зрения. Но может ли быть иначе ввиду сложности нынешней международной обстановки, многообразия проблем и различия условий, в которых действуют отдельные коммунистические партии? Однако принципиальное совпадение наших целей и взглядов позволяет находить в конечном счете отвечающие общим интересам решения и для сложных вопросов.

В течение последнего десятилетия разрядка принесла народам значительную пользу. Однако накопление ядерных средств уничтожения необычайной разрушительной силы по-прежнему представляет серьезную опасность для будущего человечества. И нет более важной задачи, чем устранение этой опасности. Народы не хотят балансировать на грани бездны и ядерного ада, они хотят жить в условиях прочного мира. Нельзя допустить, чтобы то, что мы за 30 лет подняли из руин второй мировой войны — так считают граждане ГДР,— вновь превратилось в руины и пепел. Поэтому ГДР делает все для того, чтобы с немецкой земли никогда более не исходила война.

Из истории нам, к сожалению, слишком хорошо известно, что империализму свойственны переоценка своих возможностей, авантюризм, провокационные действия, стремление к гегемонизму, агрессивность. Поэтому мы должны постоянно поддерживать оборонную мощь наших стран на должном уровне. Это стóит больших усилий. Также и в этом отношении главное бремя по обеспечению мира лежит на Советском Союзе. Его оборонная мощь, и не в последнюю очередь солдаты Советской Армии, которые несут свою службу на территории ГДР, являются неотъемлемым фактором нашей безопасности.

Национальная народная армия ГДР связана тесными узами братства по оружию с Советской Армией и вооруженными силами других стран Варшавского Договора. Воспитанные в духе интернационализма и дружбы народов, наши солдаты хорошо знают, что их задача — надежно защищать мир и безопасность нашей республики. Впервые в немецкой истории создана армия, которая

имеет только одну военную доктрину — сохранить мир, делать все для предотвращения агрессивной войны. Во главе этой армии стоят офицеры, многие из которых активно участвовали в борьбе против фашизма. Постоянная высокая готовность нашей народной армии защищать социалистическое немецкое государство рабочих и крестьян — это одновременно и выполнение заветов всех передовых борцов против фашизма, за мир.

С тех пор как партия поручила мне отвечать за военную политику, я поддерживаю тесные контакты с военными руководителями Советской Армии и других армий Объединенных вооруженных сил Варшавского Договора. В беседах с руководителями военных делегаций Советского Союза и других братских стран мы регулярно обсуждаем основные вопросы совместной военной защиты социализма и мира в Европе, двустороннего и многостороннего взаимодействия в рамках социалистического военного союза. В ходе таких встреч, а также во время посещений войсковых частей, учений и маневров Объединенных вооруженных сил на территории ГДР углубляются наши исполненные доверия отношения. Я прежде всего вспоминаю встречи с такими испытанными полководцами, как Маршалы Советского Союза и главнокомандующие Группой советских войск в Германии Г. К. Жуков, В. Д. Соколовский, В. И. Чуйков, А. А. Гречко, М. В. Захаров, И. И. Якубовский, И. С. Конев, П. К. Кошевой, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами Варшавского Договора В. Г. Куликов, генералы армии С. К. Курокткин и Е. Ф. Ивановский, а также министры обороны, начальники штабов и другие генералы братских армий социалистических государств. В ходе нашей совместной работы мы стали друзьями и соратниками.

Занимая посты секретаря Комиссии Центрального Комитета СЕПГ по вопросам безопасности, секретаря и Председателя Национального совета обороны ГДР, я постоянно оказывал влияние на все главные направления, формы и методы военного взаимодействия наших союзных армий, на укрепление социалистического военного союза. Высшая форма совместной военной подготовки наших социалистических армий — учения и маневры в соответствии с планами Объединенного командования. Ряд таких учений проводился на территории ГДР. Я участвовал в них вместе с другими членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК СЕПГ. Эти учения демонстрировали ударную мощь, единство и сплоченность, а также военное мастерство участвовавших в них войск. К нашему общему удовлетворению учения показали, что части, соединения и руководящие органы отдельных видов вооруженных сил нашей Национальной народной армии хорошо справлялись с задачами, поставленными Объединенным командованием.

Вспоминается, например, митинг, состоявшийся перед началом совместных маневров «Октябрьский штурм» в октябре 1965 г.

В своей речи на митинге я подчеркнул, что единство социалистических государств и прочное братство по оружию их вооруженных сил сорвут любую военную провокацию и любую агрессию против ГДР и социализма. Более чем символично было то, что открытие маневров состоялось на территории бывшего фашистского концентрационного лагеря Бухенвальд близ Веймара. В присутствии десятков тысяч граждан округа Эрфурт я обратился к участвовавшим в маневрах войскам с призывом надежно защищать социализм и мир и выполнить тем самым завет 56 тыс. борцов и наших товарищей, которые были убиты здесь фашистами. Я закончил словами: «Мы повторяем клятву борцов Бухенвальда: Наше дело правое — победа будет за нами!» Такова была клятва 21 тыс. узников Бухенвальда, борцов антифашистского движения Сопротивления многих наций, для которых в 1945 г. открылись ворота свободы.

Нас всех глубоко взволновало торжественное обещание солдат братских армий надежно оберегать всей силой своих сердец, своими знаниями и умением социализм — бастион мира, прогресса и человечности, быть социалистическими интернационалистами, всегда готовыми защитить, стоя плечом к плечу, власть рабочих и крестьян. Над широкой площадью звучал обет: «Верные заветам павших в борьбе, памятуя о долге перед живыми — бороться за счастье и мир для всех народов,— мы торжественно клянемся перед этим священным пламенем!» В эти минуты я, как и все присутствовавшие, ощутил всю силу интернационалистской военной политики, имеющей столь глубокие исторические корни и традиции. Она была и остается прочной основой нашей надежной коллективной обороны.

Своим особым долгом я считал содействие всемерному укреплению связей воинов ННА с их советскими товарищами по оружию, несущими службу на территории ГДР. Боевое содружество ННА и Группы советских войск в Германии постоянно укреплялось. «Одним из крупнейших достижений нашей военной политики,— отмечал я в 1972 г.,— является то, что на всех уровнях командования, в частях и подразделениях создана и продолжает укрепляться атмосфера основанных на доверии сотрудничества, сердечной солдатской дружбы и тесного боевого содружества».

Ныне имеется великое множество конкретных договоренностей о сотрудничестве между подразделениями, частями, соединениями, школами и другими учреждениями вооруженных органов ГДР и советских братьев по оружию. Они охватывают все области ратного труда. Для наших военнослужащих — от командиров до самых молодых солдат — сотрудничество с советскими воинами стало делом сердца в подлинном смысле слова. Главной областью, в которой вновь и вновь проявляется наше братство по оружию, является прежде всего боевая подготовка.

Под знаменем проникнутой духом интернационализма военной политики единство армии и народа перешагнуло государственные границы,— в ГДР повсюду говорят о «наших солдатах» — будь то артиллеристы Советской Армии, мотострелки Чехословацкой народной армии, парашютисты Войска Польского, танкисты ННА ГДР или военнослужащие других армий стран Варшавского Договора. Эта связь народа и армии будет и впредь источником силы в деле защиты социализма и мира.

На встречах с руководителями Советского Союза и других государств — членов Варшавского Договора перед нами неизменно возникает вопрос о наиболее надежном обеспечении нашей безопасности ввиду проводимой блоком НАТО политики сверхвооружений. Если бы мы выделяли на оборонные цели слишком мало средств, то в системе нашей обороны могла бы возникнуть брешь и это имело бы непоправимые последствия. С другой стороны, осуществление необходимых для поддержания обороноспособности мер налагает немалое бремя на народное хозяйство. Также и поэтому мы считаем проблему разоружения ключевой проблемой современности — оно пошло бы на благо всем народам.

Политическую разрядку необходимо продолжить, дополнив военной разрядкой. Это — одно из самых настоятельных требований мировой политики нашего времени. Мы делаем все возможное для достижения этой цели и приветствуем каждое конструктивное предложение на этот счет, откуда бы оно ни исходило.

31.
Подпись в Хельсинки

1 августа 1975 г. от имени народа ГДР я поставил свою подпись под Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тишину нарушали лишь жужжание кинокамер и щелканье фотоаппаратов. Согласно протоколу я занимал в зале заседаний место между федеральным канцлером ФРГ Г. Шмидтом и президентом США Д. Фордом. Поэтому я подписывал документ вторым. Последним подписал его президент Югославии Иосип Броз Тито. Едва он поставил свою подпись, как вспыхнула продолжительная овация. Этот акт исторического значения произвел огромное впечатление на всех присутствовавших. Руководители 35 государств подписали документ, подготовленный в ходе более чем трехлетних кропотливых, упорных и сложных переговоров.

В этот торжественный момент представители государств Европы, а также США и Канады были единого мнения о том, что результаты Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе имеют чрезвычайно важное значение для дальнейшего упрочения мира и безопасности не только на нашем континенте. Осуществилось то, за что неустанно и настойчиво боролись социалистические страны, особенно Советский Союз.

В памяти ожили неизменные усилия, с давних пор предпринимавшиеся Советской страной в целях обеспечения мирного сосуществования государств социалистической и капиталистической систем — начиная с Генуэзской конференции 1922 г., включая активную деятельность в Лиге наций, где СССР внес ряд конструктивных предложений о создании системы коллективной безопасности в Европе, до многочисленных инициатив в ООН. Подписание в Хельсинки Заключительного акта совещания — успех этой настойчиво проводившейся в течение многих лет политики.

Подписанные в 1945 г. главными державами антигитлеровской коалиции Потсдамские соглашения должны были послужить созданию фундамента для прочного мира. Однако западная стратегия «отбрасывания» привела к длительному периоду «холодной войны». С 1954 г. Советский Союз неустанно предпринимал одну инициативу за другой, чтобы добиться продвижения по пути обеспечения европейской безопасности. Его активно поддерживали своими совместными предложениями государства Варшавского Договора. Лишь в конце 60-х годов, когда даже самые ярые сторонники «холодной войны» уже не могли игнорировать изменений в соотношении сил на мировой арене, идею проведения европейского совещания по безопасности постепенно стали разделять реалистически мыслящие политические деятели Запада.

Вспоминается, как часто мы, начиная с 1949 г., обсуждали в Центральном Комитете СЕПГ и правительстве ГДР предложения и соображения, направленные на обеспечение прочного мира на нашем континенте. Не опасаясь показаться нескромными, мы можем сказать, что ГДР активно и конструктивно содействовала созыву совещания и внесла немалый вклад в дело его подготовки. Хотелось бы упомянуть заключение Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ в декабре 1972 г. и содействие ГДР выработке четырехстороннего соглашения между СССР, США, Великобританией и Францией по Западному Берлину от сентября 1971 г.

ГДР всегда была кровно заинтересована в мире и безопасности. Мы извлекли исторический урок из гибельной политики захватов и опустошительных актов агрессии германского империализма и милитаризма. Согласно Конституции нашего социалистического государства мы должны делать все для того, чтобы с немецкой земли никогда более не исходила война. Наша заинтересованность в реализации хельсинкского Заключительного акта обусловлена и характером общественного строя ГДР, а также целями, которые мы поставили перед собой в решениях наших партийных съездов.

Повторяю: мир и социализм неразделимы. Для социалистического строительства нам необходимы благоприятные внешние условия, т. е. прежде всего мир. Заключительный акт делает возможным обеспечение таких условий и мирного сосуществования обеих социальных систем в Европе. Поэтому мы столь высоко ценим результаты Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Они отвечают интересам всех народов.

Оправдали ли достигнутые на совещании результаты те значительные усилия, которые были затрачены на его подготовку? Думается, что, чем больше времени отдаляет нас от самого совещания, тем более очевидным становится значение Заключительного акта для улучшения политической обстановки в Европе. На поставленный вопрос можно дать однозначный положительный ответ.

Исходя из существующих реальностей, совещание подтвердило и зафиксировало территориальные и политические результаты второй мировой войны и послевоенного развития в Европе. Оно признало и закрепило суверенитет и территориальную целостность всех европейских государств и прежде всего нерушимость их границ. Хельсинкский Заключительный акт ознаменовал собой очевидный поворот от «холодной войны» к разрядке. Заключительный акт стал как бы кодексом применения принципов мирного сосуществования, при этом принципы отношений между государствами рассматриваются в целом как его сердцевина.

Таким образом, исходя из положений Заключительного акта, можно было бы добиться того, чтобы процесс разрядки в Европе

стал необратимым. Я считаю этот документ долгосрочной программой, основой и рамками для укрепления европейской безопасности, а также для развития равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. В Хельсинки определенные круги вновь были вынуждены убедиться в том, что их расчеты относительно того, какова будет послевоенная Европа, не оправдались. Им пришлось привести свою политику в соответствие с реальной обстановкой и существующим соотношением сил.

Безопасность границ в Европе имеет для ГДР особое значение. Поэтому неудивительно, что на переговорах по этим вопросам мы были чрезвычайно активны и упорны. Ведь из истории народа ГДР известно, что уважение и признание границ — решающий вопрос обеспечения мира. Возникновение жесточайших войн, которые опустошали в этом столетии Европу, всегда было связано с нарушением существующих границ и неуважением территориальной целостности других государств. Аншлюс Саарской области, «возвращение в лоно рейха» Австрии, захват Судетской области Чехословацкой республики и оккупация остальной чешской территории, «присоединение» Мемельской области, все громче звучавшие притязания на Гданьск, Верхнюю Силезию и Эльзас-Лотарингию и, наконец, прямое нападение на Польшу — таковы были этапы подготовки и развязывания второй мировой войны.

Нельзя забывать и о том, что руководимые ХДС/ХСС правительства ФРГ вплоть до рубежа 70-х годов открыто выдвигали территориальные претензии и требования о пересмотре границ. Лишь подписание двусторонних договоров СССР, ПНР и ЧССР с ФРГ, Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ и других договоров и соглашений открыло путь к многосторонним урегулированиям, к коллективному многостороннему подтверждению существующих границ в хельсинкском Заключительном акте.

Уроки истории и актуальные политические требования побудили меня особо подчеркнуть в своем выступлении в Хельсинки: «Безопасность европейских государств заключалась и заключается прежде всего в безопасности их границ». Наши настойчивые усилия принесли в конечном итоге свои плоды и в этом вопросе. Можно даже сказать больше — с подписанием в Хельсинки Заключительного акта в Европе были впервые созданы предпосылки, позволяющие разорвать заколдованный круг «война — послевоенный период — подготовка к войне — война». Впервые в этом столетии Европа столь долго живет в условиях мира. Этот период должен быть продолжен, мир должен быть обеспечен.

Цели Заключительного акта — обеспечению безопасности европейских границ — отвечала и договоренность о государственной границе между ГДР и ФРГ, достигнутая в ходе длительных и сложных переговоров. Я расцениваю ее как важный вклад в дело

обеспечения мира. Ведь граница между обоими германскими государствами является наиболее чувствительным и невралгическим пунктом в районе непосредственного соприкосновения двух военных союзов.

Совещание в Хельсинки стало крупнейшей коллективной акцией европейских государств со времени антигитлеровской коалиции. В преддверии 35-летия освобождения немецкого народа от фашизма хотел бы отметить, что мы испытывали глубокое удовлетворение тем, что в Заключительном акте нашел свое отражение дух антигитлеровской коалиции; это должно и может помочь в осуществлении принципов и целей, которые были заложены уже в Потсдамских соглашениях.

Для меня совещание в Хельсинки, которое я считаю первой подлинной мирной конференцией в Европе, является прежде всего выполнением обязательства, принятого VIII съездом СЕПГ в 1971 г. перед всем народом ГДР. По поручению Центрального Комитета партии я заявил тогда, что «мы готовы принять все предложения и идеи, способствующие мирному сосуществованию европейских народов и государств... Мы всегда готовы занять конструктивную позицию и проявить добрую волю... Германская Демократическая Республика выступает за быстрейший созыв совещания по вопросам европейской безопасности и готова как равноправный участник содействовать его успеху». По прошествии четырех лет, т. е. еще в ходе подготовки к IX съезду СЕПГ, эта задача была успешно решена.

Совещание в Хельсинки стало для меня важным форумом встреч и обмена мнениями с нашими ближайшими союзниками, а также с представителями капиталистического мира. Начался новый этап развития двустороннего и многостороннего сотрудничества между ГДР и большинством представленных в Хельсинки капиталистических государств. Со многими прибывшими на совещание главами государств и правительств я смог обменяться мнениями как о развитии двусторонних отношений, так и по крупным международным вопросам. Таким образом, был начат новый этап равноправного сотрудничества ГДР в решении вопросов, имеющих жизненно важное значение для народов.

Мои сердечные встречи с Леонидом Ильичом Брежневым, Иосипом Броз Тито, Густавом Гусаком, Яношем Кадаром, Тодором Живковым и Николае Чаушеску в Хельсинки стали еще одним вкладом в нашу неустанную борьбу за мир. Встречи с руководителями стран социалистического содружества служат постоянной координации действий на международной арене.

В период совещания в Хельсинки я встречался и беседовал со многими государственными и политическими деятелями. Вот их имена: премьер-министр Королевства Норвегия Трюгве Браттели, президент Французской Республики Валери Жискар д'Эстэн, федеральный канцлер Федеративной Республики Германии Гельмут

Шмидт, президент США Джеральд Форд, президент Финляндской Республики Урхо Кекконен, премьер-министр Королевства Бельгия Лео Тиндеманс, премьер-министр Королевства Швеция Улоф Пальме, секретарь Совета по государственным делам церкви Агостино Казароли (Ватикан), президент Португальской Республики Франсиску Кошта Гомеш, президент конфедерации, глава федерального политического департамента Швейцарской Конфедерации Пьер Грабер, председатель Совета министров Итальянской Республики Альдо Моро, премьер-министр Королевства Дания Анкер Йоргенсен, премьер-министр Канады Пьер Трюдо — с ним мы договорились об установлении дипломатических отношений между ГДР и Канадой — и президент Республики Кипр архиепископ Макариос.

На встречах с руководителями государств Западной, Северной и Южной Европы, США и Канады мы вели, как правило, весьма подробные, основательные, очень деловые и полезные по содержанию беседы. В большинстве случаев это были мои первые личные встречи с названными политическими деятелями. Наше знакомство, без сомнения, отвечало обоюдным интересам, содействовало установлению доверия и лучшего взаимопонимания.

Я встретился также с делегацией Всемирного Совета Мира, возглавлявшейся его генеральным секретарем Ромешом Чандрой.

В беседах выявилось единство взглядов о необходимости целеустремленного продолжения процесса разрядки и развития в этих целях двусторонних отношений. При этом удалось решить некоторые проблемы наших тогда еще сравнительно недавно установленных отношений с этими странами или по меньшей мере приблизиться к их решению. Некоторые собеседники, воспользовавшись возможностью, затрагивали гуманитарные вопросы. При обсуждении этих вопросов я в соответствии с принципами социалистической политики стремился проявлять должное понимание и готовность идти навстречу. Это, впрочем, подтвердили и почти все мои тогдашние собеседники.

Хорошо помню беседу с президентом США Джеральдом Фордом. Предусмотренный протоколом порядок размещения участников совещания в зале заседаний, а также на обеде, устроенном президентом Финляндии Урхо Кекконеном в честь глав государств и правительств, позволил нам побеседовать по широкому кругу вопросов — от проблем двустороннего сотрудничества до совместного космического полета СССР — США. Я поздравил президента США с успешным завершением совместного полета «Аполлон» — «Союз». Он в свою очередь поздравил меня с успехом пловцов ГДР на проходившем тогда чемпионате мира.

Состоявшийся в Хельсинки полезный обмен мнениями, прежде всего о роли Заключительного акта для процесса разрядки в Европе и о его осуществлении, я смог продолжить в последующие годы в ГДР на встречах с генеральным секретарем ООН Куртом

Вальдхаймом, президентом Финляндии Урхо Кекконеном, федеральным канцлером Австрии Бруно Крайским, министром иностранных дел Франции Жаном Франсуа-Понсе и другими государственными деятелями.

Мировая общественность с живым интересом следила за первыми встречами между федеральным канцлером Гельмутом Шмидтом и мною в Хельсинки. Обмен мнениями был полезным. Мы смогли констатировать, что в отношениях между ГДР и ФРГ наступили перемены к лучшему, и согласились в том, что следует закреплять и расширять достигнутое и устранять с пути то, что мешает. Однако я уже тогда в Хельсинки неоднократно заявлял, что в процессе нормализации отношений между ГДР и ФРГ еще существуют серьезные помехи и опасность их ухудшения. И это, к сожалению, подтвердилось.

На пути из Хельсинки в Берлин мы думали о том, как пойдет дело с реализацией Заключительного акта. Будут ли все подписавшие его государства руководствоваться духом и буквой этого документа или же попытаются толковать результаты Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе только применительно к собственным интересам? Очень скоро выяснилось, что было достаточно оснований не исключать и возможных негативных тенденций.

Не успели высохнуть подписи под Заключительным актом, как поддерживаемые определенными политическими кругами западные средства массовой информации стали пытаться исказить этот документ, толковать его односторонне, вырывать из контекста отдельные положения, особенно относящиеся к вопросам сотрудничества в гуманитарной области, и придавать им особую остроту. Очевидно, кое-кто полагал, что, используя результаты совещания в своих неблаговидных целях, он сможет добиться того, что ранее было неосуществимо.

Решительно отвергая все подобные попытки, мы действуем в соответствии с духом Заключительного акта. Он был разработан как единое целое и поэтому должен осуществляться как единое целое. Никто не может уйти от этой ответственности. Все подписавшие Заключительный акт должны придерживаться его духа и буквы. Тот, кто думает, что может урывать себе лучшие куски, покидает деловую основу, согласованную в Хельсинки в договорном порядке. ГДР выполняет взятое на себя всеми государствами — участниками общеевропейского совещания торжественное обязательство полностью соблюдать и осуществлять Заключительный акт во всех его частях и с учетом их тесной взаимосвязи. ГДР, разумеется, ожидает такого же подхода и со стороны других государств.

Западные средства массовой информации и даже ответственные политические деятели капиталистических стран без устали твердят о том, что ГДР и социалистические страны в целом якобы

должны что-то наверстать в гуманитарной области. Но как далеки подобные призывы от действительности и от истины! Нам не нужно было ни в прошлом, ни теперь что-либо наверстывать — ни в «гуманизме» вообще, ни в сфере прав человека, в частности, о которых так много распространяются в определенных кругах на Западе.

Между разрядкой, принципами Заключительного акта и гуманитарными вопросами имеется прямая взаимосвязь. Чем больше прогресс в области разрядки, тем больше и прогресс в гуманитарной области. Постоянное грубое вмешательство в наши внутренние дела отнюдь не способствует дальнейшему продвижению в урегулировании гуманитарных вопросов.

ГДР подошла к осуществлению Заключительного акта со всей серьезностью и с сознанием большой ответственности. Ныне нет ни одного раздела этого документа, по которому бы мы уже давно не осуществили соответствующие мероприятия или не приступили к этому. На этот счет давно имеются поддающиеся проверке доказательные данные, факты и цифры. Они достаточно внушительны и не уступают достигнутому другими.

Это полностью относится и к так называемой «третьей корзине» Заключительного акта. На этот счет я хотел бы привести лишь некоторые из множества доказательств. Заключительный акт, а также документы Белградской встречи изданы у нас миллионными тиражами. Изучение материалов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, его Заключительного акта включено у нас в учебные планы общеобразовательных школ, университетов и вузов. Что касается публикуемой в газетах и журналах информации, художественных и документальных фильмов, лицензий на издание книг, радио- и телепрограмм, то таких материалов ГДР берет у капиталистических стран почти в 6 раз больше, чем эти страны готовы брать у ГДР. После встречи в Хельсинки наметилась тенденция дальнейшего роста туризма. С 1976 по 1978 г. ГДР ежегодно посещали в среднем 17 млн. граждан других стран; это почти соответствует численности населения ГДР. Ежегодно 12 млн. граждан ГДР выезжают за границу, из них свыше 3 млн.— в несоциалистические страны.

Эти факты наглядно показывают, что у ГДР нет дефицита ни в обмене информацией, ни в контактах между людьми. Чтобы достичь уровня ГДР в общении с внешним миром, в области поездок за рубеж и приема иностранцев, США должны были бы — в соответствии с численностью населения — ежегодно разрешать въезд к себе почти 220 млн., ФРГ — 60 млн., а Франция — почти 54 млн. посетителей из-за границы.

Что касается прав человека, то положение в этой области не менее ясно. Высший принцип социализма состоит в том, что все усилия общества направлены на служение человеку. Социалистическое государство гарантирует и осуществляет основные

права человека. Выражением этого являются утвержденные VIII и IX съездами СЕПГ крупные мероприятия в области социальной политики, о чем сказано выше.

Среди утверждений западных средств массовой информации, направленных на дискредитацию результатов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, нередко встречается тезис о том, что оно дало социалистическим государствам больше, чем капиталистическим, будто в выигрыше оказались только социалистические государства. Такие заявления ничем не оправданы. Если исходить из того, что восемь социалистических государств вели переговоры с 27 капиталистическими государствами, то уже это соотношение показывает, что утверждение, будто Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе дало социалистическим странам односторонние выгоды, всего лишь мыльный пузырь. Известно, что результаты совещания носят компромиссный характер. Это отнюдь не означает стирания различий в идеологии и общественном строе участвовавших государств. Но этот компромисс выгоден и полезен всем участникам. Он заключает в себе выверенный баланс на основе взаимных уступок. Это было, впрочем, и общим мнением участников совещания. В беседах, которые я имел после совещания с политическими и государственными деятелями стран Европы, Азии и Африки, я вновь и вновь убеждался, что они разделяют наше мнение. Результатам совещания, разрядке нет альтернативы, если Европа хочет жить в мире и безопасности.

Для ГДР, как социалистического государства, стремление к миру, безопасности и разоружению с самого начала было основным принципом ее внешней политики. Решения съездов СЕПГ, шаги правительства и внешнеполитические документы ГДР, выступления руководящих деятелей нашей страны перед международной общественностью, в том числе и в ООН, свидетельствуют о настойчивом и постоянном стремлении ГДР внести свой вклад в укрепление мира и безопасности.

Совещание в Хельсинки было важным этапом, но не конечным пунктом. Оно положило начало многообещающему мирному сотрудничеству европейских государств. Как долгосрочная программа европейской безопасности, Заключительный акт предопределил главное направление дальнейших позитивных шагов и наметил ориентиры пути, по которому следует идти. Совещание содействовало налаживанию равноправного, взаимовыгодного международного сотрудничества. Результаты его налицо, в том числе и для ГДР. Поэтому в качестве Генерального секретаря ЦК СЕПГ и Председателя Государственного совета ГДР я неоднократно заявлял, что наша страна выполняет, будет и впредь выполнять хельсинкский Заключительный акт в соответствии с его духом и буквой. Мы придерживаемся обязательств, взятых на себя в тот августовский день 1975 г., когда поставили свою подпись под этим документом.

Переговоры в Хельсинки доказали, что и в сложных вопросах можно найти решения, выработать соответствующие компромиссы и прийти к общему согласию. К сожалению, политическая разрядка все еще не дополнена военной разрядкой, хотя Заключительный акт содержит важные исходные положения и на этот счет.

Именно в условиях Европы все более настоятельно проявляется необходимость продвигать вперед дело военной разрядки с той же ответственностью и решимостью, как это удалось в сфере политической разрядки. В Хельсинки я говорил: «С озабоченностью мы наблюдаем, что военная разрядка отстает от продвигающейся вперед политической разрядки. Продолжение гонки вооружений могло бы поставить под угрозу результаты политической разрядки, достигнутой с таким трудом. Германская Демократическая Республика считает, что в области разоружения и ограничения вооружений также необходимо договориться о решительных и эффективных мерах...» Развитие событий полностью подтвердило правильность этих слов.

После Хельсинки в мире с неослабевающей и даже возросшей силой продолжается ожесточенная борьба вокруг политики мирного сосуществования, ее сути и перспектив. Враждебные разрядке силы наращивают свое сопротивление. Нельзя не видеть многочисленные попытки подорвать общепризнанные принципы отношений между государствами, создать серьезную угрозу миру, вернуться к «холодной войне».

Уже в 1975 г. государства НАТО, сознавая все опасные последствия, решили модернизировать свое ядерное оружие в Европе, а в 1978 г. приняли так называемую долгосрочную программу развития вооружений. Принятое в декабре 1979 г. решение блока НАТО о производстве новых американских ядерных ракет среднего радиуса действия и их размещении в Западной Европе делает, как никогда, необходимой решительную защиту мира.

Вместо того чтобы осложнять или даже блокировать, взвинчивая гонку вооружений, путь к достижению положительных результатов в укреплении мира, необходимо держать этот путь открытым, закрепить и расширить все то, что было достигнуто. Не вооружаться, чтобы вести переговоры, а вести переговоры с целью разоружения — вот к чему стремятся социалистические страны.

В момент, когда Европа оказалась перед выбором, имеющим решающее значение для ее будущего, Л. И. Брежнев в своем выступлении на торжественном заседании в Берлине 6 октября 1979 г. по случаю 30-летия ГДР выдвинул советскую инициативу, указав народам конструктивный путь к обеспечению мира, прекращению гонки вооружений и разоружению. Либо политическая разрядка будет дополнена и закреплена военной разрядкой, либо будет начат новый раунд гонки вооружений со всеми вытекаю-

щими из этого обременениями и опасностями для народов. В этом — главный вопрос.

Вопреки всем предупреждениям о том, что решение НАТО разместить новые виды ракетного оружия средней дальности разрушило бы основу для переговоров и имело бы негативные последствия для отношений между Востоком и Западом, такое решение в Брюсселе было принято. Это укрепляет нашу решимость предпринять совместно с другими государствами Варшавского Договора все необходимое для обеспечения безопасности социалистических стран. Уже сегодня можно исходить из того, что блоку НАТО не удастся добиться превосходства, к которому он стремится, над государствами Варшавского Договора. Странам НАТО, и прежде всего, разумеется, США, не удастся помешать нашим дальнейшим усилиям по осуществлению процесса разрядки и разоружения, короче говоря, по обеспечению мира.

ГДР готова сотрудничать со всеми, кто хочет сохранить фундамент здания европейской безопасности и укреплять его. Большое значение для этого имело бы проведение совещания по военной разрядке в Европе, в котором приняли бы участие все государства, подписавшие Заключительный акт. Оно было бы подходящим форумом для того, чтобы согласовать программу конкретных мер доверия, а также шаги, направленные на уменьшение концентрации и сокращение вооруженных сил и вооружений в Европе.

32. Два германских государства

Как я уже отмечал, Германская Демократическая Республика строит свои отношения с капиталистическими государствами на принципах мирного сосуществования. Это касается и ее отношений с Федеративной Республикой Германии. При этом речь идет не только о двусторонних интересах, а о многих вопросах мира и безопасности всех европейских народов в наши дни и в будущем. Ведь оба германских государства расположены в таком районе противостояния, где решается вопрос о войне и мире. И ГДР и ФРГ являются прочными составными частями двух диаметрально противоположных общественных систем: ГДР — социалистической, ФРГ — капиталистической, а также своих союзнических организаций — соответственно Варшавского Договора и НАТО.

Именно этим обусловлена большая ответственность, лежащая на партийном и государственном руководстве ГДР. В центре нашего внимания постоянно находятся как интересы социалистического строительства в нашей стране, так и необходимость обеспечения мира и безопасности на всем европейском континенте. Поэтому мы делаем все, чтобы оба германских государства путем нормализации своих взаимоотношений активно содействовали укреплению мира в Европе.

Во второй мировой войне отдали свои жизни 20 млн. людей Страны Советов, многие сыновья и дочери народов Польши, Югославии, Франции, Великобритании, США и других стран. Проявив героизм, ценой больших жертв, они покончили с фашистским варварством. Но они вели борьбу не только ради этой победы, но и чтобы навсегда покончить с источниками агрессивной политики германского империализма и заложить фундамент мирной Европы. Этим жизненно важным интересам народов служит внешняя политика Германской Демократической Республики. В этом ГДР едина с Советским Союзом и другими социалистическими государствами и действует вместе с ними.

Если подытожить изменения, происшедшие в отношениях между ГДР и ФРГ в 70-е годы, и сравнить с обстановкой 50-х и 60-х годов, когда правящие круги ФРГ своей реваншистской и агрессивной политикой не раз доводили дело до грани войны, то не следует недооценивать происшедших позитивных перемен. Изложенная мной по поручению Центрального Комитета на VIII съезде СЕПГ в 1971 г. концепция нормализации отношений с ФРГ оказалась верной, реалистичной и привела к успеху. Я заявил тогда: «Германская Демократическая Республика заявляет о своей готовности установить нормальные дипломатические отношения со всеми государствами. При этом мы исходим из равноправия всех

государств и руководствуемся само собой разумеющимся принципом, согласно которому каждое государство так же уважает суверенитет ГДР, как ГДР, со своей стороны, полностью уважает суверенитет других государств... Германская Демократическая Республика по-прежнему выступает за установление на основе международного права нормальных отношений также и с ФРГ».

Мы исходим из того, что на земле бывшего германского рейха возникли два в корне различных, независимых друг от друга, суверенных государства с противоположным общественным строем, между которыми существуют непреодолимые социально-экономические, политические и идеологические расхождения. Их взаимоотношения могут строиться — как и отношения между другими социалистическими и капиталистическими государствами — только на основе принципов мирного сосуществования в соответствии с нормами международного права. Это имеет особое значение для отношений между двумя германскими государствами. Ведь влиятельные силы в ФРГ в своих попытках ликвидировать наш социалистический строй делают ставку на использование таких исторически обусловленных факторов, как одинаковое национальное происхождение, общий язык, общие история и культура, а также обусловленные прошлым государственным единством Германии родственные связи.

Однако мы считали, что на основе норм международного права и принципов мирного сосуществования возможно и следует наладить равноправное и взаимовыгодное сотрудничество с ФРГ и тем самым внести вклад в дело разрядки, добрососедского сотрудничества, в дело обеспечения прочного мира.

Мы также считали необходимым четко и ясно заявить о том, к чему привело послевоенное развитие в национальном вопросе. Анализируя происходившие после 1945 г. на немецкой земле процессы, я отмечал: «Что касается национального вопроса, то история уже вынесла свое решение... В противоположность ФРГ, где продолжает существовать буржуазная нация и где национальный вопрос определяется непримиримым классовым противоречием между буржуазией и трудовыми массами... у нас в ГДР, в социалистическом немецком государстве, развивается социалистическая нация».

Это подтвердилось становлением и развитием обоих германских государств. Чтобы сохранить и упрочить мир и безопасность в Европе, следует исключить любые новые «великогерманские амбиции». В этом с нами, несомненно, согласны все народы, знающие по своему горькому опыту, что такое политика империалистической Германии.

В своей концепции нормализации отношений с ФРГ мы исходили из того, что в конце 60 — начале 70-х годов созрели условия, которые позволяли осуществить и в этих отношениях поворот к разрядке, к мирному сосуществованию. Следовало использовать

этот шанс. Мы также учитывали и факт подписания в 1970 г. договоров СССР и ПНР с ФРГ, а также четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Шла подготовка Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Эти важные шаги служили делу разрядки, и в этом плане нормализация отношений между ГДР и ФРГ имела бы, конечно, большое значение.

Без решения этой задачи процесс разрядки в Европе не мог быть продвинут вперед. Важной предпосылкой для этого было международно-правовое признание результатов второй мировой войны и послевоенного развития на немецкой земле. Эти мотивы определили наши действия. В ходе переговоров с Советским Союзом, которые я был уполномочен вести в связи с подготовкой четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, мы внесли свой вклад в достижение этого соглашения. В декабре 1971 г. между ГДР и ФРГ было заключено соглашение о транзитном сообщении между ФРГ и Берлином (Западным) и в том же месяце достигнуты договоренности между ГДР и сенатом Западного Берлина. От нас исходила инициатива, приведшая к заключению в мае 1972 г. первого межгосударственного договора между ГДР и ФРГ — транспортного договора. Эти соглашения позволили нормализовать отношения в некоторых областях.

Однако кроме этого было необходимо урегулировать основополагающие вопросы отношений между обоими германскими государствами. 18 апреля 1972 г. я выдвинул от имени ГДР конкретные предложения, заявив о готовности нашего государства приступить после ратификации договоров СССР и ПНР с ФРГ к обмену мнениями об установлении нормальных отношений между обоими германскими государствами и выработать необходимые для этого международно-правовые договоренности. Таким путем, заявил я, можно было положить начало процессу, «который приведет к мирному сосуществованию ГДР и ФРГ, к нормальным добрососедским отношениям с перспективой развития их сотрудничества в интересах мира, в интересах граждан обоих государств».

После чрезвычайно сложных, проходивших в период предвыборной борьбы в ФРГ переговоров, в ходе которых заходивший в тупик обмен мнениями вновь оживлялся в результате того или иного жеста доброй воли с нашей стороны, в декабре 1972 г. был заключен Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ. Этим договором — и в этом прежде всего состоит его значение — была создана международно-правовая основа для нормализации отношений в духе мирного сосуществования. Оба государства взяли на себя обязательство строить свои двусторонние отношения на основе равноправия, суверенного равенства, уважения независимости, самостоятельности и территориальной целостности, права на самоопределение, соблюдения прав человека и недопущения дискриминации, т. е. на основе принципов международного права, зафиксированных в Уставе ООН. Оба государства подтвердили

нерушимость существующей между ними границы. С обеих сторон было заявлено, что ни один из партнеров не может представлять другого в международных отношениях или действовать от имени другого. Каждый обязывался уважать независимость и самостоятельность другого в его внутренних и внешних делах. В договоре и дополняющих его документах обе стороны заявили о своем намерении развивать сотрудничество в ряде практических областей и содействовать этому сотрудничеству. Они обязались вносить свой вклад в развитие мирных отношений между европейскими государствами, в укрепление безопасности и развитие сотрудничества в Европе, содействовать усилиям по ограничению вооружений и разоружению.

Эти принципы и договоренности, закрепленные в Договоре об основах отношений,— и обойти их стороной никому не дано — составляют нерушимую деловую основу отношений между обоими германскими государствами. Когда этой основы строго придерживались обе стороны, становились возможными дальнейшие позитивные шаги в развитии сотрудничества. Но когда предпринимались попытки подорвать или нарушить эту основу, то неизбежно возникали осложнения и обременения.

Мы выступаем за такое развитие отношений с ФРГ, которое было бы свободным от обострений и осложнений. Поэтому я всегда стремился продвинуть дело вперед. Хотя реакция другой стороны на наши предложения зачастую была противоречивой и не оправдывала наши ожидания, а наша готовность идти навстречу нередко наталкивалась на необоснованные новые требования, мы не отступаем от своей концепции и настойчиво продолжаем работать.

В этой связи вспоминается моя первая встреча с федеральным канцлером Г. Шмидтом в 1975 г. в Хельсинки. Я использую также и другие возможности для контактов с канцлером и министрами федерального правительства, с председателями парламентских фракций в бундестаге, как, например, с Гербертом Венером и Вольфгангом Мишником в 1973 г., а также с другими видными политическими деятелями ФРГ, чтобы обсудить дальнейшие шаги по нормализации отношений или устранить препятствия, возникающие на пути к этому.

Оценивая результаты наших усилий по налаживанию нормальных отношений с ФРГ, не могу не упомянуть, что на каждое продвижение вперед определенные, весьма влиятельные круги ФРГ вновь и вновь отвечали открытыми выпадами, клеветой и провокациями против ГДР. Поэтому ряд возможностей налаживания добрососедских отношений с ФРГ не мог быть использован полностью. В принятой на IX съезде СЕПГ Программе нашей партии вновь была четко изложена стратегическая концепция нашей политики в области отношений с ФРГ. Там указывается, что отношения между социалистической Германской Демократической Республикой и капиталистической Федеративной Республикой

Германии развиваются как отношения между суверенными государствами с различным общественным строем на основе принципов мирного сосуществования и норм международного права. Ввиду коренной противоположности общественного строя Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии, говорится в программе, только политика взаимного уважения суверенитета может содействовать дальнейшей нормализации отношений и мирному сосуществованию обоих государств, деловому, равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству в интересах мира.

Такая постановка вопроса отвечает реальностям. В то же время этим решительно преграждается дорога всем, кто все еще думает, что можно не уважать суверенные права и интересы ГДР.

Разумеется, сложные проблемы, которые были нагромождены в период длившейся десятилетия «холодной войны» в отношениях между обоими германскими государствами, нельзя устранить одним махом. Каждый шаг вперед предполагает взаимное уважение законных интересов обеих сторон. Он требует определенного сбалансирования интересов. Но ведь целью политики мирного сосуществования как раз и является урегулирование спорных проблем мирным путем, по-деловому, на основе равноправия и взаимного уважения. При этом не следует оставлять без внимания реалистических соображений другой стороны. На этом пути достигнуто немало, хотя сотрудничество обоих германских государств, например в деле разоружения, все еще оставляет желать лучшего.

Большое значение я придаю подписанному 28 ноября 1978 г. межправительственному протоколу о маркировке границы между обоими государствами. Строгое уважение территориальной целостности государств и неприкосновенности границ — непременная предпосылка мира, безопасности и добрососедского сотрудничества. В особой мере это относится к отношениям между соседними государствами, которые находятся в таком положении, как ГДР и ФРГ. Ввиду того, что наша западная государственная граница десятилетиями подвергалась открытым наскокам реваншистских сил, а определенные круги в ФРГ и поныне не отказались от своих хотя и иллюзорных, но опасных надежд все же добиться когда-нибудь пересмотра этой границы, нельзя недооценивать политического значения договоренности о маркировке границы. Вопреки самым различным толкованиям, она четко подтвердила характер этой границы как государственной границы, в отношении которой действуют международно-правовые нормы. Тем самым были созданы более благоприятные условия для лучшего обеспечения безопасности границы.

Ныне договоренности о деловом, взаимовыгодном сотрудничестве охватывают уже весьма значительные области. Кроме соглашения о транзитном сообщении и транспортного договора, подпи-

саны соглашения в области здравоохранения, почтово-телеграфной связи и по другим вопросам. Ведутся переговоры о заключении других соглашений. Первые взаимные визиты министров обоих государств свидетельствуют о возможностях налаживания дальнейшего сотрудничества.

Международно-правовое урегулирование транспортных проблем, естественно, оказывает большое влияние на развитие добрососедского сотрудничества. Это относится также и к отношениям между обоими германскими государствами. Предпосылкой соответствующих урегулирований является, однако, строгое взаимное уважение суверенных прав партнера в отношении его коммуникаций. Исходя из этого, в 1975 г. была достигнута договоренность об участии ФРГ в финансировании реконструкции автострады ГДР на участке Берлинское кольцо — Мариенборн, по которому осуществляется значительная часть транзитных перевозок между Западным Берлином и ФРГ. К настоящему времени обязательства сторон по этому соглашению уже выполнены. В 1978 г. были достигнуты новые договоренности по комплексу вопросов транспортного сообщения, в том числе об участии ФРГ в финансировании строительства на территории ГДР автострады в направлении Гамбурга, а также по реконструкции транзитных водных коммуникаций в ГДР. В 1979 г. мы договорились об облегчениях в области автодорожного сообщения.

Определенные круги ФРГ преднамеренно утверждают, будто указанные соглашения дают односторонние выгоды ГДР. Однако факты свидетельствуют о другом. Все договоренности основываются на принципе сбалансированности взаимных обязательств. Они были достигнуты с учетом интересов каждой из сторон. Было бы наивным предполагать, что капиталистическая ФРГ намерена участвовать в финансировании строительства социализма в нашей стране. Она сотрудничает в сооружении в ГДР объектов, в которых явно заинтересована. При этом речь идет о проектах, которые поначалу не предусматривались народнохозяйственными планами ГДР. То, что делает ФРГ, покрывает лишь часть немалых расходов, которые приходится нести нашему государству. И если при этом для нас и возникают дополнительные обременения, я рассматриваю подобные договоренности прежде всего как вклад в разрядку, в создание во взаимоотношениях такой атмосферы, которая содействовала бы добрососедскому сотрудничеству.

Как подтверждает опыт последних лет, отношения, строящиеся в соответствии с закрепленными в Договоре об основах отношений и хельсинкском Заключительном акте принципами, благоприятствуют также и реализации пожеланий и интересов граждан в обоих германских государствах. В течение 70-х годов число поездок граждан ГДР в ФРГ и граждан ФРГ в нашу страну значительно возросло, достигнув определенной стабильности на довольно высоком уровне. В 1976—1978 гг. в ГДР ежегодно приезжало

более 7,5 млн. граждан из несоциалистических стран, среди них — более 3 млн. граждан ФРГ. В нашу страну ежегодно приезжали свыше 3,3 млн. жителей Западного Берлина. Из более чем 3 млн. граждан ГДР, ежегодно выезжавших в несоциалистические страны, почти 1,4 млн. направлялись в ФРГ и Западный Берлин.

Эти цифры показывают, что компетентные органы ГДР проявляют весьма широкий подход к рассмотрению обращений граждан с просьбами о посещении родственников в ФРГ и Западном Берлине, в том числе по неотложным семейным обстоятельствам. Несмотря на враждебную пропаганду против нас именно по так называемым гуманитарным вопросам, несмотря на неоднократные действия, угрожающие безопасности нашего государства и его граждан, мы продвинулись в этой области до предела возможного в нынешних условиях.

Многое делается нами для решения проблем, связанных с воссоединением семей. Лишь с 1 июля 1977 г. по 30 июня 1978 г. 15 тыс. граждан ГДР получили разрешение переселиться в ФРГ и в Западный Берлин. Но решение этих вопросов — в любом другом государстве порядок тот же самый — находится исключительно в нашей компетенции.

Неплохо развивались в последние годы наши торгово-экономические отношения с ФРГ. С 1972 по 1979 г. товарооборот, включая услуги, возрос с 5,2 млрд. валютных марок до почти 9 млрд. валютных марок. Таким образом, ФРГ является нашим крупнейшим торговым партнером среди развитых капиталистических государств. В этом торговом обмене участвуют около 6 тыс. фирм ФРГ. Мы все сильнее ощущаем большую заинтересованность в стабильных экспортных поставках в ГДР. Накопленный положительный опыт и достигнутые результаты, особенно в реализации долгосрочных договоренностей о поставках крупных промышленных установок на компенсационной основе, в том числе в области металлургии и химии, доказывают, что это сотрудничество выгодно обеим сторонам. Как неоднократно отмечалось в ФРГ, оно обеспечивает работой тысячи западногерманских рабочих и служащих.

В беседах с представителями ведущих концернов ФРГ на Лейпцигской ярмарке я неоднократно подтверждал, что мы заинтересованы в расширении торговли и развитии прогрессивных форм экономического и научно-технического сотрудничества на взаимовыгодной основе, в том числе сотрудничества на рынках третьих стран. Для дальнейшего расширения нынешнего объема этих экономических отношений необходимы прежде всего новые шаги со стороны ФРГ, которые гарантировали бы взаимность и сбалансированность экспорта обеих стран. Убежден, что дальнейшее расширение на основе взаимной заинтересованности экономических отношений ГДР с ФРГ, как и с другими капиталистическими странами, было бы полезным для всех сторон.

Если все имеющиеся результаты в деле нормализации отношений между ГДР и ФРГ привести к общему знаменателю, то можно сказать, что, следуя курсом мирного сосуществования, мы достигли многого. Это положительно отразилось и на разрядке, и на обеспечении мира в Европе. Если же обратиться к нерешенным вопросам, то, проявляя столь же реалистический подход, следует отметить, что мы еще далеки от широкой нормализации отношений.

Кроме того, отношения между нашими государствами вновь и вновь подвергаются сильным и с нашей точки зрения совершенно излишним обременениям и осложнениям, причины которых обусловлены отнюдь не нашей политикой. Со времени ратификации Договора об основах отношений в 1973 г. в ФРГ делалось немало попыток исказить договор путем одностороннего, противоречащего его содержанию толкования, выхолостить его, подрывать его на практике. Принятое в 1973 г. решение федерального конституционного суда ФРГ содержит обоснования и толкования, которые в решающих, коренных вопросах явно противоречат букве и духу договора. В этом решении, например, оспаривается граница нашего суверенного социалистического государства, которая вопреки международному праву приравнивается к внутренним границам, существующим между федеральными землями ФРГ. Подобные реваншистские позиции, конечно, не могут изменить что-либо в содержании договора и в существующих реальностях, но они постоянно осложняют отношения между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой.

Обязательный характер носит лишь сам Договор об основах отношений, дополняющие его документы и другие заключенные после этого договоры и соглашения. Односторонние толкования в духе «особых внутригерманских отношений» и «открытого германского вопроса» не имеют международно-правовой силы. Определяющее значение для толкования договоров имеют только принципы международного права, а оно, как известно, стоит над правом земель.

В ФРГ имеются влиятельные силы, которые никак не хотят смириться с существованием ГДР и с социализмом в нашей стране. Видя, что изменить эти исторические факты в короткий срок невозможно ни при каких обстоятельствах, они действуют в долгосрочном плане. Но как теперь, так и в долгосрочном плане мир может быть обеспечен лишь при условии, если исходить из действительности, из реального существования двух германских государств и непреложного факта, что ГДР — суверенное, равноправное и получившее широкое международное признание государство. Наша республика — член ООН и ее специализированных организаций. Большинство стран мира поддерживают с ней дипломатические отношения.

За истекшие 30 лет принципиальное различие общественных систем ГДР и ФРГ становилось все более отчетливым. Оба государства являются также членами принципиально различных союзов. Поэтому нет иного пути, кроме развития их взаимоотношений без каких-либо оговорок на основе международного права и принципов мирного сосуществования. Любые другие представления — иллюзорны.

Одно замечание по вопросу о гражданстве ГДР. Там, где наши проблемы мало знакомы, содержание и смысл борьбы вокруг этого вопроса могут показаться и не совсем понятными. Если бы дело зависело от нас, то в вопросе о гражданстве не было бы никаких спорных проблем. Требуется лишь одно — чтобы ФРГ строго исходила из существования двух независимых и суверенных германских государств и народов, из того, что граждане каждого из этих государств имеют соответствующее гражданство.

Я выступал за то, чтобы зафиксировать это положение уже в Договоре об основах отношений. Но другая сторона не шла на это. Мы выразили тогда надежду, что договор облегчит поиск удовлетворительного решения данного вопроса. Однако никакого сдвига в этом отношении не произошло. ФРГ настойчиво придерживается своей основанной на дискриминации ГДР позиции так называемого «единого немецкого гражданства», которую она пытается обосновать ссылкой на свою «обязанность заботиться об интересах всех немцев». ФРГ не готова уважать гражданство ГДР. При этом речь идет вовсе не о каких-то теоретических или чисто юридических вопросах. Как показывает практика, речь идет о, пожалуй, единственном в отношениях между двумя суверенными государствами случае отказа одного из них уважать суверенитет другого, т. е. суверенитет нашего государства, и о вмешательстве в его внутренние дела. И разве ГДР не проявляла в этих условиях выдержку, делая, несмотря на это, разносторонние шаги по развитию сотрудничества с ФРГ?

Дальнейшее развитие отношений между обоими германскими государствами неотделимо от важнейших задач мировой политики, от активных усилий по прекращению гонки вооружений и конкретных шагов по разоружению. И вряд ли нужно доказывать, что проводимая НАТО (а ФРГ является членом этого союза) политика сверхвооружений, направленная на изменение военного равновесия между Востоком и Западом с целью получения односторонних преимуществ в свою пользу, поспешные переходы от одного нового типа вооружений к другому не могут не вести к обострению военной конфронтации. Это создает серьезную угрозу миру. И наоборот, уменьшение конфронтации и дополнение политической разрядки военной разрядкой являются актуальной задачей международной политики. Основные тенденции этих процессов в немалой степени определяют и атмосферу отношений между обоими германскими государствами.

Заботой о мире и безопасности в Европе было продиктовано и мое заявление в речи по случаю 30-летия ГДР: «Как гражданам ГДР, так и гражданам Федеративной республики нужно не размещение ракет среднего радиуса действия в западноевропейских государствах НАТО, а сотрудничество обоих германских государств по вопросам разоружения и в духе политики мирного сосуществования». Исходя из этого, ГДР заявила о своей готовности решить с правительством ФРГ вопросы, от которых зависит продвижение в деле обеспечения мира и разоружения. Вклад обоих германских государств в решение этих вопросов открыл бы также новые перспективы для развития их двусторонних отношений.

Форсирование гонки вооружений, вместо ее прекращения и дополнения политической разрядки разрядкой военной, вместо укрепления доверия, наносит самый серьезный вред разрядке и подрывает процесс углубления взаимного доверия. И если в результате наступит ухудшение общей политической и военно-стратегической обстановки, это неизбежно отразится на отношениях между ГДР и ФРГ.

Пропагандистская кампания о якобы существующей «угрозе с Востока» — не что иное, как попытка ввести в заблуждение общественность. Такой угрозы не существует. Политика Советского Союза, ГДР и других социалистических стран направлена на создание атмосферы, отвечающей стремлению людей к миру и безопасности для себя, для своих детей, для своей родины, для Европы. В соответствии с этим ГДР выступает за дальнейшую нормализацию отношений с ФРГ и расширение сотрудничества с ней.

Весь опыт нашего времени подтверждает, что мирному сосуществованию нет разумной альтернативы,— это относится и к отношениям между обоими германскими государствами. Как и в прошлом, мы будем твердо придерживаться этой линии. Мы будем стремиться к тому, чтобы оба государства жили в условиях прочного мира и уважали друг друга, чтобы между ними были добрососедские отношения. При этом мы исходим из интересов нашей страны и по-прежнему готовы пойти навстречу там, где это служит интересам дела.

33. От Манилы до Гаваны

В течение 70-х годов я совершил поездки в ряд стран Африки, Азии и Латинской Америки, т. е. на континенты, народы которых в результате длившейся чаще всего столетиями и стоившей бесчисленных жертв борьбы против колониального, национального и расового угнетения обрели свободу. В ходе этих поездок я вновь убедился в том, что знания, почерпнутые из анализов, отчетов и другой информации, не могут заменить личных впечатлений.

Социализм начинает утверждаться и на четвертом континенте. Увиденное мною в Африке укрепило это убеждение. В ноябре 1979 г. мы вместе с председателем Временного военного административного совета и председателем Совета Министров Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом заложили в Аддис-Абебе первый на африканском континенте памятник Карлу Марксу. Это было символом неудержимого хода истории, общие законы которой открыли Карл Маркс и Фридрих Энгельс, предсказавшие ее дальнейшее развитие. Этот путь ведет человечество в социалистическое будущее.

Значение солидарности я познал уже в ранней молодости, прежде всего во время подпольной борьбы против фашизма и в годы, проведенные в фашистских тюрьмах. Солидарность рабочих между собой и солидарность со всеми, кто ведет борьбу за свободу, за права человека и общественный прогресс,— характерная черта революционного рабочего движения, присущая ему с давних пор.

Поэтому совершенно естественно, что три десятилетия назад и эта пролетарская традиция стала составной частью фундамента, на котором мы создали свое государство. Это было нечто совершенно новое в истории нашего народа. Возникло немецкое государство, поставившее перед собой не империалистические, колониальные и расистские цели, а с первого часа своего существования решительно выступающее на стороне народов, борющихся за свое национальное и социальное освобождение. Ныне Германская Демократическая Республика — страна, которая всемерной политической, моральной и материальной поддержкой борьбы народов Африки, Азии и Латинской Америки снискала себе уважение во всем мире.

Поездки в молодые государства Азии, Африки и Латинской Америки обогатили меня важным опытом. Они помогли мне глубже понять сложные многообразные проблемы борьбы за национальное и социальное освобождение. Они также укрепили мою убежденность в том, что сколь различными ни были бы исходное положение, исторические и географические факторы, культурные традиции и политический опыт, жизненно важные для всех этих

народов вопросы могут быть решены лишь на путях последовательного общественного прогресса. Тот факт, что освободившимся национальным государствам приходится давать отпор беспрерывным посягательствам со стороны внутренней контрреволюции и внешних неоколониалистских сил, убеждает их в том, что свою независимость и суверенитет они могут обеспечить и укрепить лишь при условии, если они освободятся от всех форм эксплуатации. Большинство этих государств приступает к построению общества, в котором, как отмечали Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Все народы, сбросившие многовековое иго колониализма и ведущие борьбу за новую жизнь, мы считаем союзниками в борьбе за обновление бытия человечества. Национально-освободительные революции мы рассматриваем как одно из самых значительных общественных движений нашей эпохи. Социалистический мир и национально-освободительные движения объективно являются естественными союзниками. Мы стремимся к общей цели — обеспечить мир, добиться независимости, самоопределения и социального прогресса. Мы солидарны со стремлением всех народов к национальной независимости, экономическому и социальному подъему, к общественному прогрессу.

Развивая и расширяя связи с добившимися национального освобождения государствами и национально-освободительными движениями, мы оказываем им поддержку в борьбе за экономическую независимость. Мы считаем необходимым изменить устаревшее международное разделение труда, которое низводит эти страны до положения объектов эксплуатации международными монополиями. Поэтому мы выступаем за установление справедливых международных экономических отношений. Мы крепим союз с неприсоединившимися странами, являющимися позитивной силой в международных отношениях, в борьбе за мир, безопасность и мирное сосуществование.

Подтверждение этим принципиальным соображениям я получил в ходе визитов государственных делегаций ГДР и в такие страны, как Филиппины и Индия. По приглашению президента Фердинанда Маркоса я в декабре 1977 г. посетил Республику Филиппины. Хотя этот продолжавшийся три дня визит был краток, он тем не менее дал возможность получить представление об усилиях, предпринимаемых этой страной Юго-Восточной Азии для обеспечения своей независимости и суверенитета. Она уже сделала важные шаги по развитию национальной экономики. Очевидны также и сложные экономические проблемы, например высокий уровень безработицы. Этим, вероятно, не в последнюю очередь был обусловлен живой интерес к ГДР, проявленный нашими хозяевами, которых особенно интересовали причины высокого уровня, стабильности и динамизма развития нашей экономики.

Население Манилы оказало нам сердечный прием. Супруга президента и губернатор Манилы Имельда Р. Маркос ознакомила нас с впечатляющими достижениями и с проблемами, возникающими в ходе превращения столицы Филиппин в крупный современный город. Мы осмотрели культурные и социальные учреждения, а также знаменитый музей под открытым небом «Найонг Пилипино», дающий живое представление о разнообразных природных условиях 7 тыс. островов, формах производства, обычаях и культурных традициях их жителей.

В заключение президент Маркос выразил признательность за наш визит в словах, которые значили больше, чем просто протокольная вежливость. Оценивая визит, президент говорил о «необычном опыте», о совершенно новой практике эффективного ведения нашей делегацией переговоров без каких-либо проявлений протекционизма и национализма, что произвело на него большое впечатление. С Республикой Филиппины, установившей лишь за несколько лет до этого дипломатические отношения с социалистическими государствами, мы заключили в итоге бесед экономические соглашения, которые, несомненно, являются важным вкладом в углубление и расширение сотрудничества между нашими странами.

В июле 1976 г. в ГДР с официальным визитом находилась премьер-министр Республики Индии Индира Ганди. Она назвала его «визитом дружбы». Во время пребывания в нашей стране Индира Ганди решительно высказалась за мирное сосуществование, разрядку и разоружение, за углубление дружбы и сотрудничества между нашими народами и странами. Когда Индира Ганди после победы ее партии — Индийского национального конгресса (И) — в январе 1980 г. вновь заняла пост премьер-министра, я направил ей сердечное поздравление и передал наилучшие пожелания успехов в ее ответственной деятельности. В ответном послании Индира Ганди писала: «Разделяю Вашу уверенность, что дружба между нашими странами получит в ближайшие годы дальнейшее развитие и оба наших народа смогут извлечь пользу из нашего сотрудничества. Хотела бы заверить Вас, что мое правительство будет действовать в этом духе, а также направлять свои усилия на упрочение мира во всем мире».

В январе 1979 г. я посетил Республику Индию. Этот визит состоялся по приглашению президента Индии Нилама Санджива Редди. Еще в 20-х годах я, будучи молодым коммунистом, участвовал в акциях, проводившихся КПГ в поддержку индийского национально-освободительного движения. История отношений между нашими народами богата примерами взаимодействия гуманистических и прогрессивных сил немецкого народа с борцами за свободу и независимость Индии. В ходе многочисленных встреч и бесед мы вновь и вновь убеждались в том, с каким живым интересом воспринимают наши дружественные связи самые различные слои населения этой страны.

Огромное впечатление производят великолепные памятники культуры и исторических достижений индийского народа, и в то же время потрясают свидетельства преступлений колониализма. Хотя ему удалось сковать и парализовать творческие силы страны, но он не смог уничтожить их. Доказательством этого стало ознакомление с высшими технологическими достижениями центра ядерных исследований имени Х. Баба близ Бомбея. Колониализм — не «историческая случайность», и это знают люди в Индии. Махатма Ганди учил их понимать это. У мемориала Радж Гхат мы почтили его память.

В беседах с индийскими руководителями и в поездке по Индии мы смогли ближе познакомиться с большими проблемами этой огромной, завоевавшей национальную свободу страны, идущей по пути капиталистического развития, что не мешает нам развивать весьма плодотворное сотрудничество с ней, которое полезно и выгодно обеим сторонам. Несмотря на различия политических и социальных систем, в принятом в заключение визита Совместном заявлении мы констатировали совпадение мнений как по значительному кругу вопросов углубления двусторонних отношений, так и по главным международным вопросам.

В начале визитов партийно-государственной делегации ГДР в ряд африканских стран в феврале 1979 г. я впервые непосредственно познакомился с Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией, исламской страной, с которой нас связывают прочные многолетние традиции совместной борьбы. В ходе бесед с Муамаром Каддафи возникло много соображений относительно налаживания долгосрочного, отвечающего взаимным интересам сотрудничества между нашими государствами и народами. Теперь они уже находятся в стадии реализации.

Наши ливийские друзья подробно изложили нам свою точку зрения по жизненно важным для арабских народов вопросам, относительно права палестинского народа возвратиться на свою родину и создать собственное независимое государство. Арабские народы не хотят более оставаться жертвами империалистической агрессии, аннексий и унижения. С нашей стороны была вновь подтверждена полная солидарность с их справедливой борьбой. Мы действуем в соответствии с этим. Поэтому понятно, что ливийский народ рассматривает социалистические государства как своих стратегических союзников в деле своего национального развития.

Во время пребывания в Ливии на нас произвели большое впечатление усилия ее руководства, направленные на использование ливийских нефтяных богатств в целях коренного преобразования страны и жизни населения. Столица страны — Триполи произвела на нас впечатление огромной строительной площадки, на которой растут жилые дома, школы, предприятия, культурные учреждения. В бывшей «Долине смерти» в Ливийской пустыне мы уви-

дели, как благодаря орошению, освоению земель, строительству современных деревень возникла «Долина жизни».

В совместном заявлении мы с Муамаром Каддафи зафиксировали договоренность о подготовке Договора о дружбе и сотрудничестве между Ливией и ГДР. С тех пор значительно расширился обмен экономическими делегациями, учеными, инженерами и техниками, артистами, спортсменами, врачами. Можно сказать, что наши страны и народы еще больше сблизились.

Воспоминания о моем визите в Народную Республику Ангола в феврале 1979 г. еще и сегодня будят во мне чувство боли в связи с безвременной кончиной президента страны Агостиньо Нето. Нас связывала личная дружба, возникшая еще в то время, когда он руководил освободительной борьбой против колониального господства. Политическая дальнозоркость и государственная мудрость, глубокое понимание бедствий ангольского народа и его стремления к лучшему, приверженность делу прогресса нашли отражение и в стихотворениях Агостиньо Нето. Он внес огромный вклад в борьбу за независимость Анголы, в защиту свободы от иностранной агрессии и внутренней контрреволюции, в строительство новой жизни.

Мы убедились в том, какие усилия молодая МПЛА — Партия труда предпринимает для решения стоящих перед страной сложных проблем. Осматривая предприятия и порт в столице Анголы — Луанде, мы видели, какие трудности приходится преодолевать в развитии экономики в условиях такой страны. Колонизаторы держали народ в невежестве; они препятствовали возникновению собственной ангольской технической интеллигенции. Когда же им пришлось срочно убираться восвояси, то они вывезли и своих инженеров, техников и специалистов.

Ангола, несомненно, относится к числу самых богатых стран Африки. Чтобы использовать свои богатства, ей крайне необходимы технические и научные кадры. С тем большей радостью мы услышали о том, что специалисты из ГДР и молодежные бригады дружбы ССНМ — «послы в голубых рубашках», как мы их иногда называем,— успешно оказывают ангольским друзьям большую помощь в подготовке таких кадров.

Дружба между ГДР и странами Африки свободна от конъюнктурных соображений и национального эгоизма. Глубокие корни этой дружбы уходят в историю ее становления. Мы были на стороне наших друзей уже задолго до их победы в освободительной борьбе. Когда мы говорим о помощи развивающимся странам, то имеем в виду помощь в подлинном смысле этого слова, так мы ее и оказываем. Мы помогаем дружественным народам создать основу, на которой они могли бы управляться собственными силами, помогаем им решать их проблемы. Поэтому мы оказываем им поддержку прежде всего в подготовке и обучении кадров в самых различных областях. Угнетавшиеся в прошлом народы очень тонко

чувствуют подлинную дружбу, чутко улавливают, кто действительно уважает их интересы, а кто лишь лицемерит. Их слишком долго обманывали при колониализме. Они прекрасно разбираются в том, кто только говорит о правах человека и кто действительно осуществляет их. В этом весь секрет.

Сердечный прием оказали нам руководители и население как Анголы, так и других прифронтовых государств на юге Африки. С президентом Республики Замбии Кеннетом Каундой у нас сразу же установились отношения взаимопонимания и доверия. Хотя во время визита в Замбию я встретился с ним впервые, у меня было такое чувство, что я уже давно знаком с ним. Наши беседы об углублении двусторонних отношений, а также по вопросам сотрудничества на международной арене были исключительно плодотворными. Это подтвердили Совместное заявление и ряд подписанных соглашений.

Экономика Замбии сильно зависит от экспорта меди, а неблагоприятное географическое положение страны, не имеющей выхода к морю и собственных коммуникаций, связывающих ее с внешним миром, всячески используется с целью попыток шантажировать руководство страны противниками развития Замбии по пути укрепления национальной независимости и прогресса. Тем более высокой оценки заслуживает последовательная позиция президента Каунды, неизменно проявляющего солидарность с освободительными движениями на юге Африки, особенно народа Зимбабве, и оказывающего им поддержку.

Во время пребывания в Республике Замбии мы посетили Дом свободы, где работает Генеральный секретарь Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП). Перед зданием нас с подлинно африканским темпераментом приветствовала толпа людей. Выступив с краткой речью, я заверил их в нашей тесной солидарности с борьбой народов Африки против империализма, неоколониализма и расизма. Президент Каунда и Генеральный секретарь ЮНИП Майнза Чона сказали мне позже, что этот стихийный митинг граждан Лусаки продемонстрировал нечто важное. Когда глава государства — человек с белым цветом кожи — столь решительно солидаризируется с освободительной борьбой народов Африки, то друзей и врагов уже нельзя определять по цвету кожи. Нужно судить по политическим действиям.

В ходе визитов в африканские прифронтовые государства в феврале 1979 г. мы встретились с руководителями освободительных движений на юге Африки, нашими старыми добрыми друзьями. В беседах с президентом Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) из Намибии Сэмом Нуйомой, председателем Африканского национального союза Зимбабве (ЗАНУ) и сопредседателем Патриотического фронта Зимбабве Робертом Мугабе, председателем Союза африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) и сопредседателем Патриотического фронта Зимбабве Джошуа

Нкомо, а также с председателем Африканского национального конгресса Южной Африки (АНК) Оливером Тамбо мы заявили, что ГДР и впредь будет оказывать всяческую помощь их народам в справедливой борьбе за свободу, независимость и самоопределение.

Мы ознакомились с чрезвычайно тяжелым положением и сложными проблемами людей, изгнанных с родины расистскими режимами. Как рассказали нам беженцы в лагерях, получаемые ими из ГДР в порядке помощи Комитета солидарности продовольствие, одежда, медикаменты и другое облегчают их положение и укрепляют волю к дальнейшей борьбе. Мы и впредь будем оказывать им посильную помощь. Мы глубоко возмущены варварством расистов, систематическим нарушением суверенитета Анголы, Замбии, Ботсваны и Мозамбика.

ГДР последовательно выступает за политическое решение всех конфликтов в интересах мира и самоопределения народов. В то же время мы считаем, что каждый народ имеет право защищаться от империалистической агрессии, всеми средствами бороться за свое национальное и социальное освобождение, сам определять свою судьбу. Это право священно.

В Народной Республике Мозамбик нас сердечно встречали президент Самора Машел и жители столицы страны — Мапуту. Кульминацией этого визита — и одновременно логическим следствием многолетних, традиционных отношений нашей партии и народа с партией ФРЕЛИМО и народом Мозамбика — было подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между нашими государствами.

Особенно яркое впечатление во время нашего пребывания в Мозамбике произвел на нас митинг дружбы, в котором приняли участие десятки тысяч жителей Байру Чаманкуло, одного из старых африканских районов Мапуту. Среди бедных хижин из соломы и дерева они встретили нас песнями периода освободительной борьбы. Мне было чрезвычайно интересно убедиться, сколь важную роль играют в массовом политическом движении этих стран простые, запоминающиеся и мелодичные песни.

Моя речь переводилась сначала на португальский язык, а затем для расположившихся повсюду на площади групп слушателей на различные языки народностей страны. Самора Машел, с которым я связан дружбой с первых лет борьбы партии ФРЕЛИМО, повторил в заключение главные мысли моей речи на языке ронга, и таким образом все мы хорошо поняли друг друга.

Повсюду мы ощущали энергичные и динамичные усилия ФРЕЛИМО, разъяснявшей народу свою политику и мобилизовавшей его таким путем на решение крупных задач национального развития. Увидели мы и первые значительные успехи, достигнутые на пути социалистической ориентации. Ключевыми вопросами в Мозамбике, так же как в Анголе и других африканских государствах, являются подготовка специалистов и борьба с неграмотностью.

Предпосылки для разностороннего сотрудничества ГДР с Народной Республикой Мозамбик мы создали уже многие годы назад. Работа специалистов из ГДР, производимые у нас товары, изделия нашего машиностроения, транспортные средства, сельскохозяйственная техника и оборудование для различных важных отраслей народного хозяйства ценятся в этой стране столь же высоко, как и в других странах Африки.

Особый интерес проявили наши африканские хозяева к опыту первых лет демократического строительства ГДР; они хотели знать, как мы полностью искоренили фашизм, как провели демократические реформы, аграрную реформу, школьную реформу, осуществили экспроприацию банков и концернов, как мы развивали экономику, организовали управление ею и планирование, как заново создали антифашистско-демократическое государство. Мы подробно ответили на все вопросы, не умалчивая о трудностях и нерешенных проблемах.

В ноябре 1979 г. я посетил Социалистическую Эфиопию в ответ на дружеский визит председателя Временного военного административного совета и председателя Совета министров Менгисту Хайле Мариама в нашу страну в 1978 г. Договор о дружбе и сотрудничестве с Социалистической Эфиопией, третий такой договор, заключенный Германской Демократической Республикой с африканской страной, свидетельствует о последовательности нашей политики в Африке. В Эфиопии, древнем африканском государстве, происходят глубокие общественные преобразования, вызванные народной революцией. Ее движущей силой являются крестьянские массы, руководимые патриотически настроенными, прогрессивными военнослужащими. Собственный опыт привел этих людей на сторону социалистических государств и убедил их в том, что социалистический путь отвечает их жизненным интересам. Для них враг тот, кто снова мобилизует силы прошлого или хочет восстановить прежнюю зависимость.

В Аддис-Абебе и во время поездки по стране мы убедились в том, с каким подъемом рабочие, крестьяне, солдаты и молодежь Эфиопии трудятся над преодолением тяжелого феодально-капиталистического наследия, с какой решимостью они защищают революцию и строят новую жизнь. Над плотными рядами встречавших нас повсюду людей вновь и вновь возникали транспаранты с лозунгом: «Друг в беде — настоящий друг!» Да, в самые тяжелые часы эфиопской революции мы твердо стояли на ее стороне. Мы помогали ей защищаться, посылали ей хлеб, советом и делом оказывали поддержку, когда нужно было преодолеть первые трудности. В Эфиопии помнят об этом, и это является прочной основой дружбы наших народов.

В беседе с Генеральным секретарем Организации африканского единства в Аддис-Абебе я изложил принципы нашей политики и наши позиции по важнейшим африканским проблемам. В при-

сутствии глав миссий стран — членов ОАЕ Генеральный секретарь Эдем Коджо отметил «ценный вклад Германской Демократической Республики в освободительную борьбу в Африке».

Давние традиции дружбы и солидарности, берущие начало с ранних этапов вооруженной освободительной борьбы йеменского народа против колониального господства, связывают нас с Народной Демократической Республикой Йемен. В ноябре 1979 г. с дружеским визитом ее посетила наша партийно-государственная делегация. В беседах с йеменскими руководителями, с которыми нас связывает многолетняя дружба, в ходе посещения промышленных и сельскохозяйственных предприятий, а также учреждений здравоохранения мы получили живое представление об успехах этой южноарабской страны, которая причислялась к 25 беднейшим странам мира. Именно в сложных исторических и географических условиях наглядно проявляется огромная роль, которую играет партия — вооруженный научно обоснованной программой авангард — такой и является Йеменская социалистическая партия — в преодолении тяжелого прошлого и создании для трудящихся масс будущего, достойного человека.

Договор о дружбе и сотрудничестве между нашими странами определяет наши отношения во всех областях на длительную перспективу. В этом находит свое выражение солидарность ГДР с борьбой арабских народов.

Важнейшими среди моих зарубежных поездок были визиты в страны, где социализм стал живой, утвердившейся реальностью,— на социалистическую Кубу, в первую социалистическую страну американского континента, в Социалистическую Республику Вьетнам, ставшую примером и символом жизненной силы социализма в Азии, в Корейскую Народно-Демократическую Республику. В этих странах, с которыми нас связывает тесная дружба, в процессе последовательной антиимпериалистической борьбы национально-освободительное движение переросло в строительство социалистического общества, и контуры социализма становятся здесь все более четкими. День изо дня здесь вновь и вновь подтверждаются сила и прочность тесных, братских связей, добрых традиций плодотворного сотрудничества.

В этих странах особенно ощутимо многообразие форм и путей, которыми народы идут к социализму. Сознание своей свободы и стремление к общественному прогрессу пробудили в этих народах дремавшие до тех пор силы, готовность к жертвам и решимость справиться с любыми трудностями. Какая другая страна выдержала бы, подобно Кубе, блокаду империализма или, подобно Вьетнаму, более чем тридцатилетнюю войну против иностранных узурпаторов, вызвавшую трудно вообразимые разрушения? Корейский народ восстановил не только свою полностью разрушенную столицу, которая стала теперь еще краше. Социализм убедительно доказал свою жизненную силу также и в этих странах.

Весной 1974 г. я побывал на Кубе. С Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Кубы, председателем Государственного Совета и председателем Совета министров Республики Куба Фиделем Кастро я уже за два года до этого, во время его первого визита в Германскую Демократическую Республику, установил тесные, основанные на взаимном доверии отношения дружбы. Теперь он вместе с темпераментным народом Кубы приветствовал нашу делегацию на острове Свободы, который по праву считают величайшим завоеванием революционной борьбы в Латинской Америке. Визит позволил мне познакомиться с прекрасным кубинским народом на его родине. Большое значение имели для меня личные беседы с Фиделем Кастро, они еще более углубили нашу тесную дружбу.

Хотя мы с горячим участием следили издалека за кубинской революцией и энтузиазмом кубинцев в строительстве новой жизни, действительность намного превзошла все наши представления. На фоне доставшегося стране тяжелого наследства и вызванных проводимой США блокадой сложных условий достижения новой Кубы выглядят тем более впечатляюще. Эти достижения видны всюду — будь то строительство новых предприятий и жилых кварталов, преобразования сельского хозяйства или колоссальный прогресс в области здравоохранения и народного образования. Лишь благодаря социалистической революции «жемчужина Антильских островов» стала и для трудящихся, говоря словами Христофора Колумба, «самой прекрасной страной, которую когда-либо видели глаза человека».

Во время поездки по стране мы всюду ощущали братские чувства кубинского народа в отношении народа ГДР. Мы вновь и вновь убеждались в том, как много общего имеют Республика Куба и Германская Демократическая Республика при всех различиях в условиях развития. Обе страны строят социализм. Обе являются верными союзниками СССР, обе находятся на переднем крае борьбы с империализмом. И обе страны подверглись дипломатическому и экономическому бойкоту, а также были вынуждены отражать контрреволюционные атаки со стороны тех, кто хотел бы повернуть вспять колесо истории.

Для каждого из нас было большим событием увидеть, как научный социализм воплощается в жизнь и на родине Хосе Марти, родоначальника борьбы кубинского народа за свободу и независимость. Кубинская революция убедительно доказывает, что социализм может быть построен и в условиях слаборазвитых стран. Более того, она свидетельствует о том, что на этом пути развивающиеся латиноамериканские страны после завоевания национальной свободы могут успешно добиться и своего социального освобождения.

Самые глубокие впечатления у меня и у всех членов нашей делегации оставил визит в Социалистическую Республику Вьет-

нам осенью 1977 г. Для граждан Германской Демократической Республики, включая и самых юных, Вьетнам стал символом героизма, самопожертвования и несгибаемой твердости. Мы с горячей симпатией следили за длившейся три десятилетия борьбой этого мужественного народа против колониализма и империалистической агрессии, за свободу и независимость и делали все, что было в наших силах, для поддержки наших вьетнамских друзей. Мы видели ужасные раны, нанесенные этому народу варварской агрессией американского империализма, что еще более осложнило преодоление колониального прошлого. Но как на Севере, так и на Юге страны мы чувствовали непреклонную жизненную волю, целеустремленность и оптимизм вьетнамцев. На промышленных предприятиях и в деревне мы видели, как изобретательно и творчески преодолевает многочисленные трудности на своем пути дружественный народ Вьетнама.

В Ханое мы почтили память Хо Ши Мина. «Нет ничего дороже независимости и свободы» — эти слова Хо Ши Мина можно прочесть на месте его вечного покоя. Завещание этого великого патриота и интернационалиста, основателя Коммунистической партии Индокитая и первого президента свободного Вьетнама, продолжает жить в народе.

Генеральный секретарь ЦК братской Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуан посетил ГДР незадолго до окончательной победы вьетнамского народа. И теперь в Ханое я от имени всего народа ГДР передал нашему другу и товарищу по борьбе поздравления с этой исторической победой. В городе Хошимин, бывшем Сайгоне, мы сидели за одним столом с людьми, которые несколькими месяцами ранее руководили в джунглях последними военными операциями по разгрому антинародного режима Тхиеу и изгнанию его заокеанских хозяев.

В завершение нашего визита был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Германской Демократической Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам. Его значение определяется тем, что он намечает главные направления сотрудничества вплоть до следующего тысячелетия. Тем самым была открыта новая глава в тесных, братских отношениях между нашими народами. Во время нашего визита это выразилось в сердечности, которую повсюду проявлял к нам вьетнамский народ.

Той же осенью 1977 г. я совершил визит в Корейскую Народно-Демократическую Республику. С этой социалистической страной мы с давних пор поддерживаем хорошие, дружественные отношения. Они возникли в трудное время первой половины 50-х годов, когда корейский народ был вынужден отражать агрессию империализма США. В то время Германская Демократическая Республика по мере сил содействовала излечению ран войны и восстановлению Корейской Народно-Демократической Республики.

Эта традиционная дружба наглядно проявилась в товарищеских беседах с Генеральным секретарем Центрального Комитета Трудовой партии Кореи и президентом Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сеном и в ходе многочисленных встреч с трудящимися.

У нас в ГДР с глубоким уважением говорят о трудолюбии корейского народа, которое повсюду проявляется в его достижениях в ходе социалистического строительства. Мы убедились и в том, что народ готов решительно защищать все то, что было создано упорным трудом.

Большое впечатление произвела на нас городская планировка Пхеньяна, фактически заново отстроенного после войны. Как в жилищном строительстве, так и в строительстве общественных зданий было воплощено немало интересных идей, которые связывают старые традиции и современный стиль. Следует отметить исключительную заботу и любовь, проявляемые братской корейской партией и правительством к подрастающему поколению.

Из поездок за рубеж я всегда возвращался на родину под глубоким впечатлением, вызванным многообразием красоты людей и природы, богатых культурных традиций. В людях и в планете, на которой они живут, скрыты неисчислимые богатства. Полностью их раскроет социализм.

Содержание

Предисловие
3

1.
Из рабочей семьи
5

2.
В рядах юных спартаковцев
14

3.
В партии Эрнста Тельмана
24

4.
Встреча со страной Ленина
35

5.
В борьбе за единый фронт
45

6.
Нелегальная работа
в Рурской области
57

7.
Антифашистская борьба
в Сааре и на Шпрее
72

8.
Годы заключения
84

9.
Дни и часы освобождения
101

10.
Символ восходящего солнца
111

11.
Единство рабочего класса.
Основные права молодого поколения
124

12.
Миссия мира на Восток
135

13.
Рождение нашего государства
143

14.
Вместе с молодежью
за социализм и мир
159

15.
Время учебы
172

16.
13 августа 1961 г.
178

17.
Вера в силу народа
189

18.
Тесная связь со спортом
196

19.
Новые горизонты молодежи
206

20.
Во главе партии
216

21.
Среди развитых промышленных
государств мира
226

22.
Современные методы руководства
социалистической индустрией
238

23.
Результаты аграрной политики
244

24.
Требуются изобретатели и новаторы
254

25.
Миллионная квартира
269

26.
Рождаемость вновь повышается
283

27.
Вместе с молодежью —
за коммунистическое завтра
293

28.
Социалистическая политика
в области культуры
301

29.
Наша демократия
311

30.
Встречи в Крыму
320

31.
Подпись в Хельсинки
333

32.
Два германских государства
343

33.
От Манилы до Гаваны
353

Эрих Хонеккер

Из моей жизни

Общая редакция перевода
Гренкова В. П.

Перевод с немецкого
Иващенко И. Д.,
Смирнова В. Н.

Заведующий редакцией
Никольский А. В.

Редакторы
Баширова И. П.,
Егоров Ю. А.,
Сакович Е. А.,
Фокина Г. К.

Младшие редакторы
Бурковская Е. Б.,
Сперанская Т. К.

Художник
Е. А. Крылов

Художественный редактор
Е. А. Андрусенко

Технический редактор
Ю. А. Мухин

ИБ № 4095

Сдано в набор 17.06.82.
Подписано в печать 26.07.82.
Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая».
Печать высокая.
Условн. печ. л. 24,13. Условн. кр.-отт. 27,13.
Учетно-изд. л. 26,08. Тираж 50 тыс. экз.
Заказ № 2443. Цена 1 р. 30 к.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

